

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С. Ф. Орешкова

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XV – XVI вв.

**(К вопросу о роли османского вассала
в политическом становлении
постордынской Восточной Европы)**

Том 2

Москва
ИВ РАН
2021

ББК 63.3
О-63

Ответственный редактор: д.и.н. М.С. Мейер
Рецензенты: д.и.н. Ш.М. Мустафаев, к.и.н. А.В. Витол

*Утверждено к печати Издательской комиссией
Ученого совета Института востоковедения РАН*

Орешкова С. Ф.

О-63 Крымское ханство в XV–XVI вв. (К вопросу о роли османского вассала в политическом становлении постордынской Восточной Европы) : в 2 т. Т. 2 / Отв. ред. М. С. Мейер; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. – 316 с.

ISBN 978-5-907384-55-2 (общ.)

ISBN 978-5-907384-57-6 (Т. 2)

В предлагаемой вниманию читателей книге рассматривается внешнеполитическая ситуация в регионе Восточной Европы в XV – XVI вв., т. е. в период, когда шло становление постордынских государств и вырабатывались принципы взаимоотношений между ними. Межгосударственные отношения региона строились тогда на базе нового геополитического разграничения земледельческого и кочевнического хозяйственных ареалов и складывания особой культуры международных отношений, вобравшей в себя многое из политико-идеологического наследия Золотой Орды, мусульманской практики взаимоотношений с христианским миром, опыта становления Османской империи, территориальные интересы которой еще не нашли своих ограничительных рамок, и того влияния европейской международной практики, которую внедряли (сами еще не совсем её освоив) северные соседи тюркского мира – Московское княжество и Великое княжество Литовское. Крымское ханство становится в это время вассалом Османской империи, что вселяло в него особую уверенность в своей неуязвимости и получении в случае каких-либо затруднений помощи от этого могущественного государства, что порождало особый авантюризм в политике, но в то же время и некую осторожность, не позволявшую крымским ханам переходить рамки той вассальной дозволенности, которые ставила ему османская метрополия.

© Орешкова С. Ф., 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 8. Московско-крымские отношения в преддверии войны России с Ливонией6

Приложение:

Султанское послание хану Девлет-Гирею	36
Приказ султана Сулеймана Девлет-Гирей хану	38
Список с шерстной грамоты, данной в Москве Афанасию Нагому при отъезде его с посольской миссией в Крым (март–апрель 1563 г.) ...	39
Текст шерстной грамоты, отправленной в Крым А. Нагому в марте 1564 г. ...	42

ГЛАВА 9. Османская империя, Польско-Литовское государство и Крым в 60-е годы XVI в.45

Приложение:

Султанское послание Крымскому хану Девлет-Гирею (март 1567 г.) ...	59
Перевод грамоты хана Девлет-Гирея, привезенной в Москву в сентябре 1567 г.	60
Грамота к хану Девлет-Гирею от царя Ивана IV	63

ГЛАВА 10. Астрахань в русско-крымских и османо-среднеазиатских отношениях67

Приложение:

Из донесения послов «А. Ф. Нагого с товарищи», привезенного в Москву гонцом И. Осоргиным 24 октября 1568 г.	88
Грамота от царя и Великого князя к Девлет-Гирею, царю (февраль 1569 г.)	91
«Список с Семеновых речей Мальцова каков дан в Крыму Офанасию Нагому»	96

ГЛАВА 11. Турецкий взгляд на Астраханский поход 1569 г. и место этого похода в османской внешней политике101

Приложение:

Послание османского султана Селима II крымскому хану Девлет-Гирею (февраль 1568 г.)	123
--	-----

Послание султана Селима II Польскому королю Сигизмунду-Августу (март–апрель 1569 г.)	124
Донесение бейлербея Кафы Касым-паши в Высокую Порту	126
Перевод двух «царевых Девлет-Киреевых» грамот, привезенных в Москву в октябре 1569 г.	129
Из статейного списка посла Афанасия Федоровича Нагого, привезенного в Москву в октябре 1571 г.	131
Из статейного списка И.П. Новосильцева	132
Из записок польского гонца Андрея Тарановского	148

ГЛАВА 12. 1571–1572 гг. Крымские надежды и их крах156

Приложение:

Перевод с «царевой Девлет-Киреевой грамоты» (июнь 1571 г.)	176
Ответная московская грамота к хану Девлет-Гирею (июнь 1571 г.) ...	178
Перевод грамоты Девлет-Гирея в Москву от 16 сентября 1571 г. ...	180
Послание османского падишаха Селима II крымскому хану Девлет-Гирею (7 октября 1571 г.)	183
Послание османского падишаха Селима II царю Ивану IV от 7 октября 1571 г.	186
Послание османского падишаха Селима II крымскому хану Девлет-Гирею (весна 1572 г.)	188
Грамота Девлет-Гирея Ивану IV	190

ГЛАВА 13. Последние десятилетия XVI в. – переломный рубеж в истории Крымского ханства194

Приложение:

Проект договора Московского государства с Крымским ханством (1578 г.)	233
Султанское послание хану Ислам-Гирею	235
Указ султана Мурада III главе рода Ширин	237
Приказ предводителям (эмирам) и знати татарского народа	239

ГЛАВА 14. Последний татарский поход на Москву и его последствия242

Приложение:

Грамота крымского царя Гази-Гирея (май 1593 г.)	256
---	-----

Тайная грамота царя Федора Ивановича к крымскому царю Гази-Гирею	258
Шертная грамота Ахмета-паши князя Сулешева	261
Перевод с шертной грамоты Гази-Гирея царю и Великому князю Федору Ивановичу	262
Перевод грамоты, присланной Борису Федоровичу Годунову от крымского хана Гази-Гирея	265
Некоторые выводы и пожелания	268
Литература	271
Список сокращений	313
Summary	314

Глава 8

МОСКОВСКО-КРЫМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ НАЗРЕВАВШЕЙ ВОЙНЫ РОССИИ С ЛИВОНИЕЙ

Присоединение Казани (1552) и Астрахани (1556) к Московскому государству породило новую ситуацию в восточноевропейском регионе. Широко распространено мнение, что этими приобретениями Россия нарушила былую стабильность (см., например: А.Л. Хорошкевич, 2003; А.А. Новосельский, 1948 и др.). Но стабильности в регионе ведь не было и до этого. Шла незатухающая борьба постордынских государств – вначале за верховенство, а затем за собственное государственное утверждение в определенных районах региона.

Московское царство, Русь, Россия, вырвавшись из подчинения кочевому миру, поставила перед собой задачу вернуть себе наследие святого Владимира, т. е. собрать под своей властью территории и народы, входившие в состав его державы. Это делало ее непримиримым врагом Великого княжества Литовского, которое еще в золотоордынское время, воспользовавшись татарским разорением восточнославянской государственности, включило народы, проживавшие на территориях современной Белоруссии, значительной части Украины и западных областей России, в состав своего княжества. Как мы уже писали, литовские князья не раз получали от разных татарских правителей ярлыки, узаконивавшие эти их приобретения.

Ни одна из многочисленных литовско-московских войн XV и первой половины XVI вв. не заканчивалась миром. Заключались лишь перемирия, т. е. причины вражды не устранялись, и решение

их лишь откладывалось (Флоря Б.Н., 1999). Борьба за первенство в восточнославянском регионе стала основополагающей для становления этих государств. Невольно на ум приходит сравнение: похожая ситуация просматривается во взаимоотношениях мусульманских держав с христианскими. Османская империя, в соответствии с мусульманскими канонами, могла иметь со своими христианскими противниками лишь перемирия и потому в нужный ей момент просто объявляла ахид-наме – султанское обещание временно прекратить османское продвижение в определенном направлении. Становление османской державы и складывание ее территории все еще не считалось законченным. Султаны продолжали вести свое воинство к мифическому «Красному яблоку» (Кызыл эльма), конечному пункту исламских завоеваний, которым объявлялся в начале Константинополь, позднее Рим и, наконец, Вена. Время стабильности в межгосударственных отношениях для Османской империи еще не просматривалось. Османы продолжали восприниматься соседями как постоянная угроза. Правда, Восточная Европа, и это принципиально важно подчеркнуть для понимания рассматриваемой нами темы, в османских завоевательных планах тогда не присутствовала.

У Московского княжества цели были не столь грандиозными, но не менее болезненно воспринимаемыми литовским княжеством. Этнические и конфессиональные границы после 300-летнего раздельного существования выстраивались сложно и не всегда взаимовыгодно. Пришло новое время, новые проблемы, народы по-разному пережили трудные для них времена татарского разорения и имели разный опыт своего самосохранения. Благородные, казалось бы, цели московских правителей далеко не всегда адекватно оценивались и братскими народами, и их элитами.

Территориальных претензий к тюркским постордынским государствам у Москвы в XV и первой половине XVI в. не было. Нужна была лишь безопасность, позволяющая заниматься воссозданием собственной самостоятельной государственности. На протяжении первых пятидесяти лет XVI в. шли поиски возможностей установления добрососедских отношений с Казанским ханством, набеги со стороны которого затрагивали самый центр Московии, а внутрен-

няя нестабильность мешала торгово-хозяйственным связям, в которых были заинтересованы обе страны. После полувековых неудачных поисков какого-либо компромиссного решения Москва перешла к решительным военным действиям. Казанское ханство было разгромлено и перестало существовать. Конечно, Москва от присоединения Казани получила большие экономические, политические и многие иные выгоды, но главными побудительными причинами ее действий все-таки прежде всего оставались безопасность, желание отгородиться от кочевого мира. Казань не смогла стать необходимой России защитой от кочевнической опасности.

Бесспорно, для Москвы в подчинении Казани присутствовала и идеологическая составляющая. Ей покорились не просто казанская земля, а «царство» казанское. Для Ивана IV, только что принявшего титул царя, это было особенно значимо, так как подчеркивало его правомочность в принятии такого титула (см.: Н. А. Соболева, 2012). Но напомним еще раз факт из османской истории – Мехмед II с гордостью подчеркивал в письме к правителю Ак-Коюнлу, что ему покорился «чингизидский» правитель Крыма. Это, однако, не подтолкнуло османского султана к более глубокому вмешательству в золотоордынские дела и восприятию ордынских традиций. Развитие и у Московского, и у Османского государств, отрывавшихся от кочевого мира и его государственно-управленческого и социально-идеологического наследия, шло иным путем. Этот путь обе страны (по разным причинам) оберегали очень тщательно. В основе их действий была не идеология, а сама возможность иметь свою собственную государственность. Именно поэтому утверждение, что к Казани и Астрахани влекла Ивана IV «слава золотоордынского наследия» (Гайворонский О., 2010, с. 241), нам представляется не только явным преувеличением, но и даже искажением действительности.

Москва в своем государственном строительстве была обращена на запад и юго-запад. Она пыталась строить славянское национальное государство. Вынужденное внешнеполитическое отвлечение на Восток уводило ее от этой задачи и в конце концов, как нам известно из последующей истории, поставило Московское государство в условия, когда для собственного сохранения ему при-

шлось отказаться от первоначальных задумок и приступить к строительству многоэтнической и многоконфессиональной имперской структуры. Подчинение Казани стало первым шагом на этом пути. Сам же этот путь тогда еще не только не виделся, но и его возможность еще не осознавалась современниками.

После подчинения Казани московской дипломатией была сделана попытка привлечь на свою сторону Ногайскую Орду, переживавшую тогда глубокий внутренний кризис (Новосельский А. А., 1948; Трепавлов В. В., 2002), одну из главных причин которого хорошо пояснил предводитель западной (поволжской) орды Исмаил в письме Юсуфу, верховному правителю ногаев, центр кочевий которого располагался в закаспийских степях: «Твои, деи, люди ходят торговати в Бухару, а мои ходят в Москву. И только мне завоеватца, и мне самому ходити нагу. А которые люди учнут мерети, и тем саванов не будет» (Посольские книги, 2006, с. 191). Исходя из этих соображений, западная часть Ногайской Орды сама сознательно шла на сближение с Москвой. С 1554 г. эта часть Орды оказалась вовлеченной в орбиту московского влияния. Б. Н. Флоря видит в этом заслугу дипломатических усилий тогдашнего главного внешнеполитического советника Ивана IV Алексея Адашева (Флоря Б. Н., 1999). Для привлечения тюркского сообщества на свою сторону московские власти содействовали тому, что на Астраханский престол был тогда посажен ногайский ставленник, а самой Орде с русской помощью не раз предлагалось сокрушить Крымский Юрт. Следовательно, сутью тогдашних московских желаний по-прежнему оставалось не продвижение на восток, а защита себя от восточной опасности.

Ногайская кочевая Орда, естественно, и мы это увидим далее, была далеко не всегда последовательна и едина в своих внешнеполитических пристрастиях. Россию же, кроме торговых интересов и надежд на помощь ногайской конницы при военных действиях на пространствах Дикого поля, союз с ней привлекал еще и тем, что через нее она могла получать дополнительную информацию о том, что творилось в московском подбрюшии, т. е. степных пространствах Евразии, и вообще в мусульманском мире. В стране, недавно вырвавшейся из восточного плена, такие известия воспринима-

лись с особым вниманием. Ногайские же власти порой в сообщаемых сведениях могли несколько преувеличивать, а то и сознательно исказить в свою пользу сведения, которые в Москве было трудно проверить. Так, от одного из ногайских мурз летом 1551 года поступило в Москву сообщение, что Астрахань и Ногайскую Орду посетил некий Ахмед-ага, посол османского султана Сулеймана, который будто бы призывал «хандыкера» (худавендигяр – один из титулов османского султана – С.О.), Крым, Астрахань, Казань и «наших ногаев» «соединачиться» и «твою (т.е. московского царя – С.О.) землю воевать». Наличие у Османской империи подобных планов не имеет каких-либо подтверждений и тем более последствий. Сведения о том, что в дела Восточной Европы готова вот-вот вмешаться Османская империя, ногайские и другие тюркские восточно-европейские правители подбрасывали Москве не раз. А. Беннигсен, уже ранее упоминавшийся нами французский специалист по истории Восточной Европы средневековья, предполагает, что таким образом ногайские мурзы рассчитывали поднять свой авторитет в глазах Москвы, подчеркивая свои будто бы особые связи с наиболее авторитетной мусульманской страной того времени. Российские же ученые, полагаясь на подобный источниковый материал, зачастую делают выводы о якобы особой заинтересованности Османской империи в судьбах постордынских государств Восточной Европы и активном османском внимании к делам региона (Восточная Европа, 2009, с. 95–98). Работая с османскими источниками того времени, французские ученые группы Беннигсена убедились, что султанское правительство имело иные внешнеполитические приоритеты. Своему вассалу – крымскому хану оно предоставляло полную свободу действий, требуя лишь информировать центр о происходящем на подвластной ему территории и ее границах (см. султанские указы по этому поводу, приведенные в Приложении к этой главе).

Османские документы того времени показывают, что просьбы хана к имперскому центру об оказании ему дополнительной помощи в борьбе с северными соседями в 50-е и 60-е годы, как правило, не удовлетворялись, а хану постоянно напоминалось о его личной ответственности за состояние дел на границах его ханства.

Опасности для себя (как и для своего крымского вассала) османские власти в Восточной Европе тогда не видели, стимулов для распространения своей экспансии в этом направлении тоже. Их собственные внешнеполитические интересы оставались направленными в Центральную Европу и Средиземноморье.

После неудачного похода 1552 г. на русские «украины» Девлет-Гирей на три года устранился от московских дел. Сам же набег этого хана в 1552 г., по нашему твердому убеждению, следует воспринимать все-таки лишь как попытку совершить обычную для татар грабительскую вылазку, предпринятую в удобное для этого время – было известно об ожидаемом выступлении армии московского царя в сторону Казани, что оставляло без защиты земли самой Московии. Исход же тогдашней операции русских против Казани после двух лет неудач еще совсем не был предрешен. Необходимость помощи ей новым крымским ханом тогда тоже не была осознана. Более того, и в написанном в 1550 г. неким Шарифи Хаджи-Тархани «Зафар-наме-и вилаети Казан» («Реляции о победе Казанского государства») и, как предполагают исследователи, переданном из Казани в Порту через Крымское ханство, говорится о победе и восхваляется героизм казанцев. Это было сочинение в жанре «фатх-наме», т. е. извещение о победе, что свидетельствовало о том, что в тогдашней правящей казанской элите не было отчаяния, и более того, царила уверенность в победе над русскими (см.: Мустакимов И. А., 2015–1). Назначение Девлета в Крым вместо декларируемой по просьбе Сахиб-Гирея отправки его в Казань показывает, что и османские имперские власти не проявляли в отношении казанских дел особой озабоченности, не видели какой-то чрезвычайной необходимости защищать это исламское государство. Собственных же интересов в этом регионе они явно не имели. Потому-то и заданий хану развивать именно это направление своей набеговой активности ему явно дано не было. Безрезультатный поход, не принесший ни обогащения, ни военных успехов, не способствовал как желаемому ханом внутреннему успокоению ханства, так и укреплению авторитета его самого. У него все еще оставались проблемы в отношениях с местной крымской знатью, которые неудачный поход лишь усугублял. Есть сведения, что соперником хана

пытался выступить некий Тохтамыш, происходивший из чингизидов касимовской ветви, заговор которого, правда, не удался, а сам он вынужден был бежать в Москву (Вельяминов-Зернов, с. 424). К тому же северокавказские вассалы ханства как раз в это время (в 1552–1555 гг.) начинают устанавливать собственные отношения с Москвой, надеясь на ее помощь в своем желании ослабить крымско-османскую зависимость (Белокуров С., 1888; Кушева Е. Н., 1950, 1963; Флоря Б. Н., 1999). Усиливалось в Крыму и влияние казанской эмиграции, состоявшей главным образом из представителей знати, настроение которой не могло не быть резко антирусским. Все это заставляло крымского хана в дальнейшем более внимательно относиться к своей северной политике. Русские летописи сообщают, что зимой 1555 года в Москву из Крыма приезжал гонец, некий Ян-Магомет, предлагавший Ивану IV прислать послов для подтверждения дружбы и заключения союза. Распространялся слух, что сам хан готовит карательную экспедицию против северокавказских племен и не собирается продолжать набеговую активность в сторону Москвы. Все это можно расценивать как колебания настроений в ханском окружении, где боролись разные точки зрения относительно направления желанного и подготавливаемого набега на соседей, а возможно, и как стремление дезинформировать противника. Известно, однако, что в конце концов в 1555 г. Девлет-Гирей снова выступил против Москвы.

В последние годы в отечественной историографии появилось несколько интересных разработок, дающих оценки крымско-российских отношений второй половины 50-х гг. XVI в. как с военной, так и с внешнеполитической точки зрения. Прежде всего, это книги Виноградова, Загоровского, Пенского, Флори, Хорошкевич. Нельзя забывать и первую главу более ранней, фундаментальной и уже ставшей классикой, книги А. А. Новосельского. Воспользовавшись их наблюдениями и анализом, остановимся лишь на некоторых выводах, кажущихся нам наиболее интересными, и попытаемся внести некоторые, необходимые с нашей точки зрения, уточнения.

Перед Россией в это время одновременно стояли две насущные внешнеполитические задачи. Первая из них – оборонная, т. е.

защита от тюркских нападений, все еще держащих страну в напряжении и мешающих вести нормальное государственное строительство. Главная опасность во второй половине 50-х гг. стала исходить для Москвы от Крымского ханства, избравшего при Девлет-Гирее именно ее основным объектом своих разбойных нападений. Об отношении ханства к внешнеполитическому раскладу сил восточноевропейских государств и его собственном месте в этом раскладе мы скажем несколько позже. Пока же лишь подчеркнем, что для ханства и его правителя Московия служила вожделенным источником пополнения своих материальных благ, а походы на нее — неким отвлечением от внутренних смут. Никаких территориальных претензий, и тем более поползновений на властное подчинение этого государства, не выдвигалось. Речь шла лишь о «поминках», которые ожидалась и от Москвы, и от Великого княжества Литовского, набеги на которое были при этом хане не столь частыми, но не менее болезненными для местного населения.

При исчезновении в Восточной Европе каждого из постордынских государств Крым принимал очередную массу беженцев. Это усиливало его внутреннюю нестабильность и активизировало кочевые традиции, затрудняло и замедляло социальный прогресс государства. Принимая новые массы населения, ханство при этом не стремилось к территориальному расширению (для традиционно кочевнического хозяйства окрестности ханства, особенно северные, российские, не годились, занять же пришлых чем-то иным ханство еще не было готово). Внутренний социальный перегрев порождал стремление к агрессивной внешней политике кочевнического типа и разбойным грабительским набегам. Кочевая составляющая общества никак не отпускала это ханство из своих цепких рук. Время же кочевничества и кочевых процветающих государств явно уходило.

Взятие Казани не решило для России оборонной проблемы (а может быть, даже и обострило ее), но этот успех вызвал в некоторой части русских политических кругов эйфорию, порождавшую стремление сразу же перейти к военному решению и крымского вопроса. Отзвуки этих настроений хорошо просматриваются в той критике Ивана IV, которая содержится в переписке царя

с А.М. Курбским и особенно в написанной этим автором позднее «Истории о великом князе Московском» (издания 1913, 2001 гг.). Однако объективно Россия «к решению южной проблемы ...еще не была готова» (Флоря Б.Н., 1999, с. 165–166).

Вторая назревшая к этому времени внешнеполитическая проблема России касалась Ливонии, выхода страны к Балтийскому морю, приобщения к европейской торговле и возросшему к этому времени тогдашнему европейскому культурному и хозяйственному уровню. Наиболее четко, с нашей точки зрения, эта проблема сформулирована в книге Б.Н. Флори (1999, с. 167–177). Над всем восточным побережьем Балтийского моря властвовал тогда Ливонский орден, подчинивший себе и те земли, которыми когда-то владел Ярослав Мудрый, основав там город Юрьев (Дерпт, Тарту). В XIII веке эти территории оказались в руках крестоносцев. Ливонская проблема поэтому воспринималась на Руси как часть общей внешнеполитической цели собирания древнерусских земель. Ускорить же ее решение требовала тогдашняя европейская социально-экономическая ситуация.

Россия оказалась отрезанной от европейских рынков и экономических контактов с Европой как раз в тот период, когда там начался интенсивный рост промышленного производства. Торговля ее с Европой шла. Московские купцы поставляли на рынок кожи, меха, лес, пеньку и т. п., но их торговые контакты осуществлялись не прямо с европейскими потребителями. Ливония выступала тем перевалочным звеном, где поток товаров переходил с сухопутных трасс на морские пути. Главными морскими перевозчиками по Балтийскому морю были тогда голландцы. Местные же купцы, не ведя самостоятельной торговли, установили принудительное посредничество, не позволяя русским поставщикам непосредственно контактировать с иностранными торговцами и получая в свою пользу значительные торговые пошлины. Более того, русским купцам не разрешалось ездить за море, в Россию не позволялось провозить оружие, цветные металлы, не пропускались приглашенные туда ремесленники, особенно оружейники, т. е., препятствовалось всему тому, что могло быть связано, говоря современным языком, с передовыми технологиями.

Сам Ливонский орден был тогда в военном отношении слаб, его ленники и духовенство превратились в землевладельцев, поставляющих хлеб на европейские рынки, военные силы состояли из европейских наемников. Для России, желавшей окончательно освободиться от последствий ордынской зависимости и вернуться в лоно европейского развития, преодолеть ливонскую преграду было жизненно важно. Сохранение татарской опасности на юге было в этом отношении дополнительной обузой, мешавшей государственному строительству европейского образца. Объективно оценивая ситуацию, следует признать, что борьба с татарской опасностью в 50-е годы XVI в. была для Москвы ненужным отвлечением от истинных интересов страны. Именно в этом ключ к пониманию происходивших тогда событий. Предположение, что у А. Адашева и его сторонников было стремление к завоеванию Дикого поля и расширению за счет этого фонда земель для поместных раздач (Филюшкин А.И., 2012), явно преждевременно. Земель действительно не хватало (Флоря Б.Н., 2004). Очевидно, что именно в этом была одна из побудительных причин «опричного» передела Ивана Грозного. Однако как реальная возможность расширения земельного фонда за счет Дикого поля эта проблема встала перед российским обществом лишь в следующем, XVII в. Пока же страна не располагала для этого ни людскими резервами, ни технологическими средствами, ни военно-политическими силами, ни даже выкристаллизовавшимся идеологическим осознанием необходимости такого расширения своих территорий в южном направлении.

Поход в российские пределы, предпринятый Девлет-Гиреем в 1555 г., довольно подробно и неоднократно описан в российской историографии. Новым для российско-крымских отношений в это время было то, что российские власти не только выставили на Оке обычные 5 полков «украинского разряда», но и, ожидая очередного нападения, после 1552 г. построили новые крепости (Шацк, Дедилов, Болхов), вовремя мобилизовали воевод и, главное, не только перешли к активной обороне своих границ, но и выдвинули в Дикое поле крупное воинское подразделение боярина И.В. Шереметева, т.н. ертогрул, передовую рать, составленную из лучших, «выборных», людей (Милюков П.В., 1901, с. 171). Было объявлено, что

целью этого выдвижения является захват татарских табунов, пасущихся на левобережье Нижнего Днепра (ПСРЛ, т. XIII, с. 269–270). Есть предположение, что была и иная цель – отвлечь внимание хана от выказавших дружеское отношение к России адыгских племен и продемонстрировать военную мощь России (Загоровский В.П., 1991, с. 113). Все это, очевидно, имело место (хотя не думаю, что следовало бы употреблять в отношении российского государства и его армии того времени слово «мощь»).

С военной точки зрения события 1555 г. профессионально проанализированы В. Пенским (2012, с. 25–58). Он обратил внимание на то, что вышедшее в Поле подразделение Шереметева двигалось к югу очень медленно. Набеги на противника так не производятся. Узнав же о переправе войск Девлет-Гирея через Донец, оно вообще повернуло назад. Случилось, однако, так, что армия Девлет-Гирея, шедшая на Московию, в последний момент опять не решилась на прямое столкновение с московскими вооруженными силами и начала отступление. На обратной дороге в Крым она натолкнулась на оказавшийся у нее в тылу ертогрул Шереметева, сумевший ранее разгромить оставленный ханом в резерве татарский лагерь и захвативший находившихся в нем запасных лошадей. Бой с войсками Шереметева в районе урочища Судьбище изобилует множеством героических эпизодов, описанных в свидетельствах, исходящих как от одной, так и от другой из противоборствовавших сторон. Закончился он разгромом русского авангарда и спешным отступлением татарского войска в пределы своего ханства, поскольку на выручку к Шереметеву двигались более крупные воинские соединения во главе с царем. Столкновения с ними хану опять удалось избежать, спешно покинув Дикое поле. Армия же царя, явно не успевая за отступающим противником, не решилась углубляться далее в Поле.

Еще В.Д. Смирнов обратил внимание, что если русские летописные свидетельства, относящиеся к этому времени, «испещрены описанием набегов Девлет-Гирея, которые причиняли, конечно, немало вреда Руси, но не сопровождались никакими политически важными результатами», то в турецко-татарских исторических памятниках «не сохранилось более обстоятельных известий...»,

кроме кратких заметок о том, что хан «несколько раз совершал победоносные походы против гяуров». За 50-е – 60-е гг. XVI в. в османской хронике Печеве имеется лишь одна реляция хана о победе после жаркой битвы «над русским банном, по имени Иван» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 320). В более поздних источниках вспоминается «знаменитый своей храбростью среди гяуров проклятник по имени Ширмерд», т. е. Шереметев (там же, с. 321). Видимо, столкновение 1555 г. оказалось единственным военным эпизодом, которым Девлет-Гирей смог в эти годы похвастаться перед имперским правительством. Как свое крупное достижение хан подает это столкновение с русскими и в своих письмах к литовскому князю Сигизмунду II Августу, намекая, что этим он будто бы сумел сорвать готовящееся русское наступление на литовские земли (РИО, 1887, т. 59, с. 488).

По предположению В.В. Пинского, у Москвы был тогда «широкомасштабный и долженствовавший привести к полному разгрому крымчаков план» окружения ханского войска, но не удалось согласовать действия двух частей русской армии. В результате, хотя очередной поход хана, так и не дойдя до московских владений, оказался сорван, более серьезных результатов добиться не удалось, а русская армия понесла значительные потери как убитыми, так и попавшими в плен. Пленных «детей боярских» потом выкупали несколько лет (Рыков Ю.Д., 2006; Антонов А.В., 2004). Москва же еще раз убедилась, что она не готова к ведению в Поле столь крупных военных действий.

Девлет-Гирей после Судьбищенского боя прекрасно осознал, что борьба с Россией требует большого напряжения сил и осторожности. В следующем 1556 г. он не решился выступить в защиту Астрахани, хотя там был у власти его союзник. Астрахань, как известно, именно в 1556 году была включена в состав Российского государства (подробно об этом событии см.: Зайцев И.В., 2004–2). Крымские войска в том году традиционно были мобилизованы, но к Астрахани не двинулись. Более того, в Москву еще в октябре 1555 г. было отправлено посольство, предложившее размен послами и призывавшее «прошлого не поминать..., а кровь бы промеж государей на обе стороны унялася» (Книга «Посольские метрики», 1843,

т. 1, с. 12–113, а также Шмидт С.О., 1961, с. 372; Виноградов А.В., 2006, с. 31; Пинской В., 2012, с. 53.).

Современная российская историография почти единогласно характеризует вторую половину 50-х годов XVI в. как период начала «активного наступления» России на крымском направлении, как «новый этап борьбы за ничейное, пока еще никому не принадлежащее, Поле». Но еще раз (вслед за В.В. Пинским, наиболее четко обозначившим эту проблему) обращаем внимание на то, что Поле тогда еще было плохо изучено русскими. Их оборонные рубежи только начинают выдвигаться за Оку. Опыта ведения войны в степных условиях не было. Разведка явно не успевала уследить за продвижением татарской конницы. Не случайны были московские призывы к Ногайской Орде и черкесам о совместных действиях против Крымского ханства. Их опыт ведения войны был Москве необходим. Одна вступать в противоборство с противником в родных для него степных пространствах Дешт-и Кыпчака она не решалась. Более того, ногаям Москва в эти годы не раз предлагала свою помощь для занятия ими Крымского юрта (см.: Посольские книги, 2006; Трепавлов В.В., 2002). В этих условиях точнее было бы говорить не об активном наступлении, а об активной обороне и разведке, а может быть, и еще точнее – о поисках рубежей этой обороны. Время наступления еще не пришло. «Сотни верст дикой степи были для крымских татар защитой более надежной, чем самые надежные бастионы» (Пинской В., 2012, с. 100). Они же были препятствием для возникновения у России стремлений распространять свои владения в этом направлении.

В 1556 г. Д. Ржевский с казаками на реке Псел «суды поделал», спустился на них к Днепру и «по царскому наказу» отправился к его низовьям «проведывать намерения крымского хана». По его сообщениям, а также по сведениям, полученным «от выбежавших из Крыма полоняников» и захваченных в плен татар, в Москве стало известно, что ханская армия вышла за Перекоп и направляется к российским «украинам», предположительно в район Тулы и Козельска. Было решено со сторожевыми полками выступить навстречу ей в Поле и, как гласит летопись, «делать с ним прямое дело». Хан также получил известия о приготовлении русских. «Прямое дело» с царскими вой-

сками не входило в его планы. Вначале у него было намерение повернуть на Кавказ «за ясырем», но уже у Азова он узнал, что какие-то русские отряды промышляют на нижнем Днепре. Боясь вражеского вторжения на полуостров, хан срочно вернулся в Крым.

Ржевский к этому времени получил подкрепление. К его отряду присоединились два украинских атамана с несколькими сотнями каневских (украинских) казаков. Их объединенные силы, спустившись по Днепру, нанесли удар находившимся там турецким и татарским гарнизонам и разгромили предместья крепостей Ислам-Кермена и Очакова. Позднее отряду Ржевского удалось оторваться от выступившего против него ханского сына Мехмед-Гирея и с добычей, пленными и лошадьми вернуться назад по правому (литовскому) берегу Днепра. Французская исследовательница Ш. Лемерсье-Келькежё оценивает это событие как «факт чрезвычайной значимости – подлинно переломный момент в отношениях между Московией, Крымским ханством и Османской империей» (Лемерсье-Келькежё Ш., 1970, с. 48) и присоединяется к мнению С.М. Соловьева, также писавшего об этом военном эпизоде: «Неслыханное дело, московские люди явились на Днепре и ходили вниз, искали татар и турок в их собственных владениях» (Соловьев С.М., 1960, с. 493). Осенью того же 1556 г. на Ислам-Кермен совершил нападение и Дмитрий Вишневецкий, каневский и черкасский староста, литовский князь из рода Гедиминовичей. Его отряд разграбил город и, захватив имевшиеся там пушки, вывез их на днепровский остров Хортица. Так начинала закладываться основа для днепровской базы казаков, в будущем знаменитой Запорожской Сечи. Вишневецкий просил у литовского великого князя Сигизмунда II Августа помощи, чтобы превратить Хортицу в неприступный опорный пункт для борьбы с татарскими набегами, но тот отказал ему в какой-либо поддержке (Эварницкий Д.И., 1892, с. 23–24). Тогда этот литовский магнат официально заявил о своем выходе из литовского вассалитета и обратился к московскому царю с просьбой о покровительстве. Иван IV принял эту просьбу. Вишневецкий был приглашен в Москву. Взамен конфискованных у него в Литовском княжестве имений в Каневе и Черкассах ему были пожалованы владения в районе Белева.

Девлет-Гирей во второй половине 1557 г. дважды совершал нападения на Хортицу, и в конце концов эта казацкая база пала.

Лемерсье-Келькежё, работавшая по материалам турецких архивов, отмечает, что «с января 1558 г. по июль 1559 г. хронология событий становится неясной». Турецких документов, посвященных событиям этих лет в северном Причерноморье, не выявлено, а «русские и польские материалы неточны и противоречивы» (Франко-русские экономические связи. М.-П., 1970, с. 50). В российской историографии события того времени описаны неоднократно. Хотя в этих описаниях, базирующихся главным образом на сообщениях русских Реестровых книг и Летописей (а последние, как известно, еще при Иване Грозном подверглись позднейшему значительному редактированию в угодном царю духе), действительно встречаются противоречия, неточности, хронографические расхождения и явные пропуски, но общая канва происходившего вырисовывается вполне определенно. Турецкие материалы могут ее лишь несколько уточнить. Что же касается оценок происходивших событий, то о них следует подумать.

В 1558 г. Россия начала Ливонскую войну. Происходившее на юге для русского правительства, казалось бы, должно было отойти на второй план, но опасность для страны, исходящая оттуда, продолжала сохраняться. Лемерсье-Келькежё предполагает: «Пока русские войска воевали в Прибалтике с рыцарями Ливонского ордена, царь хотел поручить защиту южных границ Московского государства литовскому кондотьеру». Сомнительно, чтобы столь важное для судьбы страны внешнеполитическое направление царь передал в чужие руки. Известно ведь, что традиционно выставлявшиеся на берег Оки полки и в период Ливонской войны продолжали исполнять свою миссию и вели себя отнюдь не пассивно. Вишневецкий же был использован для активизации действий на этом направлении, но далеко не на руководящих должностях. Выступая от имени России и используя ее помощь, он продолжал вести себя независимо и самостоятельно. Французская исследовательница так описывает его первую операцию, совершенную в новом качестве российского подданного: «Весной 1558 г., в то время, когда царская армия брала Нарву и Дерпт в Ливонии, Вишневецкий совер-

шил набег на Крым. По-видимому, он спустился вниз по течению Волги с флотилией и с отрядом в 5 тыс. человек через Астрахань достиг черкесских земель, где на вербовал вспомогательные войска. Осенью 1558 г. он опустошил район Перекопа, затем поднялся вверх по Днепру, снова захватив, правда, на короткое время, остров Хортицу» (там же, с. 50–51). Предположение о спуске Вишневецкого по Волге сомнительно. Русские источники говорят о Днепре (ПСРЛ, т. XIII, с. 288, 296; т. XX, с. 588). В последующие годы он в те же предкавказские районы проникал, сплавляясь по Дону. В данном случае это, однако, не имеет принципиального значения. Важно лишь то, что он активно проявлял себя в борьбе против татар в районе Перекопа и в низовьях Днепра, пытаясь создать там для себя опорную базу, и не раз тревожил турецкий гарнизон в Азове. На Керчь тогда же совершил набег атаман Михаил Черкашенин с донскими казаками.

Хан, боясь вражеского вторжения на полуостров, не покидал его пределов, но, зная об уходе главных сил русской армии в Ливонию, направил значительные крымские силы, руководимые его старшим ханычем Мехмед-Гиреем и мурзой крымских ногаев Дивеем, на Рязань, Каширу и Тулу. Эта татарская армия, однако, не дошла дальше реки Мечи. Узнав, что русские сторожевые полки традиционно стоят у Оки, она повернула обратно. Каких-либо столкновений с регулярными московскими войсками у них не было. Находившееся в Москве крымское посольство (Милюков, 1901, с. 194) пыталось продолжать переговоры о мире, доказывая мирные намерения хана в отношении Русского государства тем, что другие сыновья хана были им отпущены в набег не на Московию, а на литовскую Волынь. Декларируя о своем желании заключить перемирие, хан в то же время требовал от Ивана IV таких же больших «поминок», какие были обещаны Мехмед-Гирею I после его похода на Москву в 1521 г. Российская сторона, не считавшая себя в чем-то проигравшей, на эти кабальные условия не согласилась, и дипломатические отношения Москвы с Крымом были прерваны на несколько лет.

В феврале 1559 г. из Москвы были снова отправлены к Крыму два воинских подразделения. Одно из них под командованием

Данилы Адашева двигалось по Днепру, второе, руководимое Вишневецким и Игнатием Вешняковым, по Донцу спускалось к Азову. Вешнякову было поручено построить крепость в низовьях Дона. Очевидно, предполагалось перекрыть выход с полуострова с двух сторон (со стороны Днепра и Дона).

Русские источники большее внимание уделяют действиям Адашева. Известно, что в его распоряжении было 3 полка детей боярских, казаки и до 1000 стрельцов. Посланы они были «промышлять на крымские улусы». Сплавившись по Днепру, отряд Адашева вышел к Очакову. Там они какое-то количество «турок и татар побили, а иных взяли себе в вожжи» (т. е. проводники). После этого отправились на крымский берег, высадившись в 15 верстах южнее Перекопа, разбившись на три группы, «повоевали» многие улусы. Затем, не дожидаясь выступившего против них ханского войска, морем отступили к Очакову. Там Адашев приказал отпустить всех плененных турок, передав их очаковскому санджакбею и заявив, что он воюет с царским недругом крымским ханом, а с «турским государем» его страна в дружбе. Турки пропустили адашевское войско вместе со всей добычей и полоном (освобожденными пленными) – как русским, так и «польским». Последний включал тех людей, которые были пленены во время недавнего крымского набега на Волынь.

Лемерсье-Келькежé обращает внимание на то, что в османских «Реестрах важных дел» за 1559 г. имеется лишь один документ, где упоминается поход Адашева, да и то косвенно. Речь идет об «участии «поляков с пограничной территории» (вероятно, так называли казаков, живущих на пограничных землях) в походе «москвитов» против Крымского ханства (Франко-русские ..., 1970, с. 55). Несравненно большее внимание в османских материалах уделяется Дмитрию Вишневецкому, которого там именуют «Дмитрашем» или «Дмитрашкой».

Известно и из русских источников, и из турецких, что Девлет-Гирей писал в Стамбул, прося помощи против «неверных», которые, построив в верховьях Днепра корабли, угрожают нападением на его ханство. Были сообщения об этом и от других пограничных османских командиров. Османские власти откликнулись на эти

просьбы и отправили эскадру кораблей им в помощь. Однако наибольшую тревогу в османских имперских правительственных кругах вызвало не положение на Днестре, а сообщение о нападении «Дмитрашки» на Азов. Это был тогда крупный турецкий порт и крепость (см.: Мустакимов И.А., 2015–2). Лемерсье-Келькежé обращает внимание на то, что в русских источниках не упоминается об этом нападении Вишневецкого, турецкие же документы придают операции Вишневецкого особое значение и сообщают, что гарнизон крепости, в составе которого были, кроме местных сил, еще и 200 янычар, не мог бы справиться с этим нападением, если бы не помощь ногайских племен, находившихся тогда в окрестностях Азова, и османского флота, состоящего из шести больших галер и нескольких малых, вошедшего в Азовское море и ставшего на стоянку в низовьях Дона (Франко-русские ..., 1970, с. 53). Она же приводит интересные турецкие материалы о том, что Азов, как центр значительного сельскохозяйственного района и поставщик зерна, растительного масла и строевого леса, играл заметную роль в снабжении Стамбула. В 1559 г., как известно из тех же турецких источников, «Дмитрашка» трижды атаковал Азов и опустошил его окрестности, что вызвало голод в самом Азове, на что жаловались и местные власти, и расквартированные там янычары (там же, с. 54–55). Так как о голоде, моровом «поветрии», особенно среди скота, и очень суровых зимах 1558–1560 гг. сообщают многие источники, в том числе и русские летописи (ПСРЛ, т. XX, с. 580; Посольские книги, с. 250, 251, 252 и др.), очевидно, что причиной голода в Азове был не один «Дмитрашка», но османским властям сообщали прежде всего именно о нем. Французская исследовательница обращает внимание на то, что еще более активен Вишневецкий стал в 1560 г., когда, как известно, он поссорился с царем и стал выступать «не столько в интересах царя, сколько в своих собственных», а его войско начинает активно комплектоваться «не из московских стрельцов, а главным образом из донских и украинских казаков и черкесов, к которым присоединились многочисленные авантюристы – поляки, литовцы и даже ногайцы и татары». В Стамбул панические сведения о готовящемся ими наступлении шли не только (а возможно, и не столько) от крымского хана,

но из Азова, Кафы и даже Молдавии. По этим сообщениям выходило, что опасность угрожала и турецким владениям на Тамани, и крепостям северного Причерноморья. Следовательно, «Дмитрашка» осмеливался покушаться не только на земли Крымского хана, но и на территории и крепости, находившиеся в непосредственно османском владении и управлении. Он оказывался в эти годы, как пишет Лемерсье-Келькежё, «единственным противником» непобедимой державы, державшей в страхе весь мир». Против Вишневецкого были мобилизованы местные османские силы, привлечены сипахи ряда других румелийских санджаков, господа Молдавии и Валахии. Командующим этой армией был назначен бей Силистры Синан-паша. В его распоряжение выделялась еще одна эскадра из семи кораблей. Хану было также приказано держать наготове все свои силы и оказывать поддержку бею Силистры. В распоряжение хана передавалось подразделение артиллерии, с которым ему предписывалось защищать низовье Днепра. Сообщая обо всем этом, Лемерсье-Келькежё обращает внимание, что в письмах Порте от ее пограничных властей силы и возможности Вишневецкого были явно и значительно преувеличены. Поэтому и ответные военные приготовления не соответствовали той опасности, которая могла грозить империи. Хотя подчеркнем: речь все-таки шла об операции пограничных сил, а не о широкомасштабном походе, организуемом центральным правительством. Последняя атака на Азов, предпринятая «Дмитрашкой» в июне 1560 г., была успешно отражена гарнизоном крепости. Последовавшая затем попытка через Тамань проникнуть на Крымский полуостров также не удалась (Франко-русские ..., 1970, с. 53–61).

В турецких источниках есть сообщения, что о планах Вишневецкого турецкие власти в Кафе были предупреждены гонцами, прибывшими в июне 1560 г. из Москвы (там же, с. 60–61). Этим московское правительство явно отмежевывалось от Вишневецкого, не желая нести ответственность за его авантюрные действия. Ссориться с Османской империей в планы Ивана IV явно не входило. Не было таких планов и у османского правительства. Девлет-Гирей писал султанским властям в июне 1560 г. о благоприятном моменте для совместного похода на Московию (там голод, вызванный суро-

вой зимой и засушливой весной) и просил для этого дополнительно прислать артиллерию и отряд янычар. Ему ответили, что начинать какие-либо военные предприятия в этом районе османская армия не может, так как для этого ей придется преодолеть огромное расстояние, трудно организовать ее снабжение, османский черноморский флот не готов для таких крупных операций и т. п. Все это еще раз свидетельствует, что у Османской империи каких-либо собственных планов развивать свою агрессию в восточноевропейское пространство не было. Самому хану разрешалось и даже предписывалось организовать поход собственными силами (там же, с. 59–60), что, однако, в те годы блокированный на полуострове Девлет-Гирей в одиночку предпринять был не в состоянии.

В 1561 г. Вишневецкий окончательно порвал с московским царем и вернулся в Литву, где Сигизмунд II Август вернул ему его титулы и земли, хотя Польско-Литовское государство и стремилось тогда всячески подчеркнуть свою дружбу с Крымским ханом и Османской империей. Возможно, правда, что это решение было лучшим способом поставить хотя бы под минимальный контроль этого отчаянного кондотьера. Последняя его антиосманская вылазка, зафиксированная источниками, была совершена в 1564 г. в районе Молдавии. Там Вишневецкий попал в плен, был отвезен в Стамбул и мученически казнен. Легенды о нем сохранились в украинском фольклоре, где его образу приданы черты более героические и трагические, чем, наверное, было на самом деле.

Лемерсье-Келькежé обращает внимание на то, что мобилизационные мероприятия османского правительства, долженствовавшие остановить «Дмитрашку», «представляли собой исключительные меры» и единственный случай в истории Османской империи того времени, когда «все эти действия были направлены не против государства, а против отдельной личности». И еще: сравнивая этот уникальный случай с событиями конца 70–80-х гг. XVI в., когда османские владения подвергались многочисленным набегам украинских казаков, которые, по ее мнению, «были более опасными и значительными по числу участников, чем походы Вишневецкого», она подчеркивает, что ни один из них, если судить по документам османских архивов, не вызвал столь широкой мобилизации турец-

ких военных сил» (там же, с. 63). Возможно, особое внимание центральных властей к феномену Вишневецкого объясняется тем, что это был первый случай нападения на османское пограничье в этом далеком от центра и считавшимся спокойным районе. Сам же этот факт свидетельствует о том, что, хотя Порта даже в 1559 г. не считала русских ответственными за нападения Вишневецкого на Азов, рассматривая «Дмитрашку» как самостоятельного врага, и не проявляла собственного интереса к региону Восточной Европы, эта мусульманская держава постоянно оставалась той силой, которую России (как, впрочем, и Литве) приходилось опасаться и учитывать ее присутствие при любых своих внешнеполитических решениях. К тому же нельзя забывать, что Османская империя не прочь была держать в постоянном напряжении всех своих христианских соседей, тревожа их пограничными вылазками даже в периоды, когда не вела больших войн, давая тем возможность подкормиться за счет военной добычи провинциальным ополчениям отдельных ближайших (а иногда и не очень) к границам административных единиц (санджаков, эялетов).

В Москве ее собственные (Адашева и Ржевского) походы 1559 г. в Крым были восприняты как большой успех, за который его участники были щедро награждены. В.В. Пенской обратил внимание на некую, с его точки зрения, неуместную восторженность, которой изобилуют описывающие эти события страницы Летописей. «Действия Ржевского, Адашева, Вишневецкого при всей их успешности оставались всего лишь набегам, не способными в корне изменить ситуацию». Действенной поддержки от ногаев и черкесов, на что надеялась российская дипломатия, в те годы, как известно, получить не удалось. На южных границах была тогда сосредоточена большая часть русской армии, простоявшей в бездействии все лето. В Ливонии же на эти месяцы было заключено перемирие, хотя до этого военные действия развивались весьма успешно. Сопоставив все эти факты, В.В. Пенской пришел к выводу, что летописные восторги прикрывают некую военно-дипломатическую неудачу тех лет, о которой позднее царскому правительству не хотелось вспоминать. И это предположение вполне логично, так как известно, что официальное русское летописа-

ние было позднее подвергнуто строгому редактированию вначале А. Адашевым, а потом самим царем.

Действительно, держать армию на границе и даже выступить с ней в ближайшие к российской границе пределы Дикого поля, не имея при этом каких-то намерений развивать дальше военные действия, было бы просто неразумно. Очевидно, какие-то иные намерения были, но для их реализации условия не сложились.

Возможно, пусковым моментом для начала некой крупномасштабной операции против Крыма должны были стать результаты переговоров с литовским посольством, прибывшим в Москву в марте 1559 г. Между Москвой и Литвой нужен был (для успешного ведения Ливонской войны) если не союз, то по крайней мере благоприятный нейтралитет (Пенской В. В., 2012, с. 69–91).

С Великим княжеством Литовским у России с 1537 г. было перемирие, которое не раз подтверждалось взаимными посольскими пересылками. В 1556 г. оно было продлено еще на шесть лет. Новое литовское посольство 1559 г. должно было определить, как будут развиваться отношения этих стран в будущем, т. е. после 1562 г., когда заканчивался новый срок перемирия. Привлечь Литву на свою сторону в балтийском вопросе было для России чрезвычайно важно, так как именно российско-литовское соперничество превратилось к этому времени в ту проблему, которая препятствовала решению всех иных как внешнеполитических, так и внутренних задач страны. Российское руководство готово было пойти не просто на значительные уступки, но и на отказ от той основополагающей идеи, которая лежала в основе ее государственного строительства в послеордынское время. Литве было предложено не перемирие, а «вечный мир», что означало обещание отказаться от борьбы за включение белорусских и украинских земель в российское государство. Заявлялось, что делается это «во имя покою христианского». Б. Н. Флоря, наиболее четко изложивший все эти проблемы, оценивает российское предложение о «вечном мире» как «беспрецедентное» для практики русских международных отношений XVI в. (Флоря Б. Н., 1999, с. 182). Этим делалась «попытка осуществить сложный политический замысел, принадлежавший, судя по всему, ... Алексею Адашеву, целью которого было добиться

одновременно решения в интересах России и крымской, и ливонской проблемы» (там же, с. 180). Литовское княжество, как и Русь, страдало и от ливонского посредничества, и от набегов крымских татар. Союз между ними, казалось, напрашивался сам собой. Литовские власти, однако, по-иному видели выгодный для них расклад внешнеполитических отношений в Восточной Европе. Уния с Польшей заставляла их более внимательно присматриваться к османской позиции и остерегаться каких-либо осложнений с ее вассалом – Крымским ханом. Еще раз напоминаю уже цитированное ранее удачное, с нашей точки зрения, определение, что Польша находилась тогда в «орбите османского влияния» (С.М. Kortepeter). Даже папские призывы и идеи борьбы христианства против мусульман, хотя и были очень рьяно используемы в польской публицистике, но во внешнеполитической практике этого государства явно отодвигались на дальний план.

Понимая, что Литва настороженно относится к возможности московского утверждения на ливонском побережье и война с Ливонским орденом может перерасти в широкий международный конфликт, московские власти стремились предложить Великому княжеству Литовскому соглашение, которое, по их мнению, принесло бы ему большие выгоды. С этим были связаны и предложение о «вечном мире» между Литвой и Московией, и союз для борьбы с Крымским ханством. Мобилизационные мероприятия на южной границе, совместные с украинскими казаками военные действия в низовьях Днепра, освобождение польского полона и другие подобные действия российской стороны, очевидно, должны были показать литовцам серьезность намерений царского правительства и его искреннее желание добиваться союза с Литвой на базе совместной антикрымской активности.

Российский дипломатический зондаж литовских намерений в этом плане начался еще в 1554 г., когда русскому гонцу, посланному в Вильно с сообщением о событиях в Поволжье, поручено было узнать, нельзя ли договориться с литовскими властями совместно «христианство от бесерменских рук отвселе свободжати» (РИО, 1887, т. 59, с. 450). Более серьезно вопрос был поставлен на переговорах 1556 г., когда речь шла о продлении литовско-

русского перемирия, но литовское посольство в Москве требовало от русских отказа от ливонских планов и не выказывало какой-либо заинтересованности в ликвидации последнего ордынского государства в Восточной Европе (там же, с. 526).

Как справедливо отмечал А.А. Новосельский, отношение к ущербу, который причиняли татарские набеги, у восточноевропейских христианских государств существенно отличалось. Нападения татар не затрагивали политических центров ни Литвы, ни Польши. Бедствия же Украины не так уж больно задевали власти этих государств (Новосельский А.А., 1948, с. 11). Напомним, что даже черкасский и каневский староста Вишневецкий для защиты своих владений вынужден был пойти на конфликт со своим сюзереном. Положение же на южных границах Великого княжества Литовского было по сути дела необъявленной войной, «которую население этих областей (и социальные низы, и господствующий класс) вело уже многие десятилетия» (Флоря Б.Н., 1979, с. 72). В нижнем течении Днепра украинское казачество сразу же добровольно стало на путь военного сотрудничества с появившимися там русскими войсками. А вместе с Вишневецким в Россию пришли отряды ряда каневских атаманов, которые остались на русской пограничной («польской» – от слова Поле, Дешт-и Кыпчак) службе и после возвращения Вишневецкого в Литву. Известно, что вместе с Адашевым ходили на крымские улусы и другие, не связанные с Вишневецким, казачьи атаманы (там же, с. 73–74; ПСРЛ, т. XIII, с. 343, 322–323).

В 1559 г. переговоры с прибывшим в Москву очередным литовским посольством показали московским властям, что литовское перемирие кончается, назревает серьезная схватка за Ливонию, крымский вариант совместных польско-литовско-русских действий, российские уступки и предложенный Москвой «вечный мир» Литву не привлекли. России пришлось свернуть все военные приготовления и отказаться от наметившегося было большого похода на юг. Начинается новый этап отношений с Крымским ханством, в котором военно-наступательный вариант решения южной оборонной проблемы для России надолго отходит на второй план. Именно поэтому мы считаем, что некорректно выделять 50-е годы XVI в. как начало активного наступления на Крым. Были такие настро-

ния, но в тогдашних условиях они оказались бы авантюрой, обреченной на неминуемую неудачу, что вовремя почувствовали царь и его окружение. Менялась обстановка, менялась и политика. Зная конечный исход событий, нельзя подгонять к нему все предыдущие этапы крымско-московских отношений. Они развивались не столь прямолинейно и, еще раз повторяю, в истории нельзя не видеть возможностей альтернативного решения многих сложных проблем. Речь при этом не идет о некоем сослагательном наклонении, которое так не любят историки. Действительно, от научного анализа далеки рассуждения и порой сожаления – что было бы, если бы ... и т. п. Но картину развивавшихся в описываемое историками время событий надо представлять во всем многообразии и видеть не только тот путь, по которому пошло развитие, но и все подходы к нему, возможные просчеты или, наоборот, удачные предвосхищения надвигающихся трудностей. Жизненные ситуации многообразны, и упрощать их, учитывая лишь одну прямолинейную, столбовую дорогу, которую мы видим из будущего, на наш взгляд, не стоит. Это явно искажает тогдашнюю объективную реальность. В середине XVI в. время активного наступления на Крым для России еще не пришло, и не следует удревнять его начало. Амбициозные желания части окружения царя, о которых писал А. Курбский, тогда так и не стали действительной российской политикой. В декабре 1561 г. Иван IV обратился к Девлет-Гирею с предложением дружбы и обещанием «добрых поминок» (ПСРЛ, т. XIII, с. 339). В 1563 г. для оформления мирных отношений с Крымским ханством в Крым выехало посольство А.Ф. Нагого (его деятельности посвящено несколько специальных работ Виноградова А.В. – 2001, 2004 и др. Опубликованы также две его посольские книги).

А.И. Филюшкин (2013, с. 101) обратил внимание на интересный документ – грамоту Девлет-Гирея Ивану IV, направленную в Москву в мае 1565 г. В ней излагается крымское понимание отношений ханства с другими государствами: если Иван будет лоялен Крыму, будет торговать и платить поминки, то это «дружба», но если он хочет «любви», то есть военного союза и совместных боевых действий против Литвы, то должен «поступиться» чем-то дорогим, в частности, вернуть Казань и Астрахань. Если же договоры будут

сорваны и страны окажутся в состоянии противостояния, то государства будут «соседями» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 11, л. 315–317 об.). Цитируя этот документ, автор почему-то подает эти взгляды Девлет-Гирея на межгосударственные отношения как отражение «категорий христианской этики», причем подчеркивает, что в этом отражалось именно православное понимание проблемы. Он же, далее развивая эту мысль, отмечает, что, включая в свои договоры понятие «любовь», европейские партнеры пытались тем заговорить на «языке москвитов», и порой этот язык их «коварным образом» подводил. Москва начинала требовать от них на ее недругов «стоять заодно», что совсем не предполагалось ее партнерами при подписании договора. Он же поясняет еще два понятия тогдашней международной практики. Братство, в переводе на современный язык, – это «добрососедские отношения при уважении суверенитета друг друга, предполагающего потенциальный союз» (Филюшкин А.И., 2013, с. 102). Напомним, что именно братом Великий князь московский и Крымский хан величали друг друга, начиная с 1474 г., т. е. с начала их межгосударственных отношений. Встречался еще и термин «единичество». А.И. Филюшкин объясняет его следующим образом: оно «предполагало взаимную военную помощь в обороне земель друг друга». В качестве примера он приводит приглашение Василия III в 1518 г. в антитурецкую лигу: «Папа хочет его и всех людей русские земли принять в единичество и согласие римской курии» (сб. РИО, т. 53, с. 85). Мы полностью разделяем общий вывод этого ученого о том, что Московская Русь действовала тогда в рамках иной, отличной от европейской, политической культуры и дипломатической практики. «Поэтому мотивы действий дипломатов Ивана Грозного на внешнеполитической арене нельзя устанавливать, исходя из современных представлений о характере этой деятельности и из того, что ученые любят называть «здравым смыслом». Это было иное мышление, иная этика, иная система ценностей и ориентиров, которые из XXI века очень сложно понять. Мы делаем только первые шаги в ее реконструкции». Дальнейшие же рассуждения автора на эту тему вызывают у нас сомнения. Он вспоминает о начале распространения в среде русской интеллигенции XVI в. идеологических доктрин «Москва – Третий Рим» и «Новый Израиль», при этом

справедливо подчеркивает, что «влияние этих доктрин на внешнюю политику России Ивана Грозного не всегда очевидно прочитывается в источниках. Они проявляются опосредованно, в мотивации поступков и деяний, но подобная сфера реконструируется не без затруднений и всегда гипотетически» (Филюшкин А.И., там же, с. 104–109). Думается, что интуитивно почувствованные автором затруднения связаны с тем, что традиционно изучение положения Русского государства в международной сфере шло в русской историографии с оглядкой на европейскую историю и европейское понимание практики межгосударственных отношений. Еще раз напоминая уже не раз звучавшее в нашей работе утверждение, что в Восточной Европе в XV–XVII вв. все еще продолжала функционировать иная культура межгосударственных отношений. Она впитала в себя многие традиции так называемой степной дипломатии и мусульманские представления о мироустройстве. Ни одно из этих представлений тогда не было преобладающим. Именно поэтому этот комплекс отношений воспринимался как нечто свое и христианской Россией, и мусульманскими ханствами, и еще не совсем определившимися в своих религиозных симпатиях племенами Кавказа. Россия жила тогда по этим представлениям. Ее понимали, признавали в регионе как нечто близкое, свое. С ней можно было и поторговаться, и пооткровенничать, и даже сепаратно договориться за спиной османского султана, авторитет которого и представления о его силе были очень велики. Сама Османская империя в своих отношениях с христианским миром еще не вышла на некую стабильность. Хотя и избирательно, но она продолжала свой территориальный рост, все больше набирала авторитет, особенно на Востоке, позиционируя себя как лидера суннитского мира. Свои северо-восточные границы, начиная с Трансильвании, османские власти прикрывали вассальными территориями, имевшими право самостоятельного сношения с соседями и вступления с ними в свои собственные шертные (по сути дела тоже нечто типа вассально-покровительственных) отношения. Именно на османском северо-востоке (или в Восточной Европе, исходя из европейской ориентации) все еще сохранялись некоторые степные традиции, устраивавшие османские власти на границах, но жестоко устранявшиеся на основных османских территориях. Все

это следует учитывать, анализируя восточноевропейские отношения и представления. Русь их знала и жила в их традициях.

В фундаментальном исследовании А.И. Филюшкина, посвященном отношениям Московии с Европой и Ливонской войне, есть глава о восточных противниках России. В ней интересны и приводимый там фактический материал, и находки автора в объяснениях многих деталей описываемых событий, но общий взгляд на ситуацию с готовящимся тогда союзным договором между Крымским ханством и Русью нам представляется излишне европейским, не учитывающим восточной специфики той культуры межгосударственных отношений, которая все еще бытовала в отношениях Крыма и Москвы.

Как утверждает А.И. Филюшкин, из наказа Нагому не чувствовалось, что Москва надеялась «заполучить хана в союзники» в своей войне за Ливонию, главным противником в которой для нее становилась тогда Литва. Афанасий Нагой приехал в Крым как сеунч, т. е. вестник о русской победе над литовской армией под Полоцком. «Главной целью, видимо, было добиться мира на южных границах, получить гарантию ненападения татар и напугать Сигизмунда» (Филюшкин А.И., 2013, с. 699). В дальнейшем, однако, этот исследователь говорит именно о союзе и его возможностях, которые якобы были упущены русским посольством. При этом, по Филюшкину, Москву больше интересовал статус в двусторонних отношениях с Крымом, чем перспектива антилитовского русско-крымского союза. А далее он же пишет, что в процессе переговоров конструктивные предложения о совместном нападении на Сигизмунда II утонули в массе мелочных условий, которые А.Ф. Нагой должен был выполнить. Его поведение исследователь оценивает как заносчивое и вызывающее, приводя в доказательство этого предписание ему из Москвы не есть за одним столом с послами из других государств, не платить никаких пошлин, быть «мелочно жадным в подарках». Все эти предписания действительно были, но нельзя забывать, что это Восток, где важен был церемониал и нельзя было переходить в своих тратах (по-европейски – взятках и поощрениях отдельных лиц) определенные границы. В Москве это знали и об этом предостерегали посла. Это не заносчивость и жадность, а умение вести себя в конкретных крым-

ских условиях. Вывод А.И. Филюшкина: «... форма победила содержание, а сиюминутная жадность – дальновидность. Вопросы ритуала и семиотика поведения оказались важнее главной цели – достижения антилитовского союза с Крымом». Даже желание Москвы в случае совместного выступления против Литвы «не пособлять царю», т. е. хану, а иметь свое командование расценивается Филюшкиным как «в высшей степени странное, если исходить из логики требования военного союза с теми же татарами. Но оно абсолютно понятно, если на первый план мы поставим необходимость блюсти символический статус русских войск, а на второй – политическую целесообразность» (там же, с. 115–117). Это абсолютно европейский взгляд на проблему. Русская же дипломатия того времени знала, с кем имеет дело, и соответственно этому строила свои отношения. Еще Ф.Ф. Лашков подчеркивал, что Москва, постоянно живя в ожидании враждебных действий со стороны Крымского ханства, при любой появлявшейся возможности прибегала к посольским пересылкам. Послы же, «используя неблагоприятные для Крыма обстоятельства (неудачные набеги на Москву, неблагоприятие Порты, внутреннее неурядицы ханства и др.), а большей частью – путем задаривания хана и его приближенных», добиваются шертных грамот, которыми хан обязывается за себя и «весь Крымский юрт» – «быть в союзе, любви и дружбе», «быть за одно против недругов московского государства», «не воевать русских украинских городов, дать свободный проезд купцам, гостям и т. д.». Принципиально важным было то, что Крым давал «шерт только на время, чтобы усыпить внимание врага или выждать более благоприятное время для враждебных действий, за которыми должен наступить новый договор и новые подарки» (Лашков Ф.Ф., 1891, с. VI).

В описываемое нами время надежд на союз и совместные с крымцами военные действия против литовцев у Москвы явно не было. Нужно было лишь как-то сдерживать татарские грабительские поползновения на российские пределы. Этого и пытались добиться А. Нагой и его коллеги. Текст договора о «добром деле», как тогда говорили о российско-крымском соглашении, был объектом неоднократных пересылок между столицами, но так и не был утвержден. Это не вина посла, а объективные обстоятельства тогдашнего вре-

мени. За удачами или неудачами таких переговоров и пересылок стояли обычно более серьезные причины, «причем материальная, денежная сторона в них – один лишь придаток, в сущности сам по себе ничего не значащий. ...Примирившись с ней, как необходимой формой в сношениях азиатцев, мы увидим за ней и другую сторону договора, увидим смысл, исторические мотивы и необходимость их» (там же). Исходя из вышеизложенного, и следует оценивать ту дипломатическую практику, которую мы наблюдаем в Восточной Европе. В последних работах о крымско-российских отношениях исследователи очень полюбили использовать термин «крымский аукцион», в свое время введенный С.М. Соловьевым, подразумевая под ним соревнование в размерах «поминок», уплачиваемых Россией и Речью Посполитой, чтобы привлечь Крым на свою сторону. Термин емкий и красочный, но все-таки, как нам представляется, упрощающий картину происходящего. «Поминки» оставались лишь неким общим фоном, на котором строилось сосуществование этих государств, а суть отношений постепенно, но все больше и больше начинает входить в русло общей османской политики, отвлекая ханство от северных соседей, остающихся некой подпиткой его существования, необходимой ему экономически, но мало связанной с политическими отношениями в регионе. Не случайно все международные договоры в будущем, начиная с XVII века, в той или иной степени осуждают татарские набеги (как, кстати, и казацкие) и пытаются изобразить их как нечто не относящееся к компетенции центральных властей. Кстати, и «правовой нигилизм» в отношениях Москвы к подписанным ее дипломатическими агентами международным актам, на который обратил внимание Филюшкин, оценивая московскую политику времен Ливонской войны в отношении европейских дел, также имел своими корнями сохранявшиеся в восточноевропейском регионе восточные традиции, от которых Москва тогда еще далеко не отошла. В московской политике в отношении Востока этот отход можно наблюдать лишь к началу XVIII в. Именно тогда, и то очень постепенно, Россия начинает терять свое понимание Востока и воспринимать ту практику отношений к восточным государствам, которая была характерна для европейских колониальных держав.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Султанское послание хану Девлет-Гирею

Его высочеству хану

[К нам] прибыло Ваше письмо, исполненное преданности. В нем вы доводите до нас сведения об Эджерхане и Маскове и о купцах, которые ездят из Шемахи в Эджерхан, а также новости о положении ногаяв, кроме того, вы нам отослали письма, которые прибыли к вам из Эджерхана и Маскова. Все, что вы сообщили, было подробно доведено до моего священного сведения.

Учитывая, что во всех делах, касающихся этих областей, вы имеете обширные знания и разнообразные сведения как об Эджерхане, так и о ногах или Московии, мы доверяем обоснованности вашего суждения по всем относящимся к этому [региону] вопросам.

Действуйте наилучшим образом в интересах религии и государства, предпринимайте многочисленные и большие усилия в целях обороны и защиты стран ислама и уничтожения плетущих интриги неверных и других смутьянов без ограничений.

Направление донесений нашему Порогу Счастья о делах в Эджерхане и других делах подобного характера и [ожидание] прибытия ответа требует много времени, что могло бы привести к отсрочке и промедлению в [решении] этих вопросов. Посему, если представятся дела подобного рода, не ожидая [нашего] ответа на ваше донесение, безотлагательно принимайте те меры, которые сочтете необходимыми, затем доложите о принятых Вами мерах.

[Нами] решено осуществить победоносную императорскую кампанию, сопровождаемую счастливыми предзнаменованиями и исполненную удачи, если будет угодно Всевышнему – да будет вознесена хвала ему и да будет он превозвышен! – и [по этому поводу] вам было послано священное письмо [наме-шериф]. Пребывайте в готовности и будьте настороже, в соответствии с полнейшей верностью и совершенной преданностью, которую вы выказываете моему Высокому Порогу. Я ожидаю, что вы проявите себя во всякого рода доблестных

и храбрых деяниях в делах, касающихся веры и нашей императорской державы, на всех направлениях, будь то со стороны неверных Маскова или с других сторон.

Пусть наш Всевышний — да будет вознесена хвала ему и да будет он превозвышен! — направит свои благодеяния, и мы просим чудес от Всевышнего [Пророков], да будут всегда побеждать и одолевать главы армий ислама, и да будут враги веры побеждаемы и покоряемы!

Предпримите все необходимые меры, касающиеся дел в Эджерхане. Я надеюсь, что враги веры не познают победы и что она [область Эджерхана] будет сохраняема и защищаема от презренных неверных.

Это султанское распоряжение — хюкм, наме-и хумаюн, было извлечено французскими исследователями группы А. Беннигсена из так называемого «Реестра важных дел» (Мюхимме Дефтери) в османском архиве Баиш Векалет (Ведомства Премьер-министра). В реестр включались в хронологическом порядке копии практически всех документов, исходивших от османского правительства и имперского Дивана. Для XVI и начала XVII вв. османская бюрократическая машина оставила нам в виде этого Реестра лучший источниковый документ, позволяющий ознакомиться с административной, военно-организационной и дипломатической деятельностью центральных имперских властей. Публикуемый нами документ не имеет даты, но его расположение в Реестре позволяет предположить, что он был составлен в феврале 1552 г., т.е в первый год правления Девлет-Гирея, еще до его похода на Московию и падения Казанского ханства. Работавшие с этим Реестром французские историки подчеркивают, что за 1552 г. они не встретили в нем ни одного упоминания о Казанском ханстве. Им, как пишут эти исследователи, «Османская Порта, по всей видимости, почти не интересовалась, что противоречит утверждениям русских историков» (Восточная Европа..., с. 102. Русский перевод приведенного выше султанского письма см. там же, с. 102–103. Османский текст и его русский перевод опубликованы также в книге «Документы по истории...», с. 100–104, где имеется и подробная характеристика «Мюхимме дефтери» как источника (с. 27–32).

Приказ султана Сулеймана Девлет-Гирей хану (июнь 1552 г.)

Приказ его присутствию хану.

Настоящим Вы сообщаете, что Джан-Берды был назначен главнокомандующим (*serdar*) во главе армии, выступившей в настоящее время в поход, переправленной через реку Озю и следующей далее. Всё это во всех подробностях было в точности донесено до нашего мироукрашающего сведения.

С тех пор, как периодически вы детально сообщали обо всех делах в этой стране, вам были доверены все вопросы, касающиеся этих областей, как дела Астрахани, ногаев, так и ... [оставлен пробел]. Действуйте наилучшим и наискорейшим образом в части принятия мер. Остерегайтесь любой невнимательности в том, что касается интриг и мятежей неверных Польши. Не уводите войска из районов Озю и Аккирмана, [так как] дела в этих землях являются наиболее важными.

Ранее вам послано наше августейшее послание, в котором мы излагаем наши пожелания с тем, чтобы меры, которые вы приняли, принесли хорошие результаты и чтобы бесчисленные и победоносные армии, посланные против презренных неверных, сопровождались вашим благословением.

Инструкции, изложенные в нашем священном послании, по-прежнему в силе. В соответствии с исключительной верностью и добрым расположением, которые вы проявили по отношению к нашему Порогу – прибежищу мира, предпримите все возможные усилия в том, что касается веры и нашего Вечного государства.

Сделайте все необходимое, чтобы не уводить войска с границ Аккирмана и Озю, и проявите исключительную бдительность с тем, чтобы никакого вреда не было нанесено со стороны неверных из Польши для райн Богохранимых владений ислама по причине какой-либо небрежности.

Просим Всевышнего Бога, возносим ему хвалу, чтобы он уделил и даровал войскам ислама всяческие завоевания и победы, и чтобы не избегнувшие несчастий враги веры никогда не были избавлены

от унижений и ужаса. Не приминьте пустить слухи, что быстрые как ветер татарские войска будут посланы против неверных областей Трансильвании. Мы отказались от намерения посылать войска в эти места. Пусть [об этом] никто не узнает.

Не приминьте сообщить нам другие новости о вашем здоровье.

Русский перевод документа заимствован нами из книги «Восточная Европа...», с. 104–105. Публикация документа в «Документах по истории...», с. 105–109 также сопровождается переводом, стилистически несколько отличающимся, например, хан именуется в одном тексте его высочеством, в другом – его присутствием (османское Hazretleri) или вместо: «не оставляйте /без войск/ направления Озю и Аккурмана», «не вводите войска из районов Озю и Аккурмана» и т. п. Смысл сохранен, но при цитировании источника в некоторых случаях могут возникнуть недоразумения.

Первая публикация документа была осуществлена А. Беннигсеном и Ш. Лемерсье-Келькежё в 1976 г. в статье, помещенной в журнале «Turcica» (Bennigsen A., Lemerrier-Quellejau Ch., 1976, с. 203–236).

Что касается названия документа, то оба публикуемых послания можно считать и приказом – хюкмом, и наме-и хумаюн – султанским посланием. Они стали известны, так как были включены в Реестр важных дел (Мюхимме дефтерлерли), куда, по османской бюрократической традиции, вносились тексты всех важнейших документов, исходивших от султанского правительства.

***Список с шертной грамоты, данной в Москве
Афанасию Нагому при отъезде его с посольской миссией
в Крым с поручением добиться заключения мирного
договора с крымским ханом (март-апрель 1563 г.)***

... цареву и великого князя слово то, дана Офонасию Нагого, нечто учнется делати доброе дело.

Бога в Троицы славимого милостию великого государя и великого князя Ивана Васильевича всея Руссии слово своим братом, Великой Орды, з Девлет Киреем царем.

От сего дни вперед быти нам в доброй любви от детей на вну-чата, братом и другом быти впрок, где ни будем, друту другом быти, а недругу недругом быти, и на всякого нашего недруга обема нам заодин быти. Кто мне царю и великому князю друг, тот и Девлет Кирею царю брату моему друг, а кто мне царю и великому князю недруг, тот и Девлет Кирею брату моему недруг. А кто Девлет Кирею царю брату моему друг, тот и мне царю и великому князю друг; а кто Девлет Кирею царю брату моему недруг, тот и мне царю и великому князю недруг.

А на Жигимонта Августа короля полскаго и великаго князя литовскаго, или иной хто государь будет на Великом княжестве Литовском и на полском королевстве, и на них обема нам быти заодин. Мне, царю и великому князю на них тебе пособляти, а тебе Девлет Кирею царю, на них мне пособляти. А коли скопят рать свою корол полской и великий князь литовской, и пойдет на тебя, Девлет Кирея царя, и мне, царю и великому князю, в то время с свое сторины идти на его землю и воевати королева земля. А пойдет король, скопясь, на меня царя и великого князя, и тебе Девлет Кирею царю брату моему в то время с свое стороны идти на королеву землю и воевати королева земля.

А мне, царю и великому князю, и моим детям и моей братье и моим боярам и воеводам и всем воинским людям твоих, брата моего Девлет Кирея царя земель и улусов не воевати, так же и тех людей, которые на тебя, брата моего Девлет Кирея царя смотрят. И нам на их землях и улусах не стояти и не воевати, а которые наши люди без нашего ведома, и без детей наших веданья, и без братьев наших веданья, твои. Брата нашего Девлет Киреевы царквы, земли и улусы повоюют, и к нам те ваши люди придут, и нам их казнити, а взятое отдати, и полон люцкой без окупа назад отдати.

А тебе, брату моему Девлет Кирею царю, и сыну твоему калге Магмет Кирею царевичу и сыну твоему царевичу Адыл Кирею и иным твоим детям царевичем и карачеем и уланам и князьям и казакам и всем твоим людям моих царя и великого князя Ивана земель не воевати. Также и князей, которые мне царю и великому князю служат, и моим детям и моей братии. И тебе, брату нашему Девлет Кирею царю и твоему сыну калге Мегмет Кирею царевичу, и Алды

Кирею царевичу, и иным твоим детем царевичем и карачеем твоим и уланам твоим и князем и мирзам и казакам и ближним и дальним и всем воинским людем на их землях не стояти и не воевати их земель, также и наших украинских городков не воевати: Путивля, Рыльска, Новгорода, Радогосца, Стародуба, Чернигова, Почапа, Трубчевска, Карачева, Боянска, Козельска, Нугри, Белева, Одоева, Мценска, Тулы, Дедилова, Рязанские Украины, Михайлова, Пронска, Ряского и Мещерские Украины все, также и оприч того, которые кнези нам служат, и нашим детям, и нашей братии, и на которые смотрят. И тебе, брату нашему Девлет Кирею царю и твоему калге Мегмет Кирею царевичу и Адыл Кирею царевичу и иным твоим царевичем и карачеем твоим, и уланам твоим и мирзам, и казакам, и ближним и дальним, и всем твоим воинским людем тех наших кнезей, которые на нас смотрят, земель их не воевати. А без твоего брата нашего ведания и без калгина веданья и без детей твоих веданья ваши люди наших людей повоюют, или наших князей, которые нам служат и на нас смотрят, а к тебе, брату нашему Девлет Кирею царю ваши люди с наших украин придут, и тебе их казнить, а взятое отдати, и полон люцкой без окупа назад отдати. Так же мои царя и великого князя послы или гости куды пойдут от нас или к тебе Доном и полем, или от иных государей от кого ни буди пойдут к нам, и твои люди тех наших послов и гостей, которые к нам или от нас пойдут к тебе, не имати и не грабити. А которые твои люди наших послов или гостей, и тех послов, которые пойдут к нам от иных государей, от кого ни буде, твои люди их ограбят, а к тебе придут. А тебе тех людей казнить, а взятое отдати, детям, и нашей братии и нашим боярам и всем нашим воинским людем по тому же взятое куны и полон людской назад отдавати.

А коли посол наш или гонец поидет к тебе, брату нашему, и он идет прямо к тебе беспошлинно. А твой посол брата нашего Девлет Кирея царя ко мне, царю и великому князю придет, и он идет прямо ко мне безо всяких пошлин.

А которая обида учинится у брата нашего у Девлет Кирея царя над нашим послом, и мне против того учинить и над твоим послом. А которая обида учинится у нас над твоим послом. И тебе потому ж учинити над нашим послом.

А в сей нашей докончалной грамоте, кон слова есми молвилн, инако тому не бытии. Того для аз, царь и великий князь Иван Васильевич вся Руси на сей докончалной грамоте целовал есми брату моему крест, и печать свою золотую к сей грамоте велел привесити.

Писано в государства нашего дворе города Москвы лета от Создания Мира 7071.

Текст документа был извлечен из Посольской книги № 10, хранящейся в РГАДА, ф. 123, оп. 1, л. 102–106, А.И. Филюшкиным и опубликован (Филюшкин А.И., 2013, с. 713–716). При публикации он был сопоставлен с подобными же шертными грамотами о желаемом Россией союзном договоре с Крымом, отправленными московским правительством А. Нагому с Е.Д. Ржевским в сентябре 1563 г. и гонцом Г.П. Злобиным в марте 1564 г. (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 259–263 и л. 476–479 об.). Тексты всех трех проектов показаны как почти идентичные (отмечены лишь некоторые описки и кое-где переставлены слова). Между тем в злобинском тексте (там же, лл. 398–402), ранее опубликованном Ф.Ф. Лашковым, есть некоторые добавления и практические указания, как должна быть составлена ответная грамота, в соответствии с которой свою шертную клятву, как предполагалось, должен был дать хан. См. текст далее.

Текст шертной грамоты, отправленной в Крым А. Нагому в марте 1564 г.

... Так же мне царю и великому князю з братом своим з Девлет Киреем царем в братстве и в любви и в дружбе крепкой быти, и земле брата нашего от нас лиху и убытку не быти, и людем нашим брата нашего земле лиха и убытка не чинити, и брату нашему и его детям и его земле лиха не делати, ни мыслиги. А меж нас на обе стороны гостем ходити, робятам, сиротам и жонкам вдовам ходити. А то нам слово крепко держати. А которые люди учнут ходити от брата нашего Девлет Киреевы земли в нашу землю и назад пойдут, и моим царевым и великого князя людем на дороге над брата нашего

над Девлет Киреевым людьми лиха и убытка не учинити. А правду есмь брату своему Девлет Кирею царю учинили на сей записи пред отцем своим и богомольцом перед Афонасием Митрополитом всеа Руси и перед своим богомольцом великого Новагорода и Пскова Архиепископом Пимином с товарищи и перед брата своего послом перед Янболдуем и перед гонцом брата своего Ащибашем Фрухом на том; как приедет наш посланник Григорий Злобин сын Петрова к брату моему к Девлет Кирею царю с гонцом его с Ащибашем вместе и каков есмь прежде сего список, какове шертной грамоте быти х послу своему к Офанасью Феодоровичу Нагово послали, и брату моему Девлет Кирею царю с того списка списати шертная грамота слово в слово, и на той шертной грамоте брату моему Девлет Кирею царю правда учинити перед нашим послом Офанасьем Нагим и перед посланником нашим перед Григорьем Злобиным, почет собою в головах, и сыну его Калге Магмет Кирею царевичу и всем царевичем детям его и карачеем его, и уланом, и князем, и мирзам, и всем приближенным людям. И с тою шертною грамотою послать своего Мурат мырзу и нашего посла Офанасья к нам прислати. А мне царю и великому князю брата своего посла Янболдуя Князя с товарищи и своего посла Федора Игнатьевича Морозова с великими поминки к брату своему к Девлет Кирею царю отпустить. А как брата моего посол Мурат Мурза к Москве с шертною грамотою приедет, и мне Царю и великому князю велети написать своя dokonчальная грамота с того списка слово в слово, каком есмь список послали к брату своему Девлет Кирею царю с своим посланником Григорьем Злобиным и перед отцем своим и богомольцом пред Афонасием митрополитом всеа Руссии и перед брата своего послом перед Мурат мурзою на той dokonчальной грамоте крест целовати и печать своя золотая к той грамоте привесити. И с тою dokonчальною грамотою брата своего посла Мурат мурзу и своего большого посла ближнего человека к брату своему к Девлет Кирею царю отпустить. А нечто брат мой Девлет Кирей царь перед нашим послом Офанасьем Нагим и перед посланником нашим перед Григорьем Злобиным сыном Петрова правды на такове шертной грамоте не учинит, каков есмь список послали с посланником своим з Григорьем Злобиным, и тот грех буди на тебе брате моем Девлети Кирее царе; а на мне на царе

и великом князе тот грех не буди потому, что целовали есмя крест брату своему Девлет Кирею царю, веря его слову. А доколе к тебе брату нашему к Девлет Кирею царю гонец наш съездит, и тебе Девлет Кирею царю, брату моему и твоим детем до тех мест на наши земли не ходити, и людей своих на наши земли не посылати. Также мне царю и великому князю до тех мест, доколе гонец наш от брата нашего Девлет Кирея царя съездит, брата своего земле лиха никакова не мыслити, и войною людей своих на брата своего земли не посылати и ни которые хитрости не учинити. А которые меж нас з братом моим Девлет Киреем царем учнут послы и гонцы ходити, и тех послов и гонцов на обе стороны у себя не задержати, отпуцати их безо всякие зацепки и задержания. А посла брата нашего Мурат мирзу никак нам его у себя не задержати, отпустить нам его к брату своему Девлет Кирею царю безо всякого задержання. Того для яз царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси от всего сердца желательно с любовию на сей записи целовал есми крест брату своему великому царю Девлет Кирею царю на том, что быти нам вперед от севодни в доброй любви и в дружбе и в братстве без всякие хитрости о всем потому, как в сей записи писано, до тех мест, доколе меж себя на шертной грамоте и на докончальной большою правдою укрепимся; а целовал есми крест на сей записи перед своим отцом и богомольцом Афанасием митрополитом всеа Руси и перед своим богомольцом великого Новагорода и Пскова Архиепископ Пимин и передо всеми своими бояры и перед брата своего послом Янболдуем с товарищи, и перед ближним брата своего человеком Ацибашем Фрухом. И к сей записи печать есмя свою червленую привесели.

Опубликовано: Лашков Ф.Ф., «Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв.». Симферополь, 1891.

Глава 9

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КРЫМ В 60-е ГОДЫ XVI в.

Для Османской империи 60-е годы XVI в. – это последнее десятилетие правления султана Сулеймана Кануни (1520–1566), время которого вошло в историю как «золотой век» существования этого государства. Именно при Сулеймане получили законодательное оформление все основные социальные и управленческие институты, на которых базировалось это имперское образование. Фетвами шейх уль-исламов они были вписаны в круг шариатского понимания идеальной структуры общества, а нормы обычного права подведены под принципы шариата. Мусульманские структуры – шейх уль-ислама и судебно-правовая, так называемая кадийская система получили контролирующие функции над всеми иными управленческими структурами. Кадии повсеместно (в том числе и в Крым) назначались из центра. Империя отныне позиционирует себя лидером суннитского мира. Религиозные предписания во многом начинают определять и ее внешнеполитическое поведение. В этой сфере при Сулеймане Кануни ей сопутствовали успехи как в Европе, так и в Азии и Африке. Мирный договор 1555 г. с Ираном положил конец первому этапу конфронтации между этими двумя мусульманскими государствами (войны 1534, 1538, 1553–1554 гг.). И хотя это умиротворение оказалось недолгим и войны с Ираном продолжались на всем протяжении XVII и первой половины XVIII вв., перемирия в них, как правило, возвращали противников примерно к тем же границам 1555 г., представлявшим собой наиболее естественное разграничение между этими странами.

Ирано-османский конфликт был порожден многими причинами. В нем, как и в тюркском мире Восточной Европы, присутствуют глубинные противоречия миграционно-кочевнического прошлого. Османское государство в процессе своего становления сумело, преодолев многие традиции туркменского (туркоманского) мира, поставить оставшиеся в его составе племенные образования под строгий государственный контроль. Для них были обозначены определенные места и маршруты кочевок, последовательно претворялась в жизнь политика постепенного перевода их на оседлость, отрегулированы налоговые поступления и участие в имперских военных действиях. На восточно-анатолийских рубежах сохранялись 9 хюкюметов с племенным устройством, о которых Али Чауш, автор середины XVII в., писал, что в период завоевания они были уступлены их владельцам за «услуги и покорность». Эмиры владели ими на правах собственности. Их доходы не включались в государственные реестры. Области этих хюкюметов не подлежали переписям и переразделу. В них не расквартировывались султанские войска, а их владельцам было обещано, что и в будущем они и их наследники не будут ни уволены, ни переназначены, но они обязаны подчиняться приказам султанов и, имея «собственные народные, племенные и прочие войска», «как и прочие эмиры», ходить в походы с теми бейлербеями, эялетам которых они подведомственны (цит. по: Тверитинова А.С., 1963, с. 93; подробнее об истории и судьбах племенных объединений в Анатолии см. работы Еремеева Д.Е., 1971; Мустафаева Ш.М., 1994, 1997, 2006, 2015). В чем-то, как мы видим, статус этих окраинных османских хюкюметов был схож с тем вассальным положением, в которое вводилось в империю Крымское ханство, но его более отдаленное от центра расположение придавало особую специфику как предоставленным ему правам, так и формам имперского контроля.

Анатолийские хюкюметы были осколками той туркменской племенной организации, которая смирилась с османской государственной регламентацией и продолжала сохраняться на имперской территории. Многие племенные объединения, однако, переселились на иранскую территорию, где приняли активное участие в строительстве государства Сефевидов, избрав для идеологиче-

ского обособления себя от османов ислам шиитского толка. Войны Османской империи с Ираном были не просто территориальным соперничеством двух государств, а столкновением разных путей цивилизационного приобщения кочевнического мира к новым условиям существования, усугубленным к тому же и резко враждебными друг другу религиозными расхождениями. Неслучайна такая длительность и фактическая безрезультатность их противостояния. Имея явное военно-техническое преимущество и не раз углубляясь далеко в иранскую территорию, османы по тем или иным причинам отступали на исходные позиции, не находя приемлемых контактов с местным населением. Воюя с христианским миром, они выступали как некий новый господствующий класс, отодвигая инноваторов от государственного управления и военной службы и вводя для них повышенное налогообложение. В мусульманско-шиитской среде этот вариант не проходил. Нужна была иная концепция государственного строительства и более длительный период для ее претворения в жизнь. Европейское соперничество не давало османам этого времени. В самом же Иране после реформ Аббаса I усиливается «иранизация» (или «персизация», как чаще говорится в европейской литературе) государства Сефевидов, сопровождавшаяся снижением влияния тюркской кызылбашской знати и роли тюркского племенного сообщества в жизни страны (Мустафаев Ш.М., 2017, с. 311). Османские воины встречали на иранской территории фанатично враждебное население и не видели для себя возможности получить там выгодное тимарное владение. Поэтому-то войны в Европе стали представляться им более привлекательными. Осложнялась ситуация тем, что через Иран шли традиционные торговые караванные пути, последний азиатский отрезок которых оказался в руках османов. Стремление к контролю над ними усиливало соперничество между двумя этими странами, но в то же время требовало безопасности для их функционирования. Отсюда противоречивость в поведении, поиски альтернативных торговых возможностей, а зачастую и недоведение до конца успешно начинавшихся военных операций.

В европейском театре военных действий при Сулеймане Кануни османы продолжали медленно, но успешно продвигаться

в Центральную Европу и утверждать свое влияние в Юго-Западном Средиземноморье.

На границах империи к этим годам начинают оформляться пограничные административные единицы. В османской практике это был процесс неодномоментный. Обычно поиски наиболее приемлемых форм управления занимали 40–50 лет, что определялось военными и политическими потребностями империи и особенностями местных условий. Кафу же как самостоятельную административную единицу османы оформили лишь в 1568 г., т. е. почти через столетие после завоевания. Долгое время она оставалась пограничной периферией, не вызывавшей ни опасений, ни необходимости в более крепкой привязке к центру. В ней не было тимарных владений, а, следовательно, и собственного кавалерийского ополчения. Все «земли и пашни» считались принадлежащими лично султану («объявлены хассами султана»), все финансовые вопросы решались имперской финансовой службой (казной, как писал Али Чауш). По предписанию центра в эялете на постоянной основе находились отряды султанских войск (Тверитинова А.С., 1968, с. 95). Как особая административная единица в XVI веке была выделена и Силистра. В 1538 г. под центральное управление взяты крепости Очаков и Бендеры (Тягин). Позднее на их базе был оформлен новый пограничный эялет (Подробнее см.: «История османского государства», 2006, с. 176; Inalcık Н., 1973, s. 172–174). При Сулеймане был окончательно выработан и статус Молдавии как османской вассальной территории, с чем, однако, никак не могла смириться Польша, также стремившаяся установить вассальные отношения над Молдавией. Продолжались военные действия против Габсбургов, претендовавших на власть над венгерскими территориями, уже в 40-е годы расчлененными на три части. Эялет Будин (Будун, Буда) был включен в основные османские имперские территории. Трансильвания пребывала в статусе османского вассала. Часть Венгрии оставалась под властью Габсбургов. Именно за нее продолжалась особенно упорная борьба (см.: Османская империя и страны..., 1984). На северо-востоке Европы в политике османских властей последних десятилетий правления Сулеймана явно просматривается стремление как-то стабилизировать свои границы, окру-

жая их вассальными территориями и контролируемые из центра крепостями.

Несколько периферийно (без непосредственного участия султана) шло утверждение османского доминирования в западной части Средиземного моря. В Европе же средиземноморское направление османской экспансии во второй половине XVI в. считалось наиболее опасным. Именно для борьбы на этом направлении оформилась первая антиосманская Священная лига европейских государств.

Напоминаю, что в 1521 г. Мехмед-Гирей не принял османского приглашения участвовать в первой европейской военной экспедиции Сулеймана, выдвинув для отказа вполне обоснованные причины. Позднее Сахиб-Гирей по султанскому приказу умирял мятежные северокавказские племена, стабилизируя эту далекую пограничную область империи. Он также отказался от участия в персидском походе империи. Будучи османским ставленником и в первый период своего правления в Крыму поддерживая дружеские отношения с султаном, он объяснял своему сюзерену, что подвластные ему татары – «голытьба, не способная переносить далекие и трудные походы, а снаряжение отряда из отборных храбрецов – наездников, по его вычислениям, обошлось бы султану слишком дорого». Биограф Сахиба Роммаль-ходжа, сообщая об этом письме хана, подчеркивает, что султан принял к сведению полученную информацию. Поэтому, очевидно, он и не приглашал больше крымские войска для участия в своих военных экспедициях (см.: Смирнов В. Д., 2005, т. 1, с. 320). В июле 1552 г., правда, был указ Сулеймана Девлет-Гирею, в котором говорилось: «Ты с войском совершил поход на страну презренных неверных московитов и, одолев проклятых неверных – благодарение Аллаху Всеславному и Всевышнему! – благополучно, с радостью и добычей вернулся обратно». А потому хану предлагалось отправить 30–40-тысячное войско во главе с одним из его заслуживающих доверие мирз к границам Трансильвании, где вместе с молдавским воеводой и беом Бурсы Бехрамом совершить конный рейд в страну неверных. «Разоряя и разграбляя страну, (пусть) добудут добычу и трофеи». В сентябре, однако, этот приказ был отменен, хотя и оставалось распоряжение – войско не распускать и находиться в готовно-

сти у границ Польши и Молдавии (тексты указа см.: Документы, 2008, с. 114–121). Зная трудности ханства во второй половине 50-х годов, понятно, что и сами крымские татары к далеким походам тогда не стремились, хотя, как можно заключить из этого указа, имперскому центру о всех своих мало-мальски удачных вылазках сообщали в неоправданно приукрашенных победных тонах. Для участия в серьезных военных действиях крымцы были призваны лишь в тот последний поход Сулеймана (1566 г.), в котором этот султан скончался. До этого он одиннадцать лет лично не принимал участия в походах. Как пишет американская исследовательница К. Финкель, его решение самому возглавить венгерскую экспедицию было будто бы следствием упреков дочери Михримак-султан, обвинявшей отца в уклонении от его священной обязанности вести борьбу с неверными (Финкель К., 2009, с. 209). Армия, возглавлявшаяся султаном и его великим везиром Соколлу Мехмедом-пашой, в течение месяца осаждала крепость Сигетвар. Сулейман умер за день до падения крепости. И хотя везир Соколлу сумел довести эту военную операцию до победного конца, присоединить к империи венгерские территории к югу от озера Балатон, сохранить в тайне смерть султана до приезда наследника Селима и т. п., все эти события едва ли произвели благоприятное впечатление на участвовавшего в них крымского ханыча, калгу Мехмед-Гирея. Известно, что в феврале 1567 г. на встрече с российскими послами в Крыму – Нагим, Писемским, Васильевым Мехмед-Гирей рассказывал: «Яз деи был на войне с Турским, а ходил на Печского. А отец ... мой... царь, и брат мой Алды-Гирей, царевич, ходили на государя вашего недруга на короля. И отец деи мой и брат мой, и яз из войны, дал бог, пришли здорово» (Посольская книга, XIII, 2016, с. 73). Свое участие в османском походе он воспринимал, следовательно, не как какую-то особо почетную миссию, а как что-то сходное с традиционным грабительским набегом на литовские земли. Хан же использовал отсутствие калги, отправленного в венгерский поход, для затягивания переговоров с русским посольством (там же, с. 70–72). Однако само намерение достигнуть некой договоренности с Москвой не отвергалось. Выше цитированный разговор, как сообщали русские послы, Мехмед-Гирей завершил фразой: «И даст

деи бог, меж отца нашего (т. е. Девлет-Гирея – *С.О.*) и нас, и государя вашего доброе дело станетца».

А.В. Виноградов, один из публикаторов относящейся к этому времени «Посольской книги по связям Московского государства с Крымом» (кн. XIII. М., 2016), подробно проанализировал ход тогдашних переговоров русских послов в Крыму, их переписку с Москвой и те традиции, которые действовали в это время в Крымском ханстве при заключении каких-либо соглашений с христианскими странами (там же, кн. XIII, 2016, с. 34–40). Сравнение этого материала с тем, как происходили первые дипломатические контакты с Москвой при Менгли-Гирее, говорит об усложнении дипломатического делопроизводства, но сохранении его сути. Тексты союзнических документов составлялись самостоятельно двумя договаривающимися сторонами, согласовывались посольствами и пересылались друг другу. Каждая из договаривающихся сторон приносила клятву исполнять союзнические обязательства, записанные в ее тексте документа. Затем тексты этих документов снова отправлялись другой договаривающейся стороне. Все это требовало нескольких посольских пересылок, каждая из которых предполагала приезд послов более высокого ранга и, конечно, определенных «поминок». Единые тексты о союзе, утвержденные и подписанные двумя сторонами, т. е. договоры в европейском смысле, так и не вошли еще в практику дипломатических сношений ни Крымского ханства, ни Османской империи, ни России с ними.

Поскольку условия договора никак не могли согласовать, московскому послу Афанасию Нагому пришлось провести в Крыму свыше десяти лет. Случай беспрецедентный для крымско-российских отношений. Крымский посол в Москве Ян-Болдуй (Джан-Болды) также был задержан, но с ним переговоров не велось. Все разногласия, разрывы и примирения согласовывались в Крыму, с которым у Москвы шел тогда активный обмен гонцами. Положение на границах, несмотря на переговоры, оставалось беспокойным, так как и во время этих переговоров Московия продолжала быть для крымских масс наиболее удобным объектом грабительских набегов. Польско-литовское направление, как мы покажем далее, имело в этом плане ограничительные препоны дипломатического характера.

От позиции Польско-Литовского государства во многом зависела тогда внешнеполитическая ситуация в регионе. Великое княжество Литовское находилось в персональной унии с Польским королевством. Потому-то при оценке его действий необходимо учитывать как литовские интересы, так и влияние польской политики, имевшей свою специфику. Но вместе с тем не стоило бы, как это делает А. А. Новосельский, говоря о событиях 50–60-х годов XVI в., называть все, что исходило от этих государств, польской политикой. Пока еще (до окончательного объединения 1569 г.) Литва имела возможность проявлять свою особую позицию в отношении своих восточных соседей. В среде литовской аристократии были сильны настроения, толкающие ее к союзу с Москвой. Это-то и пыталась использовать Россия в 50-х гг. в своих расчетах на совместные антикрымские действия.

Еще в 1533 г. между Османской империей и Польским королевством был заключен мирный договор. Обстоятельства его подписания подробно проанализировал польский ученый Д. Колодзейчик. Он обратил внимание на то, что этот документ, как кажется на первый взгляд, не соответствовал тем традиционным шариатским канонам, которые предписывались исламским государствам в их сношениях с христианами. В Коране сказано, что любые исламо-христианские соглашения могут быть лишь временными перемириями. В другое же время между ними должны быть или войны, или признание христианским государством вассально-даннического подчинения мусульманскому. В 1533 г. для исламской юридической легимитизации польско-османского соглашения был использован тот факт, что Литва платила дань Крымскому ханству. Следовательно, исламские законоведы, учитывая некую соподчиненность между Польшей и Литвой, приняли во внимание отношения между «вассалами» и тем перенесли свое покровительство на все это государство. Эта юридическая уловка еще раз показывает, что заключение двусторонних равноправных договоров в дипломатическую практику международных отношений османов все еще не вошло. К принятию так называемой «европейской» культуры межгосударственных отношений (которая тогда и в Европе-то еще не совсем устоялась) эта исламская империя, упиваясь своей силой, все еще не была готова.

Литовские, а затем польско-литовские обязательства об уплате регулярных взносов в Крым действовали с 1512 по 1682 г. В Вильно и Кракове они рассматривались как их добровольная плата за военное сотрудничество в борьбе с Московским государством, а в османско-ханской документации фигурируют под разными названиями – *völek*, *hediya*, *pişkeş*, *hazine*, *vergi* (предписанное, подарок, подношение, казна, налог), а то и *haras* и *sızıye*, т. е. как принятые в исламских странах официальные названия налогов, собираемых с проживающих в них немусульман (Kolodziejczik D., 2000, с. 117–118, 230–233; 2011, с. 59, 445–446, 497–499, 504–506; 2015, с. 112). Бывало, что литовские власти не присылали «поминок», объясняя это тем, что татарские набеги опустошают их окраинные земли, а не направляются против Московии. При этом антимосковских действий ожидали от крымцев даже в то время, когда в литовско-московских отношениях действовали перемирия. Известны случаи, когда литовские послы и в Москве заявляли: «Перекопский царь государя нашего подданный, и государь наш его жалует» (сб. РИО, т. 71, с. 264). Но такие заявления не принималось российскими властями всерьез, так как в русском внешнеполитическом ведомстве хорошо понимали суть дела. Такие же «поминки» крымское ханство получало и от Москвы и иногда шантажировало ее тем, что Великое княжество Литовское платит больше (в этом-то и заключался тот аукцион, о котором писал С.М. Соловьев). Однако, как справедливо подчеркнул А.А. Новосельский, «суждение о том, что в отношениях к своим соседям ... татары руководствовались исключительно соображениями корыстолюбия и заключали союз то с Москвой, то с Польшей, смотря по тому, какая сторона пришлет большие поминки (С.О. – здесь Новосельский делает ссылку на работы Ф. Хартахая, 1866, с. 202, 208, 232 и М.Н. Бережкова, 1888, с. 343–345), исходят из признания такой степени примитивного поведения крымцев, что в нем нельзя было предполагать каких-либо политических мотивов. Между тем у крымцев в их отношениях с соседями был политический расчет» (Новосельский А.А., 1948, с. 9). К тому же, как замечает тот же А.А. Новосельский (там же, с. 10), Польша тогда «контролировалась соседней с ней Турцией». Возможно, слово «контролировалась» здесь и является некоторым преувеличением, но в орбиту османского политического

воздействия Польша тогда, бесспорно, входила, а неуплата дани Крыму, как мы увидим далее при рассмотрении польско-крымских отношений второй половины XVI в., вызывала претензии Порты к польским властям и официальные разрешения крымским ханам совершать грабительские набеги на польские пограничные владения. Статьи о ежегодных выплатах традиционных подарков крымским ханам как неременном условии поддержания мирных отношений включались и далее во все последующие польско-османские договорные документы. Следовательно, уже тогда был завязан тугой узел османо-польско-крымского единения, просуществовавший почти все следующее столетие. Российские же надежды на антикрымский союз с Литвой в этих условиях перспектив не имели, что и начинает понимать Москва. Отсюда проистекали и многие противоречия в поведении Нагого, о которых пишет А.И. Филюшкин. Нужно было спокойствие на границах, союз же и совместные действия в Ливонской войне желательны, но, понимали, малореальны. Отсюда и осторожность, недоверие к обещаниям хана, нежелание брать на себя какие-либо обязательства без предварительного согласия на их исполнение с противоположной стороны, что выливалось в торг, кто первым подпишет шертную грамоту, и многие другие детали переговоров, ход которых далеко не всегда понятен современным исследователям.

Литовско-крымский договор об антимосковских действиях был оформлен уже в 1552 г. (Kolodziejczik D., 2011, с. 504–505; Katalog, с. 45–46), и несмотря на неоднократно предъявлявшиеся хану литовскими дипломатами обвинения в пассивности, это антимосковское соглашение действовало на протяжении всей ливонской войны, после каждой размолвки снова возобновляясь (в 1558, 1567, 1578 гг.). В Москве об этой литовско-крымской договоренности узнали осенью 1559 г. из перехваченных Д.Ф. Адашевым на Днепре документов литовского посольства в Крым. Как подметил Б.Н. Флоря, этими грамотами Даниил Адашев невольно нанес удар своему брату, так как они убедительно показали нереальность тех политических расчетов, на которых ранее (во второй половине 50-х гг.) базировались внешнеполитические планы Ивана IV и его тогдашнего ближайшего советника Алексея Адашева. В перехваченных документах сооб-

шалось, что скоро в Крым приедет «большой» посол короля (а это означало, что все спорные вопросы уже улажены) с «добрым делом о дружбе и братстве», подтверждалась гарантия больших ежегодных «поминок» и констатировалось ханское обещание о том, чтоб он «с недруга нашего с московского князя саблю свою завсе не сносил» (Флоря Б.Н., 1999, с. 182).

В Приложении к этой главе мы приводим текст помещенного в «Посольской книге» русского пересказа письма султана Селима II (1566–1574) хану, полученного в Крыму 24 марта 1567 г. В нем турецкий султан сообщает, почему он вынужден защитить своего вассала от литовских обвинений в сотрудничестве с Москвой: «Литовской деи перед крымским царем не прав: царева посла у себя задержал, и казны ко царю не прислал ... Да царь деи крымской ссылается с московским со царем и великим князем, а московский деи царь и великий князь ссылается с крымским царем. И которые деи гонцы ходят с Москвы в Крым и из Крыму к Москве, а с ним ходят гости мои и цареvy. И король деи царя и великого князя гонцов и царевых гонцов и моих царевых гостей велит казакам своим на поле громити и побивати, и животы их имати. И царь деи Крымской о том х королю посылал не одиново, чтоб король моих гостей и царевых гостей животы, сыскав, велел отдать, а казаков бы своих прислал ко царю головами. ... И крымский деи царь короля воевал по делу за его неправду» (Посольская книга, т. XIII, 2016, с. 87–88). Это письмо, как нам представляется, дает ключ к пониманию того, что творилось тогда в Диком поле и как турецкие власти оценивали эту ситуацию. По степи бродили многочисленные татарские и казацкие отряды, зачастую никому не подчинявшиеся. Фактически ни Литва, ни Крым Поле не контролировали. Находившаяся за Полем Москва интересовала османов лишь как торговый партнер, поставщик экзотических товаров (вроде мехов, кречетов для охоты и т. п.). Ссориться с ней и как-то посягать на ее территории они не планировали. О разграничении территорий в этом далеком северном регионе османские власти представление имели самое поверхностное, но за отношениями между вассалами следили и жалобы их друг на друга разбирали, призывая к порядку обе конфликтующие стороны. Польско-литовскому королю, которого османы воспринимали как подчинившегося

им правителя, не очень доверяли, а за недостаточную лояльность могли и наказать. В том же письме Селим напоминает: когда «отец мой пошел на Печского, и король деи послал Печскому на помощь рати свои двенатцать тысяч», и потому разрешает «впред деи Крымскому его воевати же». Такое отношение султана к происходящему в регионе во многом и предопределило османскую позицию в начавшемся вскоре походе против Астрахани.

В Крыму переговоры с Москвой продолжались. 1 мая 1567 г., в связи с прибытием очередного московского гонца хан, вызвав к себе посла Афанасия Нагого, сообщил ему о своих недавних походах на Литву: «Государя вашего недруга короля воевал», и объявил, что он принял, наконец, решение о подписании союзного договора с русским царем: «Мирюсь с братом своим и, доброе дело вершив, посла своего Мурата к государю вашему пошлю, и вас отпущу. И тогда деи государю вашему будет ведомо, как учнут недруга его короля воевати» (Посольская книга, 2016, т. XIII, с. 89–90). Послам стало известно, что тогда же Девлет-Гирей в ответ Сигизмунду II Августу, пытавшемуся оправдаться за свою задержку с отправлением «поминков» («Прислал тебе казну не сполна, потому что меня ляхи не слушали. И ты деи их сее зимы воевал»), написал: «Коли деи яз у короля просил казны, и он деи мне казны не дал, а ныне деи яз помирился с Московским» (там же, с. 93). Казалось бы, все, вопрос решен. Московским послам было предложено: «Наряжайтесь и лошади покупайте и будите готовы» (там же, с. 91). Миссия Нагого кончалась, и из Москвы должен был приехать особый посол с окончательным текстом соглашения («докончанием»). Однако уже в июне, после очередной посольской пересылки с польско-литовским королем, который сообщил: «Казна деи твоя у меня готова, и ты дею по казну ко мне пришли человека своего и помирися деи со мною, а с Московским деи не мирися», Девлету «приговорили царевичи, и карачеи, и уланы, и князья, и мурзы, и вся земля мирится с королем» (там же, с. 95), хан потребовал от Сигизмунда, «чтоб ему казну прислал на три года, да за гробез, что королевские казаки у царевых гостей и у Турского ... имали на погромех восемьдесят тысяч золотых; да з гонцом бы деи со царевым прислал ко царю запросу наперед десять тысяч золотых. А сроку деи царь гонцу своему учинил

на пятьдесят ден» (там же, с. 97). Ведший от имени Крыма переговоры с российскими послами Сулеш-князь (московский амиат, представитель семейства Сулешевых, ведавшего отношениями ханства с Россией. О нем см.: Виноградов А.В., 2006 и далее в нашем тексте) все еще продолжал надеяться, что король не заплатит хану требуемую сумму и переговоры о дружбе и братстве с Москвой продолжатся. Оказалось, однако, что за этими разговорами о поминках и их размерах стоят более серьезные политические проблемы.

Первая из них так была объяснена русским послам: кабардинский князь Темрюк (тогдашний тесть Ивана Грозного) вместе с московской ратью начал «воевати Турского черкасов и царевых Беслановых детей и иных черкас, которые служат Турскому и царю, да Шабшука Казыева тестя. Да государь же деи ваш хочет на Тереке город ставить». Об этой проблеме мы будем подробнее говорить в следующей главе. Пока же лишь отметим, что, как и в вопросе о Вишневецком, дело здесь касалось не только крымско-российских отношений, но затрагивало те районы, которые находились в ведении османских имперских властей, как здесь сказано: «черкас, которые служат Турскому», и дагестанских областей, игравших особую важную роль в османо-иранском разграничении. Вопрос, следовательно, уже уходил из крымской компетенции.

Вторая проблема, заставившая крымскую знать выступить против желания хана пойти на союз с Москвой, по словам того же Сулеша, состояла в следующем: «В думе ж деи у царя было слово то от царевичев, и князей, и мурз, и ото всей земли – со государем вашим миритися не велят, – что взял два юрта бусурманских, да он же деи взял Немцы (имеются в виду тогдашние русские победы в Ливонии – *С.О.*). И ныне деи тебе поминки дает, хотя короля извести. И как деи он короля извоюет, и нашему деи юрту от него не пребыти» (Посольская книга, 2016, т. XIII, с. 98). Последние доводы почти буквально перекликаются с теми словами, которыми один из литовских переговорщиков на московских переговорах 1556 г. неофициально объяснял отказ литовской делегации заключить союз с Москвой для борьбы с Крымским ханством: «И только крымского избив, и вам не на ком пасти, пасти вам на нас» (цит. по Флоря Б.Н., 1999, с. 183).

Такие опасения были вызваны, как уже не раз было сказано, литовским соперничеством с Москвой за славянские земли и наследие князя Владимира. Литва, это внутренне малосплоченное государство, Москвы боялась настолько, что не могла поверить в предложенный ей московским царем «вечный мир» и возможность совместной борьбы с общим противником, опустошавшим и ее приграничные районы. Даже московские походы на нижний Днепр в 50-е годы Сигизмунд рассматривал как нарушение тогдашнего российско-литовского перемирия. Московские власти оправдывались тем, что они «берегут христианство от татар, и в том стоянии государства нашего на Днепре не одним государя нашего людям оборона, а и короля земле защита» (РИО, т. 59, с. 578–584). В историографии эта польско-литовская непримиримость оправдывается знанием последующей истории, хотя альтернативные возможности иного развития и здесь явно просматриваются. Великое княжество Литовское ими не воспользовалось. И более того, очевидно, именно от Литвы подобные антимосковские настроения проникали и в Крымское ханство. Москва объявлялась общим врагом. Довод о неизбежности ее будущей агрессии повторялся тогда в среде крымской знати неоднократно (Посольская книга, 2016, т. XIII, с. 102, 105, 116, 126). И это было в тот момент, когда Российское государство явно не было настроено на конфронтацию. На южных рубежах строились оборонительные крепости – Орел, Новосиль, Епифань (Города России, 2002, с. 335). Иван Грозный пошел на ликвидацию наиболее глубоко расположенного в степи Пселского городка (существовал в 1557–1558 гг., см.: Милюков, с. 191, 197), который по аналогии со Свияжском, ставшим подготовительным плацдармом для завоевания Казани, вызывал особую озабоченность у Крымского ханства (подробнее о последствиях ликвидации Пселского городка см.: Загорский В.П., 1991, с. 138–143).

Опасность крымских набегов заставляла Москву даже в самые трудные моменты войны за Ливонию держать значительные военные силы на юге, перекрывая район от верховий Оки на западе до Цны на востоке. Установление же тогда мирных отношений России с Крымским ханством могло бы направить государственное становление этих государств совсем по иному пути развития и придать геополитическому разграничению их территорий иную конфигурацию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Султанское послание крымскому хану Девлет-Гирею,
изложенное в посольской книге находившегося
тогда в Крыму русского посла А. Нагого*

И марта в 24 день [1567 г.] турской царь Селим прислал х крымскому царю Мааметя-чеуша. ... Да чеуш ден царю сказывал, что литовский король присылал к турскому царю послов своих на крымского царя з жалобою:

— Яз ден тебе даю казну, а крымскому ден царю даю казну же, и сее ден зимы крымской царь и сын его царевич Алды-Гирей с великим собранием меня воевали, и земаю ден мою доспели пусту. А моей ден неправды перед царем нет. И мне ден вперед твоей казны и царевы казны сполна собрати немочно, потому что ден у меня многие города от московского царя и великого князя и от крымского царя запустели. И ты б ден крымскому царю воевати меня не велел.

И турской ден царь литовским послам говорил:

— Литовский ден перед крымским царем неправ: царева посла у себя задержал, и казны ко царю не прислал, а казною ден царя манит, и сроки переволачивает. Да царь ден крымской ссылаетца с московским со царем и великим князем, а московской ден царь и великий князь ссылается с крымским царем. И которые ден гонцы ходят с Москвы в Крым и из Крыма в Москву, а с ними ходят гости мои и царевы. И король ден царя и великого князя гонцов и царевых гонцов и моих царевых гонцов велит казаком своим на поле громити и побивати, и животы их имати. И царь ден Крымской о том х королю посылал не одинова, чтоб король моих гостей и царевых гостей животы, сыскав, велел отдати, а казаков бы своих прислал ко царю головами. И он ден животов их не сыщет, и царю не отдаст. И казаков ко царю головами не пришет, и дорогу ныне царю с Московским ссылаться, и гостем ходити отнял. И к отцу ден моему царь на короля о том писал неодинова. А гости ден турские, у которых литовские казаки на погромех животы поимали, отцу моему на короля били челом беспрестанно. И крымской ден

царь короля воевал по делу за его неправды. Да король же деи сказывался отцу моему друг, — а как деи отец мой пошел на Печского, и король деи послал Печскому на помощь рати своей двенадцать тысяч. И то деи королева правда ли?! А ныне деи прислал ко мне король своих послов на Крымского з жалобою, — с которым делом Крымской де воевал его по делу. Да и впред деи Крымскому его воевати же!

Напечатано: Посольская книга, XIII. М., 2016, с. 87–88.

*Перевод грамоты хана Девлет-Гирея,
привезенной в Москву в сентябре 1567 г.*

Великие Орды великого царя Девлет-Киреево цареве слово брату моему великому князю Ивану Васильевичу — много-много поклон, молвя с любовью заповеди, и слово то.

Наперед сего: ты, брат мой, послов и гонцов своих з грамотами своими посылал еси, чтобы меж нас дружба и мир стался. И от начала и мы, хотя миру, гонцов своих з грамотами посылали есмя, что Азсторохань и Казань — от прежних лет мусульманство было, а от нашего места и от нашего родства царей юрты были, — потому есми их и просили. А которые поминки великие к дяде моему Магмет-Кирею, царю, с Аппак-Азеем присланы, и толко таковы ж великие поминки приплешь, и нашим людям и нашим землям и всем мусульманским землям убытков не учинити бы! И посылали есми, что на шамхальской и черкасской стороне город ставишь, — и тебе бы туто город не ставити: и предки твои чево не дельвали, и тебе бы того не делати. И хотели есми на том роту и шерьть учинити, что с тобою в крепкой дружбе быти, и земле твоей убытков не учинити. И в то время прислал еси грамоту с своим гонцом с Лукьяном, а того еси нам не извещил, что тебе Азсторохани и Казани поступитись; и самому бы в упокое быти; и на шавкальской и на черкасской стороне города не ставить; и прислати бы таковы великие поминки, каковы присыланы к дяде моему Магмет-Кирею, царю, с Аппак-Азеем; и мусульман-

ской бы земле убытков не делати. А преж сего написал бы еси грамоту и правду учинил, что тебе нашим людем и напей земле убытков не делати. И мы потому от своих ички-князей Сулейманшина княжево сына Мурат-мурзу хотели с ротою и шертною грамотою послать, чтоб на год и на другой мир был. И как бы меж нас дружба и любовь, и мир остался, как годно меж нас и в прок бы и до нашего живота от детей и на внучата миру бы таки быти. И как гонец твой Семен к нам приехал, и мы своего гонца изготовили были, и с твоими гонцы отпустить хотели. И мы слышали, что еси прислал людей тысячи две-три, да на Терке город поставил того для – премыслил еси, чтоб Шавкалскую землю и Черкасскую изневолить. А шавкалцы – мусулманы, а приотпех и при дедах, и при дядях наших от тех мест и по ся места меж нас с ними ссылка живет, и люди к нам ходят, а наши люди к ним ходят в дружбе и любви введемся. А черкасы хандыкереву величеству и нам подручны, – и тем городом хочешь ты отлучить черкас от хандыкерева величества, и от нас ты похотел черкас отлучить. И милосерднаго бога милостию на их землю рать послал есми, и от тебя черкас отлучая, всю землю черкасскую воевали и жгли, и жены, и дети имали, и животину, и овцы пригнали. И что черкасом учинилося – то ты и сам оттоле уведаешь. А в той грамоте, которую с Лукьяном прислал еси, не писано, что тебе в той стране город ставити. А слышали есмя про тот город, как гонец твой Семен приехал, – и про то нам на тебя досадно учинилося, за то есмя к тебе посла не отпустили и гонцов не послали. А рота и правда на тебе осталась, не мы порушили, – ты порушил. Так бы еси ведал.

А в твоей грамоте, которую еси с Семеном прислал, никак еси того не написано, чтоб таковы поминки великие прислати, каковы с Аппак-Азеем к дяде моему Магмет-Кирею, царю, присланы. А что еси не написал того в грамоте, и то знаменует тому, что ты не хошь дружбы и любви. И как с любовным ярлыком холоп мой Алей-чаушь доедет, и похощь дружбы и миру – и ты тот город вели снести. Да прислал бы еси таковы ж великие поминки, каковы присланы к дяде моему Магмет-Кирею, царю, с Аппак-Азеем. А не похощь так, – и ты бы наших послов, которые там, отпустил, и доколе из твоее земли выйдут, на дороге бы им убытков не было, – в том бы еси уве-

рил. И мы здешних твоих послов, Божией милостию убытков им не учинив, отпустим. Так бы еси ведал.

Меж нас боле того ссылки не будет: кому что ни даст Бог милосердный – даст, – и мы за свой сором учнем стоять. Так бы еси ведал.

Молвя, ярлык с любовью писан лета 975-го месяца сентября, писана в Алме-Сарае.

А се у грамоты на поле писано одна рука с грамотою:

Толко с нами похошь в любви быти, и ото всего сердца миру похошь, и ты б человека моего Алей-чауша, никак не подержав, своего доброго человека вместе отпустил, наша рота в роту. Так бы все ведал.

Хотя миру и не похошь, и ты б Ян-Болду (и) имелдеша отпустил: Алей-чаушу б еси его здорова показал, ан бы в Путивле стоял. А ты к нам человека своего пришли – права перед Богом – после сего убытков от нас не будет: по-прежнему жалованье свое дадим, от нас убытков не будет, – мы учиним по государству своему и по своей роте. Только ты им убытки учинишь, то ты ведаешь: мы на Бога положились. Так бы еси ведал.

Мы пригожества для имени своего людей твоих, пожаловав, отпустим. И ты имени своему пригожества учини – мы на твою ротную грамоту смотрим. Так бы еси ведал.

Документ опубликован: Посольская книга..., XIII. М., 2016, с. 119–121.

Содержание документа любопытно тем, что это фактически объявление о разрыве дипломатических отношений, но объявляющая об этом строна всем содержанием этого послания показывает свое сожаление, нежелание разрыва, надеется, что Москва сможет изыскать какие-то возможности избежать его, пойдет на какие-то уступки и сможет предотвратить конфликт.

Ханство явно вынуждено следовать указанию центральных имперских властей, но пытается сохранить возможности для возобновления в ближайшем будущем прежней стабильности в отношениях с соседями.

*Грамота к хану Девлет-Гирею (январь 1568 г.)
от царя Ивана IV*

Бога всеми владеющего милостию великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси Великие Орды великому царю, брату нашему, Девлет-Кирею, царю, много-много поклон, после слово то.

Сею дорогою своего гонца с своею грамотою прислал еси. А в грамоте своей к нам писал еси, что наперед сего меж нас ссылки были, чтоб меж нас дружба и мир сстался. А что Азсторохань и Казань от прежних лет мусульманство было, — и ты потому их просил, а каковы поминки посыланы были к дяде твоему к Магмет-Кирею, царю, и толко таковы поминки пришем — и ты на том, брат наш, хотел роту и шерть учинити и в крепкой дружбе с нами быти. А что преж сего написали были есмя грамоту и правду учинили, что было нам и нашим людям твоей земле убытков не делати — и ты, брат наш, Сулеманшина княжово сына Мурад-мурзу хотел с ротною и с шертною грамотою к нам послати. И прослышел еси, что в Черкасской земле на Терке-реке город своим человеком поставити велели есмя, а тебе от прежних времен с ними ссылка живет, и меж вас дружба и любовь ведетца. И про то тебе досадно учинилось, за то еси к нам посла своего Мурат-мурзу не отпустил и гонцов к нам не послал, а роту и шерть кладешь на нас, что будто роту и шерть порушили мы, а не ты. И как гонец твой Алей до нас доедет, и похотим дружбы и миру, — и нам бы с Терки город велети снести; и поминки бы нам к тебе прислати, каковы посыланы к дяде твоему, к Магмет-Кирею, царю, с Аппак-Азеем; и гонца б твоего Алея не задержав, к тебе отпустить и своего гонца с ним вместе к тебе послати, — и твоя рота — в роту. А не похотим так, — нам бы послов твоих Ян-Болдуя (и) имелдеша с товарищи к тебе отпустить, а ты наших послов к нам отпустишь.

И мы грамоту твою выслушали и вразумели гораздо. И что писал еси к нам в своей грамоте о Казани и Азсторохани, — и Казань

ской юрт от прородителей наших и от деда, и от отца нашего в нашей во всей воле были. И царей сажали на Казани дед и отец наш по своему хотению, – кого пожалуют. И в наши не в свершенные лета казанцы изменным обычаем нам грубили и убытки земле нашей многие делали. И многижды есмя к ним писали, чтоб ся в своих изменах узнали. И они нас не послушали – в своих изменах ся не узнали. И как есмя своего совершенного возрасту дошли и на конь всели, и мы всемилостиваго Бога волею по тому за их неправды так над ними и учинили. А азстороханский Ямгурчей, царь, поискал был к себе нашего жалованья и присылал к нам посла своего Ишима, князя, чтоб нам его в обороне держати по тому ж, как и дед наш, и отец тот юрт во оберегание держал, а ему от нас и от наших детей неотступну быти. И мы его своим жалованьем пожаловали, и посла своего Савастьяна Аврамова со своим жалованьем послали есмя. И он, позабыв свою правду, посла нашего Савастьяна, изымав, безчестовал. И мы за те его неправды посылали на него з Дербышем, царем, рать свою, и на своем юрте учинили есмя от своее руки Дербыша, царя. И Дербыш, царь, на своей правде нам не устоял, и мы за его неправды учинили в Азсторохани воевод своих. И Божиим милосердием те есмя юрты Казанской и Азстороханской устроили, как им от нас неподвижным быти, а не для того, что мусульманскому роду веру изводя: которые нам измену делали, – над теми для их неправды потому и ссталось, а которые мусульманы нам правдою служат, – и мы по их правде жуем великим жалованием, а от веры их не отводим. И тому делу быти непригоже, чтоб нам тебе Казани и Азсторохани поступитись. И ты б, брат наш, те дела отставил, которым сстатись невозможно. А есть у нас юрт мусульманской: Касимов-город в Мещере, на котором юрте был Шигалей, царь, а после его дочь осталась. И похощь, брат наш, с нами в дружбе быти и в любви, и ты б отпустил к нам сына своего царевича меншово или внука своего. И мы на том юрте на Касимове-городе того царевича учиним царем и устроим по тому ж, как на том юрте были Мердоулат и Айдар, и Шигалей, царь. И дочь Шигалея, царя, за него дадим, и учнем его честно держати по тому ж, как и Шигалея, царя, преж того в которой чести держали есмя. И правда б наша и дружба была неподвижна, и любовь бы меж нас вперед множилась, и на недру-

гов бы еси наших с нами был заодин. А город есмя на Терке-реке поставити велели по Темрюкову княжому челобитью, что есмя его пожаловали – взяли дочь его за себя. И которые черкасы были ему послушны, и те черкасы многие ему досады и убытки юрту его поделали. И мы для своего имени его пожаловали – город для его береженья поставити есмя велели на его земле и от недругов его велели есмя беречи. И будет вперед те черкасы с Темрюком, князем Айдаровичем помирятца по его хотению, и от того города тем черкасам убытка некоторого не будет. А что к нам пишешь, что роту и шерть порушили мы, а не ты, и посла своего Мурад-мурзу того для не послал еси, и мы, как преж сего перед твоим гонцом Арцибашем правду учинили, на чом нам с тобой, братом нашим, в крепкой дружбе и в любви быти, и о тех всех делех к тебе есмя писали со своим дворянином с Федором Андреевичем Писемским и с ним вместе гонца твоего Арцибаша к тебе отпустили. И на той правде по той отписке на тех делех с тобой, братом своим, в дружбе и братстве стояли есмя, да и ныне на той правде быти хотим. Ино ты, брат наш тогда ж свою правду порушил, – а приходил к городу Резани и на резанские места, а после того приходил еси на наши украинны на болховские места. И ты б, брат наш, то рассудил: с которую сторону меж нас правда порушилась. А ныне еси прислал нам гонца своего Алея з грамотами, а за ним приходили на наши украинны твои люди на северские места – Исмаил-мурза, Айгозя-мурза, Колкоман-мурза с воинскими людьми, и нашим украинным человеком убытки поделали. И мы, хотя на тебе, брате своем, доброго дела и любви поведати, послали есмя к тебе, брату своему, с сею грамотою своего гонца Истому Осорына. И похощь, брат наш, с нами быти в крепкой дружбе и любви по тому, как есмя к тебе, брату своему, в сей грамоте писали, и ты б, брат наш, прислал к нам своих послов, которые бы меж нас крепкую дружбу и любовь могли зделати, и посла бы еси нашего Офонася с товарищи с ними ж вместе отпустил. А наперед бы еси гонца нашего Истому отпустил с тем, что ты, брат наш, послов своих к нам плешь и нашего посла Офонася с товарищи с своими послы вместе отпустишь. И на которой срок велишь быти им на Семь-реке, и мы к тому сроку посла твоего Ян-Болдуя (и) имелдеша с товарищи и своего посла Федора Игнатьевича Салтыкова-Морозова

с поминки, каковы посыланы к Сап-Кирею, царю, со князем Александром Капиным, на Семь-реку приплем. А которой полон люди твои в наших северских местах сее зимы поймали, – и ты б тот полон, сыскав, велел к нам отпустить. То твоей, брата нашего, дружбе и зная.

Писан во государства нашего дворе граде Москвы лета 7076-го генваря-месяца.

Опубликовано: Посольская книга..., XIII. М., 2016, с. 132–135.

Обращаю внимание на спокойный тон этого послания, позволяющий предполагать, что, несмотря на угрозу разрыва отношений, в Москве не считали опасной складывающуюся ситуацию и продолжали надеяться на возможность относительно мирного урегулирования вновь возникшей проблемы, связанной с Терской крепостью. Традиционные пограничные грабежи и (также становящиеся традиционными) претензии на поволжские земли не виделись в Москве причиной назревания более глубокого конфликта в отношениях с Крымом.

Глава 10

АСТРАХАНЬ В РОССИЙСКО-КРЫМСКИХ И ОСМАНО-СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Еще при Менгли-Гирее велись переговоры о совместном русско-крымском овладении Астраханью и низовьем Волги. Крымского хана Астрахань беспокоила как последнее убежище большеордынских улусов, обосновавшихся там после разгрома 1502 г. Московские власти всячески отговаривались от предложения совместно выступить против Астрахани, будучи заинтересованными в антилитовской направленности их общих военных действий. Это расхождение намерений, связанное с собственными внешнеполитическими интересами каждого из этих ранее союзных государств, и явилось основной причиной распада их союза.

При крымском хане Мехмед-Гирее I в 1521–1523 гг. были планы переноса центра ханства в район Астрахани, что территориально приблизило бы его к ирано-туркменской среде, так же как и постордынские государства преодолевавшей свое кочевническое прошлое и потому близкой крымцам по духу, но чуждой османским реалиям. Последовавший за гибелью Мехмед-Гирея период правления в Крыму ханов, прошедших при султанском дворе османскую выучку, очевидно, был нужен метрополии, чтобы искоренить у своих вассалов ту шиитско-иранскую заразу, которая в период становления Сефевидского государства могла для них быть довольно привлекательной.

И наконец, в 1556 г. Астрахань была включена в границы московского государства, хотя сам процесс подчинения ее осуществлялся российскими властями как-то пассивно, с дважды пред-

принимавшимися попытками оставить ее в кочевнической среде, передав союзным Москве ногаям. Да и само взятие Астрахани, как не раз отмечалось исследователями, не вызвало какого-либо отклика в Московском государстве, как будто после казанского триумфа это было уже делом вполне заурядным (Зайцев И.В., 2004, с. 174; Huttenbach Н., 1988, с. 65).

Основная масса ногаев и татар, кочевавшая раньше в окрестностях Астрахани, после московского взятия ушла в Крым и даже далее – в заднепровское Причерноморье и в пределы Литовского государства (Тунманн, 1991, с. 62). Оставшиеся «мурзы и черные татары» Астраханского ханства сохранили свои владения, были записаны в службу и должны были обеспечивать поступление ясака в московскую казну в тех же размерах, что и при ханах (Зайцев И.В., 2004, с. 175). Сам же город был покинут ханом, его окружением и почти всем населением. Русские начали возводить новую Астрахань на левом берегу Волги. Старая татарская – Хаджи-Тархан, находясь на западном берегу Волги, не раз, как известно, подвергалась крымским вторжениям. Постоянное тюркское население вернулось на Нижнюю Волгу лишь в XVII в., после распада Ногайской орды и переселений из Казани (Трепавлов В.В., 2009, с. 23). Русские, однако, тоже довольно долго не чувствовали себя хозяевами Нижней Волги, контролируя лишь узкую прибрежную полосу реки (Зайцев И.В., 2004, с. 175).

Посаженным в Астрахани московским воеводам было поручено контролировать переправу через Волгу, с чем они не всегда справлялись. Известны жалобы ногайского мирзы Исмаила на царского наместника в Астрахани Ивана Выродкова, который «перевозов на Волге гораздо не бережет», «кто ко мне едет и от меня едет, тех воюет». Выродков был снят с этой должности (Посольские книги, с. 313–314; ПСРЛ, т. XIII, с. 330). Район, однако, оставался беспокойным: сказывались внутриногайские распри, были столкновения ногаев и астраханских татар, разбойничали этнически разнородные казаки-пираты, не подчинявшиеся никакой власти. Все это затрудняло функционирование Астрахани как ключевого пункта восточной торговли. Новый русский порядок переправы через Волгу, таможенные платы, пошлины и другие регулирующие пра-

вила вырабатывались десятилетиями. На первых порах в особенно трудном положении оказывались паломники, отправлявшиеся в хадж из Средней Азии и Сибири и не желавшие (или не могущие) уплатить пошлины (Трепавлов В.В., 2009, с. 24).

У Османской империи связи с Астраханским ханством, как утверждают французские исследователи группы А. Беннигсена, изучавшие османские документы того времени, почти не просматриваются. Османы обратили внимание на эту нижневолжскую крепость лишь после ее завоевания Россией, да и то не сразу (Восточная Европа, 2009, с. 21).

Инициатором в этом вопросе выступили тогдашние правители государств Центральной Азии, стремившиеся активизировать бывшие торговые пути региона в Европу и Средиземноморье, шедшие по северу Каспия и Черноморья. В этом большие надежды они возлагали на помощь Османской империи, всячески пытаясь привлечь ее внимание к этим территориям.

Известно, что уже в VIII в., после арабских завоеваний, этот северный отрезок так называемого Шелкового пути, связывавший Индию с Северо-Восточной Европой и Средиземноморьем, активно функционировал. Транзитная торговля обогащала города и оазисы Туркестана. Второй период активизации торговли по этому пути пришелся на время, когда монгольские правители после кровавого и разрушительного периода завоеваний установили свою твердую власть над огромной территорией и стали поощрять торговый обмен между Западным миром, Китаем и Индией. Тогда-то Азов (Азак, Тана, Танаис) становится главным терминалом транзитного пути из Азии в Средиземноморье. Торговля кормила и Нижнее Поволжье, и Среднюю Азию. При этом, как подчеркивает французская исследовательница Э. Каррер д'Анкокс, «своим процветанием данный регион был обязан своим положением, а не торговле», т. е. не собственным вкладом в тот товарооборот, который шел через их территорию, а тем, что обеспечивал безопасность и торговую инфраструктуру – склады, караван-сарай, ремонтные мастерские, содержание в порядке колодцев и т. п. (Каррер д'Анкокс Э., 2009, с. 118). Кризис середины XIV в., поразив-

ший весь тогдашний мир, в корне изменил ситуацию в регионе. Напомним, что распалась Монгольская держава, прекратились путешествия итальянских купцов в Монголию, Китай и Индию. Небезопасным стал торговый путь через Иран. Обострилось соперничество главных европейских контрагентов азиатской торговли – Генуи и Венеции. Чуть позднее произошло нашествие Тимура и начались местные татарские разборки. В результате «большая» торговля переместилась из северных Прикаспия и Причерноморья в сторону Ближнего Востока, Северной Африки, Египта (Карпов С.П., 1999, с. 220–237; об этом сообщает и венецианец И. Барбаро – см.: Приложение к главе 1).

В XVI в. ко всему вышесказанному добавилась османо-иранская конфронтация, сократившая ближневосточные возможности транзитной караванной торговли и вообще связи Средней Азии с Западом, затруднившая для местных мусульман-суннитов даже поездки в хадж.

Правители центральноазиатских государств хотели бы вернуть былые связи и пытались прибегнуть в этом к помощи Османской империи, лидера суннитского мира и их естественного союзника в борьбе с шиитским Ираном. Взятие же русскими Астрахани воспринималось как появление нового препятствия, закрывающего им доступ к западному миру. Русские власти в этой ситуации, очевидно, не сразу соориентировались и на первых порах не сумели наладить выгодные для России восточные связи, хотя и давали своим воеводам в Астрахани соответствующие распоряжения.

Османе воспринимали зачерноморские степи как нечто для них отдаленное, не связанное с их собственными внешнеполитическими интересами. Крымскому хану поручалось следить за тем, чтобы северо-восточные пределы Османской империи были «охраняемы и защищаемы от презренных неверных». В адресованном хану султанских распоряжениях (хюкм'ах) подчеркивалось, что лишь он обладает «познаниями обо всех делах, касающихся этих областей», и так как «направление донесения нашему Порогу Счастья» о делах в этой отдаленной местности и ожидание ответа требуют много времени», хану разрешалось самостоятельно решать

все проблемы пограничья, но (и это было строго обязательным требованием) «затем докладывать о принятых ... мерах». В другом распоряжении уточнялось: «Вам были доверены все вопросы, касающиеся ... как дела Астрахани, ногаев, так и ... (далее в тексте сохранившейся черновой копии документа оставлен пробел). Действуйте наилучшим и наискорейшим образом в части принятия мер», но не уведите войск из районов Озю (Очакова) и Аккермана (Белгорода-Днестровского). «Дела в этих землях являются наиболее важными» (Тексты этих документов, впервые выявленные в османских архивах исследовательской группой А. Беннигсена, приводятся нами в приложении к главе 8).

Северо-восток, как видим, вызывал определенную озабоченность Порты, но внимание к нему не должно было идти в ущерб ее европейской политике. Конечно, все эти указания сопровождалось традиционным рефреном типа: действуйте так, чтобы «враги веры не познали победы» и т. п. Однако, как справедливо заметил В.В. Трепавлов, «религиозная риторика, ... возмущение захватом «неверными» Казани и Астрахани, создание ими препятствий для паломников» неизменно присутствуют во всех посланиях к татарам, но они были лишь «эмоциональными высказываниями, не воплощенными в реальные политические действия» (Трепавлов В.В. Предисловие к книге «Восточная Европа...», 2009, с. 10).

Османский вассал крымский хан, несмотря на то, что в своих переговорах с Москвой и Литвой большое значение придавал поминкам, их размерам, сравнению того, кто даст больше, а в набегах на соседей – возможностям пограбить и захватить полон, стратегическую направленность своей политики не мог не согласовывать с сюзереном. В этом плане особенно показательна история городка на Тереке, который как раз в эти годы попытались возвести ориентированные на Россию казаки. Его появление вызвало озабоченность не столько хана, сколько османских властей, в подчинении которым находилась часть кавказских владений Порты. Вопрос, следовательно, оказался не в компетенции ханства, а затрагивал области центрального имперского подчинения. Потому-то хан объявил тогда московским послам: «А буде де ему (т. е. московскому

царю – С.О.) на Тереке город ставити – и он деи мне давай гору золоту, и мне деи с ним не миритца» (Посольская книга, XIII, М., 2016, с. 105).

Появление русских на Северном Кавказе не могло не насторожить османов. С 1563 г. в османских правительственных кругах эта проблема начинает озабоченно обсуждаться. Через эти земли шел традиционный путь на Дербент и далее к Ирану. В 1553–1554 гг. им впервые воспользовались османские войска, двигавшиеся из европейских владений империи к югу для завоевания Ширвана. Позднее тем же путем стали направляться в северный Иран войска крымских ханов (Курат А.Н., 2015, с. 109). Северокавказскую территорию, следовательно, османы рассматривали как область своих интересов, возможность реализации которых оказалась в это время связанной с судьбами Астрахани и Средней Азии.

Еще накануне османо-иранской войны 1548 г. в Стамбул пришло посольство от правителя Самарканда Абдуллатифа, который просил Османскую империю помочь ему огнестрельным оружием, пушками и людьми, владеющими этими видами вооружения, обещая выступить союзником османов в войне против Ирана. Просьба была удовлетворена. В Самарканд в 1551 г. через Кавказ и Астрахань было отправлено 300 янычар и пушки. Их сопровождало османское посольство, в составе которого был тот Ахмед Чауш, который незадолго до этого побывал у ногаев и в Астрахани и миссией которого ногайские правители страшали московские власти, говоря, что будто бы османы объединяют татарские юрты против Москвы. Таких заданий у Ахмеда Чауша не было, но разведывательную миссию, подготавливающую проход османского отряда в Самарканд, он явно выполнял (Документы, 2008, с. 110–113). Возвращаясь через несколько лет тем же путем, он застал последние дни татарской Астрахани и даже помог астраханскому хану Дервиш-Али после падения города укрыться вначале в Азове, а затем уехать в Стамбул. Его рассказы о «великой розни», которую он застал у ногаев и в Астрахани, а также сообщение османского адмирала Сейди Али Реиса, побывавшего в те же годы в Средней Азии и не смогшего вернуться через Астрахань, так как все пути были перекрыты русскими и ногайцами, создавали в Стамбуле

соответствующее настроение (Курат.А.Н., 2015, с. 71–73; Зайцев И.В., 2004–2, с. 141, 148, 173; The Travels..., 1899). Намеки на то, что необходима некая османская военная экспедиция в этот регион, звучали в османской столице уже с 1564 г.

В Крыму о том, что Астрахань может стать объектом османского вторжения, русские послы слышали в мае 1567 г. от полоняника из Путивля, который провел «в полону за морем пятнадцать лет, да отработался и вышел в Крым». Он сообщил: «Смышляет деи Турской семь тысяч кораблей, а ити де Турскому самому к Азову, а от Азова деи Турскому и крымскому царю итти к Асторохани». Правда, ни крымские власти, ни агенты, снабжавшие послов конфиденциальной информацией, этих османских намерений им тогда не подтвердили (Посольская книга, XIII, 2016, с. 109).

В ноябре 1567 – январе 1568 гг. Крым и Москва обменялись грамотами. Девлет-Гирей предупреждал, что это последняя грамота – «более ... ссылки не будет». Обвиняя царя в недружбе, хан писал, что вина за разрыв отношений «на тебе осталась, не мы порушили, – ты порушил». «Порушение» мирных отношений хан видел в том, что «не известил что тебе Азсторохани и Казани поступитись» (т. е. не отказался от Астрахани и Казани – *С.О.*), «на шавкальской и черкасской» земле город поставил, «а шавкальцы (т. е. подданные дагестанского шамхала – *С.О.*) – мусульмане ... и...меж нас с ними ссылка живет», «А черкасы хандыкереву величеству и нам подручны». Московскому царю предлагалось: «... похошь дружбы и миру – и ты тот город вели снести. Да прислал бы еси таковы ж великие поминки, каковы присланы к дяде моему Магмет-Кирею». Высказанное ранее недовольство «неуступкой» Казани и Астрахани больше не повторялось, что дает право предположить, что это требование было лишь неким рефреном, нежеланием смириться с русским завоеванием, но и пониманием, что Москва этих областей бесспорно не вернет. Иван Грозный в своем ответе так и написал: «И тому делу быти непригоже, чтоб нам тебе Казани и Азсторохани поступитись. И ты б, брат наш, те дела оставил, которые сстатись невозможно». При этом он подчеркнул, что мы эти юрты «устроили, как им от нас неподвижным быти», а не для того, чтобы извести «мусульманского роду веру», и напомнил, что в подчи-

нении Москвы и ранее был юрт мусульманский – Касимов-город в Мещере, а «которые мусульманы нам правдой служат, – мы ... их жалуем великим жалованием, а от веры не отводим». Хану предлагалось отправить в Москву «своего царевича меншово или внука своего» для назначения его на касимовский престол, бывший в это время вакантным. Городок же на Тереке был построен, по московским объяснениям, по просьбе царского тестя Темрюка для защиты его владений от других «черкасов» (т.е. соперничающих с ним черкесских племен). Давая все эти объяснения (см.: тексты в Приложении к главе 9. Ранее опубликованы – Посольская книга, XIII, 2016, с. 119, 132), царь не соглашался даже на увеличение поминок. Из всего этого следует, что московские власти либо недооценили предложенную им конфронтацию (в пользу этого мнения говорит продолжившийся и далее обмен гонцами), либо приняли ситуацию как данность и не считали ее опасной для себя. Нельзя забывать, что продолжавшаяся Ливонская война в эти годы для России была успешной, и это могло порождать надежду, что и с южными проблемами удастся справиться.

Все лето и осень из Крыма поступали известия, что хан в Касимов царевича не дает, но предлагает своего сына на астраханский престол. Этим будто бы можно предотвратить планируемый будущей весной турецкий поход на Астрахань. Сообщения эти шли с определенной угрозой: «А не даст деи мне Азсторохани, и Турской деи ее возьмет же» (Посольская книга, XIII, 2016, с. 164–165).

К этому времени уже стало широко известно, что новый кафинский паша Касым готовит поход на Астрахань, «суды делает», хочет «город ставить на старом городище», и «во всей земле слово то, что от Турского и из-за моря воинские люди многие и янычене к весне в Крым ко царю будут, и поход царев и Касыма, князя, к Астрахани однолично будет» и уже «сего лета в Кафу от Турского пришло наряду и зелья» (там же, с. 170). Ходили слухи, что османский поход собираются поддержать недовольные Москвой казанцы и другие жители Поволжья, посылавшие в Крым своих посланцев (там же, с. 164, 166, 167, 170, 171, 177 и др.). Непокойно было и на «украинах», причем как Московских, где «крымские люди»

«воевали» северские города и рязанщину, так и польско-литовских, в отношении набегов на которые Сулеш говорил русским послам, что султан это хану «чаю – в вину не поставит», так как король ему «казны давать не хочет» (там же, с. 162, 171, 174).

В этой ситуации хан счел необходимым пояснить московским послам свою позицию и выгодность, по его мнению, для Москвы предложения о добровольной уступке ему Астрахани: «Яз бы деи со государем вашим побранился и помирился. И ныне деи на государя вашего к Асторохани подымается человек тяжелой турской царь, и меня к Асторохани посылает, да и все деи бусурманские государства на государя вашего подымаютца: а того не хотят, что государь ваш поимал бусурманские юрты. И яз деи, государя вашему дружа, гонца к государю вашему Истому отпускаю и своего гонца посылаю Девлет-Килдея, татарина, и ему то извещаю. А поминков у него никаких не хочу, а прошу у него Азсторохани, – чтоб мне дал Азсторохань. И помирился бы государь ваш со мною вековым миром, – а люди бы Турского через мою землю не ходили» (там же, с. 168. Выписки из Посольской книги об этом см. в приложении). Это, пожалуй, самое точное объяснение крымской позиции. В историографии обращается внимание прежде всего на то, что хан выступает как бы в разрез с интересами своего сюзерена: выдает его планы противнику, пытается с ним договориться, выказывает свое недовольство тем, что турецкие войска собираются идти через его владения. Все это действительно имело место. Укрепление османских позиций в Восточной Европе пугало хана, так как могло ущемить его свободу и возможности претворять в жизнь свою линию поведения в отношении оседлых соседей. Но (и это важно!) действовал хан в рамках той дозволенности, которую предоставляло ему его вассальное положение. Более того, он хорошо представлял османские цели в этом регионе. Как пишет турецкий исследователь А.Н. Курат, османы едва ли потребовали бы от московского царя передать Поволжье хану. Они не собирались портить отношения с Россией, придавая большое значение торговле мехами и другими редкостями. Со стороны России также не наблюдалось каких-либо попыток пренебречь интересами Османского государства (Курат А.Н., 2015, с. 108). В османских планах речь

могла идти лишь об Астрахани и традиционных путях торговли и паломничества по северному побережью Каспийского и Черного морей. Поэтому и в письмах хана исчезли претензии на Казань. Хан заговорил о «вековом мире». Это новшество в крымской политике. Его, конечно, можно истолковывать как желание провести противника, но, возможно, в этом проявлялось понимание ханом необходимости как-то вписать свое ханство в восточноевропейскую структуру государств. В этом контексте именно с Москвой надо было договариваться, причем договариваться самому, без имперских указов. В любом случае, однако, этот проект реализации не получил. Русский царь не успел ни обдумать, ни тем более воспользоваться новой для него ситуацией и попытаться начать отношения с ханством на новой договорной основе, да и само Крымское ханство пока еще не было готово к серьезному отношению к таким политическим комбинациям.

Еще при султане Сулеймане от различных правителей Центральной Азии в Стамбул шли послания с просьбами «открыть дорогу к двум святым городам (Мекке и Медине) для правоверных паломников» и призывами атаковать земли кызылбашей (т.е. шиитов-иранцев), препятствующих хаджу, с двух сторон (Восточная Европа, 2009, с. 142–144), т.е. османской и среднеазиатской. При Селиме II прибавилась новая проблема. Как сказано в одном из писем новому султану: «Паломники из провинции Хорезм, которые хотели направиться в Мекку и Медину, имеют трудности, так как провинция Эджерхан, бывшая ранее во власти ногаев, была захвачена неверными». В своем ответе на это сообщение азиатских владетелей султан Селим припомнил отцовское обещание сделать так, чтобы «все пути между нашими двумя странами были открыты» и что еще он собирался «начать кампанию против неверных». Желая продолжить дело отца, он пишет Девлет-Гирею: «В нашу Высокую Порту – убежище и пристанище могущественных правителей, доставлены послания из Самарканда и Бухары; среди прочих – послание, полное выражений дружбы и верности, от славного хана Хорезма Хаджи-Мухаммед-хана, в котором он выражает желание, чтобы провинция Эджерхан была завоевана

и, таким образом, была открыта дорога из его владений в Святую Мекку – Дом Божий и к Светлейшему Мавзолею Пророка (Мухаммеда), а также торговый путь для купцов, которые желают получить некоторую выгоду. И чтобы все, паломники и торговцы, могли путешествовать в безопасности для их имущества и для них самих». Французская исследовательница Э. Каррер д'Анкокс, опубликовавшая эти послания, обращает внимание на то, что именно давление мусульман Центральной Азии и их постоянные жалобы послужили побудительными причинами для принятия османскими властями решения о походе на Астрахань, оговариваясь при этом: «В любом случае, именно этот мотив представила Порта» (Восточная Европа, 2009, с. 132–133). В действительности же, конечно, не одни проблемы хаджа толкали Порту к войне в этом регионе. К караванам паломников традиционно присоединялись многочисленные торговцы (так называемые «ордобазарцы»), желавшие воспользоваться неприкосновенностью таких караванов и уклониться от множества таможенных пошлин. Османские власти поощряли такой симбиоз торговли и религиозного паломничества, традиционно ограничивая таможенные аппетиты местных властей. Известен, например, указ бею Азака: «Нашего слуха достигло, что ногайские мирзы Яхши-саат мирза и прочие мирзы на азовской пристани под предлогом [взимания] таможенной пошлины угрозами и силой отбирают все деньги у прибывших с намерением совершить хадж из Самарканда, Бухары и Мавераннахра. Посему повелеваю, ... предупреди ... мирз о недопустимости причинения насилия ни одному человеку, прибывшему из вышеупомянутых стран с целью совершения хаджа. Не допускай также, чтобы под предлогом [уплаты] таможенной пошлины взималась хотя бы одна монета или одна крупинка с их имущества». (Документы, 2008, с. 215–217). Последний документ, как и сведения о том, что в 1567–1568 гг. по крайней мере два каравана проследовали из Центральной Азии к святым местам (Восточная Европа. 2009, с. 128–129), показывают, что торгово-паломническая трасса по северному пути не была полностью закрыта, и, главное, препятствия для ее функционирования создавали не столько русские астраханские власти, сколько местные разбойные племена. Напомним, что Сиди Али-реис, не решившийся ехать

через Астрахань, писал о мангытах (т. е. одной из ветвей ногайских племен), что они захватывают чужеземцев. Правда, он же говорит и об их связях с русскими (The Travels, 1899, с. 81). Представляется, что в тех условиях последние не стремились препятствовать функционированию этого пути, но были неумелы в его организации. О мангытах же тот же Сиди Али-реис писал очень неуважительно, говоря, что надо вырубать их мечом и что среди них много казаков (т. е. людей, не подчиняющихся никаким племенным или государственным объединениям) (Курат А.Н., 2015, с. 72–73). Напомним, что в 1557–1558 гг. в регионе был страшный голод, приведший в степных районах к гибели, как сообщал посетивший эти места в те годы английский купец Э. Дженкинсон (Английские путешественники..., с. 169), сотен тысяч людей. К тому же ногайскую Орду тогда потрясали многочисленные междоусобные конфликты, и произошел раскол ее на два подразделения, о чем мы уже писали (подробнее см.: Трепавлов В.В., 2001), так что разбойников разного рода в регионе было предостаточно.

Еще летом 1552 г. Девлет-Гирей сообщил османскому султану о взятии русскими Казани. В ответном письме от 24 сентября того же года Сулейман Кануни без каких-либо эмоций ответил: «Все, что было разъяснено и подробно изложено [Вами] относительно событий, происходящих в тех землях, было объято и охвачено нашим мироукрашающим благородным познанием». Далее же в этом письме опять говорилось о необходимости хану быть в боевой готовности на случай каких-либо осложнений в отношениях с неверными на польско-молдавской границе. События в Поволжье, следовательно, были оставлены без внимания (Документы. 2008, с. 118–121). Тем не менее в феврале 1568 года при сообщении Крымскому хану о готовности начать поход против Астрахани для открытия пути паломникам в султанском послании утверждалось: «У меня имеются подробные сведения о причине попадания [этой области] в руки презренных неверных, о татарских мирзах, оставшихся на завоеванных местах и вне их и о том, когда и по какой причине [эти земли] были утеряны». И снова утверждается, что Казань и Эджер-хан издавна находились в руках ногаев (?).

Анализируя это письмо, турецкий исследователь А.Н. Курат справедливо делает вывод, что у османских правителей были весьма превратные представления о жителях Поволжья и что ранее они этим регионом практически не интересовались. Из этого же письма следует также, что решение султана о военных действиях было принято лишь в отношении одной Астрахани и не касалось других районов Поволжья. От хана запрашивалось, какие приготовления необходимо сделать для этого (там же, с. 143–146). Подобные же вопросы задавались несколько ранее санджак-бею Кафы Джафер-бею (там же, с. 158–161), но, очевидно, его ответы Порту не удовлетворили, так как этот санджак-бей был сменен Касымом, черкесом по происхождению, выступавшим одним из главных инициаторов Астраханского похода (Курат А.Н., 2015, с. 31). При назначении в Кафу Касыма именуют санджак-беем, но уже в декабре 1568 г. в султанских указах его называют не только «главнокомандующим победоносными войсками, направленными для астраханского дела», но и бейлербеем, т. е. статус управляемой им Кафы и его собственный армейский чин были повышены (Документы. 2008, с. 163–169).

Э. Каррер д'Анкосс обратила внимание на то, в 1560-е годы письма к султану о паломниках писали главным образом из Бухары, Самарканда и Ташкента, а к военной кампании против Астрахани наиболее активно призывал правитель Хорезма. Это государство переживало тогда трудные времена в экологическом (Амударья изменила свое русло, появились трудности со снабжением водой Ургенча и т. п.) и политическом плане. Назревало его соперничество с Бухарой. Как пишет французская исследовательница, интерес правителя Хорезма Хаджи-Мухаммеда I к Астрахани был связан не только с заботой о судьбах паломников, но и надеждами, приблизив османские владения, получить османскую помощь в противостоянии с Бухарой. Собственных сил для участия в Астраханской кампании у Хорезма явно не было. Доминировал тогда в регионе бухарский хан Абдулла, государство которого базировалось на оседлой хозяйственной базе, вело борьбу с соседними государствами и кочевниками Дешт-и Кыпчак, привлекая их в то же время в своих собственных интересах как наемную военную силу. Фактически

этот хан выполнял для своей страны объединительную и цивилизаторскую миссию, но претворялась она в жизнь трудно и осуществлялась очень кровавыми методами (недаром Абдуллу называют азиатским Иваном Грозным). Занятый местными делами, он не был в это время готов бороться еще и за Астрахань. Получилось так, что среднеазиатские правители, выступившие главными подстрекателями, сами в астраханской экспедиции участия принять были не в состоянии (Восточная Европа, 2009, с. 132–134).

Османской империи, кроме проблем торговли и хаджа, Нижнее Поволжье могло быть интересным как наикратчайший путь для османских армейских сил из европейских владений их государства и Крыма к антииранскому театру военных действий. Возможно также, что в этом присутствовало и стремление к некому спрямлению своих границ по линии от Трансильвании до Астрахани. Подобные геополитические намерения явно начинали проявляться в действиях Сулеймана Кануни. Восточная Европа сама по себе какого-либо интереса у османов не вызывала. Потому-то и никаких конкретно антимосковских намерений у нее не просматривается. Границами ее интересов были вассальные задунайские княжества и владения крымских ханов. Так же как и с Польшей, османские власти готовы были идти с Москвой на определенный компромисс. Далекие северные территории этих стран их не интересовали. Как нечто непозволительное было воспринято лишь появление русских на Северном Кавказе. А.Н. Курат обратил внимание, что в письме, направленном Селимом II Московскому царю позднее, в начале 1570 г., Подонье, территория Переволоки и даже западная часть Волги все еще не воспринимались им «русскими землями», утверждалось, что османы не вступали на русские территории и не причиняли им никакого зла. По османскому пониманию, поход вообще проходил не на российскую территорию (Курат А.Н., 2015, с. 34). Девлет-Гирей, разумеется, местное разграничение воспринимал более реально.

К лету 1568 г. в Крыму стало известно, что в марте будущего года в Кафу ожидается прибытие османских армейских сил. Вместе с ними хан и Касым-паша должны выступить к Астрахани. Там «промышляти деи им над городом. И буде им Асторохани взяти

немочно, и им деи город ставити на старом городище. А говорят деи надвое: иные говорят, что из Дону в Волгу перекапывати» (Посольская книга, XIII, с. 174). Конечная цель похода, как видим, для крымчан (и русского посольства в Крыму) была не совсем понятна. Тем не менее по распоряжению из Стамбула хану поручалось «к Асторохани суды и заступы, и копылы делати» (там же, с. 173).

Легшие в конце концов в основу астраханской экспедиции проекты соединения каналом Дона с Волгой и тем надежды на создание более благоприятных условий переброски войск через причерноморские сухие степи возникли в военных кругах Османской империи. Идея прорытия каналов тогда была очень популярной в османской среде. В 20–30-е годы всерьез обсуждалось намерение соединить Красное море со Средиземным. Планировался также соединяющий Черное море с Мраморным канал Сапанджи – Измид. Следовательно, и волго-донской проект отвечал царившим в османском обществе настроениям. Другое дело, насколько тогдашние технические и материальные возможности позволяли надеяться на его успешную реализацию в столь отдаленном от основных османских территорий районе.

1 августа на встрече с кафинским пашой Касымом Девлет-Гирей предложил ему следующее разделение обязанностей в предстоящем походе: «К городу деи приступай и над городом промышляй ты, а не возмешь деи город, – и на старом городище город ставь ты ж, а татарове деи – не городоемцы, и города ставить не умеют. ... А яз деи сижу на коне и тебя берегу. А придут на тебя люди, и яз с ними бьюсь и тебя обороняю. А запас деи татарской знаешь – у татар деи запас будет на месяц, и в силах на два, а больши деи того запаса у них не будет» (Посольская книга, XIII, с. 175). Хан, как видим, вполне реально представлял возможности похода. Взятие Астрахани у русских не считалось его обязательным условием. Даже более – если у Ивана Грозного хан просил Астрахань для своего сына, турецкому же командующему заявлял: «И ты помышляй: кого тебе в городе посадити, а у меня таких людей нет, кого в городе оставить» (там же). Нам представляется, что дело здесь было не в отказе Девлет-Гирея от Астраханского юрта, а в неверии его в успех османской экспедиции. Обращает на себя внимание также

и то, что в планах предстоящей военной экспедиции совсем не упоминалась Москва. Речь шла лишь о будущем неизбежном столкновении с ногайцами. «А нагайских бы деи мурз Тинехмата, князя, з братьею нам к себе приманив, побити, а на нагаех б учинити на большое княжение Казыя-мурзу, что нам верен» (там же). Здесь явный расчет на решение с турецкой помощью ногайской проблемы – помощь так называемой казиевой (малой) орде и ликвидация тех ногайских подразделений, которые враждовали с Крымским ханством.

Поход турецко-татарских сил под Астрахань не раз описан в нашей и турецкой историографии. Поэтому отметим лишь, что с военной точки зрения операция была плохо продумана и организована. Османское командование не знало местных условий – как природных, так и сути тамошнего политического размежевания. Астрахань находилась под властью Москвы, но военные действия против нее воспринимались османскими властями не как война с Россией, а как некие военные действия в нейтральной зоне, призванные обеспечить безопасность торговли, путей хаджа и прохода воинских частей к иранскому театру военных действий.

В отличие от крымско-татарских набегов, новым в этом военном предприятии было то, что оно организовывалось непосредственно центральными имперскими властями. Потому-то оно и описывается историками как первая османская война против России. По своей сути же это было пограничное мероприятие в регионе, где ни та, ни другая сторона еще не осознала своих истинных интересов. Лишь после Астраханской экспедиции оба эти имперские образования – Османское и начавшее развиваться в этом же плане Российское – приступят к выявлению для себя тех геополитических границ, в рамках которых возможно их имперское становление и сохранение себя в этом качестве. А. Беннигсен в своей статье об Астраханском походе обращает внимание на «достаточно странную», с его точки зрения, ситуацию: «Астраханский поход не оказал прямого воздействия на отношения между Москвой и Османской империей. 19 октября 1569 г. Боярская дума, возглавляемая царем Иваном, решила отправить в Стамбул посла Ивана Новосильцева, чтобы поздравить султана Селима II с восшествием

на престол. ... Посол вез послание, составленное в очень дружеских и примирительных выражениях. Складывается впечатление, что Османская империя, в свою очередь, смирилась с поражением 1569 г., поскольку во время приема Новосильцева великим везиром турки не протестовали против русского присутствия в Астрахани и довольствовались лишь тем, что потребовали обеспечить свободное прохождение по Нижнему Поволжью для всех торговцев и паломников Центральной Азии» (Восточная Европа, с. 160–161. Материалы посольства И. Новосильцева см. в Приложении к следующей главе).

Отвлекаясь несколько в сторону, еще раз напомним, что юг Восточной Европы в это время переживал большие перемены в природно-климатической сфере: сокращалась зона, пригодная для кочевого хозяйства, начинало исчезать Дикое поле, создавались условия для утверждения там земледельческой культуры, перемещались кочевые сообщества, новую направленность приобретали торговые связи. Обратить вспять эти изменения было не под силу даже самым могущественным правителям. Все это заставляет иначе, чем тогдашние современники, взглянуть на роль России в этом регионе. Возможность приобретения ею Астрахани была следствием тех изменений, которые произошли ко второй половине XVI в. в этом регионе, а не их причиной, как считали тогдашние среднеазиатские правители (порой такое утверждение проскальзывает и в статьях французских исследователей группы Беннигсена). В новых условиях, после Великих географических открытий, караванная торговля могла выжить, лишь сменив контрагентов, повернувшись на северо-восток Европы. Россия могла предоставить ей эту возможность. Мы говорили уже о ногайцах Поволжья, благополучие жизни которых стало зависеть от торговли с Москвой. Через Московию устанавливались связи и с Польско-Литовским государством, которое продвигало на запад и юг многие восточные товары и даже одно время русские меха.

Для османов, несмотря на конфронтацию с Ираном, южные отроги Великого шелкового пути оставались более доступными и выгодными. Даже в XVII в., как известно, при активном функционировании европейских морских перевозок традиционная

торговля шелком и пряностями приносила значительные доходы их государству. Астраханский район продолжал восприниматься ими как далекая периферия, малопривлекательная для их торговых интересов и, как они убедились в 1569 г., трудная для военно-стратегических перемещений их армейских сил в сторону Ирана. Продолжал функционировать лишь северо-кавказско-дагестанский путь через Дербент, которым пользовались крымские ханы, войска которых стали постоянными участниками иранских войн. Отсюда оберегание дагестанского шамхала, союзника османов, и протесты против появления ориентированного на Москву казачества на берегах Терека.

Перед астраханскими событиями 1569 г. во всех многочисленных грамотах, приходивших в Москву от крымского хана, подчеркивалось, что этот военный поход начинается не по его инициативе. И прежде, как писал Ивану IV хан, мы «были есмя з братом своим в братстве и в дружбе», хотя «и гневь меж нас были ж». Теперь же «турской салтан ... велел ... идти на весну к Азторохани с турскими да и крымскими людьми». При этом разъяснялось: «Не идти нам нелзя – то на нас долг учинился, что нам идти. А наперед сего от дедов и от дядь наших николи ему на пособь рать понадобится – и от нас хаживали туда. А коли нам на пособь рать понадобится – и от них к нам хаживали. А из хандикерова слова нам вступить нелзя. Так бы еси ведал». Ранее мы «инолды бранимся, инолды помиримся, – а ныне дела инаково осталося». И еще: «А нам из хандыкерова величества выступити не мочно. Так бы еси ведал». «А с хандыкеровым величеством и с нами в крепкой тебе недружбе быти – недобро тебе будет». «О том тебе говорю дружбы для: примешь ли – не примешь ли – сам ведаешь. И только ныне Асторохани дать не захочешь – и промеж нас миру и дружбы не быти». Все это сопровождалось рефреном, что хан не хотел бы, «чтоб промеж государя нашего и вашего государя Турского людем дорогу наложить через его юрт». Потому-то он «последнюю свою дружбу брату своему велел известити, – чтоб он про то дело безвестен не был». В этих документах постоянно подчеркивалось, что «ярлык с любовью написан», и выказывалась надежда на обмен подарками: в Москву был отправлен аргатак, а от московского царя

ожидалось получить кречета большого (Посольская книга, XIII, с. 180–192). Странная ситуация: назревала война, а в московско-крымских отношениях шел обмен посланиями более дружественными, чем, например, при Сахиб-Гирее – хане, оставившем о себе память наиболее агрессивными и грубыми посланиями в Москву, хотя при нем больших крымских набегов, несмотря на все угрозы, так и не случилось.

Продолжались и торговые связи. Есть сообщение, что с последними перед началом Астраханского похода гонцами из Москвы шел торговый караван: «Турского гости, и царевы гости ардобазарцы и армения многие люди». Караван этот был разграблен «королевскими (т. е. польско-литовскими – С.О.) казаками», в связи с чем хан писал королю Сигизмунду Августу: «Шел ко мне от Московского гонец Иван Ратаев да мой гонец татарин Девлет-Килдей, с ними шли гости Турского и мои армения и ардобазарцы. И твои казаки черкасские гонцов и гостей громили и животы их в полон поимали; да и улусы, которые у Перекопи, неоднократно поимали и стада поотгоняли. И ты б деи то все сыскал и ко мне прислал». Пока же за эти прегрешения и недоплату традиционной «казны» хан приказал удержать у себя литовского посла Александра Владыку (там же, с. 226, 233). В переписке, касающейся этого разбойного эпизода, упоминаются и татарские казаки, несколько подразделений которых (Коловат-улана, Канболду-улана, Сенка Жекова) грабили и купцов, и литовцев (там же, с. 226, 227). Русские послы в Крыму не раз писали о тогдашнем беспокойствии в приграничных областях и многочисленных переселенцах и лазутчиках: «А беглецы где не бегают на обе стороны: от царя бегают ко государю нашему, а от государя нашего бегают ко царю» (там же, с. 229). Как видим, связи не прекращались, и о готовящемся походе было известно всем.

В организации самого похода было много неразберихи. По сведениям русских послов, в мае, т. е. тогда, когда пора было выступать, хан получил из Стамбула султанский указ: «А писал деи Турской ко царю: Дело деи есми свое положил на тебя, и ты б деи на наше дело шел и делом бы еси нашим промышлял. А х Касыму деи есми князю писал, чтоб шел с тобой, и был бы во всем в твоей

воле» (там же, с. 230). Как видим, даже вопрос о верховном командовании был еще не решен окончательно. Сам Девлет-Гирей явно не верил в успех предстоявшей военной операции и потому отказался от предложенной чести, хотя, судя по ходившим в Крыму слухам, такое предложение делалось ему неоднократно. Его главный довод был: «Мне деи того на себя взять не мочно. И турской деи ведает сам, что крымские татарове – воинские люди, а не городоемцы». Приказ по ханству о мобилизации он, однако, издал вовремя. Еще 22 марта «велел кликати на Бакчисараех и по городом и по улусом, чтоб воинские люди были все готовы к Егорьеву дни, и запас бы у них был готов. А была б у пяти человек телега. А запас бы готовили на всякого человека по батману проса деланного». В Стамбул же жаловался: «Ныне деи в Крыме меженина великая, и татаром деи запастись запасом не мочно – что у них хлеба нет, а животина деи вся: волы, и коровы, и овцы вымерли, и крымские люди всею землею приходят ко мне бьют челом, что им к Асторохани до нового хлеба идти немочно» (там же, с. 225–226). Султанские распоряжения о подготовке к войне, выявленные в стамбульских архивах А.Н. Куратом и группой Беннигсена, свидетельствуют, что значительные экипировочные и продовольственные поставки в Крым перед походом были сделаны.

Посольство А. Нагого в Крыму усиленно собирало сведения о турецких военных силах, прибывавших в регион для участия в предстоящем походе на Астрахань. Цифры, приводимые в их записях, очень противоречивы. Одно ясно – что прибывали и конные части, и янычары, и артиллерия. Первоначальным местом сбора была Кафа, куда армейские силы и артиллерию доставляли морем. Особо подчеркивалось, что среди них было «две тысячи гребцов, и которым суды волоčiti. ... И те деи не бойцы, а сидят деи на судах перекованы». Артиллерия и часть янычар отправлялись оттуда морем в Азов, а от Азова их планировалось на тех же судах по Дону доставить к Переволоке. Командующий Касым-паша (в русских посольских бумагах его называют князем) с сипахийской кавалерией, частью янычар и с легкими пушками выступил из Кафы 31 мая и шел далее «полем». Основная же масса сипахийской кавалерии двигалась по северному Причерноморью,

где хану было поручено организовать их переправу через Днепр и далее отправить к Азову. Сведения эти собирались посольством до июля, позднее же послы были изолированы, сосланы в Мангуп и потому сведений о дальнейшем ходе кампании не имели. Лишь в середине октября они получили известия, что «царь и царевичи и Касым, князь, от Асторохани воротились, а к Асторохани деи не приступали и на старом городище города не поставили. А поход сказывают турским людям был добре тужен, что шли безводными месты, а запасов деи у многих не стало и лошадьми опали. А царь деи и царевичи и Касым, князь, идут тихо, что многие люди турецкие померли, а иные болны». Через месяц послам стало известно больше – о разногласиях в командовании походом: хан уверял султана, что «Асторохани взять никак не мочно», Касым же «писал к турецкому: «Ныне деи государь, походом опоздали. И только деи, государь велишь на весну ити ренее и мне и без Крымского к Асторохани идти и на старом городище город поставити мочно». Последнее мнение, однако, по сведениям послов, большинство участников похода не разделяло. «А Турского деи люди ратные спаги и янычаны говорят все, что на старом городище поставити не мочно. А хоти ставят, ино деи в нем от государя от Московского просидети не мочно». Обращаю внимание, что лишь после неудачи похода появилось в турецких отзывах упоминание о Московском государе. До этого же речь шла о действиях как бы в некоем ничейном пространстве. Любопытно также, что Сулеш, ведающий в ханстве сношениями с Москвой, на просьбу русских послов об отправлении гонца к своему правительству отвечал, что он уже просил хана, «чтоб ко государю вашему гонца отпустил – наши деи неправды перед Московским и так много». Но пока нет ответа от султана, «о чем послати». Ответ пришел лишь в конце декабря: «Поход деи Азстороханской Турской отставил и своим людям и ратным всем велел к себе ехати» (Посольская книга, XIII, с. 230–239).

ПРИЛОЖЕНИЕ

***Из донесения послов «А.Ф. Нагого с товарищами»,
привезенного в Москву гонцом И.Т. Осоргиным
24 октября 1568 г.***

«И царь, государь [т.е. Крымский хан Девлет-Гирей], ... нам говорил: – Яз бы деи со государем вашим побранился и помирился. И ныне деи на государя вашего к Асторохани подымаецца человек тежолой турской царь, и меня к Асторохани посылает. Да и все деи бусурманские государства на государя вашего подымаютца: а того не хотят, что государь ваш поимал бусурманские юрты. И яз деи, государю вашему дружа, гонца к государю вашему Истому отпускаю и своего гонца посылаю Девлет-Кидея, татарина, и ему то извещаю. А поминков у него никаких не хочу, а прошу у него Азторохани, – чтоб мне дал Азторохань. И помирился бы государь ваш со мною вековым миром, – а люди бы Турского через мою землю не ходили. А просит деи у меня государь ваш сына на Касымов, и сын деи мой у меня не голоден».

Текст был помещен в Посольской книге. Опубликовано: «Посольская книга...», XIII. М., 2016, с. 168.

На наш взгляд, это наиболее четкое изложение позиции крымского хана в предподходный период. Как видно из текста, хан впервые заговорил о «вековом мире», не придавая первостепенного значения поминкам. Хан чувствовал, что возможна новая расстановка сил в северо-восточном регионе исламского мира, пытался усилить свои позиции в нем, питая слабую надежду на возможность добиться выгодного для себя размежевания территорий с Московией и тем предотвратить вмешательство Османской империи в эту проблему. Любопытен ответ московских послов на вышеизложенную речь хана:

«И мы, государь, царю говорили, что государь наш писал к тебе в своих грамотах и не одинова, да и мы, государь, тебе, государю, говорили, чтоб еси, государь, прошения о Казани и Осто-

рохани отставил, — то к доброму делу не пригодитца, чему сstattись невозможно. А Асторохань государю нашему дал Бог, а стоит за ней Бог же да государь наш. А ведаешь, государь, и сам, что государь наш сидит на своем коне и недругом свою недружбу мстит, как ему Бог поможет.

И Царь, государь, нам говорил:

— То де так: государю де вашему те юрты Бог поручил, а мы деи ведь надеемся на Бога ж!

И мы, государь, царю говорили:

— Век, государь, свои меж себя государи ссылаютца поминки, а царствы государи не ссужают — чему сstattись не мочно. А то, Государь, государь наш и сам ведает, что сын твой не голоден, а писал к тебе, брату своему, о сыне, изъявляя свою любовь. И не хошь, государь, ко государю нашему сына своего отпустить — и в том твоя воля».

Опубликовано там же: Посольская книга..., XIII, с. 169.

Этот разговор послов с ханом, состоявшийся в то время (20 октября 1568 г.), когда уже вовсю шла военная подготовка к походу на Астрахань и у крымской стороны не оставалось шансов его предотвратить, еще раз подтверждает явное отсутствие у хана желания воевать с Москвой. Эта была затея имперских властей, не только не отвечающая интересам, но и более того — даже опасная для крымского вассала османов, внутримперская судьба которого в случае успеха похода могла измениться, усилиться контроль центра в восточноевропейском регионе, что никак не отвечало ханским интересам. Потому-то он и попытался прибегнуть к столь маловероятной попытке договориться с Москвой об уступке Астрахани. Естественен ответ послов: «Царствы государи не ссужают». Тон разговора демонстрирует надежды хана на понимание Москвой сложившейся ситуации и, несмотря на некое раздражение крымцев московской неуступчивостью, уверенностью, что московско-крымские отношения — это нечто их специфически собственное, не связанное с общеимперскими интересами. В связи с этим возникают сомнения в правильности предположения А.И. Филюшкина и А.В. Виноградова, что в первый период крымских переговоров А. Нагого (1563–1566) союзный договор с Москвой не был заключен

из-за «несговорчивой позиции России и жадности Крыма» (Виноградов А.В., 1999, 2001; Филлюшкин А.И., 2008, 2013). А.И. Филлюшкин говорит еще и более категорично: о «коммерческих условиях, выдвинутых татарами и неприемлемых для России» (там же, 2013, с. 704). Все это, однако, было лишь внешними атрибутами шедших тогда переговоров. Суть же их в том, что Крымское ханство впервые столкнулось с ситуацией, когда его интересы, хотя и не напрямую, а как бы по касательной, начинают входить в противоречие с имперскими внешнеполитическими намерениями. Крым не мог самостоятельно выступать против Польско-Литовского государства, отношения с которым были в компетенции Порты. Получение дани и набеги как наказание за задержку с ее уплатой – это все, что им было дозволено. В русском внешнеполитическом ведомстве после 1559 г. начинали понимать это. Отсюда осторожность, требования, чтобы все обещания не просто звучали, а были заверены ханом (т. е. все шерстные обязательства первым подписал хан). Не спешили и с поминками, так как понимали, что не они были гарантией успеха переговоров. Крымско-российский антилитовский союз явно был нереален, но сохранить относительно мирные отношения на южных границах для России было важно. Отсюда столь длительная продолжительность посольства Афанасия Нагого, обмен многочисленными гонцами и тщательное собирание разведывательных данных о том, что происходит в османском регионе. Из тех же соображений и хан, понимая опасность складывавшейся ситуации для крымской государственности и оберегая сложившийся статус ханства в Османской империи, исподволь искал компромиссные возможности для сохранения статус-кво на своих северных границах. Потому-то, несмотря на готовящуюся военную кампанию, он продолжал до последней возможности поддерживать посольские отношения, понимая, что для османских властей предстоящая кампания – это небольшой пограничный эпизод, малозначимый и для них, и для России, ему же придется и далее утверждать себя в этом регионе.

*... грамота от царя и великого князя к Девлет-Кирею,
царю, с Иваном Чабуковым*

Бога всеми владеющего милостию великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси Великой Орды великому царю, брату нашему Девлет-Кирею, царю, много-много поклон, после слово то:

Сею дорогою гонца своего Девлет-Килдея прислал еси с грамотою. А в грамоте своей к нам писал еси, что наперед сего посылал еси к нам гонца своего Али-чауша з грамотою, как бы промеж нами слову быти, — с теми речами написав, ведомо учинил еси.

И мы свои речи, в грамоте своей написав, з гонцом своим с Ысто-мою, написав, к тебе, к брату своему прислали есмя. И что в нашей грамоте написано, и те речи наши вразумел и уведомел: чтоб промеж нами дружба и любовь, и мир был, — чтоб тебе сына своего к нам прислати, а мы хотим ему Касимов-городок дати и Ши-голееву, цареву, дочь за него дати, и гораздо хотим его чтити, и вперед бы промеж нами впрок крепкая дружба была, — моляли есте. И ныне, слава Богу, в твоём здоровье нет у тебя такого сына, чтоб тебе его не прокормити; и нам то было пригоже ли в своей грамоте писати.

А ты наперед сего, брат наш, к нам в своих грамотах писал: Казань и Азсторохань от проотцов ваших юрт бывал мусульманские земли, и нам бы тебе поступитись; а тебе было до своего живота от детей до внучат с нами в любви и дружбе быти. И мы из дву тех и одного не поступились. А те юрты были мусульманские, — и как те города нам попали, и всем мусульманским государем добре срамно стало, и о том радеют, чтоб те города у нас взяти. И из Азсторохани, и из Бухар, и из Шамархани, и ис Ташкенти, и от Азиямских земель хаживали к Меке азен — дорога им была то. И наперед сего в той стороне, которые ни приходили азен, ничего не бывали. А ныне всем мусульманом насильсто и лихо учинилось. И для того Селим, салтан Турской, ныне к тебе с чаушем прислал повеление свое: аже даст Бог, на весну к тебе многую рать свою с пушками пришлет, и тебе бы

со многою своею ратью пойти б на Москву, и как бы, пришед, лихо учинити, — как будет тебе пригож, по тому смотря и пойдешь. То он дело свое приказал табе. А наперед сего при дедех и при дядях ваших, коли кому понадобится рать, и вы с Туретцким ссуживались. А тебе из салтанова величества слова выступать не мочно. А ты с нами, з братом своим, временем бранился есмя, а временем и мирился, — и ныне то дело сталось: только его полки в нашу землю пойдут, и после того уже и до будущего века не престанут. И только Азсторохани поступимся, и мы с салтаном и с тобой в дружбе будем. А только не поступимся, — ино от салтана рати и сабли не перестати ежегод, а промеж нас с тобою миру и дружбе не быти.

А послы б нам розменитися: своего посла Офонася к себе взять, а твоего посла Ян-Болдуя к тебе отпустить. А гонцу еси своему Девлет-Килдею дал срок до нас дойти и к себе быти на два месяца.

И мы ту твою грамоту вычли и вразумели гораздо, — и наше слово то:

О сыне твоём по тому так к тебе, брату своему, писали есмя, что еси к нам писал о Казани и о Азсторохани, и что будто мы, изводя мусульманской род и веру, так учинили. Да и просил еси брат наш у нас того и не одиново, чтоб нам дать Казань сыну твоему Адыл-Гирею, царевичю, а он будет с нами на всех наших недругов за-один. И мы потому так писали, что о Казани и о Азсторохани слово к доброму делу не пристойт. А мусульманской веры не изводим, — и о том есмя к тебе, брату своему, многижды писали, что мы мусульманские веры не изводим, и ее в нашей земле много. И которые мусульманы живут у нас в земле, те свою веру держат — нужи им в том нет. Да и то есмя к тебе, к брату своему, писали, что среди нашии земли — мусульманской юрт Касымов-городок. И похочешь ты, брат наш, для мусульманские веры, — и чем тебе, брату нашему, сажати своего сына, у нас выпросив, на Казани или на Азсторохани, что г доброму делу не пристойт, — и ты бы на тот мусульманской юрт Касимов-городок к нам сына своего или внука прислал. Ино мусульманской вере изводу нет. А мы б с тобой крепче в дружбе были. А сына бы твоего во чти держали. Так есмя к тебе писали, хотя с тобою, братом своим, любви прочные, а не прокормленья для. А то мы и сами ведаем, что тебе брату нашему есть чем детей своих кормити. И коли тебе та наша дружба не при-

годилася, и то — на твоей воле. А и полскому казаку Казы-мирзе сына дап же еси, — да нам о том много говорити не надобе, — сам, брат наш, ведаешь.

А Казань и Азсторохань Бог нам в руки дал, а не мы того искали. А делалось то тем обычаем:

Г деду нашему великому государю Ивану Абренмовы, царевы, дети Магмет-Амин, Абдыл-Латиф, Кудайгул ис Казани прибежали от брата своего от Алехамы, царя, бьючи челом деду нашему на него о своих обидах. И дед наш многую рать свою с Магмет-Аминым, царевичем, послал. И казанские люди деду нашему добили челом, и Алехема, царя, с матерью и со царицею деду нашему в руки дали. И дед наш из своих рук учинил Магмет-Аминя царем в Казани. И после того Мегмет-Аминя, царя, казанские люди с царства согнали. И дед наш опять на Казань многую рать посылал, и из своих же рук учинил на Казани брата Магмет-Аминева Абде-Латифа царем. И после того Абде-Латиф деду нашему не учал правити, и дед наш его с Казани свел и опять царем учинил Магмед-Аминя, царя. И после того, как Мегмет-Аминя, царя, не стало, присылали бити челом казанские люди к отцу нашему великому князю Василью, чтоб им дал царя из своих рук. И отец наш дал им царя из своих рук на царство Шналея, царевича, и они после того Шналея, царевича, согнали с царства и после того много спустя присылали бити челом к отцу нашему и взяли из отца нашего рук Яналея, царевича. И отец наш учинил Еналея, царевича, на казанском юрте царем. И при деде при нашем, и при отце при нашем от Мегмед-Аминя, царя, и до Зеналея, царя, от всех мусульманских государей ни от кого о том слова никакова не бывало. А как отца нашего великого государя Василья не стало, а мы учинились на своих государствах в несовершеннолетних летах, и казанские люди, роту и шерть переступя, Яналея, царя, убили, и в наши несовершеннолетние лета в нашей земле много христианские крови пролили. И как мы своего возраста дошли, и мы на них почали посылати рати свои, — и они к нам присылали бити челом, штобы мы им дали из своих рук Шналея царем. И мы их пожаловали — дали им из своих рук Шналея, царя. И они Шналея, царя, безчествовали и с царства согнали. И мы за те их неправды и сами на них ратью ходили, — и они нам били челом, и опять у нас взяли Шналея, царя. И мы чаяли того, что уж они в своих неправдах

познаютца, и они опять, по прежним своим обычаям роту и шерть переступя, Шиалея, царя, с царства согнали, а себе взяли на царство из Нагаи Едигеря, царевича. И мы за те их неправды ходили на них ратью, — и Бог так над ними учинил за их неправды.

А Астороханский юрт нам в руки Бог дал тем обычаем: Емгурчей, царь, присылал к нам бити челом своего посла Ишима, князя, штоб нам по тому же его держать, как Казанский юрт держим в нашем имени. И мы к нему посылали с своим словом своего посла Савастьяна, толмача, и он нашего посла бесчестествовал, да и ограбил. И мы за те его неправды посылали на него рать свою. А у нас в те поры был того ж юрта Дербыш-Алей, царь, и мы его в своей же рати послали. И наши люди Асторохань взяли и Дербыш-Алея на Азсторохани по нашему велению царем учинили. И Дербыш-Алей нам не учал прямити, и мы потому на него и рать свою посылали, и в Асторохани воевод своих учинили. И потому так случилось, а не изводя мусулманство так учинили есмя. А и в нашей вере, коли недружба дойдет, и мы меж себя воюемся и города емлем, — а и в вашей вере то живет же. И што к доброму делу не пристойт, — и того писати не надобе.

А што писал еси брат наш, што которые люди ходят из Азсторохани и из Бухар, и из Шамахи, и из Ташкенту, и из Азиямских земель и жалуютца о насилии, — и тех было паробков молодых непригож речей безделных слушати нечего. А хоти которой и учинитца невеликий убыток от приказных людей, и о том было сослаться с государем, и они б то изправили, а недружбы было про то чинити не про что.

А что Селим-салтан Турской к тебе повеление свое прислал и велит тебе с своею ратью и с пушками и с пищалями на нашу землю идти — ино промеж государей и ведетца: хто на царстве учинитца ново, и то обсылаютца со всеми государи, с которыми в дружбе живут, и свое государство извещают. А на тех государех того проведывают: хотят ли с ним в дружбе быти или не хотят, — да по тому с ним дружбу и недружбу держат. А нас с Салим-салтаном изстари дружба была от прадеда его Баазыт-салтана и от деда его Селим-салтана, и отца его Сулейман-салтана з дедом нашим великим государем Иваном и отцем нашим великим государем Васильем дружба и любовь была и братство, и с нами. И мы тому удивимся: почему Селим-салтан

хочет нам недружбу доводити, а с нами не обослався. Ино то большое, потому так ссталось ему внове, – седши на государство, розпытати было неколи: как меж государей поведение ведетца. А которые люди его ближние, и в тех большое ему доброхота нет, и они ему не известят: как промеж государей поведение ведетца, а пригоже было Селим-салтану Турскому на нас того поискати да тогда рать зачинати, коли б от нас какая недружба дошла.

А Казань и Азсторохань к доброму делу не пристойт – и того не ведетца нигде, штоб взяв которые города, да опять отдавати их. А что еси брат наш писал высокие слова, – ино то в Божиих руках: Бог дает власть ему ж хочет, всякой победитель живет о Бозе, а не о своей силе. А похочешь, брат наш, с нами в дружбе и в любви быти, и ты б к нам прислал: каковы с нами дружбы и любви хочешь. А и салтану Турецкому пригоже с нами обослатися и на нас проведати: какая ему недружба от нас дошла. И коли Салтанов у нас посланник будет, и мы с ним о всем переговорим. И те речи все в ведоме будут, – за что промежи нами нынеча недружба чинитца. И мы толды, поговоря с салтаном с Туретцким и с тобой, братом нашим, в дружбе будем, как будет пригоже.

А гонца есми твоего затем поиздержал: в кою пору гонец твой приехал, и в те поры в нашей земле поветрее было, и ему было в те поры наших очей непригоже видети. А как поветрее минулось, и мы ему велели свои очи видети. И грамоту твою вычли, и его к тебе, брату своему, отпустили. А с ним вместе своего гонца Ивана Чебукова послали, и ты б его, не издержав, к нам отпустил. А что еси писал к нам брат наш о кречетах, и мы к тебе кречеты послали.

Писан в государства нашего дворе града Москвы лета 7077-го (1569) февраля месяца.

Грамота опубликована: «Посольская книга...», XIII, 2015, с. 197–202.

На наш взгляд, это один из любопытнейших документов московской дипломатической переписки. В нем разъясняется суть восточной политики Москвы и тогдашние российские представления о международных отношениях. Обращаю внимание на постоянное употребление термина «доброе дело». Это не дружба, не братство (звучащие в московско-крымской переписке постоянно), не единчество,

не союз, а нечто иное – соблюдение мирных (хотя бы относительно) отношений на границах (т. е. то, что русскому государству было особенно нужно в тот период). В материалах «Посольской книги» вместе с этой грамотой помещено инструктивное письмо русскому посольству в Крыму, где повторяются те же разъяснения московской политики в отношении татарских юртов, настойчиво подчеркивается желание Москвы возобновить прямые посольские пересылки с турецким султаном, а кроме того, поручается разведать у турецкого командования, «куда болиши умышление: к Азсторохани ли или на наши на которые украины». Там же звучит явное непонимание: «Селим-салтан неведомо чего для государю нашему хочет недружбу доводить» (там же, с. 207–210). И еще одно замечание: в документах, исходящих от Москвы, не придавалось большого значения исходящим из Крыма упрекам в отношении русской крепости на Тереке. В Москве не считали вопрос о ней значительным для своих отношений с крымско-турецким миром, в то время как по османским оценкам это строительство рассматривалось как посягательство на собственно имперские владения и потому было главным побудительным поводом к обострению отношений.

**Список с Семеновых речей Малцова,
каков дан в Крыму Офонасью Нагово с товарищи
лета 7078-го (1569 г.) ноября в 21 день**

Этот источник широко известен и используем в историографии. Его автор – московский посланник в ногайскую орду, плененный после выполнения им посольской миссии и как раб-колотник принимавший участие в крымско-османском походе на Астрахань в 1569 г. Мы заимствуем из его доклада царю лишь отдельные, наиболее интересные с нашей точки зрения фрагменты, в которых он сообщает:

«... про кафинского санчака Касыма, а ныне его пашой именуют, поход их и крымского царя и турских людей ко царю государю и в Асторохань...

...А всех турских людей конных пятнатцать тысяч. И Касым, государь, папа из Кафы и з турскими на Троицын день пошли под Асторохань с великой похвалою Литвы высокословнее, а меня, государь, из тюрмы и Колмака и Ширя и путивальцов детей боярских Дениса Репина с товарищи, которых на сторожах имали, и азстороханских казаков семьдесят человек, взяты на Волге с Прокофьева судна Цвиленева и резанских и мецерских казаков и Ивана Фустова казака княж петрова полку Серебряного и севрюков – всех нас Руси с полтораста человек – на катарги подавал Мисюрю, каптану, – тот у них на катаргах большой был. А всех было катарг и с меньшими суды со сто. А гребцов было на катаргах турских апашных и арнауты и босна и фряньские и можарские полоняники – все покованы на чепях с нами ж сидели. И всех было гребцов полтретьи тысячи, а простых людей и енычан с пятсот и не было. А наряду, государь, было добре много. И серебра и золота турского салтана двенатцать сундучков стояли на катарге, на которой катарге мы сидели у Мюсюря, у воеводы, да у дьяка Ахматая. В три месяцы всем людем в походе дважды при мне алафу давали. А посланы, государь, были те люди под Асторохань на три года. ... И шли, государь, катарги от Азова до Переволоки пять недель. Пришли, государь, на Переволоку августа 15 дня. А шли, государь, Доном турки с великим страхом живот свой отчаяли. И где, государь, были мели, и они пушки на берег возили да суды волочили. И которые, государь, были на каторгах янычане – крестьяне греки и волошане, и они, государь, тайные дела мне сказывали. А томусь дивили, что государьских людей на Дону и казаков не было. Только б ден такими тесными реками турки ходили по фряской и по можарской земле, и они б всех побили. Хотя б ден были казаков две тысячи. И они б нас руками поймали – такие на Дону крепости. А казаки ваши Дон покинули – такое им богатство где видети!? Только бы на котарги на Дону ина казаки пришла, а у нас у хрестьян у многих мысль: «хотим ко государю вашему». И стояли на Переволоке две недели: пытались копать и катарги волочити – ино, государь, их мочь не взяла копать и катарги волочити. И пришли на папу турки с великою бранью:

– И ты то манил, что мочно Дон с Волгою спустити в одно место. И мы нынеча твою ману видели, всею Турского землею во сто лет того не зделати! Довел еси государя убытка и сорома!

И царь Крымской с Переволоки и сам хотел воротитца и папу со всеми людьми ворочал. И приехали, государь, в те поры из Асторохани астороханских людей з двесте человек и учили папе говорити:

– Катарги ваши не надобе, мы тебе судов привезем, сколько вам надобе, болши вашего. И папе, государь, стало от них добре за честь, и лудчим их людем пшубы давал, а иным кафтаны и фerezы и денги. И отпустил их по суды, а велел всем им быть и з суды на старом городище. И сказал им, что салтан прислал всем астороханским людем и нагаем великое свое жалование.

И сентебря в 2 день пошли к Асторохани, а катарги и болшой наряд в Азов воротили. А турок от паши конных людей, бранясь с ним, болши пяти тысяч воротились. А меня, государь, папа с катарги к себе взял на чеши и к пушке приковати велел. ...

И в те ж, государь, поры от князя Тинехмата и от Уса-мурзы из Наган к папе послы пришли, и мне сказывали: пришли есмя просити послов своих грабежю трех тысяч лошадей и тебя просити (напоминаем, что до пленения Семен Мальцев выполнял посольское поручение московского царя в ногайской орде – С.О.). И сказывают, государь, писали князь Тинехмат и Урус-мирза к папе:

– Твоей правде хотим верить, а крымскому царю верити не мочно – недружба у нас от наших родов с его родом, извека многи крови от наших родов его роду проливались. ...

И пришли, государь, под Астрахань на старое городище сентября в 16 день. И астороханские люди со многими суды к нам приехали и нагаев человек со сто к нам же приехали. И папа, государь, лудчим всем астороханским людем и нагаем давал платья и денги всем подавал. И учили, государь, на старом городище город делать. А зимовати было, государь, туто с астороханскими людьми папе с турского людьми да двема царевичем Магмет-Кирею да Алды-Гирею. И к нагаем послов отпустили. И велел им всем к Волге прикочевать. А Крымскому, государь, было царю, поставя город, в Крым идти. И пришли турки на папу с великою бранию:

– Нам зимовать не мочно – помереть нам з голоду! Государь наш всякой запас нам дал на три годы, а ты нам из Азова велел взять на сорок ден корму. А астороханским людем нас прокормити не мочно – то ты ведаешь. А нам ни одному человеку зимовать не мочно!

И енычане все отказали:

– Все со царем прочь идем! Государь наш по твоей мане не послушал Девлет-Кирея, царя! А царь, что ни писал к государю, и нам то говорил, и тебе как перед нами на Переволоке говорил?! И то все так ссталось!

И взяли под Астороханию николского келаря Арсения, черныца, да Инку, игумнова человека Кирилова, ввечеру привели и посадили его со мною на одной чепи. И яз, государь, его научил – велел сказывати:

Слышал он у игумена у Кирилла: князь Петр Серебряной, а с ним тридцать тысячевой рати будет часа того. А подем государь в Асторохань отпустил князя Ивана Дмитриевича Белского, а с ним сто тысяч. А нагаи с ним будут. А кызылбашской пах присылал ко царю государю нашему бити челом послов своих: «Турского люди мимо Асторохани дороги ко мне ищут, и ты б, великий царь, силою своею высокою рукою помочь учинил на Турского. И государь наш кызылбашского паха пожаловал: послал к нему посла своего Олексея Хозникова, а с ним сто пупек да пятсот пищалей.

В другой, государь, ночи пришли суды многие и сказали кнеж Петров приход Семеновича Серебряного да Замятни Сабурова со многими людьми. И взяли, государь, нагайских людей Тулу-мурзину жену з детми и иных, сказывают, многих поймали, которые нагаи крымскому царю и х папе приехали. И Божией, государь милостию царя государя нашего высокою рукою единого под солнцем страшила бусурманом и латыном и все восточные государьства около Асторохани государьского имени с великим страхом трепещут!

И сентебря в 26 день что, государь, турки на старом городише зделали, то и зажгли, а сами проч пошли. И отошли, государь от Асторохани шестьдесят верст против Мочаковской соли на Белом озере Ахметь-чеуш из Царягорода пригонил, а с ним литовской гонец Ондрей Тарановской. А велел, государь, папе и турским людям, поставя город, зимовать и астороханским людям и нагаем, смотря по их правде, давать великое жалованье. А крымскому царю со всеми людьми велел в Крым идти. И велел ему, не мешкая, литовского посла отпустить, и впредь бы еси у себя ничьих послов не держал долго. И крымскому, государь, царю на Литовского добре досадно, что посы-

лал на него бити челом Турскому. И говорил царь, сказывают, папше: «Тебе однолично и турским людем велел город поставити на старом городище и зимовать, а под Асторохань не ходить и о мире ссылатца с астороханскими воеводами. А на весну Турской салтан пришлет Барди-папшу со многими людми. А на Русь хочет послати крымского царя да Пила-папу, зятя своего со многими людми.

И шли от Асторохани месяц до Азова: и царь их волочил под Черкассы Кабардынскойю дорогою по безводным местом, томил их нарком. Царю, государь, опять к Асторохани и крымским людем добре не хочетца. И многие, государь, турки з голоду померли и лошади померам. И черкасы у них людей покрали и лошадей много, и Казыевы люди и крымские лошадей крали и людей грабили – таких истомных людей не видано, каково Бог послал над турскими. И сами дивят и царя своего Селим-салтана зовут Несчастливым:

– Как сел на государство, впервые свою рать отпустил – где нам и великие бои бывали и столь истомны не прихаживали. И толко бы на нас люди были, и нам было ни одному назад не бывати! Сами есмя совсем пропали, а крымских людей аргамаки и животы своими наполнили.

И царь, государь, голодных турок и пеших много вывез. А из Азова, государь, царь и папа к Турскому Ахмет-чауша отпустили. И людей, государь, турецких и енычан из Азова папа до обсылки не хотел отпустить. И царю, государь, давал папа великие дары, чтоб по нем помогал ... И сам папа в Кафе остался, а турецкие люди и енычане паши и царя не послушали – все без обсылки прочь пошли.

Список Мальцова приводится по тексту, опубликованному в Посольской книге... XIII. 2016, с. 253–262; Ранее он был опубликован Садиковым П.А., 1947.

Документ интересен описанием многих деталей происходивших событий и, в частности, подтверждением того, что каких-либо военных столкновений с московскими войсками и даже с местным казачеством у крымско-османских войск тогда не было.

Глава 11

ОСМАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА АСТРАХАНСКИЙ ПОХОД 1569 ГОДА И ЕГО МЕСТО В ОСМАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Крымские ханы традиционно обращались к Османской империи за помощью в решении своих внешнеполитических проблем, получали от нее огнестрельное оружие, а в трудные моменты – и военное содействие армейскими силами кафинского паши. После подчинения Россией Казанского и Астраханского ханств от Девлет-Гирея не раз поступали жалобы на наступление «неверных» и делались попытки привлечь внимание султанских властей к этой проблеме. Отклика на эти призывы, как утверждает А. Беннигсен, изучавший проблему по исходящим от Порты османским официальным документам, не последовало (Восточная Европа. 2009, с. 150). Озабоченность в связи с тем, что происходит вблизи северо-восточных границ империи, была проявлена османами лишь после известий о набегах на Азов Дмитрия Вишневецкого. Сохранился султанский указ, в котором сообщается, что от кадия Азака (Азова) пришло известие о том, что «Рус, являющийся московским беєм», вместе с Исмаилом (мирзой ногаев), намеревается напасть на Крым. «Командующим своим проклятым восьмидесятитысячным воинством он назначил негодяя по имени Димитраш, и намеревается переправить его с Дона на эту сторону», т. е. к Азову. Почувствовав опасность своим собственным владениям, султанские власти дают приказ бею Кафы принять меры по укреплению крепости. «Будь чрезвычайно бдителен, дабы, упаси Аллах Всевышний, неприятели не нанесли урона и ущерба крепости или ее окрестностям. ... Долж-

ным образом предупреди дыздара, кетхуду и других должностных лиц [крепости], чтобы каждый из них ... не пребывал в беспечно-сти». Получив этот указ, письменно сообщи, «как обстоят дела в крепости, каким образом ты решил вопрос с [обеспечением ее] продовольствием и другие проблемы. Безотлагательно докладывай моему Высокому Порогу ставшие тебе известными достоверные известия и о других неприятелях». «Корабли флота ... снаряжены и готовятся к отправке» (Документы. 2008, с. 130–134). Как видим, если угроза нависала над их собственными владениями, османские власти тотчас же брали ситуацию под свой контроль. В истории с «Дмитрашкой» мобилизации сил имперских властей не потребовалось, но соответствующая готовность была проявлена.

Вторично необходимость проявить внимание к региону османские власти почувствовали после жалоб среднеазиатских правителей на помехи торговле и хаджу, чинимые будто бы новыми властями в Астрахани. Здесь не было такой стремительной реакции, как во время нападений Вишневецкого. Дело ведь шло не об угрозе собственно османским владениям, а о возможном новом направлении османской экспансии и помощи далеким единоверцам. Значительно большую озабоченность вызвало известие о строительстве русской крепости на Тереке. К тому же в придворных кругах появился тогда «проект» прорытия канала между Доном и Волгой, который надеялись использовать для переброски османских армейских сил из Европы к иранскому театру военных действий. Есть указания на то, что этой идеей был увлечен последний великий везир Сулеймана Кануни Мехмед Соколлу. Активным пропагандистом ее выступил также анатолийский дефтердар черкес Касым-бей, ранее служивший в Кафе и потому о близком расположении этих рек знавший не понаслышке. Есть сведения, что в 1564 г. в Крым был направлен некий военный разведчик, которому поручалось выяснить на месте возможности осуществления такого предприятия (Курат А.Н. 2015, с. 37). В султанском окружении, однако, идея строительства канала на первых порах не получила широкой поддержки. Пугали тяготы похода и связанные с ним расходы. Раздавались голоса, что конфликт в этом регионе нанесет удар по торговле мехами, в поступлении которых придворные круги были заинтересованы. Пого-

варивали, что этот проект под силу выполнить крымскому хану и не стоит вовлекаться в него имперскими силами. Эти настроения повлияли на престарелого султана Сулеймана, который в последнее десятилетие своей жизни вообще не вел каких-либо войн, а был занят внутренними проблемами и семейными разборками. Он не принял предложения совершить столь дальний поход в новый для себя регион, но под нажимом воинственно настроенного окружения отправился в 1566 г., как мы уже писали, в более знакомую для себя Венгрию (Курат А.Н. 2015, с. 112–114; Inalcık Н. 1948, с. 342). Более того, находившийся при султанском дворе в 1570 г. русский посол Иван Новосильцев передает принадлежащее якобы этому султану высказывание об отношении к Московскому государству: «Дед деи и отец мой и яз с Московским ... не воивались, ... и меж нас послы и гости и ныне ходят, а московский деи силен ратию своей, и мне деи с ним не за что воеватца, и у меня деи он не взял ни одного города, а Астрахань деи не наша Турская земля, то деи Московскому Бог дал» (Новосильцев, с. 81–82).

О возможности похода на Астрахань заговорили снова лишь после воцарения наследника Сулеймана Селима II (1566–1574). К этому времени идея такого похода стала популярной в османском обществе. Ее активно пропагандировали приезжавшие из Средней Азии купцы, послы и паломники. Среди них особенно выделялись посол Хивы Хайдар Бахадыр и известный богослов Арап-Шейх. В османской хронике Али «Кунх аль Ахбар» (подчеркиваю, современника событий) сообщается, что о необходимости такого похода заговорили даже среди простого народа. Появились слухи об огромных таможенных пошлинах, которые будто бы собираются в Астрахани, и о том, что как только османские войска начнут эту ожидаемую всеми экспедицию, они будут активно поддержаны массовым выступлением ногайцев и других жителей Поволжья. Поэтому высказывалась надежда, что поход окажется для империи не слишком затруднительным и не потребует мобилизации значительных сил (см.: Курат А.Н. 2015, с. 117–120). Все это, однако, было доводами второго плана. Главной побудительной причиной оставалось все же стремление обеспечить удобные пути к иранскому театру военных действий и с севера атаковать такие иранские провинции,

как Азербайджан, Карабах и Ширван: «от Астрахани ... кизилбаши ... ближе и водяным путем».

Анализируя сведения, приводимые в Кунх-аль Ахбар, турецкий исследователь А.Н. Курат отмечает, что информация о походе в этой хронике очень противоречива, а порою и просто неточна. Например, об Астрахани говорится, что ее построили ногайцы, которые до сих пор находятся в ней и живут в мире с русскими. Утверждается, что строительство канала велось успешно, выполнено около трети предполагаемых работ, которые были остановлены из-за холодов и начинающейся зимы. Впрочем, все это – свидетельства хотя и современника, но не очевидца. А.Н. Курат считает ценностью этой хроники не фактический материал о походе, а то, что ее автор сумел собрать слухи, которые ходили в Стамбуле об этом предприятии. Именно в его произведении впервые было упомянуто, что крымский хан будто бы противодействовал османскому командованию при организации похода против Астрахани (часть хроники Али «Кунх аль-Ахбар», посвященная событиям, связанным с Астраханским походом, опубликована А.Н. Куратом в приложении к его книге «Türkiye ve İdil boyu...» (Ankara, 1966, с. 059–062); этот же арабописьменный текст повторен в приложении к русскому переводу этой книги (Казань, 2015)).

В других и последующих османских хрониках об этой военной операции новых сведений почти нет. (Ср. опубликованные А.Н. Куратом там же отрывки из произведений Карачелеби-заде и Мухаммеда Ризы). Даже Печеви в своей «Истории» почти дословно повторяет то же, что писал Али. А.Н. Курат предполагает, что причина этого – не только нежелание распространяться о неудачной экспедиции, но и вообще скудость доходивших до столицы сведений о событии, происходившем на далекой окраине государства (там же, с. 37–39). Следует обратить внимание и на замечание серьезнейшего османского историка XVII в. Кятиба Челеби, который в своей знаменитой истории османского мореплавания подтверждает, что в тогдашнем османском обществе идея прорытия канала действительно бытовала, но чтобы реализовать ее, необходимо было более серьезное отношение к этому делу центральных властей и самого султана. Этому проекту, однако, не было уделено

достаточного внимания. Потому-то эта идея, как и намерение про-рыть канал Сапанджи-Измит, оказалась не реализованной (там же, с. 39–40, в этой же книге публикуется в приложении текст этого замечания Кятиба Челеби, с. 229–230). По сути дела, астраханская экспедиция оказалась не военным предприятием, а некой разведкой османских возможностей реализовать свои интересы в этом регионе, да и сами эти интересы не были еще окончательно определены. Еще раз подчеркиваю, что скудость знаний о регионе, где должны были происходить военные действия и, возможно, строительство канала, порождала в османском обществе неверные представления даже о том, с кем они собираются воевать. Россия и русские упоминались, но не как реальный противник, а как некий постоянный, но далекий гяурский фон. Действовать же они предполагали как бы в нейтральном пространстве, на границах земель неверных, от которых следовало как-то оградиться, обезопаситься. Сами по себе эти гяурские страны османов не интересовали.

Французский исследователь Ж. Вайнштейн обратил внимание на особенности использования в османских источниках того времени терминов рус и москов. В письме польскому королю Сигизмунду-Августу, в котором султан Селим сообщает о предстоящем походе на Астрахань, говорится, что Астрахань (Эждерхан или Хаджи-Тархан – в письме использованы оба названия), расположенная на границе Дешт-и Кыпчак, оказалась в зависимости «от погрязших в безбожии злосчастных русов». Это «сброд закоренелых мятежников, которые чинят препятствия и перегораживают пути мусульманских паломников, не гнушаясь грабежа их имущества» (текст письма: Восточная Европа, 2009, с. 190–193 и в Приложении к этой главе). По мнению Ж. Вайнштейна, султан видел в тех противниках, с которыми его войскам предстояло сражаться за Астрахань, «не гарнизон, получающий инструкции от организованного государства», что было бы естественно при осаде пограничной крепости московских владений, а неких бунтовщиков – русов. Так обычно называли славянское население южных областей Польско-Литовского государства, на которые татары совершали набеги за ясырем. Среди плененных различались – рус кяфирлери и москов кяфирлери (русские неверные и московские неверные), а под походами на Русь обычно

имелись в виду набеги на литовские украинны. Московское государство именовалось Вилает-и Москов, его правитель – москов-беги, а позже – москов-кралы. Во второй половине XVI в. заговорили не только о литовских русах, но и о «русах из страны войны». К последним османами стал применяться термин казаки. Ранее он использовался ими лишь для внутримусульманской среды, где так именовались одиночные воины или подразделения воинов, оторвавшихся от своих улусов (Berindei M., 1972, с. 339–341; Inalcik H., 1946–1947, 1948). Вайнштейн напоминает об особой активности мусульманских казаков, имевших местом своего обитания окрестности османских пограничных крепостей Аккерман, Бендеры, Очаков, а также выступавших из Буджака и Крымского ханства и на собственный страх и риск промышлявших в пограничье Молдавии и на юге Польско-Литовского государства. Ответом были удары польских пограничных губернаторов, ополчений польских панов и ватаг местных (христианских) казаков. Набеги и с той, и с другой стороны сопровождалась грабежами и захватом пленных. Такие взаимные столкновения были зафиксированы в 1542, 1545, 1548–1549, 1556 гг. (Veinstein G., 1989, с. 338–345). Известно письмо Селима II Сигизмунду-Августу от июля 1568 г., в котором предъявляется польской стороне требование вернуть захваченный полон и угнанный скот. Османские власти прекрасно понимали причины этого польского набега: «они преследовали некоторых татарских смутьянов под предлогом того, что те разорили их территории» (Abrahamowicz Z., 1959, № 194, с. 190; Восточная Европа, 2009, с. 177). Такие взаимные разборки и грабежи были в этом районе постоянным явлением на протяжении последних тридцати лет, а ко времени начала астраханской кампании, как пишет Вайнштейн, находились «в разгаре своей активности» (Восточная Европа, 2009, с. 177). К этому времени ареал конфликтов сдвинулся на восток, захватив район Придонья и подходя к Волге. К этим территориям в османских документах стало применяться понятие «страна войны». Казацкие же ватаги, действовавшие там, очевидно, на первых порах этнически были различными, а возможно, и смешанными по своему составу, о чем говорят имена их предводителей. Упоминается, например, банда «одного из неверных русов, известного под именем Черкес Хише, гравившая

купцов и странников на Дону и укрывавшаяся в Азове, т. е. на османской территории (там же, с. 187). Зафиксированы случаи, когда из «страны войны» приходили русы, нападавшие на рыбные промыслы, считавшиеся принадлежащими султану, а кади Азака докладывал, что по сведениям, поступившим от ногаев, в окрестности крепости из страны руссов вторглось около 3000 казаков (Восточная Европа, 2009, с. 187; Berindei M., Veinstein G., 1976, с. 199–200). Складывавшееся тогда донское казачество, враждующее с османскими властями, тоже объявлялось «русами». Именно это казачество начинает занимать в это время пространство между Волгой и Доном, которое покидала отколовшаяся от Большой ногайской орды Казиева Малая орда, обосновывавшаяся на Кубани.

Во времена Дмитраша Вишневецкого, как подметил Жюль Вайнштейн, у турок было «некоторое смятение» – выступил против них один из «беев короля Польши», ставший «русом бея Москвы». Османские власти ранее не связывали разбойников-русов с Москвой (это-то и настораживало), а потому успокоились лишь после того, как московские власти отреклись от Дмитрашки, перешедшего, в османском понимании, в статус обычного руса и казака (Восточная Европа, 2009, с. 188). Возможно, что удивившая Ш. Лемерсье-Келькежé османская мобилизация против противника, не столь опасного и действовавшего на далеких имперских окраинах, и была связана именно с тем, что османские власти в действиях этого кондотьера заподозрили было выступление против них сразу нескольких пограничных правителей, связываться с которыми они тогда явно не были заинтересованы.

В письме польскому королю Селим II называет Астрахань крепостью, «зависящей от погрязших в неверии руссов» (Восточная Европа, 2009, с. 191). Следовательно, османское командование в войне, о которой сообщало Сигизмунду-Августу, видело не предстоящую войну с Россией (с которой в это время воевало и Польско-Литовское государство), а лишь некий инцидент борьбы с местными разбойниками-русами. Как «страну войны» с русами османы воспринимали, следовательно, весь тот район, который в Москве считали Диким полем, и Астрахань оказывалась ее восточным рубежом. Целью опубликованного Ж. Вайнштейном письма

султана польскому королю было успокоить Польшу сообщением, что османские военные силы, которым предстоит двигаться по северному Причерноморью на Восток, ей не угрожают. В то же время ее предупреждали о недопущении каких-то провокаций со стороны польских пограничных властей и местных казаков, т. е., по своей сути, тех же руссов. Ж. Вайнштейн делает вывод: «Обвинение неизвестно каких руссов могло быть уловкой, чтобы не затронуть прямо «московского короля» и попытаться сохранить, таким образом, хорошие отношения с последним, каким бы ни был исход астраханского дела». И еще: «Порта была далека от мысли видеть в астраханском походе отправную точку крупного мусульманского наступления против Москвы, как считали некоторые историки» (там же, с. 189–190). Добавим к этому, что исход астраханской кампании не ухудшил русско-османских отношений (доказательством служат материалы Статейного списка Ивана Новосильцева, русского посла в Османскую империю, помещенные в Приложении). Обе страны: и Османская империя, и Русь – продолжали поддерживать политико-дипломатические и торговые связи. Их развитие тогда шло независимо друг от друга, самобытно и самостоятельно, у каждой в своей геополитической нише. Время жесткого разграничения их жизненного пространства еще не пришло.

Что же касается османских представлений о политико-географическом состоянии того района, где назревали военные действия, то они были недалеки от истины: астраханский край тогда действительно был мало освоен русскими. Торговля и паломничество страдали не столько от русских властей, сколько от ногайско-астраханских племенных разборок и действий никому не подчинявшихся казаков нижнего Поволжья, начинавших в это время осваивать и среднее Подонье. Возможно, поэтому составители султанского письма в Польшу, говоря об астраханских разбойниках, употребляют не термин *гяуры* (неверные), а «погрязшие в неверии русы», подчеркивая тем их этнически и религиозно смешанный состав. В переписке же с ханом (см. документы в Приложении) о том, что Астрахань попала в руки неверных, говорится неоднократно.

Французские исследователи, работавшие с официальными османскими документами из «Мюхимме дефтерлери», обратили

внимание на то, что в этих документах совсем не говорится о призывах к походу на Астрахань, исходивших от обосновавшихся в империи последних ее правителей Ягмурчи и Дервиш-Али, других татарских беженцев из Приволжья. Призывали к походу лишь среднеазиатские ханы и крымский Девлет-Гирей. Последний, правда, по мере приближения этого военного предприятия становился все более и более сдержанным. Позднее же, как уже говорилось, его даже стали подозревать в противодействии османскому походу.

В султанском окружении понимали трудности ханства, в последнее перед астраханской экспедицией годы переживавшего не лучший период своей истории: стихийные бедствия, материальные трудности, малые доходы от набегов на северных соседей, нарастание недовольства местной знати. Первоначально предполагалось даже, что сам Девлет-Гирей не будет принимать участия в предстоящей экспедиции, и более того, к нему прибудет бей санджака Кёстендил (Констанцы) со своими войсками, чтобы защищать ханство в тот период, когда его военные силы отправятся к Астрахани. Хану предписывалось строго предупредить того командующего крымскими войсками, которого он назначит в поход, «чтобы он должным образом наблюдал за строгой дисциплиной в татарских войсках, дабы они не нанесли вреда и ущерба нашим (т. е. османским – *С.О.*) подданным». Ему предписывалось действовать в тесном контакте с османским главнокомандующим Касим-беем (Восточная Европа, с. 152–153; Документы, с. 163–166). Очевидно, та негативная характеристика, которую дал крымцам в свое время Сахиб-Гирей, все еще помнилась. Вскоре, однако, задумка османского командования о неучастии хана в походе были отклонена. Не исключено, что об этом просил сам хан, боявшийся за свою власть и не желавший присутствия на полуострове каких-либо посторонних военных сил. Было дано распоряжение ему самому идти к Астрахани со всеми крымскими войсками. Для его успокоения находившихся тогда при султанском дворе чингизидов обещано было сослать в Алжир, а Крым-Гирея, наиболее опасного для хана его ближайшего родственника, не выпускать с Родоса, после же похода передать в руки правящего хана (Документы ..., с. 158–162). По свидетельству А. Нагого, это известие с удовлетворением было принято в ханском окружении.

Для похода на Астрахань были мобилизованы войска тимарной кавалерии из шести османских санджаков: трех румелийских – Кёстендила (Констанцы), Силистрии, Нигболу (Никополя) и трех северо-анатолийских – Амасьи, Чорума и Джаника. Сипахийские ополчения этих санджаков были не очень многочисленными (в среднем по 500 всадников). К тому же в двух из них – Кёстендил и Чорум мобилизации подлежали не все местные тимариоты. Часть из них со своим санджакбеем оставалась дома, а командовали уходящими войсками местные алай-беи. Анатолийские войска перевозились кораблями из Синопа до Кафы. Морем же доставлялись в Кафу и янычары, которых, как предполагают, было около трех тысяч. Румелийская кавалерия шла к Азову по суше. Есть сведения, что к мобилизации были привлечены также некоторые группы кочевников, цыган, северокавказских черкесов. Проанализировав османские мобилизационные приказы тех лет, А. Беннигсен приходит к следующему выводу: «складывается впечатление, что масштаб военных приготовлений к походу на Астрахань был весьма скромным». И это особенно чувствуется, если сравнить их с теми недавними военными экспедициями, которые были предприняты против Габсбургов в Венгрии и Сефевидов в Закавказье. Он же обращает внимание на относительную скромность материальных средств, привлеченных для организации астраханского похода (Восточная Европа, 2009, с. 154–158).

О некой значимости этого военного предприятия для османов говорит лишь то, что именно в это время (1568 г.) кафинский санджак был объявлен эялетом (Inalcik H., 1973), т. е. ему был присвоен более высокий статус в административной структуре Османской империи, а его глава стал пашой, что и позволило ему быть главнокомандующим в этом пограничном инциденте. Предыдущая послужная карьера Касым-паши говорит, однако, о том, что опыта руководства военными действиями у него не было. До назначения в Крым он занимал должность анатолийского дефтердара, т. е. по своей профессиональной подготовке был скорее финансистом, чем военным. Есть сведения, что ранее он служил в Кафе на какой-то низовой должности. Это и его происхождение – черкес – позволяет предполагать, что северо-восточный регион он в какой-то степени должен

был знать. Потому-то, очевидно, и появилась у него увлеченность идеей Волго-Донского канала. По османским расчетам, протяженность канала не должна была превышать 6–8 км. Тем не менее предполагалось, что вся операция по освоению османами астраханского региона могла занять около трех лет (Курат А. Н., 2015, с. 122–132). Известно, что оба этих предположения оказались неверными.

Как утверждал еще турецкий исследователь А. Н. Курат, работавший в турецких архивах в 40-е – 60-е годы XX в., письменного документа относительно плана организации похода найти не удалось (там же, с. 123). Это же подтвердили изыскания в турецких архивах исследовательской группы А. Беннигсена и те архивные материалы, которые получили из турецких архивов и опубликовали наши казанские коллеги (см. Документы). Сохранились главным образом многочисленные приказы о мобилизации, движении войск, снабжении армии и отчеты о прошедшей операции Касыма-паши и Девлет-Гирея. Это интереснейший материал для военной оценки операции. О целях же ее, как пишет тот же А. Н. Курат, приходится судить «только исходя из результатов события».

Решение об организации похода на Астрахань султанский Диван принял в начале февраля 1568 г. Инициатором его выступил великий везир Соколлу Мехмед-паша. Начало похода планировалось на весну 1569 г. Официально причиной похода была объявлена необходимость обеспечить свободу хаджа для мусульман Средней Азии и возможность получения значительных выгод от торговли, шедшей по северному отрезку древнего шелкового пути через Астрахань и далее в османские черноморские порты. Надежда на появление стратегического превосходства над Ираном, что было бы обеспечено османам в случае установления их власти над Астраханью, бесспорно, повлияла на это решение османских правящих кругов, но официально не афишировалась (Курат А. Н. со ссылкой на хронику Али, с. 120). В официальных документах нет и каких-либо упоминаний о намерении построить канал. Предположение об османской готовности начать такое строительство могло быть сделано лишь на основании того, что флот, направлявшийся в Азов, доставил туда большое количество мотыг, лопат и кирок (там же, с. 126–127). Сам факт таких намерений, однако, бесппо-

рен. Напомним, что об этом сообщал и А. Нагой из Крыма. В Стамбуле о будто бы уже начавшемся строительстве заговорили после возвращения армии из похода. Сообщение Али (т. е. современника событий) об этих разговорах цитируют все позднейшие османские хронисты (Печеви, Карачелебизаде и др.), пишет об этом и известный турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби, посетивший район Переволоки. Есть сведение о таких работах, проводимых османскими войсками, в донесениях тогдашних австрийского, французского и венецианского послов в Стамбуле. Опираясь на эти источники, Ахмед Рефик, первый турецкий историк, обратившийся к изучению этого события, в своей работе, написанной в 1917 г., именно проблему канала выдвигает на первый план, повторяя сообщения хроники Али, что строительство продолжалось три месяца и была выполнена треть необходимых работ. Эта версия принята и во многих других туркологических исследованиях, как западных (начиная с классических Хаммера, Цинкайзена и т. д.), так и турецких, включая раннее исследование одного из авторитетнейших современных турецких историков Х. Иналджика, издавшего свою обобщающую статью вначале на английском, а потом и на турецком языках (1947, 1948). Излишнее внимание к проблеме канала зачастую отодвигает на задний план другую цель похода – захват Астрахани. При этом не стоит забывать, что овладением Астрахани османские планы не заканчивались. Предполагалось превратить ее в опорную базу, место сосредоточения армейских сил, складов оружия и пропитания и тем создать северный фронт в будущих войнах с Ираном. К Астрахани нужно было обеспечить удобные подъездные пути, пригодные для быстрой транспортировки грузов и людских масс. Строительство канала как раз и было одним из элементов выполнения этих намерений. Достигнув Переволоки (по-турецки Эрдилье), где, как известно было и османам, казаки перетаскивали свои струги из Дона в Волгу и обратно, армия Касыма простояла 15 дней, ознакомилась с обстановкой, убедилась в невозможности волока тяжелых кораблей в Волгу, а тем более быстрого прорытия канала, и двинулась далее. Предполагали, как уже говорилось, взять Астрахань или построить новую крепость на старом городище, разместить привезенные с собой пушки и установить свой контроль

над низовьями Дона и Волги. Мотыги, кирки, лопаты, подсобные рабочие, мобилизованные в Кафе и Дунайских княжествах, закупленные ханом в этих княжествах тягловые лошади предназначались, очевидно, прежде всего для строительства крепости (а может быть, и крепостей) и выравнивания дорог. Канал был желателен, но оказался проблематичен.

Пятнадцати дней, на которые задержалась у Переволоки армия Касым-паши, оказалось достаточно, чтобы убедиться в том, что расстояние между Доном и Волгой по прямой не меньше 60 км, речушки, имеющиеся между ними, мелки и несудоходны, местность холмистая и безводная, попытка на деревянных катках перевести корабли нереальна. О канале уже больше не заговаривали и к его рытью так и не приступили. Корабли, выведенные было на сушу, вновь спустили в Дон, многие грузы, в том числе тяжелые пушки, погрузили на них и отправили вниз к Азову. Никакого сопротивления противника (ни российских войск, ни казаков) османская армия не встретила. Уже одних слухов о движении османской армии оказалось достаточно, чтобы казаки отступили к верховьям Дона. Армейские силы России были заняты Ливонской войной. Отвлекать их для защиты далекой, плохо освоенной юго-восточной окраины правительство Ивана Грозного явно не намеревалось, но традиционные полки «на берегу» и в ближайших районах Поля были, как всегда, приведены в боевую готовность. Лишь князю П.С. Серебряному-Оболенскому из Нижнего Новгорода было приказано с его незначительными местными силами выступить в низовье Волги для усиления астраханского гарнизона. Сама же новая астраханская крепость русских была построена на волжском острове и к этому времени была неплохо укреплена.

Еще с Переволоки Касым-паша посылал специальные отряды на север для захвата языков. От них он узнал о движении плавающей рати князя П.С. Серебряного вниз по Волге. К тому же русские (об этом см. у Семена Мальцова) усиленно распространяли слухи о том, что вслед за Серебряным движутся к Волге еще более значительные русские военные силы. Турецкий командующий решил поспешить и опередить русских. Его войска налегке (без тяжелой артиллерии, которую волоком тащить к Волге было невозможно)

двинулись к Астрахани. Союзные ногайские правители обещали там предоставить новые, построенные ими, корабли и свою военную помощь. Есть сведения, что Девлет-Гирей был против этого продвижения, считая, что время уже упущено и лучше остановиться в районе Переволоки. Совет с военной точки зрения вполне разумный (все эти проблемы освещены в Записке С. Мальцова, помещенной в Приложении к предыдущей главе).

Астраханская крепость русских была построена на волжском острове. Штурмовать ее без артиллерии было невозможно, делать подкопы, традиционные в османской военной практике взятия крепостей, при борьбе за островную крепость – бессмысленно. Построить новую крепость на старом астраханском городище, что предполагалось османским планом кампании, времени до ожидаемых вскоре холодов явно не хватало. Все эти проблемы, вставшие перед Касымом, заставили его после 20-дневного стояния под Астраханью отдать приказ об отступлении. В Приложении к этой и предыдущей главам мы приводим наиболее интересные описания похода и отчеты о нем, посланные султану после его завершения. Вывод же может быть лишь однозначным – поход был плохо подготовлен, знаний о регионе предстоящих действий не хватало, встретившиеся трудности оказались неожиданными. А.Н. Курат пишет, что астраханский поход «не входил в ряд традиционных походов османской армии. Он происходил в особых условиях ..., в абсолютно незнакомой, с географической точки зрения, стране, в непривычной среде и климате. Османская армия должна была отправиться в земли, находящиеся на значительном расстоянии от Анатолии и Румелии. ... подготовку к походу необходимо было совершать исходя из вышеупомянутых условий» (Курат А.Н., 2015, с. 129).

Для России этот поход оказался незначительной пограничной стычкой, после которой отношения с Османской империей удалось урегулировать. Следующий военный конфликт с этой имперской структурой у России произошел лишь в 1677 г., т. е. более чем через сто лет. Крымско-российские отношения почти все последующее столетие шли особо, вне имперской политики, исходя лишь из местных потребностей ханства. Неожиданным исключением, как увидим далее, были лишь 1571–1572 гг.

Касым-паша не воспринимал поход 1569 г. как свою неудачу. Он рассматривал его лишь как предварительную разведывательную операцию. Само же это военное предприятие планировалось на три года. Малую результативность первого года его претворения в жизнь он объяснял тем, что армия поздно выступила в поход и местные природные условия не позволили реализовать намеченные планы. Известно, что недовольство проявили янычары, не желавшие зимовать вдали от родины. К тому же отступающим войскам пришлось столкнуться с трудными условиями возвращения армии в Азов по безводной сухой степи. Русский очевидец сообщал: «Многие ... турки з голоду померли и лошади померли и черкасы у них людей покрали и лошадей много, и Казыевы люди и крымские лошадей крали и людей грабили. Таких истомленных людей не видано, каково Бог послал над турскими» (Садиков П.А., 1947, с. 157; подробнее см. в Приложении к предыдущей главе).

В историографии прочно утвердилось мнение, что в такие условия сознательно вовлек османскую армию крымский хан Девлет-Гирей, направив их к Азову по кабардинской дороге. Однако другие пути в этом регионе в безводном сентябре едва ли были намного лучше. Что же касается татарских грабежей, то хан просто не мог удержать в повиновении свою орду, не получившую в том году возможности пограбить северных соседей. Возражения у хана против планов турецких союзников были, нежелание в будущем продолжать совместную кампанию в этом регионе также, но едва ли стоит говорить о неких враждебных действиях его в отношении турок. Свои вассальные обязательства он соблюдал, действовал в их рамках, понимая всю выгодность для ханства находиться в орбите османского влияния. Потому-то, несмотря на все недовольство ханом, его явную отстраненность от непосредственного участия в астраханской операции и собственное ограничение им своей миссии лишь охранными функциями, официально османским правительством он не был ни в чем обвинен. Ни хан, ни Касым-паша не потеряли своих должностей после похода, в котором понесли значительные потери и не добились каких-либо положительных результатов. А.Н. Курат предполагает, что слухи о ханской вине в неудаче похода распространяли ханские недобро-

желатели (возможно, и из окружения Касыма-паши). Почвой для их распространения послужили объективные трудности отступления и многочисленные потери. Касым, вызванный в Стамбул после окончания похода, вполне вероятно, для собственного возвеличивания в чем-то винил хана. Но в конце концов показательно, что и тот, и другой после астраханской экспедиции сохранили свои должности. Следовательно, их поведение не выходило за рамки тех задач, которые поставила перед ними Порта.

Многие современные исследователи все еще продолжают писать о русско-османском военном столкновении, будто бы имевшем место под Астраханью. Первоисточником сведений об этом является «Путевой дневник» польского посла Андрея Тарановского, прибывшего в османский военный лагерь уже после отхода турецко-татарских войск от Волги. Именно он написал, что там якобы произошло не просто отступление, а был проигран османами военный конфликт, хотя сам свидетелем этого не был. Другие очевидцы говорят лишь об обстреле пушками русской крепости того старого астраханского городища, где османы предполагали начать сооружение своей крепости. Это, как и отсутствие тяжелой артиллерии, отправленной в Азов из Переволоки, невозможность использовать принятые тогда при штурме крепостей подкопы, слухи о возможном прибытии по Волге русского подкрепления, боязнь надвигающихся холодов и т. п. делало разумным приказ турецкого командования об отступлении.

Д. С. Лихачев при публикации им «Статейного списка» русского посла к османскому султану Ивана Новосильцева (1570 г.) обратил внимание на то, что о походе имеются две группы источников. Одни сообщают об отходе турок от Астрахани без боя. В «резком противоречии» к ним стоит группа источников, происходящая из Польско-Литовского государства и опирающаяся на «пространную повесть «О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань» Тарановского. Она оказалась включенной в «сборники сочинений Курбского и в «Польскую хронику» Мартина Бельского (об этих источниках см.: Послания Ивана Грозного. М.–Л., 1951, с. 550–552). Повесть Тарановского отразилась и в других ...источниках – в «Хрониках» Стрыйковского, Гваньини и (через Гваньини) в «Скифской

истории» Лызлова» (см.: Статейный список И.П. Новосильцева. Записки русских путешественников. 1988, с. 372). Напомним, что об особенностях источников польского происхождения, восходящих к дневнику Тарановского, в своем описании астраханских событий писал и А.А. Новосельский. Более того, как предполагает турецкий историк А.Н. Курат, именно от Тарановского могли поступить преувеличенные сведения об огромных турецких потерях, столкновении с русскими и ханской измене, хотя сам он (Тарановский), как сообщает русский очевидец Мальцов, прибыл в турецко-татарский лагерь лишь тогда, когда войска уже отступили от Астрахани, и именно от Мальцова получал первые известия о произошедшем. Мальцов же, находившийся в татарском плену и участвовавший в походе как гребец-колодник, сам о многом мог судить лишь понаслышке, но будучи до плена русским дипломатическим агентом, естественно, стремился приписать именно русским заслуги в турецкой неудаче. Позднее же, как пишет тот же А.Н. Курат, именно от Тарановского шли те слухи о походе, которые распространялись по Стамбулу и были зафиксированы османским хронистом Али. Это предположение позволяет объяснить, почему антиханский настрой и известия о поражении на далекой северной окраине, будоражившие тогдашнее османское общество, не столь осуждающе были восприняты в султанском окружении, имевшем иную, менее трагическую и, очевидно, более достоверную информацию. По крайней мере, бесспорно известно, что какой-либо карающей официальной реакции на неудачу похода от султана не последовало.

К сожалению, в османских официальных источниках отсутствуют сведения о количестве турецких потерь. Говорили же, что в Азов вернулась треть (по другим предположениям, половина) турецких воинов, ушедших в поход. Очевидно, это преувеличение, но потери, бесспорно, были очень значительными. Рок невезения продолжал тяготеть над армией Касыма и позднее. Воины, отправленные из Кафы на родину, попали в шторм и тоже понесли потери. В Азове, где хранились значительные запасы пропитания, военного снаряжения, пушки и порох, предназначенные для продолжения военной экспедиции в будущем, произошли пожар и взрыв, разрушивший часть крепостной стены. Ее пришлось спешно восстанавли-

вать. Как установил А. Беннигсен, позднее велось следствие, выясняющее потери снаряжения и оружия, произошедшие во время похода. Османская бюрократия в отношении государственного имущества была скрупулезно требовательна. Документы показывают, что следствие продолжалось даже спустя девять лет после окончания похода (Восточная Европа, 2009, с. 160). Предпоходные поставки в Кафу и Азов были очень значительными, что явно не отвечало потребностям одного похода. Очевидно, не только у Касыма, надеявшегося воевать в этом регионе по крайней мере три года, но и у османского командования на первых порах какие-то более серьезные задумки на этот счет были. В то же время в этом наблюдается и некое несоответствие – командующим назначен только что ставший бейлербеем и пашой человек без военного опыта. А.Н. Курат пишет, что назначение такого человека главой этого мероприятия означает, что с ним не были связаны какие-то дальнейшие большие завоевательные перспективы. Поэтому-то и безрезультатность этого первого военного предприятия была воспринята спокойно. Наступление можно повторить позже. Этот историк сравнивает астраханскую экспедицию с осадой крепости Эгри (Эрлау) в Венгрии, сняв неудавшуюся осаду которой, османы через какое-то время возвращались к осадным мероприятиям в отношении этой крепости снова и в конце концов овладели ею (Курат А.Н., 2015, с. 171).

Действительно, Касым-паша был полон желания продолжить начатую им борьбу за прикаспийский плацдарм. В Стамбуле также не восприняли итог кампании как некую бесспорную неудачу и первоначально рассчитывали ее продолжить. Однако в следующем году у империи началась новая война – с Венецией, а затем и с Испанией и всем католическим миром. Установление господства в Средиземноморье более соответствовало ее имперским интересам, чем продвижение в засушливые прикаспийские степи. Долг суннитского лидера перед единоверцами и тем более далекая Московия оказались отодвинутыми на задний план.

Оценивая эту астраханскую кампанию с точки зрения османских интересов, следует, как нам представляется, говорить о ней не как о военной неудаче, а как об османском разочаровании в самой возможности (и необходимости для них) создания северного анти-

иранского фронта и явной потере интереса к северо-восточному направлению османской экспансии. Приводимые нами в приложениях источники ярко рисуют трудности ведения военных действий в этом регионе и показывают неоправданность тех затрат, которые требовало расширение пределов империи в этом направлении. Подчеркнем важную для нас его особенность: «астраханский поход не оказал прямого воздействия на отношения между Москвой и Османской империей» (Восточная Европа, 2009, с. 150).

В дошедших до нас описаниях похода есть некоторые расхождения в деталях, сроках, размерах потерь и т. п. Следует разобраться и со степенью и глубиной разногласий между ханом и турецким командующим Касым-пашой. Мы же здесь лишь отметим, что прямых осmano-российских военных столкновений тогда не происходило. Татарское войско было занято в османском походе, так что и на других южных границах России было в тот год относительно спокойно. Российские сторожевые полки на южных рубежах традиционно были мобилизованы, но участия в столкновении им принимать не пришлось.

В следующем 1570 г. различные татарские улусы хотя и не скоординированными между собой, но многочисленными грабительскими вылазками в районы российского пограничья постарались взять реванш за упущенный год. В набегах участвовали сыновья крымского хана со своими отрядами, многочисленные добровольцы (татарские казаки), подразделения ногайских племен, узнавшие, что нового турецкого похода в Поволжье не будет. Явно назревало и большое крымское нашествие, которое предстояло возглавить самому хану. Как стало известно русским послам в Крыму, хану удалось отклонить султанское приглашение, переданное с присланным в Крым очередным чаушем, «чтоб царь прислал к нему царевича, а с ним бы прислал крымских людей четыре тысячи. А Турской деи идет на Венецианского короля под Кимырз (Кипр – С.О.)». Хан отговорился тем, что калга Мехмед-Гирей послан им на московскую Украину, а Алды-Гирея он отпустил в Черкассы, т. е. против адыгских племен, которые «промеж себя завоевались». Их следовало «поугрозити и помирити». Причины отказа султанскими властями были сочтены уважительными (Посольская книга, XIII, 2016, с. 246, 247).

Девлет-Гирей осенью 1570 г. прислал в Москву необычное послание (см. в Приложении), в котором предлагался давно назревший размен послов, но не говорилось ни о присылке новых, ни о поминках, ни о претензиях на Астрахань. В исторической литературе его оценивают неоднозначно. А. В. Виноградов предполагает, что «отсутствие в грамоте всякого упоминания о крымских претензиях показывало, что хан не считал нужным говорить о старых претензиях. В случае успеха своего предприятия он намеревался предъявить новые» (Виноградов А. В., т. 2, с. 182–183). В. Пинской, комментируя это предположение, пишет: «В принципе такая трактовка послания выглядит достаточно правдоподобно и логично, но, на наш взгляд, лишь с учетом знаний о последующих событиях. Отправляя гонца, Девлет-Гирей не знал, чем закончится готовящийся им поход на Русь» (Пинской В., 2009, с. 176). И далее: «Сам поход ... не носил характера, долженствовавшего раз и навсегда расставить все точки над «і» в русско-крымских отношениях» (там же, с. 177). О татарском походе 1571 г. на Москву мы будем говорить в следующей главе, сейчас же лишь отметим, что предпоходные крымские претензии к Москве в тех условиях могли носить как более агрессивный, так и несколько более уступчивый характер, ведь это был момент, когда все татарские юрты почувствовали определенное разочарование от безрезультатности османского похода и явное нежелание османских властей продолжать астраханскую кампанию. Им всем следовало самим заботиться о складывании выгодных именно им межгосударственных отношений в регионе.

Для России турецко-татарское нашествие на нижнее Поволжье было опасным, но далеким от ее жизненно важных центров пограничным конфликтом. Он вызвал озабоченность и мобилизацию южных пограничных сил. В 1570 году напряженность сохранялась, тем более что «крымские и ногайские люди» «распустили войну» вдоль всей южной границы российского государства. Чтобы успешнее противостоять этому, российским правительством была начата реформа сторожевой службы, призванная придать ей глубокоэшелонированный характер. Войска выдвигались не только «на берег», но укреплялись крепости в Поле, формировался новый разряд войск «за рекой», большое значение придавалось так назы-

ваемым «сторожам» и «станицам» (разъездам в степи), призванным обнаружить противника и оповестить о нем пограничное командование (там же, с. 175). Южная опасность заставила Москву пойти и на определенные уступки в Ливонской войне, в частности, была снята успешно начавшаяся осада Ревеля (Колывани, Таллина). Обращает, однако, на себя внимание и то, что все предосторожности касались лишь центральных областей. Как-то по настоящему укреплять оборону Астрахани московские власти явно не спешили.

Активизирует Москва и свои дипломатические связи с Османской империей. Отправленному в Стамбул посольству Ивана Новосильцева, отрывки из отчета которого приводятся в Приложении, было поручено пойти на определенные уступки. Сообщалось о согласии на упразднение городка на Тереке. Возможно, правительство Ивана IV думало и о том, что придется уступить или как-то поделиться территориями в районе Астрахани. В условиях Ливонской войны и сохраняющейся крымской опасности московские власти не могли допустить еще и войны с могущественной Османской империей. В своей последней работе о крымско-российских отношениях А.Л. Хорошкевич позволила себе сделать упрек русскому командованию, которое, по ее мнению, «безвольно отдало инициативу в руки османских и татарских военачальников» (Хорошкевич А.Л., 2003, с. 516). В. Пинской, комментируя это мнение, пишет, что оно «продиктовано предвзятым отношением к Ивану Грозному». И далее, «если бы причиной провала астраханской экспедиции Касым-паша назвал бы активное противодействие русских войск», война с Османской империей была бы обеспечена (Пинской В., 2012, с. 164). Напоминаем: в турецких источниках об астраханском походе нет упоминаний о каких-либо военных столкновениях ни с русскими, ни даже с казаками русской ориентации, которые на период астраханской экспедиции турок отступили от Переволоки к северу (см. работы А.Н. Курата). И Москва, и Османская империя старались не видеть в астраханской кампании столкновения друг с другом. Да и действительно – по сути дело шло не об османском нападении на Россию, а скорее об османском стремлении найти в этом районе, неблагоприятном для жизни, по их представлениям, некое геополитическое разграничение исламского и христианского

миров. Османы не стремились к освобождению Казани, помощи терявшим свою свободу ногаям и даже овладению всем районом Астрахани. По сути дела, они пытались разделить нижнее Поволжье, обосновавшись на старом городище. Московское государство было для них где-то рядом, но сами они вели себя так, как будто действовали, повторяю, в ничейной нейтральной зоне. Столкнувшись с природными трудностями, они приняли их как данность и легко отступили от первоначальных намерений. Известно, что в османской политике была еще одна задумка вернуться к проблеме Нижнего Поволжья в 80-е годы XVI в. Она так и не была реализована (об этом еще будет идти речь далее). Пока же лишь отметим, что русско-османские отношения после 1569 г. остались мирными, посольство Новосильцева успешно подтвердило это, крымский хан сохранил свою самостоятельность в проведении северной политики, ногайцы и поволжские народы, надеявшиеся с османской помощью освободиться от власти Москвы, пережили горькое разочарование. Все татарские сообщества, не имевшие грабительских доходов в 1569 году, усилили в следующем году свою набеговую активность на соседнее оседлое население. При этом действовали каждое самостоятельно, на свой собственный страх и риск. Турецкая авантюра не привела к какому-либо тюркско-исламскому сплочению, скорее наоборот – выявила почти общее нежелание идти в подчинение крымскому ханству. Из Стамбула, как стало известно русским послам, поступило распоряжение: «будет де король пришлет х тебе казну, ты его не воюй, а будет не пришлет, и ты воюй. А про государя де про московского турской положил на цареву (т. е. ханскую – С.О.) волю» (Посольская книга, XIV, 1916, с. 62, а также текст в Приложении). Как видим, крымско-османские власти все попытались вернуть на круги своя. В этой ситуации ханскую грамоту конца 1570 г., упоминавшую, но не настаивавшую на традиционных крымских претензиях к Москве в отношении Казани и Астрахани, действительно можно рассматривать как попытку как-то по-новому, более спокойно строить отношения в регионе. Этого, однако, как мы увидим далее, не произошло, причем совсем не из-за событий в османо-татарском мире, а в результате начавшейся вскоре российской смуты, поманившей ханство новыми возможностями грабежей и даже завоеваний.

ПРИЛОЖЕНИЕ

***Послание османского султана Селима II
крымскому хану Девлет-Гирею I (февраль 1568 г.)***

Наша столица – вечно счастливая обитель благоденствия и наш Порог – средоточие могущества и великолепия, являются прибежищем могущественных хаканов и величественных ханов. В связи с этим из Самарканда и Бухары, в частности от его высочества хана области Хорезм Хаджи-Мухаммед хана, прибыли послания, содержащие искренние изъявления приязни. В них говорится о [необходимости] завоевания Эждерхана и открытия пути для паломников – обладателей радости, направляющихся оттуда для обхождения священного дома Аллаха и посещения пресветлой усыпальницы господина Предводителя рода человеческого – да пребудет над ним лучшая из молитв и мир! – а также всех торговцев – приобретателей выгоды, дабы они совершили путешествие в спокойствии и беспечальности. Область Казань и Эждерхан издавна находились в руках ногаев. У меня имеются подробные сведения о причине попадания [этой области] в руки презренных неверных, о татарских мирзах, оставшихся на завоеванных землях и вне их, и о том, когда и по какой причине [эти земли] были утеряны. В связи с тем, что завоевание этой области является важнейшим из дел, моя государева мысль также утвердилась в необходимости, с помощью Господа Всевышнего, ее завоевания.

Поэтому в соответствии с Вашей давней прямоотой и преданностью к нашему могущественному порогу и свойственной вам мудростью и прозорливостью озаботьтесь вопросом завоевания вышеозначенной области и подробнейшим образом докладывайте нам о мерах и приготовлениях, предпринимаемых вами для этого с тем, чтобы по наступлении [подходящего] времени с помощью Аллаха всевышнего удалось ее завоевание.

Послание приводится по тексту, опубликованному в книге «Документы по истории...», с. 146. Документ был извлечен из «Muhim-me Defteri» А. Н. Куратом (см.: «Türkiye ve Idil Boyu», с. 05).

*Послание султана Селима II
польскому королю Сигизмунду-Августу
(март-апрель 1569 г.)*

Он [Бог]

[Тугра:] Селим бин Сулейман – хан, вечно побеждающий.

Гордость великих эмиров братства Иисуса, избранник [из среды] высоких вельмож народа Мессии, устроитель дел у всех народов, поклоняющихся Христу, тот, за кем тянется [шлейф] величия и степенности, обладатель доказательств славы и чести, польский король Сигизмунд-Август – да завершатся добром деяния его! Когда прибудет [сия] высокая августейшая грамота, да будет ведомо [следующее].

В крепости Хаджи-Тархан, известной под названием Эждерхан, расположенной на границе Дешт-и Кыпчака и относящейся к числу озаренных неверием крепостей, зависящих от погрязших в безбожии злосчастных русов, расположился сброд закоренелых мятежников, которые чинят препятствия и перегораживают пути мусульманских паломников, не гнушаясь грабежом их имущества. Поскольку пресечение их злодеяний и мятежа является одним из важнейших дел и первейших обязанностей для искоренения и подчинения, покорения и завоевания этой крепости с помощью Господа – да будет Он прославлен и превознесен! – [нами] намечено и решено направить к его эмирскому высочеству, опоре наместничества Девлет-Гирей-хану – да будут вечными его благородные качества! – эмира из благородных эмиров, бейлербея Кафы Касима – да будет вечным его благоденствие! – с достаточным количеством войска из черкесских князей, из размещенных в Румелии и Анатолии моих слуг беев, займов, обладателей тимаров, янычар, канониров и других победоносных соединений. Да будет начало [этого предприятия] благословенным и счастливым, а окончание ознаменовано различными блестящими завоеваниями с помощью Аллаха Всевышнего.

Ранее во времена моего покойного и прощенного [Богом] отца, Его величества султана Сулейман-хана Гази – да озарит Аллах его могилу! – Вы, отсылая сообщения к нашему высокому правосудному Порогу через одного из переводчиков нашей счастливой Порты, гордости славнейших и благороднейших, Ибрагима – да умножится его слава! – [сами] изъявили просьбу о предоставлении [Вам] достаточного количества войск от вышеназванного Девлет-Гирей хана из [числа] татар Добруджи и из акынджи с тем, чтобы они, выступив против несчастных русов, ограбили и разорили их область и страну.

Ныне предоставляется [такой] случай, и [осуществление вашего намерения] весьма уместно. Если будет Ваша воля, пусть [Ваше предприятие] будет осуществлено подходящим [для Вас] образом. Пусть Ваше сердце и мысль не беспокоит сбор победоносных войск на границе наших богохранимых владений. Пока Вы будете тверды в вашем дружественном отношении, нет ни малейшей вероятности, что Ваша страна и область, [а равно] и Ваши подданные подвергнутся какому-либо вмешательству и вторжению с нашей стороны в нарушение нашего августейшего договора [ahdname-i humayun].

Таким образом, по прибытии к Вам одного мнотеферрика моей счастливой Порты, гордости славнейших и благороднейших, переводчика Ибрагима – да умножится его слава! – с нашим августейшим посланием необходимо, чтобы Вы со своей стороны разослали соответствующие предупреждения и предостережения Вашим пограничным правителям, дабы они больше не совершали действий, нарушающих договор [ahd], как это было ранее при набеге на крепость Джанкерман, [когда они] сожгли некоторые овчарни, увели овец и крупный рогатый скот. Совершившие подобные злодеяния должны понести наказание, как этого требует наш августейший договор, и принуждены возместить причиненный вред и ущерб. Да будут приложены [с Вашей стороны] усилия и старания к исполнению изложенного в отправленном [Вам] ранее по этому поводу нашего августейшего послания и к тому, чтобы не было нападений и вторжений в отношении крепостей и местностей наших пограничных провинций, дабы наша дружба оставалась прочной и продолжительной.

Если [все] вышеизложенное соответствует Вашим желаниям и намерениям, когда наши победоносные войска, если будет угодно

Аллаху Всевеликому, достигнут [места назначения] и осадят выше-означенную крепость, а презренные враги будут пребывать в расстройстве и стеснении, воспользуйтесь случаем и со своей стороны примите меры, которые сочтете необходимыми в соответствии с ситуацией, с тем чтобы вспомоществованием Господа Бога – да будет он велик и превозвышен! – отбросить находящихся между [нами] неприятелей, дабы [наши] подданные пребывали в мире.

Сообщите письменно нашему Счастливому Порогу о Ваших мыслях и планах по этому вопросу, а также о мерах, которые Вы предполагаете принять. Вы можете довериться вышеназванному [посланнику].

(Далее следует выпущенный нами текст об имуществе некого «иудея по имени Яхья», оставшемся у каких-то польских «беев». Султан надеется, что оно будет возвращено хозяину – С.О.).

Письмо было извлечено из польского Архива – Archiwum Głowne Akt Dawnych, Archiwum Koronne, Dz. turecki, teczka 219, № 421 – и опубликовано Ж. Вайнштейном. Русский перевод его имеется в книге «Восточная Европа ...», с. 190–193. Некоторые поправки к переводу, сделанные И.А. Мустакимовым и помещенные в примечаниях к русской публикации, включены в приводимый нами текст. Особо обращая внимание, что в тексте ни разу не названа Россия, а приглашение к возможному военному сотрудничеству относится к неким неизвестным «находящимся между нами неприятелям».

**Донесение бейлербея Кафы Касым-паши в Высокую
Порту о ходе крымско-османского похода на Астрахань
(документ не датирован, но, очевидно,
написан не позднее 16 сентября 1569 г.).**

Его Величеству и Высокому Порогу – да продлится их величие до дня Страшного Суда! – я, ваш смиренный и ничтожный слуга, сообщаю, что священный приказ, которому подчиняется весь мир, нам был доставлен чавушем Ахмедом, одним из чавушей Высокого Двора.

В нем было сказано, что его эмирское величество Девлет-Гирей-хан – да продлится и укрепится его достоинство! – направил послание к Порогу Его Величества, в котором он пишет, что слышал о прибытии сипахиев в Бендеры для похода на Эджерхан и о направлении им человека, который сообщил Его Величеству [крымскому хану], что Эджерхан можно достичь за 80 переходов. Хан также сообщил о получении послания кумыкского шамхала, в котором он провозглашает себя верноподданным [Его Величества султана]. Из священного приказа мы также узнали о благосклонности [к Касым-папе] со стороны падишаха, которого он назначил главнокомандующим. В послании было также сказано, что августейшее послание направлено шамхалу, и что хану было предложено построить новую крепость на месте Старого Эджерхана и направиться к Эджерхану, как только наступит благоприятный момент, с целью захватить его. С другой стороны, в высочайшем фирмане говорилось о необходимости после построения новой крепости на месте Старого Эджерхана Его Величеству хану зимовать там лично, если из-за приближающейся зимы окажется невозможным захватить крепость, являющуюся основной целью похода.

[В фирмане шла речь также о том, что] в вышеозначенной крепости должен быть гарнизон янычаров, капуданов, азабов и ногайских мирз и что [Касым-папа] не должен пренебрегать [опасностью со стороны] врагов и должен быть осторожен. Он должен также нанять бешлю эри и хисар эри, необходимых для гарнизона крепости, которые должны быть зарегистрированы и получать свое жалование по обычным в Кафе расценкам из казны Касим-паши. Те сипахи, которые их сопровождают, должны провести зиму в Кафе и в Азаке и, если Богу будет угодно и представится случай, весной мы объединим силы с [войсками] Его Величества хана.

Корпус сипахи уже покинул Бендеры в полном порядке и прибыл на переправу Хош Гечиди. В крепости Азак он объединился со мной, вашим покорным слугой. Мы обнаружили там [в Хош Гечиди] все, что нам было необходимо, затем императорский флот поднялся по Дону, а мусульманские солдаты пошли по берегу реки, не останавливаясь на привал в одном месте [больше чем] на два дня. Мы не испытывали никаких лишений во время остановок и привалов, никто не был одолен болезнями, и с Божьей помощью мы прибыли 5 раби 1 [18 авгу-

ста 1569 г. — С.О.] к месту, называемому Эрдильме, где встретились с подданными Его Величества хана. На следующий день он направился к Волге [Idil], дабы воспрепятствовать презренным врагам нанести вред мусульманской армии, поджегши степь. Мы, ваши покорные слуги, тянем корабли из Эрдильме, чтобы доставить их на реку Идиль. Милостью, благосклонностью и благодеянием Господа Всемогущего, заступничеством пророка — предводителя всего сущего, а также высоким покровительством Его Величества падишаха — прибежища мира — да сделает Господь вечным его халифат! — никто из моряков императорского флота и из мусульманских солдат не погиб, не был ранен, ни один из ваших подданных не понес никакого ущерба. Напротив, солдаты Вашего Величества, как и солдаты Его Превосходительства хана, среди которых находятся гази и мужественнейшие из мужественнейших победоносных мусульманских солдат, истребили множество презренных врагов и захватили в плен множество других. [Таким образом,] они многожды проявили свою доблесть и геройство. От кумыкского шамхала прибыли посланники с посланиями, в которых он выражает свою преданность и подтверждает свое полное подчинение падишаху; он объявляет себя другом друзей султана и недругом его недругов. Вот почему мы надеемся на его значительную помощь и поддержку.

Что же касается вопроса о строительстве крепости и о том, чтобы ваш покорный слуга и солдаты, находящиеся под моим командованием, провели там зиму, а также касательно того, чтобы нанять бешлю эри и хисар эри, [то заниматься решением] этих вопросов на данный момент несвоевременно. Мы не говорили об этом с командующими и с другими людьми в Эрдильме, чтобы воспрепятствовать распространению [в армии] дурных слухов, дабы они не повредили нашим делам. Если Господу будет угодно, то в нужное время высочайший фирман Вашего Величества будет выполнен. Мы выполним его как можно лучше, во всем же остальном — воля Вашего Величества.

Касым, Ваш ничтожный слуга.

Этот отчет Касыма-паши о ходе похода, отправленный султану из Эрдильме, публикуется по тексту, помещенному в книге «Восточная Европа...» (с. 171–173). Он извлечен из архива Музея дворца «Топкапы» Т. Гёкбилъгином. Публикация текста и русский перевод имеются также в книге «Документы по истории...».

*А се перевод со царевы Девлет-Киреевы грамоты,
[присланной] з Бором Черкашенином*

Великие Орды великого царя Девлет-Киреево царево слово наше брату нашему великому князю Ивану Васильевичу, после поклона и слово наше и грамота о любви.

Преже сего к тебе сколько всею мыслью посылали есмя к тебе гонцов своих з грамотами. А просили есмя Асторохани и Казани. И нам еси не помыслил того дати, — и меж дву нас миру и дружбе как быти? И коли мир и дружба меж нас не сталася, и что у тебя наш посол Ен-Болдуя? И ты к нам его пришли, а мы твоих послов, которые здесь есть в головах Офонася Нагово и гонцов к тебе отпустим. И мы того поведывали и к тому нашему слову никак одного еси слова к нам не приказал. Мы всегда к тебе о том слове проведываем о том деле, а к нам одна слова не приказывал еси и не проведывал. И ныне меж дву нас мир и дружба не осталася, твой посол здесь, а наш посол там мучатца и нужю принимают. И их нужи муке прибыль, что ты нашего прошения нам не дал — меж дву нас мир и любовь не осталася. Послы б наши нужи и муки не видели — послы своими розменимся: ты б нашего Ян-Болдуя с товарищи к украинному городу к Путивлю прислал. И к нам грамотою своею проведай, и мы посла твоего Офонася с товарищи пошлем. И срок бы наш речке на Семи был, и послы своими тут розменимся. По нашей мусульманской вере молвити великая божба право истинно побожилась, молвив: поверил бы еси! Мы твоего посла Офонася с товарищи пошлем, а ты нашего посла Ян-Болдуя с товарищи пришли. По своей вере побожився прислал бы еси к городу к Путивлю. И как поплешь, и ты б нам о том в ведомо учинил, и мы отселе посла твоего Офонася с товарищи, не модчав, и стоянья ему не будет, к тебе отпустим. Так бы еси ведал.

Никоторого мнения не чинил бы еси. На своей вере прямо стою. Так бы еси ведал.

И толко ты нашего посла Ян-Болдуя не приплешь и толко молвишь: нашего посла Офонася наперед к нам пришли, — и ты б о том

по своей вере правду же учинив, прислал. И мы их наперед к вам пошлем. И ты, на своей правде стоя, пришлешь от сердца, на своей правде стоя, пришлешь – добро. А будет не пришлешь – которую еси веру учинил, та б вера на тебе ся остала. У государей послы что стреленая стрелка. И у нас будто стреленая стрелка пропала – тем у нас ничто ни прибудет, ни убудет. На своей вере не постояв, величества своего не призришь – сам ведаешь. А только правды не учинив, и не пришлешь в сей нашей грамоте, что наши речи, и не примешь, и ты посла своего Офонася меж нас ни о миру и не о добре прислал, – положи на него опалу свою прислал. Так бы еси ведал.

И ныне с своим ярлыком своего верного слугу гонца своего Бора к вам ехать, и назад приехать срок ему дан сорок или пятьдесят ден, – срок ему учинив, прислали. И как к тебе придет, у себя б еси его ден с семь, с восемь – больши б еси того не держал, и молчания бы ему не было.

И что твои речи будут которые, и ты б в своей грамоте нам ведомо учинил, коли меж нами мир и добро не станетца. И как, даст Бог, мы для своего сорама с сердца попытаемся-посмотрим, и кому ни даст Господь Бог! Так бы еси ведал.

И толко по сему нашему слову розменится похочешь и помыслишь, и толко к нам похощь прислати свою грамоту, и ты б своего сына боярского одного прислал. И что твои которые речи, и ты б нам ведомо учинил, по сему нашему сроку, не модчав, отпустил.

Так и ярлык о любви написан.

Писано октября в 2 день лета 978-го (1569 г.).

Тот же гонец Бор чуть позже передал царю еще одну грамоту:

Великие Орды великого царя Девлет-Киреево цареву слово наше то.

Брату нашему великому князю Ивану Васильевичю после поклона слово наше ярлык о любви писан.

И толко с тобою, братом нашим, промеж нас дружба и добро толкося станет, у тебя, брата, тысячу рублей денег, четыре добрых

шуб собольих да две шубы рысьих хрептовых, две шубы рысьих черевых, две юфти, шапок черных горлатных прошу – дочь у нас есть – выдать на тысячу рублей – приказали есмя купити шуб и шапок. Толко тот наш запрос примешь – гонцу нашему Бору еси дал. А оприч того просим четырех кречетов. И толко наш запрос примешь, не затеряешь, и которые скверна не скинула, – добрых кречетов бы еси прислал.

Молвя, ярлык написан.

Писана декабря 2 дня лета 978-го.

Как уже было отмечено нами в тексте главы, эти два послания по своему духу и предложениям отличаются от ранее присылаемых ханских посланий в Москву. Они по-разному воспринимаются и в историографии. Нам кажется, что они отражают некоторую растерянность крымских властей, вызванную неудачей похода на Астрахань и необходимостью самостоятельно восстанавливать дальнейшие отношения с Русским государством. Напоминаем приведенную нами в предыдущей главе фразу Сулеша о том, что «нашей... неправды перед Московским ... много».

Обе грамоты опубликованы: Посольская книга..., XIII, с. 267–269.

Из статейного списка посла Афанасия Федоровича Нагова, привезенного в Москву гонцами Севрюком Клавшовым и Богданом Шапкиным в октябре 1571 г.

Запись от декабря 1570 г.

Декабря в 24 день сказывали Офонасью, и Федору, и Никифору Петр Ибаков да Нагай Сеундюков:

– Приехал де ко царю от турецкого царев гонец Тактар Алейчеуш. А писал де турецкой ко царю: будет де король пришлет х тебе казну. И ты его не воюй, а будет не пришлет, и ты воюй. А про государя де про московского турецкой положил на цареву волю.

«Посольская книга...», XIV. Москва, 2016, с. 62.

Из статейного списка И.П. Новосильцева

Царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии послал Ивана Новосильцева во Царьгород для своего государева дела к брату своему к Селим-салтану. А велел ему идти на Рылеск, а из Рыльска на Азов.

А в Азове... у судового пристанища на мосту встретили Ивана азовской диздар Сефер и все турецкого приказные и городские люди и казыевы татарове, а самого Казыя в те поры в Азове не было... А как Иван с судна вышел, и Сеферя взял Ивана под руки и проводили его в судебно перед городными вороты. А в судебно Иван с ним поговорил о дороге и о провожатых, как ему идти к Царюгороду.

Да Сеферя же говорил: «Мы деи того у бога молим и просим, чтоб меж государей был мир и любовь, а начаемся деи божья милосердия и дела доброго». И до подворья проводили аги с янычаны и приставы, и Ивана читли, и кормы на подворье присылал, доколе Иван в Азове побыл.

Да Иван же проводывал в Азове, которые турецкого салтановы люди и Крымской у Асторохани были.

... А как Иван выезжал из города кораблей смотрети, Сефер ему сказывал про астороханской поход: «Посылал, господине, государь наш, турецкой салтан, к Асторохани войну для того, что ему люди поссорили и велели послати к Асторохани. А не своим, господине, умышлением он под Асторохань войну посылал, да и потому посылал, кое меж государей давно ссыла не бывала. А ныне деи меж государей добро будет, и войны государя своего вперед сюды не чаем на государя вашего украину». А хто меж государей ссорил и какая учинилась ссора, и Сефер про то имянно не сказал.

А как Иван пошел из Азова х Кафе... сказывал Ивану полоняник на море на корабле ... про астороханский поход: «Было деи под Астороханью турецких людей голова Касим-бег Кафинской да восемь санчаков воевод, а с ними тысяч полтретятцать да крымской царь, а с ним три его царевичи: большой Магмед Кирей калга, друтой Алди-Гирей, третей Казы-Гирей, а с ними татар больши пятидесят

тысяч; и те деи крымские тотарове многие, не дошед Асторохани, назад ворочались с нужи. А турские деи люди шли ис Кафы к Азову на конях, а наряд и запас везли в судех изо Царягорода и из ыных городов, которые блиско моря. А из Озова деи Касим-бег и турские люди шли вверх подле Дону коньми до Царицыны речки, а наряд и запас везли Доном в судех. А шли до той же речки полтора месяца; а пришед к той речке, волочили из Дону на берег наряд и запас и суды – каторги, в которых было им судех о Переволоки итти в судех Волгою к Асторохани; да на берегу под суды и под наряд делали волоки и колеса. А стояли у берегу четырнадцать ден, а поделав волоки и колеса, пошли прочь от берегу к Волге. А шли деи половину дни; и стали ся у них волоки и колеса портити; турские люди наряд, и подкоп, и суды, и казну, и запас, назад отворотили к Азову с капыдоном, которому наряд и запас судовой приказан, потому что было им нелзе перекопи делати судов провадити. А больших деи с ними было только три пушки, а ядра у них были поменьши головы человек. Да с тем же деи нарядом и запасом и суды отпустили с капыдадом человек з девятьсот; с собою деи турские люди взяли к Азову пушки немногие полковые. А крымской царь и царевичи шли полем, а с Касимом и с турскими людьми сошлись выше Царицыны речки на той же Переволоке, а спедчися, царь посылал царевичев добывати на Волгу вверх по Дону языков и про государевых, царевых и великого князя, про воинских людей проведывати. И как царевичи поймали языков на Волге и сказали им, что государевы воеводы многие были на Волге на Царицыне острове и пошли вверх; и царь де и турские люди по тем вестем пошли к Асторохани; да с турскими же людьми под Астороханью был Казы-мурза, а с ним было татар тысяча человек. А изрон деи турским и крымским людям, идучи к Асторохани и под Астороханью, был невеликой; а от Асторохани деи пошли прочь назад потому, что у них запасу лютицкого не стало, и к Асторохани приступити нельзя. А шли деи назад тем же местом, которым шли к Асторохани. А шли на рознь. И турским деи людям был изрон великой: и лошадеми обмерли, а мерли деи турки з голоду и с нужи. А к Озову деи их трети не дошло. И только б деи тем достальным турским людям не крымские тотарове и не Казыевы подмогли, а им деи было и достальным перепропасти; а подвозили их крымские и казы-

еве татарове. Крымским деи татаром потому изрон был невеликой, кое у них были лошади добры, а кормилися сами коньми же, которые мерли под турецкими людьми. А которые турецкие же люди назад Доном шли с капыданоми, и те, сказывают, многие с нужи померли на Дону».

Да о том же астороханском походе писали х Касыму астороханский Семен-мурза да Тенимом зовут Теребердеем с товарищи, которые наперед прибежали из Асторохани в Азов. ...

А как Иван будет против города Керчи не доезжая Кафы, и послал к нему азовской санчак Айдар людей своих на катарге, а говорили Ивану, чтоб деи еси пожаловал виделся с Айдаром и хлеба у него ел.

...И айдаровы люди молвили: «Только, господине, не поедешь на берег, а Айдар бонтца от Турского опалы, что тебе поехать от Керча, а Айдар тебя не чтит и не подчивал.

И Иван поехал, ...и Айдар Ивана встретил, вышел из своего патра, а с ним турецкого салтановы люди спаги и проводили Ивана до патра и звал его хлеба ести. А ели у Ивана в патре, а еству питье приносили от Айдара ис патра.

Сказывал Ивану Айдар: «Посылал деи государь наш турецкой к Асторохани войну для того, что ему люди поссорили, да и того для, что деи ходят ис Кизылбаша гости в Асторохань торговати, а нашему деи государю Кизылбашской великой недруг, да и потому, что деи меж государей давно ссылки не бывало.

...Да Айдар же говорил Ивану: «Присылал деи ко мне крымской царь своего человека и писал ко мне, а велел тебя воспросити – велел ли деи тебе государь быти у него в Крыме и есть ли деи к нему от государя какой приказ?».

И Иван сказал: «Послал, господине, меня государь мой для своего государева дела в Царьгород к брату своему к Селим-салтану, а в Крым ко царю мне ехать – о том у меня наказу нет и быти мне у него нечего для».

...А как Ивану х Кафе приходити... послал х Касыму государеву, цареву и великого князя, грамоту и жалованье с толмачем и приказал к нему о дороге и о корабле и о провожатых, как ехать ис Кафы ко Царюгороду.

...Да Касим же спросил Ивана: «С каким ден делом едешь от своего государя к нашему государю?»

И Иван сказал: «Послал, господине, государь мой, царь и великий князь, к брату моему, к Селим-салтану, грамоту, и то дело писано в грамоте».

И Касим сказал: «То, господине, государю нашему добре за честь, кое государь ваш к нему послал. А и наперед сего меж государей послы и посланники бывали и меж их добро было. А посылал, господине, государь наш к Асторохани войну для того — посылал к нему крымской царь, а ялся: яз ден шед, тебе возьму Асторохань, да и Казань ден твоя же будет. А ныне, господине, меж государей чаем добра и любви, а государь наш того хочет же».

И Иван сказал: «Крымского, господине, перед нашим государем неправды добре много, и в слове своем в правде не стоит».

И Касим сказал: «То, господине, правду говоришь, кое он в своем прямом слове не стоит и государю вашему лжет, а потацит своим людем и слушает их, как ему велят. Да ныне, господине, тебе у Крымского быт ли?».

И Иван сказал: «В Крым ко царю мне ехати — о том у меня государева наказу нет, и быти мне у него нечего для».

А на завтрее утро, как Иван ел у Касима, посылал к нему Иван, чтобы его отпускат ко Царюгороду и корабль дал и велел бы проводить.

И Касим приказал к Ивану: «Приехал ден ис Крыму Сулеш князь, а ныне ден ему быти у меня; а прислал ден Крымской по свою алафу, что ему с Кафы идет, а которые ден Крымского люди в Кафе живут, и тем ден людем велено ему оброк дать. Да меня же ден спрашивал Сулеш: быти ли ден Ивану у Крымского, и яз ему сказал: послал его государь к Турскому, а у Крымского ему быти не о чем. Да ехати ден Ивану ко Царюгороду ныне нельзя — встала на море великая хуртина и ветр встречу, а в корабле же и ехати в том же, в котором приехал Иван из Азова».

Да Ивану же про то сказал, что ден прислал Крымской Сулеша в Кафу нароком вестей розведывати, и быти ли ден Ивану у Крымского, а не для ден Крымской своей олафы Сулеша прислал, а стал ден о том Крымской быти в великой кручине, что государь мимо его

послал к Турскому, от тех мест, как еще про Ивана из Азова весть к нему в Крым пришла. А служилые тотарове Собаня Резанов с товаращипи сказали тоже, что деи царь добре кручинен и дума у него и збор о том со царевичи и съ их ближними людьми была великая, кое государь, царь и великий князь, послал к Турскому.

А как Сулеш ис Кафы в Крым поехал, и Касим Ивана звал в друго ряд хлеба ести.

... А как Ивана ис Кафы отпустил ко Царюгороду, и корм на путь дал и проводитьи послал до Царягорода человека своего лучшего.

В третью неделю Петрова поста как Иван приходил с Черного моря в устье Белого моря, и встретили его айдаровы люди, азовского санчака, которых он посылал с вестью к Турскому, а сказали: «Большой, господине, Маамет-паша сказал про тебя Селим-салтану, и он деи тому добре рад, кое государь ваш послал к нему, а Маамет деи паша тому необычно возрадовался и говорил деи: так, как деи яз стал быти в пашах, и изо всех деи земель у нашего государя послы при мне бывали, одного деи московского не было, а ныне деи мне и то бог велел слышети и видети. Да и дворы, господине, тебе велел изготовити, а нас, господине, послал паша против тебя для того, кое тебя долго во Царьгород нет, и не сстало ли ся деи над ним чего на море, а будет деи его в Кафе задержали, и он бы деи шел ранее в Царьгород. А велел, господине, тебя, встрети, подставитьи не доезжая Царягорода за пять верст под городом под Васкесенем, а нам, господине, паша велел наперед к себе с вестью быти, а будет тебе встреча и приставов к тебе пришлют». И как Иван, пришед, стал под городом под Васкесенем на корабле же, а турецкой Селим-салтан против того города был в сараех, а прозвище сараем Кандиль, а приезжает в те сараи для потехи, и бакчи тут у него поделаны.

И на завтрее того, на первом часу дни, приехали к Ивану приставы Маамет чауш да Чилибей, а молвили: «Велел, господине, тебе государь наш идти во Царьгород, и подворье тебе готово, а нам, господине, велел у тебя быти в приставех, да тебя ж, господине, велел салтан встретити у города на берегу, на скели у пристанища, своим приказным людем, а тебя они уж дожидаютца, а аргамаки с нарядом под тебя приготовлены на то — ехати на подворья».

И как Иван пришел ко Царюгороду и стал на карабле у пристанища, а на карабль к нему пришел Турского салтанов толмач большой Ибреим-бег, а на берегу дожидались и встретили конные нарядные янычанские аги и чауши и спаги, а с ними янычане пешии, проводили Ивана до подворья, а поставили на посольском дворе. А пришел Иван во Царьгород на третьей неделе в понедельник Петрова поста. А пошлинные турского салтановы люди никаких пошлин не пращивали.

Того же дни салтан прислал к Ивану корм на приезде да ковер да подстилку суконную. А поденной корм стали довати з другова дни.

Да после того спустя на третей день в среду, как Иван пришел во Царьгород, говорили ему приставы: «Велел, господине, тебе Маамет-папа говорити, чтоб ся ты с ним видел у него на подворье, а не видясь тебе с папшею, у нашего государя нельзе быти». Да прислал Маамет-папа по Ивана большого толмача салтанова.

...И Иван того ж дни к папам... ездил, а с ним Селим-салтанов толмач Ибреим-бег да приставы провожали, и паши против Ивана вставали и встречали, от мест своих отходя, и спрашивали Ивана, с каким делом пришел к их государю. ... А о том Ивана не спросили, что писано и какое дело в государеве, цареве великого князя грамоте, и грамоты посмотреть не просили же.

Да Пертав же папа говорил Ивану: «Государь деи ваш великой, и бог ему дал великой разум, да и люди деи ещо у него добрые есть, кое деи послал к нашему государю. А то деи меж государей люди поссорили, кое посылал государь наш войну к Асторохани: дай господи, деи, были здоровы государи, и виноватого сыщут, а меж их добро будет, а наш деи государь того хочет, чтоб меж их с вашим государем было добро».

А об иных государевых делах ни о которых паши Ивана не спрашивал.

...Маамет же спросил Ивана: «Сколь еси давно пошел от своего государя с Москвы?».

И Иван сказал: «Как, господине, государь мой меня отпустил к брату своему, к Селим-салтану, и тому уж осмой месяц».

«Да коею еси, господине, дорогою с Москвы шел?».

Иван сказал: «Велел, господине, государь мой идти мне зимою на конех на свою отчину – на Рылеск, а из Рыльска в Азов, и шли есмя

от Рыльска полем до Донца до Северского, а Донцом шли до Азова в судех».

И паши спросили: «На Асторохань еси господине зачем не шел? А от Асторохани деи было до Азова немного и успели б в 17 день».

И Иван сказал: «Которою, господине, дорогою велел мне государь итти, и яз шел тою дорогою».

Да Маамет же паша говорил Ивану: «Ходят деи в Асторохань и к Москве бухарцы и шамохейцы с торгом, и тех деи бухарцов и шамохейцов из Асторохани государя вашего воеводы и приказные люди не пропускают молиться к господню гробу по нашей вере и волю у них отнимают, и то деи добро ли ваши так чинят? А к нашему деи государю бухарцы и шамохейцы о том приходили бить челом, кое их из Асторохани к осподню гробу не пропускают».

...И Иван сказал: «Которые, господине, иноземцы гости приходят к Москве и в ыные государя нашего города, и которою они дорогою куды попросятца, и государь наш тех иноземцев жалует и велит их отпускати безо всяких зацепок, а от веры не велит никого отводить и не неволити ни в чем: восе у государя нашего в его государстве Саинбулат-царь, Кайбула-царевич, Ибак-царевич и многие мирзы нагайские, и за Саин-булатом-царем город Касимов и к нему многие города, а за Кайбулою-царевичем город Юрьев, а за Ибаком-царевичем место великое Суражеск, а за нагайскими мирзами город Романов, и в тех городех мусульманские веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит – всякой иноземец в своей вере живет. Нечто будет хто меж государей ссаривает?».

И Маамед-паша сказал: «Тот, господине, слух и у нас давно есть, кое государь ваш иноземцев жалует, а государь ваш великой, и он делает все добро, как ему бог велел, да только б, господине, велел вперед бухарцов и шамохейцов пропускати из Асторохани к осподню гробу молиться по нашей вере, да и письмо, господине, о том нашего государя к вашему государю будет, а государь наш того хочет, чтоб с вашим государем меж их ссылка и добро было, и гости б ходили, как было наперед сего, а у нашего государя всякому же иноземцу не запрещено во Царьгород ходити, а мы деи того хотим, чтоб меж государей добро было».

И Иван сказал: «Что, господине, со мною салтан ко государю, царю и великому князю, прикажет, и яз до своего государя донесу, а похотите, господине, государева жалованья и станете меж государя нашего с Селим-салтаном дружбу делати, и яз вашу службу до своего государя донесу, и в том ведает бог да государь, как к вам учнет жалованье свое держати».

Далее в Статейном списке приводится интереснейший этнографический материал о том, как организовывался в Османской империи прием иностранных послов.

...А как государеву цареву и великого князя грамоту перед салтаном прочли, и Селим деи салтан стал был добре весел, а Маамет деи паша, приехав от салтана к себе на подворье, говорил с турками: «Государь деи московской великой, а что деи прислал к нашему государю грамоту, и написано деи в ней великим смыслом, а есть деи еще и у нас люди, да не так грамоту сложат».

Да Иван же проводывал... Сулейман-салтану говорил Касим-бег кафинской, а тогда он был у салтана в больших дияках: «Взял деи московской государь Азсторохань, а изстари деи Азсторохань была вапние бусурманские веры, а се деи приходят в Азсторохань изо многих земель гости торговати воденным путем многие, и казна деи с Асторохани московскому государю сходит добре великая, и ты б деи Асторохань за себя взял – и станешь за свою веру и казна тебе с нее будет великая же». И турской деи салтан Касиму отказал тем обычаем: «Дед деи и отец мой и яз с Московским и по ся места не воивались, а прежде и сего меж нас послы и гости и ныне ходят, а московской деи государь силен ратью своею, и мне деи с ним не за что воеватца, а у меня деи он не взял ни одного города, а Азсторохань деи не наша Турская земля, то деи Московскому бог дал». А Сулейман деи салтана не стал под Пенштыким городом, как он ходил с своего ратью, а скаывают – его убило от пушки, а после деи себя приказал сыну своему Селим-салтану, чтоб ся он с Кизылбашьским воевал и Кизылбаша б взял за себя. А как деи Селим-салтан после отца своего сел на царство, и присылал деи к нему крымской царь, а приказал, что деи «от Царягорода в Кизылбашши тебе и твоей войне ходити добре далеко и путь не ближней, и в том деи будет твоей рати изрон вели-

кой в конех, а отцу деи твоему был шах недруг, и тебе деи послати свою войну в Кизылбаши на Азсторохань, а от Асторохани деи х Кизылбаши добре ближе, а ее водяным путем. Да в Азсторохань же деи приходят из Кизылбаши гости, а опричь деи Азсторохани проходу из Кизылбаши никуды торговым людем не будет, и тебе бы деи Азсторохань за себя взяти, и Кизылбаш деи будет за тобою наборзе, и ты б деи послал со мной войну свою к Азсторохани, а яз деи с собою возьму своей рати тысяч со сто и шед деи тебе возьму Асторохань одного часу, да и Казань б деи твоя же будет, а не возьму деи яз Азсторохани, и ты деи меня тогда не жалуй». А Касим деи кафинский писал к Турскому же и присылал с Крымским вместе, и ялись взяти Азсторохань и писал о всем потому же, как и прежнему Сулейман-салтану о Асторохани говорил. И умышлял деи Крымской о астороханском походе задин же. И Турской деи посылал к Литовскому послов своих для того, чтоб Литовской пошел на московского государя: «И яз деи сам с Крымским на него идем же и шед деи у него города поемлем». И Литовской деи к нему приказал: «Пойти деи нам заговором на Московского непригоже, а хотя деи шед у него и Москву возьмем, и нам деи какая в том похвала и честь будет, что мы на него пойдем заговором? А будет деи не возьмем у него городов, и нам деи в том будет великой сором и безчестье, а Московской деи государь сильной и стоит за себя крепко». И Турской деи по прежней присылке крымского царя и по Касимове велел послати к Асторохани с Крымским царем войну свою турских людей из Царягорода и из Онодольские земли, да добринских, да белгородцких татар, да енычан, и всего велел послати своей войны турок восемьдесят тысяч, а наряд деи, пушки, и подкопы и людцкой запас везли из Царягорода и из иных городов, которые пришли блиско моря, да ис Кафы, а провадили наряд и всякие запасы в Азов морем, а конные деи люди шли на Кафу, а из Кафы к Азову сухим путем, а у турских деи людей был в головах Касим-бег кафинской да санчаки из Онодольские земли, а о енычанех де к Турскому писал Крымской именно, чтоб их послал к Азсторохани, а без них деи приступа к городу делать нельзе. А как деи турецкие люди пошли из Царягорода, и тем деи людем иным грамоты жаловальные Турского подовали, где кому на котором приказе быти как было, взяв Азсторохань, и у многих деи людей во Царе-

городе турки на отъезде имали и задатки наперед деньги за полон, которых было им привести из Асторохани во Царьгород. И как деи Крымской пошел к Азсторохани и побил на Донце на Северском казачья атамана, Иваном зовут Мотякин, а с ним было козаков человек с сорок, и прислал деи к Турскому гонца, что он на Донце взял казачий город, атаманов и казаков убил, сказал, с пять тысяч, и Турской деи тому стал быти весел. А как деи к Турском пришла весть из-под Асторохани, что деи Крымской и Касим у Азсторохани с воинскими людьми были, а промышляли, что было им Асторохань взяти подкопом, и подкопу деи было зделати нельзе потому, то вода заняла, и им деи было посылати старого городища к городу приступати людей, и из Азсторохани деи з города учили по их шатром бити из пушек, и стали деи пушки ходити далко, и турецкие деи меж себя с крымскими стали говорити, кое им к Асторохани нельзе приступати, и людем их чинитца изрон, и корму у них людцкого не стало, да и пошли деи все прочь от Асторохани. А стояли под нею на старом городище день з десять, а шли деи от Азсторохани нарознь, идучи з голоду и с нужи многие люди мерли, и тех деи турецких людей не пришло назад из Асторохани ни четвертого жеребья, да и санчаки деи не все ж назад пришли – иные померли, а енычан деи только пришло из под Асторохани во Царьгород трех тысяч только человек с семьсот, и те деи все были больны. А смотрели деи тех янычан и перекладывали по именам по книгам во Царе-городе, по которым давано им жалованье. А которые деи турецкие люди и енычане пришли из-под Азсторохани во Царьгород, и те деи люди били челом Турскому, что им в том азстороханском походе стал великой убыток и людем изрон: «И казне деи твоей стал великой убыток, а будет деи станешь к Асторохани перед нас посылати, и ты деи вели здесе казнити смертию, чем деи нам там напрасно померети же, а Асторохань деи от Царягорода не блиско и приступати к ней долго, хотя деи сам пойдешь; и тое деи у тебя твою государеву казну и воинских людей потеряли напрасно Крымской да Касим-бег кафинской, да крымской же деи царь пошел был наперед нас от Асторохани с своею ратью, а нас деи был покинул. И мы деи учили Крымскому говорити, чтоб деи он нас не метал, и в том бы от тебя в слове не был, и Крымской деи велел нас подвозити, а только б деи Крымской наперед

пошел, и нам деи было всем на дороге перепропасти, а к Озову бы не дойти; да и то деи стало быти твоим государевым счастьем, что деи к нам встречу московские люди не пришли, а только б деи на нас пришли московские люди, и нас бы деи и достольных побили, а московского деи государя сказывают людьми сильна и тебе деи государю воеватись с ним не за что». И турской деи салтан стал о том на Крымского и на Касима быти добре кручиновать и одолелся, а говорил: «Потеряли деи у меня казну и людей и ввели деи меня в великой сором, кое не взяли Азсторохани»; да приказал деи пашам, а велел, собрав чаушей, послати извести крымского царя да Касима. И крымской деи царь сведал, что его Турской посылает извести, да прислал о том к сыну своему, который ныне живет в ымени у Турского, а велел деи бити челом Селим-салтанове родной сестре вдове Нафыт-царевне, что была за Брастан-пашею, да Маамет-паше большому, чтоб им Турской опалу отдал и не велел их убить, и царевна деи и паша о Крымском и о Касиме били челом Селим-салтану, чтоб их пожаловал, не велел извести, а что деи они Азсторохани не взяли, тому деи так бог велел быти. И Турской деи для сестры своей и Маамет-пашина челобиття Крымского и Касима не велел извести, а то деи им Турской сказал: «Вперед деи им от меня быти же изведеным». Да Селим же деи салтан говорил сестре да паше: «Крымской деи зоветца царем больши меня, а посаженник деи он на Крыму отца моего, да он же деи ссылаетца с Московским, и послы и гонцы меж их ходят, а меня деи они забыли, и то деи Крымской чинит добро ли?». Так да и по ся мест деи Турской на Крымского гнев держал. А крымской деи царь и Касим-бег оттого Маамет-паше прислали великии поминки, что их у Турской на Крымского гнев держал. А крымской деи царь и Касим-бег оттого Маамет-паше прислали великии поминки, что их у Турского отпечаловал, а ныне деи Касим в Царьгород ехати ис Кафы боитца убийства от турских людей, которые были у Азсторохани, а стал им в Касиме изрон. А опричь деи Крымского и касимовы присылки к Турскому о астороханском походе бити челом не прихаживал никаких человек.

Да Ивану же сказывал Касимов человек, который его провожал, про азстороханской ж поход: «присылал деи х Касиму из Нагаи Урус-мурза да азстороханцы и велели ему идти к Азсторохани – и Азсто-

рохани ден возмем до приходу, а за кем ден будет Азсторохань, и мы того ж будем». И как ден Касим пошел к Асторохани и на дороге ден изгibli турок пять человек, три Турского, а два человека Касимовых, и понимали ден были тех людей Тинехматовы тотарове и держали их под Астороханью для языков у азстороханцов, дружачи государю московскому. И Касим ден писал к Урусу-мурзе, чтоб тех турок добыв, прислал к нему; и Урус ден у астороханцов тех турок выбаял да прислал их к Касиму. А доколе ден турецкие люди стояли у Азсторохани, и до тех мест нагаи азстороханцы присылали с кормы; а только б ден к туркам они корму не присылали, и многим было з голоду у Азсторохани померети и не отойти прочь. А стояли ден Крымской и турецкие люди под Астороханью на старом городище и промышляли, что было им Асторохань взяти подкопом, а посылали ден к городу крымского Мустофу с товарищи досматривати, где быти подкопу и иным приступом – и подкопом ден взяти ее нельзе, что ден вода блиско и стоять ден у ней долго и людей потеряти. И меж ден Крымского с Касимом стала река быти, да пошли ден прочь от Асторохани. Да астороханские ж ден тотарове говорили Касиму: «Служили, ден, мы государю московскому, а ныне ден мы люди Турского». А которой Касимов человек про то сказывал, и тот у Азсторохани с Косимом был же. Да Касим же писал к Мамет-паше, как Иван был в Царегороде, да и чертеж астороханский прислал, а написал ден в грамоте, чтоб ден Селим-салтан у московского государя просил Азсторохани и за то б ден постоял. И паша ден, прочедчи грамоту, кинул и избранил на него, а молвил: «И так ден Касим ходили в опале, чего ден ему доглубати и меж государей ссаривает? Али ден ему не жаль своей головы? Ведь ден на нем не две головы!». А азстороханской чертеж приносил к Ивану на подворье и казал Маамет Чилибей, служачи государю царю и великому князю, да и вперед добре государю хочет служити. А к Азсторохани от Турского вперед войны не чают.

Да про азстороханской же поход во фрянские города весть пришла, что Азсторохани не взяли, а людем учинился великой изрон, и фрянки ден о том возрадовались и меж себя учили говорити: «Государь ден московской великой, и кому ден против его стояти, а от неверных ден его бог обороняет».

...У Селим же салтана крымского царя сын Ган-султан, а живет в городе в Янбоге, а к салтану не приезжает, а есть салтанову олафу, по пятидесят османок на день, а людем его олафу дают, которые у него живут, а жалованья ему идет на год от Турского по сороку тысяч османок, а руская четыреста рублей; да Ган-султану же дают платье по трожды на год, а то деи у турских салтанов ведетца изстари, что крымского царя по одному царевичю у них жити, а говорят про того царевича, будто ему быти на отцово место на Крыму, как его не станет, или его изведут, а сказывают того царевича дородна.

У Турского ж салтана астороханской Дервиш Алеев сын Магмет-царевич, а живет в Урюмском городке за сторожи, а из города его вон не выпускают, а ест Турского олафу, а к себе ему Турской ездити не велит.

...Да Ивану же говорит чауш, которой у него в приставех: «Велел, господине, тебя спросити Маамет-паша, чего для деи государь ваш на Терке город поставил?»

И Иван ему отказал: «Как мне лучитца быти на салтанове дворе, и яз про то пашам скажу».

И паша приказал, чтоб деи Иван виделся со мною у меня на подворье.

...И Маамет-паша сказал: «Велел, господине, мне тебя про то спросити государь мой Селим-салтан, а то у нас ведетца изстари: о которых делех лучитца, и мы на подворьях послов выпрашиваем, а то дело нам не лежит, и ты, господине, скажи про то ныне».

И Иван сказал: «Государь наш царь и великий князь Темрюка князя Айдаровича Черкаского пожаловал, взял у него за себя дочь его государыню нашу, царицу и великую княгиню, и Темрюк-князь присылал бити челом государю нашему, которые черкасы ему были послушны, и те учили ему многие убытки делати, и крым-шевкальцы и кумуки учили его обидети, и государь бы пожаловал, на его земле велел для недругов город поставить для Темрюкова челобитья, чтоб ему от своих недругов жити безстрашно, а та земля изстари были от Кабарды от Темрюкова юрта по Терке по реке и до моря его Темрюкова, и зверь бил и рыбу ловил».

И паша сказал: «То все земля черкасы и кумуки и крым-шевкалы государя нашего и вера наша же, а государь деи наш того для посы-

лал летось людей своих и того места досматривати, где стал город на Терке».

И Иван сказал: «От Кабарды до Бесленей верст пятьсот, и та земля далеко отошла от тех черкас, которые вашему государю прекланились и служат, а не владел тою землею, где город Торка стал, опричь Темрюка никто»...

...Июля в 15 день перед Ильиным днем в субботу приезжал с салтанова двора пристав чауш, и говорил Ивану: «Велели, господине, тебе паши сказать, что тебе завтра государю нашему челом ударити и отпуск к тебе отсюды к Москве, да со мною же, господине, прислали к тебе государское жалованье, платье, кафтаны, да османки»...

А на завтрее того в неделю был Иван на дворе у салтана, а встретили его на дворе и проводили в полату, и паши против Ивана вставали по тому ж, как и на приезде.

А как Иван сел, и Маамет-папа спросил: «Как, господине, государь ваш с Кизылбашским? И послы и гости меж их ходят ли?».

И Иван сказал: «Ко государю, господине, к нашему Кизылбашской послов своих присылает, и гости его ходят, да и из ыных, господине, орд ко государю послов присылают».

И папа сказал: «Государю деи нашему Кизылбашской великой недруг, а посылал деи государь наш летось своих людей мимо Асторохань проведывати дороги, куды идти на Кизылбашского». А про крымского царя папа в те поры не именовал ничего.

А после того погода папа же спросил Ивана: «Как, господине, государь ваш с Крымским живет?».

И Иван сказал: «Послы, господине, и гонцы меж государей ходят, а неправды господине Крымского перед нашим государем добре много, и ни в котором своем слове в правде не стоит, а зоветца в своей в бусурманской вере всех царей больше».

И папа сказал: «Крымской деи присылает к нашему государю на вашего з жалобою: как деи преж сего посылывал к нему поминки, а ныне деи государь ваш к нему посылает поминки не так, как преж сего, да его же деи послов у себя держит долго и к нему их не отпустит. А царем деи Крымской зоветца велик потому, что деи его наш государь турской бережет. Да и к нам, господине, государь ваш присылает поминки не так, как наперед сего».

И Иван ему про поминки молвил: «В том волен бог да государь наш, а Крымской, господине, государя нашего у себя послов и не одних держит же».

И папа спросил: «Да сколь, господине, давно крымские послы на Москве и вашего государя в Крыме живут?»

И Иван сказал: «Того, господине, яз не упомяну, от коих мест на Москве живут крымские послы, а нашего государя послов в Крыме держат тому же осьмой год».

И папа сказал: «Послы — люди невольные: куды их в которые государьства посылают, с каким делом нибуди, и они ходят, и в том ведаютца меж себя государи сами, что будет меж их какое дело, и послов велел отпустить, а с Крымскм деи меж их будет мир уже же деи и помирятца. Да чтоб деи государь Крым шевкальцов и кумуков вперед не велел воевати, и бухарцов и шамахейцов велел пропускати ко господню гробу».

И Иван сказаза: «Что, господине, со мною прикажет к нашему государю Селим-салтан, и яз то до своего государя донесу».

Да после того погода немного паши пошли к салтану, а Ивану велели идти за собою... А сказали паши Ивану при салтане, что с ним ко государю от салтана письмо будет, а как Ивана отпустил салтан от себя, и ко государю, царю и великому князю, словом не приказал ничего.

...А после того на четвертой день, как салтан Ивана отпустил, говорили ему приставы: «Велел деи, господине тебе Маамет-папа сего дни с собою видетися у него на подворье», и Иван у него того дни был.

И папа говорил Ивану: «Велел деи, господине, тебе государь мой салтан говорити: московской деи государь со мною подружился и назвал меня себе братом, и меж деи государей будет доброе дело, и которые деи черкасы мне служат, и московской бы деи государь их воевати вперед не велел, и бухарцов бы и шамахейцов велел из Астрохани пропускати к господню гробу. Да и письмо деи о том от салтана ко государю будет, а как деи грамота поспеет, и яз де и к тебе приплю ее с чаушем». Да папа же сказал: «Яз деи, господине, ныне меж государей делаю доброе дело, чтоб меж их было любовь и братство, и государя нашего будут послы к Москве».

И Иван сказал: «Что, господине, со мною салтан к государю царю и великому князю прикажет, и яз то до своего государя донесу.

...Да после того в неделю, канун оспожину заговейну, прислал к Ивану Маамет-паша с чаушем грамоту в отласном меху золотом запечатану, а сказал чауш, что деи грамоту послал ко государю Селим-салтан, да ко государю же деи Салтана приказал челобитие. Да чауш же дал Ивану две грамоты от салтана же в Кафу да в Азов о дороге, о судех и о провожатаех, чтоб Ивану пойтит до государевы, царевы и великого князя, украинны поздорову.

А пошел Иван из Царягорода в оспожино заговейно на первой неделе, в среду, августа в 2 день.

...В Кафе же говорили крымские татарове со государевыми служилыми тотары: «Государь деи московской с Турским помирились, а нашего деи Крымского Турской хочет извести, и мы деи все государю своему говорили и на прямом слове стали, что деи нам своего государя Турскому не выдати, и против Турского и Московского стоять крепко. А будет деи сила несяжет и мы деи все помрем вместе и не дадимся деи никому».

Посольская поездка Ивана Петровича Новосильцева в Османскую империю была осуществлена в январе – сентябре 1570 г. Известно, что ранее, в 1564–1565 гг. он вел переговоры с черкасским (кабардинским) князем Темрюком Айдаровичем (ПСРЛ, XIII, с. 383, 397), т. е. некоторый дипломатический опыт сношений с Востоком он уже имел. После успешного выполнения своей миссии при дворе султана он был назначен начальником Печатного приказа (в 1579 г.).

Статейный список Новосильцева является одним из основных источников по истории астраханского похода 1569 г. Посол сумел собрать и изложить в этом документе интересные свидетельства очевидцев и о походе, и, главное, о тогдашних оценках этого события, имевших место как в Крыму, так и при султанском дворе.

Особенно обращая внимание на те оценки результатов похода, которые, по сообщению посла, дали султану возвратившиеся в Стамбул османские воины: «Твою государеву казну и воинских людей потеряли напрасно», «Асторохань от Царьграда не близко и приступать к ней долго», «Быти твоим государевым счастьем, что деи к нам встречу московские люди не пришли, а только б деи на нас пришли

московские люди, и нас бы деи и остальных побили» и еще: Москва «сказывают людьми сильна и тебе деи государю воевать с ней не за что». В «Списке» присутствует также сообщение, что при отступлении между османскими войсками и крымцами были не только столкновения, о чем красочно пишут во всех работах об этом событии, но и что крымские татары и казиевцы «подмогли» османским войскам вернуться назад к Азову. Очень любопытно и последнее сообщение приводимого нами отрывка «Статейного списка» о реакции в Крыму на султанское недовольство поведением хана во время Астраханского похода: местная знать хана намеревалась защищать и в этом, и «против Турского и Московского стоять крепко».

Маамед-паша, с которым И.П. Новосильцев вел свои переговоры, – это знаменитый великий везир Порты Соколу Мехмед-паша, выполнявший свои везирские обязанности при трех османских султанах: Сулеймане Кануни, Селиме II и Мураде III. Именно он, по сообщению посла, сумел отвратить от Девлет-Гирея и Касыма султанский гнев за проигранную военную кампанию («их от Турского отпечаловал»).

Главный же вывод российского посла, сделанный им из его наблюдений во время пребывания в Стамбуле, состоял в следующем: «К Асторохани от Турского впредь войны не чаю».

«Статейный список» И.П. Новосильцева опубликован в книге «Записки русских путешественников. XVI–XVII вв.». М., 1988.

Из записок польского гонца Андрея Тарановского

Селим Салтан турецкий хотением и завистью, размножения ради царства своего возбужденный, из Константинополя землею и морем великое свое воинство турков конных 25000 и янычаров 1000 отряды; морем же 150 галер (то есть великих ладей, стругов) послал к тому еще три орды татар Прекопских, Нагайских, Крымских. Повелением же его до 80 000 воинства собралось иже долгими разными и скудными путями чрез великия реки, блаты и озера в град Азов приидоша. Азов бо есть град Салтана турецкаго на берегу реки

Дона у озера Меотского стоящий, к нему же егда приидоша оные свои потребныя запасы еже уготоваша себе на верблюдах и волех и конех везущих ко Астрахани все изъедоша; случилось им множеством воды плыти, еще не пришедшим ко граду, есть бо там рек множество глубо-чайших и блат непроходимых; тамож соидеся с ними воинство татарское и пребыша ту десять дней упокоивающе конем; потом паки уготоваше себе потребное еже возмогоша и идоша прямо в Астрахань. Над тем воинством турецким начальный был Беглер-бек Кафинский и урядником шесть, над янчары б капитан Велша-паша; пушек же в воинстве турецком не бе больше токмо три полевых и две великих, их же возяху овогда по двадесяти, овогда по двадесяти и по четыре верблюда; в воинстве ж татарском токмо б дванадесят пушек полевых, их же везоша верблюды. Над татарским же воинством б начальный Сулиз-бек казанский князь и Мустофа, всеж то воинство турецкое шествова польми пустыми чрез орды татар Нагайских и Черкас пятигорских, приидоша ж под Астрахань в пятой день Августа утрудившеся. Тогда ж оное еже Салтан Селим турецкий послал собрание водное к Астрахани галер сто пядесят з башнями, на них же б пять тысяч янычаров с пиццалми и три тысящи басманов иже на галерах работали, над ними же бе гетман Мирсерлет капитан, турчин храбрый, на них же бе запасов множество, еже за оным полевым воинством везоша под гору Переволоку. Приидоша тамож на оных галерах имеша потребное множество ими же копати гору Переволоку иже есть между рекой Дону или Танансом и между Волгою, гору ту называют Переволокою по московски, яко тамо казацы Донские изывкли струти и лодки свои превлачити от реки Волги даже до Дону, в тех лодках шествуют ратовати под град Азов. Вниз Дона той же горы между теми реками есть семнадесят верст, и полверсты в высоту, а вниз тож, всегож 35-ть верст под ту ж гору. Егда приидоша, изшедше же на брег обретоша дворы (?) и умыслиша превлачити галеры. Тамож на них воинства московскаго пятадесят тысящ под справою князя Серебренного, иже над ними ж тогда был воеводою, нашествова без вести, идеже янычаров до шести тысящ побнено бысть, також и басманов, ниниж едва убежаша в галеры на воду; тако их московское воинство победи яко от оных осмии тысящей едва их с три тысящи утече; аще же бы турцы превлакли оные галеры чрез ту гору на реку Волгу тогда бы им ту гору

от реки Волги копати, восхотеша бо реку Волгу в Дон реку тещи сотворити. Тогдаж по оном поражении, еже их порази московское воинство, назад возвратишася со оным собранием; егда назад бежаша тогда Донских козаков великолико десятков в малейших лодках за ними шли, замешание им часто сотворяли и победы частые; и погдаж козацы тья галеры имели в силе своей и часто с переду и с тылу на них из кустов и из тростей нападали; остатне нападне на них, яко бы в десяти верстах от Азова града турецкаго, и неколико турков побивша, иных же пораниша, едва остатние утекоша ко граду. Под град пришедши скоро оныя пушки большия з галер взяца тако же и порох тамож положиша, иже вси потом 30 дня месяца Сентеврия возгорением единого дома во град запалися и великия пакости содеяся в людех, такожде и в домовном всяком строении, и тако оное воинство еже водою прииде конечно побеждено бысть, остатние же по победе тамо и ономо по берегам разыдеша. До Салтана ж и едина полная галера не возвратися, тех Донские козацы шедши назад травы поपालяли, сожжение содевающе того рад дабы оное турецкое и татарское воинство назад не шествовало; и паки дабы из града Азова и от инуде потреб оному воинству привозити не возмогаша; тии ж иже под Астраханью не возмогаша блиско приступити до града, реки ради Волги, иже под оный град течет и около его обходит. Еще же яко был достаточно исполненный нарядом и воинством, того ради тамо стояша неделю ничтож починающе без печали, бо бяху никако о неприятствия помышляющее. Дня 12 Сентеврия, московскаго воинства неколико тысяч нощию изыдоша на них в ладиях их, стругах их, галерах рано, над ними ж бе преждеписанный воевода князь Серебряной, наскочаша на воинство турецкое и татарское их же в велию напасть вложивша, потом московское воинство сохранным прииде во град. Уведеша бо что над собранием их водным и с воинством еже шествова им в помощь содеяся. к тому ж узреша яко им потребных не ставало, того ради начаша между себе велми страшитися; уже бо от града единою отступивша хотевше назад возвратитися, но советом татарским облегоша град на утрее, та же скоро уготовавшеся начаша каштели чинити на оном месте идеже бе старый град Астрахан, десять верст в верх реки от града нынешней Астрахани; и скоро неколико тысяч татар собравшеся до Москвы, обречения ради потребных и ни один от них возвратися,

от московского воинства вси побииени быша. Сеже бысть потом, пребыша тамо единомадесять дней и уже в остатнее потребных оскудение бысть, потребоваша сожегши оный свой каштель и с великой печалино и срамотою своею ничтож знаменитаго показавше токмо малую осаду пред градом ожегше 23 Сентеврия назад пойдоша, отыдошаж сице от Астрахани.

... Егда идоша от Астрахани и тогда в пути том воды не имели от первого даже до третияго дня Октоврия, потом в третий день приехали на захождении солнца к некоему езеру в немже бе вода мало солона, идеже со единыя страны стало войско турецкое, а з другие татарское, и тую воду мало не всю выпили. Третияго дня без воды же быша даже до пятого дня Октоврия на добрый стан прилучися им стати у воды добрыя, между двумя езерами их же завут Бурна-инестеня. Оттуда же починаются поли, и прилучися им zde травы пожгоша. Казни-мирза же начальный вождь татар Нагайских согласися с Царем крымским, того рады их тамо ведяше дабы от них користи приобрели, заведши гетмана турецкаго ему же обещалися были чрез тыя поля препроводити его, идеже есть воды добрыя довольно, такожде и зверей всяких много на прокормление, якобы токмо четыре дни езды бяше до Азака: но лож ее бяше, зане шествующе тамо прилучилося негде пяти дней без воды ехать, того ради у иных турков кони и помроша, у иных же утомишася, також и сами мало отгуде изыдоша, овых сами татарове розбили, иннии же от великаго глада и жажды помроша, кони же у турок притомилися тех татарове нагайские имали и ели. Турцы же коней своих ноцию на росы в поля пуцати не смеяху, занеж их крали татарове у них, и далеко и пустыя поля завождаху, того ради начаша их при себе в шатрах имети, в день еще травы им изготавивши. Зело не хотели быша турцы в те поля Можарския ити того ради, ведяху бо яко тамо есть любое множество ужей и гадов, различного, но татарове умыслиша им возвестити глаголющи: яко ныне уже зима приближается и всякий гад в землю вшел есть, и тем турцы дашася им прельстити. Егдаж тамо приидоша, много гадов жестоких обретоша толкия толстоты, яко нога человека, и велми долгих... Нагайские же татарове ... змей ядят, их тамо множество. Паки бывшее неколико дней без воды приехали к потоку сухому, но еще войско не свидеса, тогда оныя воды уже и необретеса, зане ю преднии

выпили суть, к тому же остатку вси турцы рынушася и между собою многия побишася; оттуду поднялися в нощи хладом и потом не имели воды два дня; и в третий день приидоша ко благу, в нем же была вода велими горька и солоная, обаче от великия жажды яко кони такожде и люди изволиша ее пити, идеже прииде весть яко до пятисот турков человек нарочитых погине, иже прелщени быша от единого татарина иже им рек: аки знает неколико ключей водных в полях, токмо просил от них нарочитого подарка; взявши же от них серебра много, заведе их в поле, егда же воды не обрете утече от них, и тако тии вси без воды погубоша, яко от них токмо четверо возвратилися иже имеху вельблюдов с собою на них же к войску приплутали, и о том возвести. От того блага во второй день приидоша ко озеру текущему еже с татарскаго названия но нашему наречют Переводница, в нем же яко вода добра быше, поконша тамо коней целый день, на утре же рано воставше целый день идоша и даже до вечера не быше воды в войске татарском; турком же накопиша долинок в них же мало воды приключилося от дождя, иже того дня шел быше. Того ж дня самого гетмана зятя разбили татарове, иже имаше с собою чотыредесят юношей на добрых конех, и пошел было прежде ко Азову своего ради потребности, и ради купования харчей слугам своим, обаче яко их татарове губили и разбивали турков иже наперед хождаху или назади оставаяхся, того ради дружин изволиху нужду и глад в воинстве терпети ради великаго страха. Шедшим же тамо турком, идеж у них от глада и жажды мало не все кони померли, уже бо и татарские кони начаша томиться донеже в самый вечер приехах ко озеру егоже нарицают Дагерлип, и тамо паки охрабришася, и ту дахся почивати и конем и сами себе целыя два дня; тамо же турцы куповал кантар хлеба сухаго по осмидесяти и по чотыре червонных златых, гороху зерн десять по аспре, килмату муки по двадцати червонных золотых а на остатку купован кантар хлеба и дороже; и потом же и тии иже ево продавали сребролюбства вящее не обреташася, потом же и самим не доставало, сего ради зане поведаша им татарове яко от того стана в третий день, возмогут быти во Азак; но то е их оболстило, едва бо тамо приидоша в седмий день. Того же дни остана возов турецких веколико десятков, и вельблюдов и телег не мало, иже не возмогоша дойти к той воде озерной; егда же стахся нених их же татарове всех разбили и еже тамо

бе взяша и слуг турецких, иже с возами шли суть, погубили. У тогож озера Царь татарский турков потчивал, всем разделивши по укрухе хлеба глаголя: еже на прокормление имех запасов, то между ими и разделил! Но сие чинил покрывающи лесть свою. От тогоже езера во второй день приидоша ко езеру текущему его же нарицают Салилле-дипирлик и тамо уже есть конец поль Можарских. В тех полях еще и днеся есть много стен каменных стоит, яко на кийждо день видено бяше по неколику столпов каменных идеже прежде храмы были и везде в полях стоят яко человеки по древнему обычаю от камня соделаныя, но тыя каменья уже мхом поростоша. Старыя татарове поведают, яко слышали они от предков своих, яко живяху тамо христиане: не возмогша известно поведати який был народ, обаче подобно есть яко нашего народу быша, или Пятигорцы, или Грецы зане и тии греческую веру одержат. И идошаж оными полми Можарскими две недели; с поль же Можарских 19 дня Октоврия спешдши обретоша первый стан без воды; на утрож стан имяху и реки малыя, юже наричают Цугельник, но еще неприидоша к тому стану, тамо уже у турков и последния кони померли и на пути поостахся от жажды, тамож и самих турок не мало изомроша, иннии же лежаще моляхуся да побият их дабы шествующе нужд не терпели жажды и глада. Тогож дня был ветер таков велик яко людей пеших и коней гладных повалаля, яко никого же противу ветра ийти возмогша, и тако того дни людей множество помроша толико, яко на едином пути обрели бо их до пятисот умерших, також и коней много лежаще; потом, в вечер был дождь великий, вельми мразный, иже шел непрестанно три дня, и той остаток войска, турецкаго погубил, занеже у них обмокли суть одежды и япанчи, яко под великою тягостию ити немогша; к тому еще и блато было и велми колзко от великаго дождя. Над тою рекою идоша три дня даже до Азака: впадает бо в реку Танаис. Последняго дня пришествия до Азака, обрете носящее людей умерших от великаго дождя и лютаго мраза на едином пути болши двусот человек. Тамож между тех двух рек Цугелника и Дона татарове нагайския приходят зимовати, а потом на лето выходят на широкне поля со скотом своим, zde же токмо блата суть копания ради долин скотов деля, дабы им вода была. Под Азак приидоша 24 дня Октоврия на ночь и тамо положихся над рекой Танансом. Есть бо он град

не великий, к тому ж погорелый от запаления пороху, и тамо пребыша неколико дней купующе себе потребная. Прибывало турков на всякий день по малу, их же татарове на конех своих умилосердившееся привозили, инни же имели не что сребра наймоваху себе у татар коней, егда же приидоша, наварено им бысть каша, и хлеба дано сухаго, в тако от великаго гладу ведми охотне ядоша и начаша им скоро утробы и главы пухнути, яко их множество нощию тою изомроша; той же нощи бысть лютый мраз им же такожде на погибель; на утре же неци и потреб себе накупивше взяша неколико галер салтанских пустишася по море к Кефе, бяху ж два дни во морю, третьего дня толико великий вихрь воста яко тии галеры вси разбиены быша, людие же на них бяху вси истопоша. В третий день прииде воинство татарское чрез реку Танаисе и с урядником Силистрийским им же еще имел мало людей, сам беглербек с пятью урядниками остася под градом Азаком с оставшимися людьми, их же бе еще яко тысяща, и бе тамо стоя и ожидая даже до повеления салтанскаго, бояшебоя дабы его Салтан не повелел посещи, яко тако заведен бысть от татар и толикое великое воинство погубил. Великую тамо на оной войне срамоту и пагубу Турцы прияша яко 265,000 конных, три тысящи янычаров, 150 галер погубивши, едва их 2000 до Константинополя возвратишася. Татар мало что погибе, тии бо извыкли суть великой нужде, к тому ж ослиц с собою много имаху их же млеко были живы, разве тех их же неколико тысяч чрез Волгу до Москвы ради погребенных. Прейдоша их же паки ни един вспять возвратися, ниже татарове о том уведаша камо погибоша.

Зде всякий истинно разумети возможен якову печаль Салтан турецкий имел погубивши таковое великое воинство, и от того времени Салтан турецкий отречеся Астраханских полн навещати, яко тамо «добре» воинству его дадеся познати».

Именно этот источник послужил основой для распространения известий о якобы произошедших под Астраханью кровавых столкновениях османских войск с русскими и преувеличенных слухов о намеренно враждебных действиях крымских татар и их хана против османских войск при отступлении от Астрахани. Об этом польском гонце и времени его прибытия к Астрахани есть сведения в донесении Семена Мальцова (помещены в приложении к предыдущей главе), который,

очевидно, и был его первым информатором о происходивших там событиях. Описание отступления турецких войск красочно, но все же, думается, трагически приукрашено, о чем говорится в нашем тексте.

Документ опубликован: «Записки Одесского общества археологии и истории древностей». Одесса, 1872, т. VIII, с. 479–488, однако там он неверно датирован и отнесен к событиям второй половины XVII века. Имеется турецкий перевод этого посольского донесения, опубликованный А.Н. Куратом (Akdes Nimet Kurat, 'Türkiye ve İdil boyu. 1569 Astarhan seferi Ten-İdil kanalı ve XVI–XVII yüzyıl osmanlı-rus müinasebetleri. Ankara, 1966, с. 020–048).

Глава 12

1571–1572 ГОДЫ. КРЫМСКИЕ НАДЕЖДЫ, ИХ КРАХ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Весной 1571 г. обе стороны – и российская, и крымская понимали неизбежность нового татарского набега, который должен был возглавить сам хан. Крымцы, не получавшие два предыдущие года желанной добычи, были готовы снова начать воевать. Перед ними стоял вопрос лишь о направлении похода. Уже в феврале Девлет-Гирей получил известия от пленных русских, что «на Москве и во всех городех мор и меженина великая. А рать де свою всю и тотар казанских, и ногайских, и мещерских государь послал... в Немцы. А с крымские де стороны в городех воевод и заставы нет. ...А похочет де царь за реку лести ... лести под Серпуховым, а не по хочет ..., воевать козельские места» (Посольская книга, XIV, 2016, с. 62–63). Русские гонцы, находившиеся тогда в Крыму, сообщили в Москву, что 27 февраля «у царя де на их праздник был клич, а велел царь кони кормити и быти готовым; а идет де царь и царевичи на государя нашего украину» (там же, с. 64).

Итак, решение о походе было принято. Организовывался он лично ханом, намеревавшимся на этот раз его лично и возглавить (напоминая, на это ему было дано разрешение султана – «про московского турской положил на цареву волю» – см. Приложение к предыдущей главе). Султанское правительство готовило в это время свое собственное военное предприятие против Кипра (в рамках общей войны за Средиземноморье). В Крым тогда, как было известно русским послам, прибыл из центра чауш Маамет, для сбора на эту войну «с турецкого сел на турецкого подъем с избы по золотому, да он же де выбирает из тат [зд. немусульманского населения кафинского эялета – С.Ф.] гребцов на каторги» (там же,

с. 64, 299). Подчеркиваю: распоряжение это касалось лишь «турских» сел, т. е. жителей Кафинского бейлербейства.

В Кафу к этому времени вернулся Касым-паша, отчитавшийся перед султаном за астраханскую кампанию. Его главной заботой в это время стала отправка кораблями в распоряжение центрального командования того военного снаряжения, которое оставалось в эялете от похода 1569 г. Войска же кафинского эялета султанскому призыву не подлежали. Хан поэтому мог позвать их для участия в своем московском походе. Перед выступлением он приглашал Касыма на военный совет, намечавший планы кампании, однако в самом походе участия войск кафинского эялета не зафиксировано. Возможно, по традиции присутствовали лишь некие наблюдатели (там же, с. 65, 75).

Первоначально крымским «царем и царевичами и всей землей» крымской было принято решение идти на «козельские места». Однако вскоре, уже в ходе самого похода, планы изменились. Как сообщил позднее московским властям гонец Севрюк Клавшов, к хану «прибежала» группа «изменников государевых, детей боярских» из Белёва, Каширы, Калуги и Серпухова во главе с Кудеяром Тишинковым, а чуть попозже – несколько новокрещеных ногайцев. Все они уверяли хана, что «на Москве и во всех московских городах по два года была межевина великая и мор великой, и ... служивые многие люди и чернь в городех на посадах и в уездах вымерли, а иных де многих людей государь в своей опале побил. А достальные воинские люди и татарове все в немцы». Московскому царю «стати де ... против тебя некем: люди де, государь, вымерли, а иных де в земских и в опришнине выбил. А мы де, государь, тебе рассказываем, подлинно ведуючи, что есма сами из опришнины, что ему (Ивану IV – С.О.) против тебя никак не стаивати. И будет де, государь, тебе до Москвы встреча, и на Москве посадов не пожжешь, и ты де, государь, вели нас казнити». Кудеяр Тишинов к этому добавлял: «... ты де, государь, поди прямо к Москве, а вож де, государь, тебе через Оку и до Москвы – яз. А буде до Москвы встреча будет, ты де, государь, вели меня казнити» (Посольская книга, XIV, 2016, с. 76–77).

Эти сообщения явно преуменьшали российские силы, имевшиеся тогда на южной границе. Традиционная мобилизация южных

разрядов московских войск была проведена. Однако изменники действительно знали хорошо расположение войск и те уязвимые места, которые имелись в обороне русской границы. Они выполнили свое обещание – перевели ханскую орду через Оку и неожиданно для русских пограничных сил вывели ее в тылы московских оборонных рубежей, прямо к Москве. Особенность этого татарского похода – большая, чем обычно, целеустремленность, концентрация и единение сил. Хан никого не распускал «в войну». Российские же полки были рассредоточены на значительном пространстве от Серпухова до Коломны. Они срочно двинулись к Москве, и часть их успела укрыться за ее стенами за день до подхода туда же татарской армии. Царь в это время, оказавшись с небольшим опричным отрядом вблизи наступающих татарских войск и боясь пленения, спешно отступил на север, фактически уклонившись от участия в надвигавшемся сражении. Трагические для российской столицы события 24 мая 1571 г. нашли свое описание в русских летописях, Разрядных книгах и записках иностранцев. Суть их была в следующем: Девлет-Гирей не стремился штурмовать московские укрепления. Вспомним: татары – не «градоемцы». Однако уже в первых столкновениях с защитниками города татарские всадники с нескольких сторон подожгли городские посады. Погодные условия – жара и сильный ветер способствовали быстрому распространению пожара. За несколько часов город выгорел практически полностью. Пострадал даже Кремль, где взорвались пороховые склады. Погибли тысячи жителей и воинов вошедших в город накануне пограничных полков. В огне погиб даже их командующий князь И.Д. Бельский. Очевидно, такого результата не ожидали даже татары. Уже 26 мая татарская конница отошла от Москвы. Грабить там было нечего. Однако, отступая по рязанской дороге, татары нашли себе добычу на юго-восточных «украинах» русского государства, где, по их сообщениям, они перебили до 60 тысяч русских и еще столько же взяли в плен.

Положение Московии было тогда отчаянным. Нельзя не согласиться с В. Пинским, что даже сам Девлет-Гирей «не был готов к столь радикальному повороту событий. Он же шел просто погра-

бить государеву украину. ...Создается впечатление, что хан или испугался своей победы, или решил не загонять Ивана в угол, отрезая ему всякие пути к отступлению» (Пинской В., с. 188–189). Последнее соображение тем более реально, что разгром столицы еще не означал полной гибели московской армии, силы которой оказались разобщенными, но отнюдь не уничтоженными, нуждались в концентрации и реорганизации. Иностранные очевидцы сообщали, что ходили слухи об армии из Прибалтики, идущей на выручку Москве (Штаден Г., 2008, с. 177). Хан об этом явно знал. Не случайно от Москвы он отправился не вглубь московской территории, а в привычные южные районы, поближе к собственным владениям. Да и разгром Московского государства не входил в тогдашние планы хана. Собственно, московская территория интересовала его подданных лишь как объект грабежа. Другое дело, что в новых условиях он мог изменить тон дипломатических требований к царю и попытаться добиться тех уступок, которые не удалось получить ни ему, ни его сюзерену в недавней военной кампании. Еще не достигнув своих владений, хан отправляет в Москву посольство с новыми требованиями. Как сообщали русские дипломаты, находившиеся тогда в Крыму, «умышления» хана состояли в том, что в новых условиях он надеялся помириться с московским царем на условиях уступки ему Казани и Астрахани. «А не отдаст государь ваш Казани и Асторахани, и мне с ним в миру никак не бывать, а учну де его воевати. А на весну де пойду на него, а пришед к Москве, стану прошед Москву. И князь великий де от меня пойде на Белую Воду, а со мною не станет, и яз де за ним пошлю, а Асторохань де и Казань возму» (Посольская книга, XIV, 2016, с. 77). Планы, следовательно, у хана выстраивались грандиозные и был настроен на продолжение войны. Но, обращая внимание, воевать он собирался лишь в следующем году. В 1571-м ханское войско, получившее изрядную добычу, больше воевать не хотело.

В самом Крыму далеко не все разделяли возросшие ханские амбиции. Так, бывший казанский, а в это время уже крымский политический деятель Ак-Мухаммед-оглан (о нем см.: Посольская книга, XIV, 2016, с. 307–310; Зайцев И.В., 2013, с. 146–157) предостерегал хана от заявления претензий на Казань, предупреждая, что

«Казани ему не здержати, потому что казанские люди своевольны и лихи, правды в них никако нет, а под царевую рукой (имеется в виду под властью крымского хана – *С.О.*) им не живати. А на то де не смотри, что казанских людей держит московской – у московского де казанские люди все в воле и пожалованы добре, и дани с них некоторые не емлет. А когда московской пойдет на немецкие города, и казанские де люди с ним ходят на службу и полону многи приводят. ... тебе де ведь хотети с Казани всего и дань с казанцев имать. Сиживали на Казани цари дородные и просужие, да некоторый царь добром не ссиживал на Казани» (Посольская книга, XIV, 2016, с. 79). Такое предупреждение свидетельствует о том, что в ханстве к этому времени уже появлялись люди, понимающие невозможность былого ордынского единства, что различным тюркским анклавам Восточной Европы надо искать свою собственную модель этнической обособленности и государственного строительства. Кстати, и об отношениях Крыма с Москвой тот же Ак-Мухаммед предупреждал русских послов: если даже хан правду (т. е. клятву) даст о мире, «и тогды воевати ж» не прекратит. Особо обращаю внимание на эти высказывания. Это наиболее мудрая оценка состояния тогдашнего восточноевропейского татарского мира. Жизнь повернуть назад было уже невозможно. Это то, с чем крымская элита никак не могла смириться, тратя силы своего народа на набеги и конфликты, дающие сиюминутные выгоды, но отвлекавшие от совершенствования собственной государственности и социальной структуры.

Московское государство после татарского вторжения 1571 г. оказалось в очень тяжелом положении. Потери предшествующих лет от голода, эпидемий и опричных расправ пополнились разорением рязанской земли и жертвами московского пожара. «Почти два месяца, до 20 июля, продолжались очистка улиц и захоронение умерших жителей Москвы. Город пришлось практически заселять заново, принудительно переселяя в него купцов и ремесленников из разных городов по всей территории России» (Флоря Б.Н., 1999, с. 390). Переговоры царя с крымским посольством были тяжелыми и унижительными. О них, как подметил Б.Н. Флоря, «сохранилось

много рассказов, носящих явно черты полуфольклорного происхождения» (там же, с. 388). Но даже если отбросить имеющиеся в источниках наиболее яркие детали крымских оскорблений, грубости и личных выпадов против московского царя, бежавшего от прямого столкновения с противником, тон переговоров для московской стороны все равно оставался унижительным. Царь вынужден был многое стерпеть, понимая необходимость если не предотвратить, то хотя бы отодвинуть неизбежно надвигавшуюся новую войну с Крымом. Он соглашался «Асторохани... поступити», приглашал хана обсудить детали этой уступки и замалчивал вопрос о Казани. Знакомство с ходом этих переговоров, как нам представляется, дает нам право не согласиться с широко утвердившимся в российской исторической литературе мнением, будто бы царское согласие на уступку Астрахани было лишь уловкой, а на самом деле царь просто тянул время, надеясь на будущий реванш. Успешный реванш был далеко не очевиден. Стране надо было мобилизовать все свои силы, чтобы к будущей весне организовать оборону своих южных границ, и она сумела это сделать.

К этому времени геополитическое разграничение в Восточной Европе складывалось неблагоприятно для России. Польско-Литовское государство, Швеция и ливонские немцы препятствовали возобновлению ее связей с Европой, что могло облегчить ей возможность вернуться в то лоно европейского развития, в недрах которого славянский мир развивался в прежнее, домонгольское, время. Не удавалось установить и взаимовыгодное разграничение с мусульманским миром. Переговоры, которые неизбежно должны были начаться в 1571 году, могли дать восточноевропейскому региону решение проблемы российско-мусульманской стабилизации. Чувствуя это, московский царь, как нам представляется, действительно готов был пойти на сознательные территориальные уступки.

История показывает, что в ее ходе объективно просматривается некая геополитическая предрасположенность той или иной территории и народа к мусульманскому или христианскому пути развития, и это порой проявляется в политических решениях отдельных государственных деятелей. Вспомним, что такой всех побеждающий мусульманский завоеватель, как Тимур, остановил

свое успешное продвижение в ареал христианского мира, повернув в свое время назад от Москвы, а на юге от Константинополя. Некое природохозяйственное предопределение возможностей развития, освящаемое и организуемое той или иной религией, за этим решением явно проступает. Как видится из нашей далекой исторической перспективы, в описываемый нами момент эта объективная реальность могла породить и для Восточной Европы политическое разграничение, выгодное для мусульманской стороны. Однако в Крыму и в тогдашнем османском руководстве этого не почувствовали. Там возобладали экспансионистские настроения. Благоприятного решения для мусульманской стороны, как показывает последующая история, они не принесли. А ведь соглашение о взаимовыгодном мирном разграничении исламского и христианского миров в этом регионе тогда было вполне возможно.

России жизненно важен был мир на южных границах. Природные изменения, делавшие бывшее Дикое поля ареалом, становящимся все более пригодным для земледельческого хозяйства, способствовали появлению объективных факторов, которые должны были заставить и Крымское ханство искать для себя новых путей в реорганизации собственного общества. Период был принципиально важным и мог бы в корне изменить историю региона. Однако ханство оказалось неспособным без набеговой активности удерживать в подчинении те кочевые массы, которые переполнили его к этому времени.

Успех похода 1571 г. пробудил у Девлет-Гирея новые завоевательные амбиции. В Стамбул султану было отправлено восторженное донесение о славной победе в священной войне (газа) против неверных московитов. Содержание этого документа известно нам в пересказе, содержащемся в ответном султанском послании, в котором, как отмечает опубликовавшая это письмо Ш. Лемерсье-Келькежё, «несмотря на адресованные «мусульманским войскам» поздравления (впрочем, весьма умеренные) и ни к чему не обязывающее пожелание увидеть «врага веры побежденным и разгромленным», ни один элемент не дает оснований для подтверждения столь часто защищаемого российскими историками тезиса о том, что большой татарский поход весны 1571 г. был частью общего

наступления на Москву, предпринятого Высокой Портой для отвоения бывших чингизидских юртов – Казани и Астрахани» (Восточная Европа, 2009, с. 214–215). Поддерживая эту оценку французской исследовательницы, нам кажется, однако, не следует соглашаться с мнением А.А. Новосельского, цитируемым и разделяемым ею, о том, что крымцы считали себя в 1571 г. предводителями всех татарских улусов (там же, с. 215; Новосельский А.А., 1948, с. 27). Приведенное выше высказывание Ак-Мухаммед-оглана позволяет предполагать, что речь шла не об объединении, а о подчинении, что не казалось привлекательным ни казанцам, ни ногаям, не возражавшим в 1569 г. против принятия верховенства Порты, но не желавшим признавать над собой власть крымского хана. В выше цитируемом письме султана (полный текст его см. в Приложении) лишь констатируется одобрение султаном того, чтобы хан после своей победы потребовал от московитов Хаджи-Тархан (Астрахань) и Казань. Однако в тот же день (знаменательно!), когда был составлен ответ хану, московскому послу Андрею Кузьминскому, находившемуся при султанском дворе, было вручено и послание царю Ивану IV. В нем предлагалось крепости, являвшиеся издревле «местом обитания приверженцев ислама», передать – «Эждерхан нашему Порогу счастья, а Казань – находящемуся в большой преданности, чрезвычайной приверженности и дружбе к нашему счастливому Порогу, его эмирскому высочеству, опоре наместничества Девлет-Гирей-хану», т. е., как видим, отдавать Астрахань крымскому хану султан явно не собирался. Более того, в этом же послании выражалась надежда на дружеские отношения с Московским государством, правитель которого, как и правители многих государств, будет пребывать «в покорности и повиновении к нашей могущественной Порте».

Это с европейской точки зрения несколько странно звучащее предложение не означало требования какого-то особого подчинения. С иноверцами мусульманское государство иначе разговаривать не могло. Турецкий историк А.Н. Курат констатировал, что этот документ «полностью соответствовал правилам и требованиям османской дипломатии» (Курат А.Н., 2015, с. 180). Фактически Москве предлагался тот же статус, который имела Польша.

Говоря по-европейски, находиться в сфере османского влияния. Кроме Астрахани никаких собственных посягательств на ее территорию и суверенность османы не выдвигали (султанское послание в Москву см. в Приложении).

В новой инструкции, направленной все еще продолжавшему находиться в Крыму послу Афанасию Нагому, Иван IV сообщал, что он уступил хану Астрахань, и поручал ему договориться с крымскими властями о том, чтобы до оформления договора об этой уступке хан «наши земли не воевал». Кроме этого, через Сулейманшу Сулешева послам предлагалось выяснить будущую судьбу этого района: посадит ли хан на астраханский престол своего сына «и возможно ли то учинить, чтоб сына его на Асторохань посадити и нашему боярину в Асторохани быти, как в Городке, а нашим бы людем, которые в Асторохани, насильства никакого не было; и дорога в наше государство изо всех земель не затворилась» (Посольская книга, XIII, с. 341).

Пока посольство Кузьминского в Москву не вернулось, эти предложения султана там были неизвестны, и Иван IV надеялся все пограничные вопросы решить непосредственно с ханом. Каких-либо разговоров о Казани послам вести не разрешалось. На все вопросы отвечать: «Вам о Казани ведома нет, а будет о Казани приказ с новыми Послы».

Итак, еще раз напоминаем, что в российской исторической литературе широко бытует мнение о том, что царь, соглашаясь уступить Астрахань и ведя переговоры об этом, лишь тянул время, надеясь отсрочить неизбежный новый поход хана на Русь. Ничего возвращать он будто бы и не собирался. С.М. Соловьев, объясняя последовавший в 1572 году новый татарский поход, писал: «хан понял намерения Иоанна длить время» и не надеялся на благополучный исход переговоров (Соловьев С.М., 1989, т. 6, с. 590). Эта же мысль звучит и в последних работах о татаро-русских отношениях (см. работы Пинского В.В., Виноградова А.В. и др.). Однако нельзя забывать, что положение на Руси тогда действительно было отчаянным. Главные устремления царя были направлены на северо-запад, в Ливонию, а потому вполне допустимо, что

был момент, когда он искренне мог считать вполне возможным отказ от Астрахани – этого далекого от центра, еще не освоенного русскими региона. Он не предпринимал активных усилий для обороны этих земель в 1569 г. и в трудный для страны период после трагедии 1571 г. вполне мог решиться пожертвовать ими.

Следует обратить внимание еще и на такой момент: поход Девлет-Гирея состоялся в мае 1571 г. После этого татарская орда, разграбив российский юго-восток и захватив огромный полон, удовлетворенная ушла в Крым. На Руси же продолжали бояться новых набегов. Лето и осень были вполне подходящим сезоном для их совершения. В это опасное время русское командование, собирая последние силы, снова выставляло полки на «берегу Оки», ожидая повторных вторжений. Более того, был дан приказ станицам из Шацка, Данкова, Новосили, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля «на поле ездити и поле жечи». Район поджогов на западе доходил до Днепра, а южнее – до рек Псел и Ворскла (Загоровский В.П., 1991, с. 168–169). Использовались, следовательно, самые крайние меры для защиты своих рубежей. Хан же, удовлетворенный результатом майского похода, о новых набегах на Русь не думал, хотя и не соглашался на предложенную ему одну Астрахань и грозил новым походом в будущем году. Возможно, это объяснялось его пониманием того, что Астрахань в любой ситуации ему не достанется (уйдет к османам), и надеялся выторговать еще что-то для своего ханства. Но факт остается фактом: благоприятный момент для закрепления им своего успеха оказался упущенным.

Иван Грозный воспользовался предоставившейся ему передышкой для обустройства себе новой резиденции в Великом Новгороде, подальше от татарской опасности и поближе к вожделенной Ливонии. У него было тогда хотя и ненадежное, но перемирие с Речью Посполитой и временно приостановлены в связи с начинавшимися переговорами военные действия со Швецией. В Москве началось восстановление, велись спешные фортификационные работы. Заново расписывались полки «на берегу». В пригодных для переправы местах устраивались частоколы и т. п. К февралю 1572 г., как подметил Пинской, «психологический шок от майской катастрофы был уж позади» (Пинской В., там же, с. 199). К этому вре-

мени меняется и тон российско-крымской дипломатической переписки. Показательно, что отправление в Крым очередного гонца Ивана Мясного (а по традиции такие отправления сопровождалось отпуском на родину до этого удерживаемого в Москве последнего крымского гонца) сопровождалось следующим диалогом: гонец Джан-Мехмед напоминал, что ему поручено запросить у Ивана «дашь ли царю (т.е. Девлет-Гирею) Казань и Асторохань или не дашь» и ответ получить в определенный срок. Меня «по сроку не отпустил, а у себя задержал. И коли брат твой, Девлет-Кирей, царь, сядет на конь и пойдет на твои украины, и мне государя своего, Девлет-Кирея царя, тогда не воротити». Иван Грозный на это отвечал: «Послы новые будут, и тогда о Казани и о Асторохани договор учинят. А что говоришь о войне – и то в Божьей руце, – кому что Бог даст» (Посольская книга, XIV, с. 96–97). Войны, следовательно, уже больше не боялись.

Ко времени отпуски в Крым гонца Ивана Судакова – сына Мясного у московского царя появляется надежда, что территориальных уступок ему делать не придется. Через гонца он просил Сулеша-князя, старшего в роде Сулешевых, выступавшего для русских постоянным посредником при переговорах с ханом: «...ты, слуга наш, преж сего нам служил и служба твоя до нас доходила, а ныне бы еси нам последнюю свою службу на старость совершил и память себе учинил, ... чтоб нам было за что твою службу памятовати, а детей твоих жаловати». После такого предисловия московский царь просит, чтобы Сулеш «... брата нашего Девлет-Кирея, царя, на то наводил, чтоб брат наш ... прошение о Казани и Асторохани оставил, а чего у нас ни попросит, опричь Казани и Асторохани, мы ему за то не постоим, и сверх его прошения. ...И вы б службу свою показали и царю то разговаривали, чтоб брат наш то отложил – Казани и Асторохани прошение оставил и земли наши не воевал» (там же, с. 119–120).

Официальная возможность подобной просьбы еще раз показывает, что в восточноевропейском регионе продолжали бытовать иные, чем в тогдашней Европе, и тем более чем принятые в настоящее время, отношения между людьми и государствами. Плата за услуги (т.е. взятки в европейском понимании) не только не воз-

бранялась, а рассматривалась как нечто вполне естественное и принятое. Пресекались лишь неоправданно большие запросы и платежи. В Османской империи, к примеру, было даже специальное ведомство, следившее за размером взяток (Миллер А. Ф., 1948, с. 52). Всеобщая строгая регламентация, свойственная этому государству, распространялась и на эту сферу доходов его граждан. Что же касается международных отношений, то при правителях (в данном случае при хане) были специальные люди, следившие за определенной сферой международных отношений. Род Сулешевых традиционно ведал отношениями с Русью. Лишь через них русские дипломаты могли донести до ханов свои пожелания. Эти посредники были заинтересованы в мирных отношениях ханства с подведомственной им страной, так как лишь в этих условиях они получали от нее соответствующее вознаграждение. Из Сулешевых часто назначались послы в Москву, но бывало и так, что и они принимали участие в набегах на Русь (а потом сообщали в Москву подробности этих мероприятий), и это не вменялось им российской стороной в вину. Связи снова восстанавливались. Сулешевы оставались постоянным официальным каналом межгосударственных предварительных переговоров и получали от московских властей официально разрешенное ханом и весьма значительное вознаграждение за это. Поминки шли и другим представителям крымской знати. Недаром при ханских посланиях в Москву свои письма присылали и ханские сыновья, и ханские жены, и многие высшие беи, желавшие напомнить о себе и не быть пропущенными при распределении новых подношений. Это была традиция. Официально же, с ведома хана, зарабатывали на русско-татарских отношениях прежде всего Сулешевы. Бывали моменты, когда они откровенно говорили русским послам, что они не могут выполнить их просьбы ни за какие дары – хан голову снесет. Эту принятую практику ведения международных отношений следует учитывать и не преувеличивать степень разногласий внутри крымского господствующего класса. Кстати, именно в этом русле вел себя и сам хан в преддверии похода на Астрахань в 1569 г., пытаясь как бы за спиной султана договориться с русскими. Все это входило в рамки официальной дозволенности отношений османских вассалов и их подданных со своими пограничными соседями.

Положение посредников иногда бывало довольно опасным. Тот же Сулеш, как сообщали в Москву русские послы, в 1571 г. «отговаривал много, чтоб царь (имеется в виду Девлет-Гирей – С.О.) воевал, а за реку не ходил». После же похода жаловался: «Пишет де ко мне князь великий, что яз не по-старому ему, государю, служу, а яз де ему и старого болши служу, да ведь деи служить так, как бы голова была цела, только де государю вашему служить явно, ино де от царя быть убитому. Государь де ваш за службу шубу даст, а царь за не службу головы отсечет, и детям моим всем». При всех этих жалобах Сулеш позволял себе давать советы московским властям: «А князь великий напрасно людей рассорил по городкам во многих местех – в немецких и в литовских. А только бы все люди были вместе – ино бы лутчи, толко будет одна – царь реки не перелезет. И с ним тогда плохо будет великому князю помиритца». Как видим, оценка вполне разумная, а плохой для хана мир посредника не пугал – хан был бы вынужден на него согласиться, а из Москвы поступил бы посреднику соответствующий гонорар (Посольская книга, XIV, 2016, с. 78; Новосельский А.А., с. 51).

Весной 1572 года московские власти усиленно готовились к отражению ожидаемого нового вторжения крымцев, прекрасно понимая его неизбежность. Ход кампании, оказавшейся победной для русского государства, неоднократно описан в российской историографии. Мы ограничимся лишь уточнением некоторых оценок, как правило, сопутствующих ей в историографии.

Для русских это была необходимая оборонительная операция, силы для которой собирались с трудом. Не следует забывать, что продолжал сохраняться северо-западный фронт, удерживавший в этом регионе до 30 тысяч ратных людей, а пограничный «береговой разряд» на Оке пришлось формировать заново. Его подразделения сосредоточивались на левом берегу реки. Служилые люди из городов южнее Оки отзывались за реку на основную линию обороны. Были привлечены казаки, бывшие донские, перешедшие на русскую службу, и вольные, так называемые «полские наемные», т. е. промышлявшие в Диком поле. Детям боярским с Вятки было приказано перегнать речные струги на Оку.

В результате всех этих мобилизационных мероприятий собралась значительная армия, численность которой по разным расчетам составила от 20 до 70 тыс. (Подсчеты см.: Буганов В.И., 1954; Бурдей Г.Д., 1963; Зимин А.А., 2001; Скрынников Р.Г., 1997; Загоровский В.П., 1991; Пинской В.В., 2012). Последняя цифра, думается, преувеличена. Однако знаменательно то, что в 1572 г. впервые за последние годы земским и опричным отрядам было предписано действовать совместно под началом земских и опричных воевод (Флоря Б.Н., 1999, с. 399; Пинской В.В., 2012, с. 216). И еще раз обращаю внимание, что в Разрядном приказе отказались тогда от принятого в последние десятилетия стремления встречать врага за «рекой», опираясь на новые крепости, построенные южнее Оки. Все это свидетельствовало о том, что командование собирало последние силы и стремилось защитить прежде всего центр страны (Загоровский В.П., с. 171–172; Пинской В.В., 2012, с. 305). О каком-то хозяйственном (и, как видим, даже оборонном) освоении Дикого поля Россией и наступлении на юг говорить еще рано.

Военным руководителем окской группировки был назначен М.И. Воротынский, опытный воин, хорошо знакомый с обстановкой на юге. Царь, как предполагают, провел в апреле 1572 г. смотр южной армии, но сам от участия в отражении ожидаемого крымского вторжения уклонился.

Девлет-Гирей после майского похода 1571 г. был полон уверенности в успехе своей новой завоевательной экспедиции, а татарское воинство – надежд на богатую добычу и полон. Хан не раз предупреждал русских посланников в Крыму: «Не отдаст мне государь ваш Казани и Асторохани, ... на весну де пойду на него, ... стану прошед Москву, ... а Асторохань и Казань возму» (Посольская книга, XIV, с. 77). Уверенность в своем превосходстве позволила ему не спешить с походом. Напомним, что в 1571 г. его войско уже к концу мая было у Москвы. В 1572 г. оно собиралось не спеша. Первые слухи о вторжении русское командование получило лишь в середине лета, а решающее сражение в урочище Молоди произошло в первых числах августа.

Хан шел на Русь с твердым намерением снова взять Москву и силовым путем добиться выполнения предъявленных требований о Поволжье. Лишь после этого он собирался распустить своих людей за добычей, т.е., как и в предыдущем году, его действия не соответствовали традиционной набеговой тактике крымцев, для которой главным были грабежи и желание уклониться от прямого столкновения с армией противника. На этот раз, правда, была надежда, что противник еще не сумел восстановить свои силы после прошлогоднего разгрома и добыча от них не уйдет. Русские летописи сообщают: «с царем и с царевичи, и с пашой турских и крымских и ногайских и черкасских людей 150000 и больше; да вогненного бою ...20000 янычаней» (ПСРЛ, т. 34, с. 224). Все исследователи едины во мнении, что численность ханской орды в этом летописном сообщении явно завышена. У хана обычно при таких походах бывало не более 40–60 тыс. воинов, но и этого было, конечно, вполне достаточно, чтобы нанести новый серьезный удар ослабленному прошлогодним разгромом Московскому государству. Пояснения требуют два момента летописного сообщения. Первый – наряду с ханом и ханычами упоминается паша, т.е. некий османский воинский чин. Им мог быть лишь Касым-паша, бейлербей Кафы – эялета, представлявшего в Крыму османские имперские власти и призванного в случае опасности помогать ханству как османскому вассальному подразделению и осуществлять имперский контроль за ним. Упомянутые в тексте «турские» люди также, бесспорно, могли быть лишь воинами этого эялета. Никаких своих дополнительных армейских сил центральные власти для похода на Москву не предоставляли. Более того, напоминая, что за год до этого от хана запрашивались его войска для участия в войне с Венецией за Кипр. Хану тогда удалось, как мы уже писали, под благовидным предлогом уклониться от выполнения этого распоряжения. В 1571 г., как известно, османский флот потерпел жесточайшее поражение в битве при Лепанто. Империи надо было восстанавливать флот и свой престиж в Средиземноморье. Тем не менее султан дал хану разрешение на его новый поход 1572 г. Султан писал хану: проведя «великую кампанию, которая увенчалась успехом, не следует от нее отказываться». Правда, об ожидавшихся новых успе-

хах этого военного предприятия говорилось в султанском послании сдержанно и не очень определенно: «По [Вашем] победоносном, отягощенном трофеями благополучном возвращении, которое состоится, если будет угодно Аллаху, дела, касающиеся ... [Казани и Астрахани], будут решены сообразно обстоятельствам и так, как надлежит» (Полный текст послания см. в Приложении). Хан, следовательно, должен был действовать самостоятельно, но при полном согласовании своих действий с султанской администрацией. Это хорошо подтверждает сообщение одного из московских гонцов, ездивших тогда в Крым: «По государеву ... наказу Севрюк Клавшов, будучи у Крыму, проведаль себе тайно и Офонасья и Федора (московских послов Нагого и Писемского, находившихся в ханстве к тому времени уже более девяти лет – *С.О.*), выспрашивал, как ныне турецкой с крымским царем. И крымский царь Девлет-Кирей, как был при турецкого отца при Сулеймане-салтане, так ныне при его сыне Селим-салтане во всей турецкого воле» (Посольская книга, XIV, с. 74).

И второе пояснение – о янычарах. Число их также завышено, да и, возможно, речь здесь могла идти не только о том гарнизоне войск капыкулу, который традиционно имелся в распоряжении бей-лербеев османских пограничных областей (т. е. в данном случае кафинского эялета), но и о подобных же местных формированиях, находящихся в личном распоряжении хана (о появлении таких формирований при ханах мы уже говорили).

Цели, которые ставил себе Девлет-Гирей, в той же летописи определены следующим образом: «приде царь с великими похвальбами и с многими силами на Русскую землю и расписал всю Русскую землю, комуждо что дати, как при Батые» и он намеревался «увести с собой в Крым великого князя с его двумя сыновья и отобрать казну» (ПСРЛ, т. 34, с. 192, 224). О том же пишет участвовавший в отражении ханского вторжения немец-опричник Г. Штаден: «Все города и области в Русской земле были уже описаны и поделены между мурзами крымского царя» (Штаден, 2008, с. 199). Эти сообщения широко цитируются почти всеми исследователями, пишущими об этом походе. На их основании делается вывод о том, что в тот момент существовала угроза существованию самой рос-

сийской государственности. Опасность для Москвы действительно была очень серьезной. Но до последней крайности, как нам представляется, дело все-таки не доходило. Точнее, с нашей точки зрения, суть происходящего тогда оценил Б.Н. Флоря: эти панические высказывания отражают «лишь слухи, ходившие в русском обществе накануне вторжения орды. Но вряд ли правители Крыма могли ставить перед собой подобные цели. Сил и средств в их руках было для этого явно недостаточно» (Флоря Б.Н., 1999, с. 408). Угрозы, очевидно, намного превосходили возможности. На Поволжье, однако, Девлет-Гирей действительно претендовал, тем более что там в это время активизировались антимосковские волнения. Тот же Б.Н. Флоря обратил внимание на сообщение Г. Штадена о том, что хан перед своим выступлением в поход «дал своим купцам и многим другим грамоты, чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспошлинно». О самом же походе 1572 г. и его главном сражении вывод таков: «Ожесточенный характер сражения при Молодях со всей очевидностью свидетельствует о том, что поход Девлет-Гирея не был обычным грабительским набегом, за ним стояли далеко идущие и крайне опасные для Русского государства планы» (там же, с. 407–410). Полностью разделяя этот вывод Б.Н. Флори и его уточнение тех целей, которые ставил перед собой крымский правитель, считаем нужным, однако, уточнить следующий тезис этого очень уважаемого нами ученого: «Участие в походе османских войск показало, что за спиной Крыма стоит и подталкивает его к враждебным действиям Османская империя» (там же, с. 410). Напоминаем, что это был хотя и поддержанный центром, но самостоятельный военный пограничный конфликт вассала, а не мероприятие, связанное с внешнеполитическими планами самой Османской империи. Участие османских армейских сил, приписанных к кафинскому зялету, не меняет его характера, а лишь подтверждает султанское разрешение на эту военную экспедицию. Угрозы Москве были, надежды на возможный, выгодный для империи передел границ – тоже. С вхождением Поволжья в состав Московии хан все еще не смирился, и надежды на его отвоевание с помощью центральных властей империи, а еще лучше самостоятельно, присутствовали в амбициях крымских пра-

вителей. Однако разговор об угрозе самому существованию русского государства все-таки неправомошен. Ни у Порты, ни у крымского хана таких планов тогда не было. Торговля, грабеж, пленные – вот что их привлекало на этой северной окраине, явно не входившей в то геополитическое пространство, с которым они связывали свое существование. Конечно, как отметила Ш. Лемерсье-Келькежё, Селим II, поощрив священную войну против «проклятых москвитов», брал на себя в какой-то мере ответственность за дела своего вассала, но этого недостаточно, чтобы говорить о существовании какого-то совместного турецко-татарского плана по отвоеванию Казани и Астрахани (Восточная Европа, 2009, с. 215–216). Практическое же содействие центральных властей этому татарскому мероприятию выразилось лишь в том, что хану разрешили задержать на время похода возвращавшегося из Стамбула посла Андрея Кузьминского до того времени, когда хану «удастся вернуться из этого похода, увенчанного победой и богатой добычей. Тогда вы его отошлете» (там же, с. 219).

Разгром ханских войск при Молодях крымские власти попытались расценить как некое малозначимое событие. Уже посланный «с дороги», т.е. во время отступления ханских войск, еще не достигнувших пределов собственных владений, ханский гонец Шигай (Шах-Али) от имени хана так объяснил сложившуюся ситуацию: «Послали есмя старого человека [т.е. его, Шигая], который помнит, что при отцех и при дедах меж нас деялось. Ходили есмя на твою землю...И яз [т.е. Девлет-Гирей] ныне пришел. ...тебя на Москве не было... хотел к тебе послати послов своих. И за мною люди твои пошли, и яз поворотил, и немногие наши люди с твоими людьми потравились» (Посольская книга, XIV, с. 138). В грамоте хана уточнялось, что Московский царь «о Казани и о Асторохани молвя, – дадим, – грамоту свою прислал», а позднее стал отказываться от этого обещания, предлагая хану, «сколко казны похочет, и яз бы то дал», за что хан упрекал его: «И ты что так лжешь и оманы даешь». Потому-то крымцы «...сею дорогою пришед, ... хотели от тебя ответ прямой взяти... с тобой, на встрече став, слова не оставив, переговоры. А рать наша прямо с твоею ратью хотели делати. ...Хотя б и в городе твоя рать стояла, оборонив свои головы,

хотели наши с ними делати. И мы не отпустили, пожалели: стало ли бы – не стало – то дело обычное. И мы рати свои не потеряли» (там же, с. 139–140). Сражение при Молодях, то есть то событие, которое, как мы видим из будущего, ознаменовало новый поворот в крымско-московских отношениях, хан тогда признавать серьезным поражением явно не хотел. На этом и строил свои доводы Шигай: «Прислал меня царь Девлет-Кирей ..., чтоб меж государей доброе дело ссталось. И для того ныне царь земли царевы и великого князя жечь не велел, а жгли лишь одни нагаи». Тогдашние крымские претензии к Русскому государству именно этот гонец сформулировал наиболее четко. Ему было поручено от имени хана «говорити словом»: «у царя и великого князя земля велика и людей много: в длину земле его ход девять месяц, а поперег – шесть месяц, а мне не даст Казани и Асторахани. И хотя мне те города и даст, и у него и оприч того городов много, землю деи яз его видел. ... А не даст Казани и Асторохани, и он бы дал одну Асторохань для того, что ему сором [т.е. срам – *C.O.*] от брата своего от Турского, что он со царем и великим князем воуетца, а ни Казани, ни Асторохани не возмет, и ничего с ним не учинит. И толко деи царь и великий князь даст мне Асторохань, и яз и до смерти на царевы и великого князя земли ходити не стану. А голоден деи не буду: с левую деи мне сторону – Литовьской, а в другую сторону – черкасы, и яз деи стану их воевати. Тамо деи яз и сытнее того буду, ходу деи моего в те земли толко два месяца, – и назад буду». Особенно обращает на себя внимание то, что в этой устной просьбе хана несколько раз повторяется, что он боится «срама» перед турецким султаном, которому предназначалась Астрахань. От своих же собственных требований он фактически отказывался и на возвращении Казани не настаивал (там же, с. 145–146). Это было новым явлением в крымской политике, свидетельствующим о том, что в данном случае ханство не просило помощи у Порты для реализации своих защитных или агрессивных внешнеполитических планов в отношении Восточной Европы, а будто бы выполняло задание османского правительства. Как видно из султанского разрешительного приказа, хан фактически сам спровоцировал это задание, но выполнить его не смог и потому особенно боялся «сраму».

И еще раз повторяю: султанское разрешение было, но конкретного имперского интереса здесь не просматривается.

Знаменательно, что хан тогда не стал требовать от Москвы каких-то новых подарков, заявив: «А поминки, каковы мне брат мой царь и великий князь вперед ни пришлет, и яз на брата своего не гневаюсь. А чего у меня брат мой попросит, и яз против не стою. А коли деи помиримся, и люди деи на обе стороны опочинутца». Фактически это было предложение мира в условиях, когда предлагающая его слабейшая сторона надеется на милость победителя, пытается полюбовно решить вопрос региональных границ, хотя и не очень веря в успех своего предложения. О последнем свидетельствует поручение Шигаю: «И было бы деи мне ныне меж нас дружба и братство или война, – в ведоме того для меня царь послал подлинно доведатись» (там же, с. 146). В Крыму, следовательно, опасались, что русские продолжат свои военные действия против ханства.

В декабре того же 1572 г. в Москву были отпущены все русские дипломатические агенты во главе с Афанасием Нагим и «служилые татарове, которые с ним в Крыме были» (там же, с. 147). Этим как бы предлагалось начать отношения с чистого листа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*«...перевод со царевы Девлет-Киреевы грамоты
с его гонцом з Девлет-Килдеем»*

«Девлет-Киреево слово московскому князю, брату нашему Ивану, князю, Васильевичу.

После поклона честнаго величества наше заповедное слово то есть:

Преж сего Казани и Асторохани холопа своего Бора посылал есми к тебе просити чего не станешь просити у меня, а Асторохани да Казани у меня не проси, чего для к устам приносишь и просишь у меня Асторохани и Казани, чего у меня ни просишь, и ты проси, а Асторохани да Казани не проси. Преж сего отец твой и дяди твои Асторохани и Казани к устам не приносили и Асторохани и Казани не просили, и тебе было у нас того просить непригоже. Молвя с послом своим к нам весть прислал и Казань и Сторохань при моем времени взята, а при отце при нашем и при дядях наших была не взята, и им было что к устам приносить и чего просити. А Казань осталась юрт отцов наших, а Асторохань – юрт мой. А которые цари там были, те моего роду. А колко там царевичи не бывало, и мы им пособники были, снаряд есми им и всякое надобье добывали. Величеством своим и частью собрався с ратью на твою землю поход мой жгу и пустошу – то все для Казани и Асторохани и будет помнишь, что для богатста и кун и сего света богатства, применяя к праху надеяся на величество Божие и на милость для веры и помочи исламовы и пришел есми на тебя с своим войском и землю твою жог и иных побил и прямо есми шел на тебя. И пришла мне весть – сказали мне: тебя в городе в Серпухове, и яз пошел к Серпухову. И мне сказали, что ты из Серпухова побежал, и яз тебя чаючи в твоём государстве, пришел есми к твоему государству, и ты оттоле побежал. И около государства твоего, что было посаду, жег, да и город жог и выпустощил. А которые люди в нем были и иных поимали, а иных в городе пожег и некоторых саблею победил и город жог. И хотел есми венца твоего и главы, и ты не пришел и против нас не стал. Да и ты похваляешься,

что де яз – московской государь. И было б в тебе срам и дородство, и ты б пришел против нас и стоял.

А будет так, с любовью ярлык послал с холопом своим з Девлет-Килдеем.

И как он доедет и захочешь с нами з душевною мыслью в дружбе быти, и ты б наш юрт Асторохань и Казань отдал. А похочешь казною и кунами всесветное богатство нам давати, ино не надобно! Желание наше – Казань и Асторохань! А куны и богатство при мне с прахом ровно!

И в сей дороге толко не дашь, и мы послами своими розменимся. А посол мой – стреленая моя стрела, и неколко уж времени прошло, а ты моего посла не отпустил. И мне в том что ся доспело, что ты моего посла не отпустил?! И как счастливо до Крыма дойду, и яз посла твоего, выбив, отпущу.

А государства есми твоего дороги видел и опознал. И буде все время не дашь, и Божиею милостию ты меня во всяя времена готова у себя видел. А толко дашь, и ты б в шесть ден холопа моего Девлет-Килдея, с своим добрым человеком прикошевав и свою шертную грамоту написав, прислал – от детей и до внучат меж нами обема дружба б и любовь была.

Сколко твоей рати и заставы на меня приходили, и яз их побил и з землею ровно учинил. И видечи те девеса, про што не дашь?! И ходил есми в твою землю, и жег, и людей твоих саблею побил. И неколко есми время был в твоей земле, и людей твоих грехи на твоей шее – дал еси волю холопу, Божиим милосердием, многих побив, и в полон поемлю!

И толко Казань и Асторохань дашь, и ты б своего одного доброго человека послал, да и шертную грамоту написав, прислал. И всех князей начальника сущего Сулешова княжово сына холопа своего Мурат-мирзу пришло. Так бы еси ведал!

А к вам послал есми нож свой самоцветной, что сам ношу – поминок есмя послали.

А сей бы еси честной нашей грамоте верил, молвя, ярлык послан.

Писан июня месяца лета 979-го (1571 г.).

Переводили Кучюк Устакасимов да Булгак Шибачеев».

Документ содержится в Посольской книге № 13 (см.: Посольская книга..., 1567–1572. М., 2016, с. 328–330).

Обращают на себя внимание назойливые повторы требований и угроз, а также звучащие в грамоте некие, как бы оправдательные, нотки за совершенный (но будто бы спровоцированный Москвой) разрушительный набег на русские земли. Нам представляется, что это свидетельствует о том, что столь значительный татарский успех оказался для них самих неожиданным. Они не прочь были его и дальше развить, но сами мало верили в свои возможности.

Ответная царская грамота к хану Девлет-Гирею от июня 1571 г.

«Великие Орды великому царю Девлет-Кирею, царю, брату моему, князь великий Иван Васильевич всяя Руси челом бьет.

Сею дорогою гонца своего Девлет-Килдея з грамотою к нам прислал еси. И что в ней писал еси, и мы ее вычли и вразумели гораздо. И что в ней писано о войне, и толко о том писать, и то к доброму делу не пристойт. А что писал есми о Казани и Асторохани, и мы к тебе для любви писали, чтоб ты, брат наш, то дело отставил, что то дело к доброму делу не пристойт. И тебе, брату нашему, то гневно учинилось. И коли то тебе, брату нашему, гневно, и Асторохани тебе, брату нашему, хотим поступитись. Да толко нынеча скорым делом тому сстаться невозможно потому, — докудова твои послы, брата нашего, у нас будут, и договор у нас с тобой, братом нашим, перед твоими послы будет: как нам тебе, брату нашему, Асторохани поступитися, и которым обычаем. А гонцы такова великого дела невозможно зделать. Так же без договору такому великому делу делаться невозможно. А до толева б еси пожаловал — дал срока, а земли наши не воевал до колева послы твои, брата нашего, у нас будут, и договор о том учинят. А наши послы — у тебя будут, и мы с ними к тебе, брату нашему, о Асторохани и Казани подлинно прикажем и шертную грамоту к тебе, брату своему, пришлем, как будет возможно. А ныне есмя вскоре грамоты

к тебе не послали, — что вскоре твоего гонца отпустили к тебе, брату своему, по твоему, брата своего, писму. А ты б, брат наш, к нам прислал своего посла и с ним к нам приказал: как нам тебе, брату своему, Асторохани поступитись, и договор учинити. А мы прикажем к тебе, брату своему, с своим послом договор о Асторохани учиним. И ты б, брат наш, против такого великого дела с нами был в крепкой дружбе и в братстве неподвижно от детей и на внучата, и на наших недругов, и на Литовского, был с нами заодин крепко. Заниже такие дружбы меж прежними нашими не бывали — о землях, а не о поминках, а земель не поступливались. Да и во всех государствах того не ведетца, что земель и городов поступатися. А что еси писал к нам о послех, и послы не от нас задержаны. И как ты, брат наш, своего посла к нам приплешь и нашего посла Офонася Нагова с товарищи к нам отпустишь, а мы твоего посла князя Ян-Болдуя с товарищи и своего посла с ним вместе князя Михаила княж Федорова сына Борятинского к тебе, брату своему, отпустим. А то мы и сами ведаем, что тебе, брату нашему, в твоих послех ни убыток, ни прибыток. А мы их ныне наготове держим. И как ты, брат наш, к нам своих послов приплешь, и нашего посла Офонася Нагова с товарищи к нам отпустишь, и мы твоего посла и своего посла с ним вместе к тебе отпустим. А с тем бы еси послом своим кого к нам приплешь подлинно приказал которым обычаем нам тебе, брату нашему, Асторохани поступитись, и договор об ней учинити. А мы к тебе, брату своему, с своим послом о Асторохани и о Казани подлинно прикажем: и как нам Асторохани тебе поступитись и договор об ней учинити; и нашим бы людям, которые в Асторохани от твоих людей насиства не было; так же бы и дорога в наше государство из всех земель не затворилася. А гонца твоего Девлет-Килдея к тебе, брату своему, не издержав, отпустили есмя. А с ним вместе с сею своею грамотою паробка своего Севрюка Клавшова к тебе послали есмя. А посол твой, брата нашего, Ян-Болдуй с товарищи у нас вместе с твоим гонцом з Девлет-Килдеем не был потому, что есмя гонца твоего по твоему, брата нашего, писму вскоре отпустили. А Ян-Болдуй с товарищи в то время были в городе, где они жили преж сего, и им было вскоре не поспети. А как отпустим своего посла, и мы твоего посла Ян-Болдуя с товарищи вместе с своим послом к тебе отпустим. Да приказывал еси к нам брат наш с своим человеком з Девлет-Келдеем, чтоб нам при-

слати к тебе два кречета да два ястреба добрых, которые б з болших вод ловили. И мы к тебе, брату своему, два кречета да два ястреба добрых послали. А буде тебе покажутца ястребы недобры, и иные ястребы мытятца, – им не пора. И ты б, брат наш, о том не погневался к нам приказал и меж гонцов, и мы к тебе вперед ястребы добрые припшем, как им пора будет, и меж гонцов с казаки.

Писана на Москве лета 7079-го июня месяца».

Грамота опубликована: «Посольская книга..., 1567–1572 гг.». М., 2016, с. 334–336.

В грамоте подчеркивается, что требуемая Девлет-Гиреем уступка территории одного государства другому без ее завоевания не отвечает тогдашним представлениям о межгосударственных отношениях. Находясь в критическом положении, Москва соглашалась на такую территориальную потерю, но все-таки, конечно, усиленно искала способы как-либо оттянуть, а то и избежать этого.

Обращает на себя внимание и то, что московские дипломатические послания этого времени небрежны в оформлении, содержат много описок, разнобоя в написании имен, назойливых повторов и т. п. Конечно, тогдашняя опасная для страны международная ситуация требовала спешной реакции, но за этой небрежностью (не свойственной ранее московским дипломатическим документам), возможно, проглядывает и другое – недостаточная востоковедная подготовка сотрудников Посольского приказа. Страна начинает поворачиваться к Западу и, хотя и очень медленно, отходить от былых традиций прежних межгосударственных отношений.

Перевод грамоты Девлет-Гирея от 16 сентября 1571 г.

«Великие Орды великого царя Девлет-Киреево цареве слово. Брату нашему, великому князю Ивану Васильевичу, поклон с любовью – честные наши заповеди слово то.

Преж сего Божьим величеством и милосердием, как есмя ходили на твою землю, для того – Казань и Асторохань были земли мусул-

манские, да и для того, что преж того те юрты были за нашими дедами и за дядьями. А гнев и недружбу отставить толко похошь, с нами в дружбе и в любви явно быти, — и Казань бы еси и Асторохань, не отнетываючи, нам дал, молвя своего грамотою, своего слугу Девлет-Килдея гонцом послали есмя. И ты, брат наш, с свою грамотою гонца своего Севрюка к холопу моему к Девлет-Килдею гонцом послали есмя. И ты, брат наш, свою грамотою гонца своего Севрюка к холопу моему к Девлет-Килдею прикошевав, отпустил. А что еси писал к нам не по прежним обычаем, как бывало, с начала в прежних чинех, почтив честно, еси писал к нам — и нам то за честь стало — помози Бог, и здоров буди. А прежние ваши к нашим дедом и дедьям в посланных своих грамотах так же писали тебе и нам годно и пригоже, то есть чтоб нам прежних государей чинов не отставливая и не забывали бы, есмя по их добрым бы чином быти бы нам. А в грамоте своей писал еси, чтоб, недружбы не учиня, для того, что быти б нам в любви и в дружбе, и мы учиним шерть и роту великую. А ты Асторохань нам дашь, а о Казани еси подлинно и явно ответу не отписал. И как ты нам Асторохань дашь, и после того бы послом бы твоих и людей наши людей наши люди тесноты учинили. И что в твоей грамоте речей твоих всех было, и мы по одному до однова разумели есмя и узнали Казань и Асторохань дедов наших и дядей, и юрты были, не розлучаяся с Казанью, владели. А блиско с Асторохани у Волги по берегу дедов наших юртов. И в одне видал еси, а гораздо еси слыхал, в ыное время отцы наши, а в ыные времена Темрут Кулуев род владели ими, а они нам не чюжих же. И ныне что нам Асторохань даешь, а Казани не дашь, и нам то негодно и непригоже кажетца — одной реки верховье у тебя будет, а устью у меня как быти? И ныне будет есть толко у тебя на мысли быти с нами в дружбе и в любви меж нами впрок и в веки от детей наших и до внучат в добре и в миру быти. И толко дашь нам Казань и Асторохань, не отнетываючи, и мы на том, что земли вашей и людем убытка и пакости не чинити, сам в головах, и сын наш калга Магмет-Кирей царевич, и все наши дети царевичи, да и карачен наши, и князи, и дворяне наши добрые, и князи, по тому смотря, крепко шерть учинив, отпустим — так бы еси ведал. А дети наши — царевичи, и карачен и кнези и все уланы из нашего слова не выступят — так бы еси ведали. А толко Асторохань дашь, — и мы того не хотим, — меж

нами добра и дружбы не будет, – так бы еси ведал. И толко похочешь с нами впрок и вдаль в любви быти, и ты б Казань и Асторохань, не отнетьваючися, нам дал, и мы, по тому смотря, и вашим послом и посланником, никоторого убытка и пакости не учиняя, крепкую шерть и великую роту учинив, грамоту свою ротную и з золотою печатью и холопа своего Сулейманша княжово сына Мурат-мирзу пошлем, и ож даст Бог, межи нами добро и дружба учинитца, и мы другу твоему други, а недругу твоему недруги будем. И похочешь толко того, чтоб наши люди, пришедши в твою землю, да недругу твоему недружбу чинили, и толко у нас рати попросишь, и мы, послав, у недруга твоего, чтоб городов взявши, тебе дам – о том радети учнем – так бы еси ведал. Сею дорогою с великою своею с ротною грамотою хотели есмя послати холопа своего Сулешева княжово сына Мурат-мирзу, о казанском данье ведома есте нам явно не отписал, и мы потому его не отпустили. А Офонасью и Федору на отпуске портище давали есмя, и готовы у нас живут, с сем с любовным ярлыком х холопу своему к Ян-Магметю, прикошевав Севрюка да Богдана, а холопу своему Ян-Магметю дал есми ему на съезд сроку пятьдесят ден. И как у тебя будет Казань, тебе и Асторохань нам дать ли или не дать, и ты о том наскоре ведомо учинил. И опосле б есте с нами ссылки и зговору не чаял, и меж нами ссылка урветца, – так бы еси ведал. И только нам Казань и Астрохань дашь, и ты б нам ведомо учинил, перед нами крепкую шерть учинил, одново своего доброво человека да холопа нашего Ян-Болду отпустил, и на том бы еси в другой шерть учинил, чтоб твоей шерти быти не ложной. А мы на том в другой шерть учиним, чтоб нашей шерти быти нехитростно, так бы еси ведал, да прислал бы еси с своею с ротною грамотою своего доброго человека, да и моего холопа Ян-Болду в свой украинной город в Путивль. И они б тут готовы были, доколе отселе отпущу, яз холопа своего Сулемшина княжево сына Мурат-мирзу, и посла твоего Офонасья и Федора, да и холопа своего Сулеша князя до Путивля отпущу, чтоб ему сына своего Мурат-мирзу к тебе отпустить. А твоего посла, возьм, к нам привести, для того нарядили есмя его – так бы еси ведал. И как Казань и Асторохань дашь, и промеж нами доброй дружба будет, и после того гости и купцы учнут ходити, и хоти едина женщина пойдет, а у ней будет миса на главе злата, и от наших людей убытка и пакости

не будет. Крепкую заповедь учиним – так бы есть ведал. И только нам Казань и Асторохань дашь, и как прежние наши деды и дяди владели, потому б еси подлинно учинив дал, и как пошлешь в те города отка-зати те города нашим людем, и ты б тех людей в своей грамоте к нам отписал, а с холопом есми с своим с Ян-Магметем приказывал к тебе говорити речи, и что он станет говорити, – и то речи наши. И ты б ему верил, и холопа б еси нашего Ян-Магметя в те урочные в пятьдесят ден к нам отпустил, не испоздав, да ваши полоненики у нас есть, а наши у вас есть, и захошь ими розменитися, и мы розменимся, и ты б в своей грамоте отписал, а с холопом своим с Ян-Магметем послал есми к тебе, брату своему, поминка – аргамак сив, – так бы еси ведел.

Молвя с любовью, ярлык писан сентября в 16 день лета 979-го. А нишан у грамоты – писано царево имя».

Опубликовано: «Посольская книга..., 1571–1577 гг.». М., 2016, с. 82–85.

Содержащиеся в этом послании многочисленные повторы, угрозы, обещания говорят, как нам представляется, о неуверенности ханских властей в возможностях дипломатическим путем добиться от Москвы требуемых ими уступок. Тем не менее сохранявшаяся победная эйфория все еще заставляла лелеять некую надежду добиться от только что разгромленного ими противника значительных уступок.

Послание османского падишаха Селима II крымскому хану Девлет-Гирею с поздравлением его по случаю удачного похода на Московское государство (7 октября 1571 г.)

[Ваши] к нашему миродержавному Порогу и высоким счастливым вратам было направлено письмо, в котором сообщалось, что, препоручив себя Господу Всевышнему, в этот раз [Ваши] был принят славный газават против страны московского [правителя]. Войска единопольников [muvaḥḥidin, т. е. мусульман, верующих в единого

Аллаха. — С.О.] сожгли и разрушили все крепости, находившиеся [на их пути] до реки Ока, гарнизоны [которых] предали мечу, не захватывая в плен. Затем, когда с целью [нападения] на Москву [Ваши войска] форсировали эту реку, они получили сведения о намерении [московитов] сопротивляться и пошли на столицу. [Московиты] не смогли оказать сопротивления [перед столицей], после чего они подготовили тридцать тысяч отборных всадников, шесть тысяч аркебузирова и большое количество пушек и орудий [очевидно, имеются в виду разные виды артиллерийских орудий]. [Московский правитель] назначил командующими трех князей [во главе] с везиром по имени Бельский. [Московиты] расположились укрепленным лагерем и дали бой. [Вы написали, что] из Ваших сыновей Мухаммед-Гирей во главе правого крыла, Адиль-Гирей во главе левого крыла и остальное войско ислама в предписанном порядке атаковали табор. Случилась яростная схватка. Неверные не смогли сдержать удар и бежали в свой табор. Воины ислама [преследуя врагов] ворвались в табор, откуда смогли спастись [лишь] немногие неверные, которые со своим командующим укрылись во внутренней крепости. Тогда ее подожгли, огонь достиг пороховой башни; внутренняя крепость, дворец, казна, [а также] находившиеся внутри мужчины и женщины, и [среди них] проклятый безбожник главнокомандующий, сгорели.

После этого войску было позволено спокойно разойтись, и страна в течение восемнадцати дней была предоставлена на разорение и разграбление. При подходе с добычей к границе, [Вами к московскому правителю] был направлен посланник с требованием [возвратить] Хаджи-Тархан и Казань. Вашему посланнику [московитами] было оказано полное почтение. [Московский правитель со своей стороны] направил [к вам] посланника с письмом. Поскольку в нем сообщалось о согласии уступить [Астрахань и Казань —?], если к нему пришлют человека, наделенного [необходимыми для переговоров] полномочиями, и [московский правитель] полностью убедится в приверженности к миру [крымской стороны], то вместе с [московским] посланником для исполнения посольской миссии был направлен сын Сулейман-Шаха — Мурад мирза.

[Это] и все остальное из того, что изложено [Вами] относительно данного вопроса, было подробным образом доложено и пред-

ставлено к подножию нашего счастливого императорского престола, [после чего] было объято и охвачено нашим благородным миро-объемлющим падишахским познанием.

Ныне Вапа замечательная предусмотрительность и рвение в проведении газавата и джихата в отношении презренных неверных оказались в высшей степени достойными. Хвала Аллаху Всевышнему, предопределившему и даровавшему эту блестящую победу. Возлагаем надежду на то, что мусульманские войска и армии единопольников не перестанут одерживать победы и триумфы, а враги правой веры всегда будут побеждаемы и одолеваемы.

Что касается вопросов посылки из Польши, согласно старинному обычаю, дани за три года, возвращения овец и крупного рогатого скота, похищенных из вашей страны, их владельцам, то об этом жестко сказано в нашем августейшем послании королю, которое направлено Вам. Ранее [нами] также было написано и отправлено [Вам для передачи королю] послание, [в котором говорилось] только относительно [необходимости возвращения] овец. Предыдущее послание оставьте [у себя, ибо] для передачи [королю Вам] направлено ныне составленное императорское послание. Необходимо, чтобы по его получении Вы отправили это наше августейшее послание вышеупомянутому королю, а также, в соответствии со свойственной Вам преданностью и приверженностью к нашему счастливому Порогу, не оставили [нас] без уведомления и изложения предметов, извещение и объявление которых является необходимым и важным.

Документ был извлечен из записей в «Мюхимме дефтери». Перевод заимствован из книги «Документы по истории...», с. 189–195, там же имеются сведения о других его публикациях и переводах.

Помимо сведений о султанской реакции на крымский успех в походе на Московское государство документ интересен своим последним абзацем, демонстрирующим тот контроль за отношениями приграничного вассала (в данном случае Крымского ханства) с соседними государствами (тут с Польшей), который был принят в Османской империи.

*Послание османского султана Селима II
царю Ивану IV от 7 октября 1571 г.*

К нашему высокому Двору – прибежищу мира и высочайшему Порогу – обителищу счастья, являющемуся резиденцией славных султанов и местопребыванием высокостепенных хаканов, с Вашим послом Андреем Кузьминским прибыло Ваше послание, исполненное [изъявлений] дружбы. [В нем] Вы сообщаете о том, что в соответствии с [требованиями], изложенными в [нашем] ранее направленном августейшем послании относительно разрушения построенной ранее по просьбе князя области Кабарда и подвластных ему [людей] крепости, вышеуказанная крепость была разрушена, находившиеся в ней люди переведены в Астраханскую крепость, правителю вышеуказанной крепости был дан строгий наказ относительно недопущения нанесения вреда путникам, следующим из Самарканда и Бухары в наши пределы, врагами и разбойниками, а также о Вашем искреннем и прямодушном нахождении в [отношениях] подчинения и дружбы с нашей могущественной Портой.

[Это] и все остальное, о чем написано [в вашем послании], было подробным образом доложено и представлено к подножию нашего счастливого трона, [после чего] было объято и охвачено моим благородным мирообъемлющим императорским познанием. Слава Аллаху Всевышнему, я восседаю на троне господства и миродержавия и на престоле халифата и благоденствия, пребывая в радости и благодати. Для повержения находящихся в разных сторонах и концах врагов [я], уповая на высочайшую милость Господа Бога – да славится он и да возвысится! – прибегая к помощи многаяжды благословенных чудес главы всего сущего и гордости [всех] созданий – да будет над ним лучшая из молитв и мир! – и испрашивая помощи у священных душ досточтимых угодников, поставил во главе войск мусульман и ратей единопольников достойных командующих и направил их в разные стороны. Каждый из них, достигнув презренных врагов, милостью Аллаха Всевышнего нанес им поражения и захватил нахо-

дящиеся в их областях крепости. [Таким образом, Богом] нам были дарованы различные победы и одоления. В частности, милостью Аллаха Всевышнего, согласно нашему высочайшему желанию, нашей сокрушающей императорской мощью мы смогли завоевать один из больших островов Кипр, до недавнего времени принадлежавший Венеции, чего не удавалось многим могущественным султанам, прилагавшим для [этого] много сил и стараний. Ныне [же] он стал одним из наших Богохранимых владений. Несомненно, что нам предначертаны и многие другие великие победы. Надеемся, что Господь Всевышний предопределил это наилучшим образом.

Наша счастливая Порта постоянно открыта, и нет никаких препятствий для приходящих ни с дружбой, ни с враждой. Поскольку крепости Эджерхан и Казань издревле являлись местом обитания приверженцев ислама, то для того, чтобы они по-прежнему были местопребывания мусульман, [нами] сочтена уместной передача [Вами] крепости Эджерхан нашему Порогу Счастья, а крепости Казань – находящемуся в [отношениях] большой преданности, чрезвычайной приверженности и дружбы к нашему счастливому Порогу, его эмирскому высочеству, опоре наместничества Девлет-Гирейхану – да будут вечными его благородные качества! Таким образом, если Вы желаете со всей преданностью быть в подчинении к нашему счастливому Порогу, не полагайте, что отсрочка и нерадение в деле передачи вышеуказанных крепостей вышеописанным образом являются подобающими. Поскольку до настоящего времени [все] те, кто искренне и твердо следует путем подчинения нашей счастливой Порте, вкушают радости нашего покровительства и благоволения и благодетельствованы под нашей счастливой сенью, а жители их областей и стран полностью защищены от притесняющей длани недругов, правители многих стран, приложив много стараний и усердия, желая дружбы нашего Порога Счастья, отказались от [владения] многими крепостями и землями, находившимися в подвластных им странах и областях, и не преступают пределов покорности и повиновения.

Если Вашим заветным желанием также является пребывание в покорности и повиновении к нашей могущественной Порте, необходимо, чтобы по получении нашего августейшего письма Вы

не колеблясь приложили старания для передачи нам вышеназванных крепостей, дабы прочности здания [нашей] дружбы не было нанесено ущерба и ни у кого не было возможности действовать вопреки [нашим] дружеским отношениям. Поэтому [мы ожидаем, что] с Вашей стороны условия дружбы также будут выполняться, и Вы не преминете извещать наш Порог Счастья о предметах, о которых необходимо извещать и уведомлять.

Текст послания заимствован из публикации его в книге «Документы по истории...», с. 202–203, там же имеются сведения о других переводах и публикациях этого послания.

Документ демонстрирует османское понимание возможных отношений «дружбы» между исламской империей и христианским государством. Именно так, как некую форму подчинения, воспринимали османские власти свои тогдашние отношения с Польшей и даже Францией, предоставляя ей капитуляционные льготы и получая военное содействие в войне за западное Средиземноморье. Нечто подобное предлагалось и России.

***Послание османского падишаха Селима II крымскому хану
Девлет-Гирею с одобрением готовящегося крымского
похода на Московское государство
(Не датировано, весна 1572 г.).***

Приказано послать нижеследующее письмо его высочеству татарскому хану.

Недавно в нашу Высокую Порту – прибежище счастья и наш счастливый Дом, убежище достославных султанов и государей всех времен, были доставлены ваши письма, изложенные в духе преданности.

В этих письмах Вы нам сообщили, что было собрано большое число воинов, среди них татары, уверенные в победе, и что Вы предполагаете идти на страны Казань и Хаджи-тархан [Астрахань].

Вы попросили нашего императорского позволения задержать московского посла в крепости Мангун, либо послать его через Азак [Азов]. Вы сообщаете нам также, что занялись делом короля Польши, что арестовали человека с письмами, назвавшегося московским послом, и что разыскиваете его скрывшегося спутника.

Все, что [Вами] написано относительно вышеизложенного, было подробным образом доложено и представлено к подножию нашего правосудного престола, [после чего] было объято и охвачено нашим благородным мирообъемлющим императорским познанием.

С помощью Аллаха нам будет легко наложить руки на всех тех, которые не подчинились со всем послушанием и преданностью нашей вечной верховной власти.

Принимая во внимание, что было решено вести такую великую кампанию, которая увенчается успехом, не следует от нее отказываться. Нужно начать ее с полным препоручением [себя] воле Всевышнего и надеяться на поддержку, которая нам снизойдет от сулящих успех и благодения чудес Султана Пророков – да будет над ним лучшее из приветствий! – и осуществить эту священную войну. Принять в ней участие – священный долг перед верой и державой.

Мы надеемся, что первые шаги будут хорошим и счастливым предзнаменованием и что исход дела увенчается многочисленными победами и завоеваниями. По [Вашем] победоносном, отягощенном трофеями благополучном возвращении, которое состоится, если будет угодно Аллаху, дела, касающиеся этих стран [Казани и Астрахани], будут решены сообразно обстоятельствам и так, как надлежит.

Как только наше сопутствуемое счастьем императорское послание будет вам доставлено, как было во все времена, Вы продолжите проявлять дружелюбие и почтение в отношении нашего Порога – оплота справедливости и нашего Дома, ознаменованного величием. Вы сделаете все возможное для того, чтобы найти и задержать спутника задержанного шпиона.

Когда Вы направитесь в поход, надеюсь на милость Аллаха, Вы будете выполнять похвальные и хорошие действия, чтобы расправиться с врагами веры и державы с помощью Аллаха и согласно традициям отваги и мужества, которые свойственны вашему характеру, предназначенному для священной войны.

Задержите и доставьте вышеназванного посла в указанную крепость [Мангун] до того, как вам удастся вернуться из этого похода, увенчанного победой и великой добычей. Тогда Вы его отошлете.

Держите открытыми врата переписки и незамедлительно извещайте нас о результатах ваших побед и завоеваний, которые не замедлят случиться в этой священной войне, итог которой будет триумфальным.

Будем надеяться, что воины веры и державы одержат победу и завоюют славу, а враги страны и мусульманской общины потерпят поражение и будут истреблены.

Текст послания публикуется по переводу, включенному в статью Ш. Лемерсье-Келькежё (Восточная Европа..., 2009, с. 218–219). Документ и его перевод помещены также в книге «Документы по истории...», 2008, с. 205–211. Еще раз обращаю внимание, что, к сожалению, крымские документы современные русскоязычные авторы предпочитают цитировать и публиковать в своих собственных авторских переводах. Отсюда разноречивость в текстах и даже в славословиях в адрес правящих лиц и священных эпитетах, принятых в исламе. Чтобы не увеличивать этот разноречивый, в данной работе мы не позволили себе какого-либо литературно-стилистического редактирования переводов документов, уже включенных в научный оборот, тем более что, как правило, суть текста передана в опубликованных переводах довольно точно. Уточнения к переводам сделаны нами лишь в очень немногих спорных местах.

Грамота Девлет-Гирея Ивану IV о причинах его похода на Русское государство летом 1572 г. и об условиях, на которых могут быть вновь возобновлены крымско-русские мирные отношения (23 августа 1572 г.)

Девлет-Киреево цареву слово московскому князю брату моему Ивану князю Васильевичу. После поклону слово с любовью.

То, что преже сего о Казани и о Асторохани холопа своего Ян-Магметя Хозигея к тебе посылал есми, и ты о Казани и о Асторо-

хани молвя, — дадим, — грамоту свою прислал. А уланом моим и временником посланные свои грамоты прислал еси как великое цареву величество, поговоря — отставите, сколько казны похочет, и яз бы то дал, — молвя, писал еси к ним. И ты что так лжешь и оманы даешь, потому, ож даст Бог, сею дорогою пришед, самому было мне о том говорите отселева, послав человека, переговорити не мочно, потому что далеко. А з ближнего места опять мочно, человека послав, переговорити. Что есми со всеми своими людьми пошел и, наш проход проведав, на Оке на берегу хворостом зделали двор да около того ров копали и на перевозе наряды и пушки еси оставив, да и рать свою оставил, а сам еси в Новгород пошел. И мы Божией милостию и помочью, дал бог, здорово Оку перелезчи со всеми своими ратми, что делан двор и копаные рвы твои видели и с ратью твоею наши сторожи передние, повидевся, немнога побились де. И мусульманская рать от нас прошалась и похотели дело делати. И яз молвил, что он, холоп, по государскому своему веленью пришел, — мне с ним что за дело. А нашего величества хотенье до князя их, — молвя, их не освободил, пошли тебя искати. Хотели есмя стати, где б сел и животные много, хотели есмя к тебе послати, где не буди, посла да с тобою переговорити. И сею дорогою хотели от тебя ответ прямой взяти, молвя, шли были. А что твои рати назад за мною шли, и назади у меня дети, увидев, без нашего ведома бои были, которые богатыри сердца своего не уняв. На сердце свое надеяся, немногие наши годные люди бились, и двух добрых взяли де. Что дети мои без нашего ведома бились, на детей своих покручинився, назад пошед, твоих людей около есми облегал. И которая нагайская рать со мной была, учили они говорити, что пришли есмя из Нагаи пять месяц, и нам лежать не прибыльно, и лошадем истомно, — молвя, все заплакали. И нужю свою нам в ведоме учинив, заплакав, на ногу пали. И мы потому, пожелючи их, и слова их не отставили, — со всеми мусульманскими ратми и с лошадми со всеми здорово потише поворотились. Кто еси для нас делал на берегу двор и ров, и сколько маялись, и мы тот двор, ни во что покинув, да перелезли. Что было на перевозе твоей рати наши люди дело и бой учинив и погнав, на силу перелезли, что есте маялись месяцы три и четыре приходу нашему. Хотенье, с тобою поговоря, по-прежнему на свою роту и о добре быти или прямой ответ от тебя взяти. Хотенье мое было с тобою, на встрече

став, слова не оставив, переговорити. А рать наша прямо с твоею ратью хотели делати. И хотенье их то было, и мы не ослободили. А твоя рать, вшедши в город, свою голову оборонили. И со страхов дети боярские и пригодные люди твои всяк о своей голове колодези де копали: толко б из города вышли, — наша бы рать, против став, бились. Хотя б и в городе твоя рать стояла, обороняя свои головы, хотели наши с ними делати. И мы не отпустили, пожелели: сталося ли бы — не сталося — то дело обычное. И мы рати своей не потеряли. И будет тебе та твоя рать не надобе, и нам наша рать всегда пособщик. Что твои олпауты [знатные люди, дворяне] тебе посолжуют и похва-стуют, и тому б еси веры не нял, что есмя их худо зделали, и тебе ведомо будет.

И ныне по прежнему нашему слову меж нами добро и дружба быв, Казань и Астарахань дашь — другу твоему друг буду, а недругу твоему недруг буду, от детей и до внучат меж нами в любви быв, роту и шерть учинив, нам поверишь. И мы с своим чесными князя сущего своего человека Сулешева княжего сына холопа своего Мурат-мирзу з здешними твоими послы, гораздо почтив, честно отпустим. И сын наш Адыл-Гирей царевич там царь будет. Тебе от него никоторого убытка и насильства не дойдет, по нашему приказу. Быв, которые наши холопы, по нашему приказу, тебе и пособники будут, другу твоему другом буду, — тебе много добра было б. А Казань и Астарахань — наши юрты были, из наших рук взял еси. И ныне назад нам не хотите отдати, однолично мы о тех городех до смерти своей тягаться нам, того у вас не возмем, и нам то грешно. В книгах у нас так написано — для веры однолично голову свою положим.

И толко казну и куны дашь нам — не надобе. А будет бы мы похотели для казны в дружбе быти, и сколько еси по ся места ко мне кун посылал, и для бы кун яз был в дружбе с недругом твоим, с королем, был. А с тобою есми начаялся добра, а на недруга твоего на короля, не смотря. А девять лет не даывал мне король казны и присылаал ко мне послов, не оставя, и казну дает. И яз оставя то, начаясь с тобою миру, прямого ответу им не дав. И толко похочешь с нами в дружбе и в братстве быти, Казань и Асторохань дашь и с ротной своею грамотою и ключи астороханские и казаньские одному своему олпауту на руки дашь, и с любовною своею грамотой, и своих детей и князей

и времянников ротные грамоты взяв, холопу моему Мурат-мурзе дав, и посла твоего, почтив, отпустим.

А толко не похочешь с нами в дружбе бытии, Казани и Асторохани не дашь, и ты б посланого гонца моего холопа Шигая, и посла нашего Ян-Болдуя, один свой ответ дав, часа того отпустил, не оставил бы еси. А толко не приплешь, и мы счастьем своим до Крыму дойдем, и мы, твоего посла почтив, как ведетца в обычаях, и портища дав, как в нашем государстве чин ведетца, его не оставя, наборзе отпустим, так бы еси ведал.

А толко ответу не дашь, с недругом твоим с королем в дружбе быв, и зиму, и лето на тобя учну ходити, от тебя не отойду. Преж сего к нам в посланой своей грамоте писал еси: Волги голова у вас, а устье вам дати, нам не пригож видитца. И то твое слово прямо, и то мы ведоём. И ныне толко дашь – другу твоему друг буду, а недругу твоему недруг буду. И толко сею дорогою не станетца, и к тебе уж болши того человека не пришло, волю твою тебе дали, – которое дело прибыльнее, то и делай, – волю твою на руки дали, – ты ведаешь. Да сего моего холопа Шигая с речами есми отпусти. И ты б, его гораздо вспросив, разумел: его слово – мое слово, слову бы еси его верил. Да великий поклон – малые поминки – ширинку есми к тебе послал, так бы еси ведал, молвя: ярлык послан.

Писан месяца августа в 23 день лета 980-го (1572 г.)

Опубликовано: «Посольская книга... 1571–1577 гг.», М., 2016, с. 139–142.

Это один из самых странных документов крымско-московской переписки. Только что случившееся поражение крымских войск ханом не признается таковым, отступление толкуется как желание избежать военного столкновения и тем уберечь собственные войска. Сам крымский набег подается как желание более близких контактов с царем и продолжения переговоров об обещанных ранее территориальных уступках. Угрозы и надежды на мирное разрешение спорных вопросов перемежаются друг с другом. Не очень внятно, но содержится обещание ограничить свои желания получением лишь Астрахани и отказом от требования Казани. Все это показывает определенную растерянность крымских властей, не успевших еще оценить новую обстановку в регионе, возникшую после Молодинской битвы.

Глава 13

ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVI в. – КРИТИЧЕСКИЙ РУБЕЖ В ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

В последние годы своего правления Девлет-Гирей (он умер в 1577 г.) не проявлял на российском направлении особой военной активности. Он явно был нездоров, о чем не раз сообщали, в частности, ездившие в ханство дипломатические гонцы России. Несколько раз даже появлялись слухи (правда, не подтверждавшиеся) о его кончине (Новосельский А. А., 1948, с. 26; Посольская книга, XIV, с. 25–32, 179–181 и др.). Внимание хана поглощала и необходимость как-то наладить отношения между его пятью сыновьями, явно соперничавшими между собой в претензиях на отцовское властное наследство.

На московских границах в это время разбойничали различные татарские отряды, среди которых крымцы были отнюдь не самыми активными. Ответные вылазки московских войск и ориентированных на Москву казаков были направлены прежде всего против ногайцев Большой Орды, отошедших в это время от союза с русским государством. Несколько раз был разгромлен Сарайчик, после чего ногайские мурзы упрекали крымского хана: «Воевали деи нас московские люди – Сарайчик взяли. ...ты к Москве ходил, и ты деи лиш полону жаден, а у нас деи у самих жены и дети в полон пойманы, московской царь и юрты наши пожег. ...ты нас стравил с московским царем, а ныне деи нам пристанища нигде нет. А ведь деи ты тем нас подбаел на Московское царство, что ты сказывал: Москву взял, а едешь на Москву на царство, – и мы деи за то с тобою и ходили» (Посольская книга, XIV, с. 197). Это ногайское послание

интересно не только тем, что объясняет причину первого выступления Больших ногаев против Москвы, но и показывает тогдашнюю обстановку в степи. Как видим, Девлет-Гирей распространял известие, что он идет в Москву «на царство». Эта амбициозная похвальба означала, однако, всего лишь возможность беспрепятственного грабежа – он был «полону жаден». Кроме этого, как известно из заявлений хана в это время, он не прочь был захватить «казну» московских князей и, конечно, обеспечить себе всегдашние поминки. Территориальные претензии не шли далее Поволжья, да и то желание получить Казань и Астрахань фактически превращается лишь в требование престижа и постепенно перестает восприниматься как нечто действительно необходимое ханству.

Отношение Девлет-Гирея к войне и завоеваниям наиболее ярко показывает различие во взглядах на государственное строительство, бытовавших у крымских татар и их сюзерена – Османской империи. Именно с этого времени это отличие начинает все более и более сказываться и на их отношениях. Османы в период первоначальных завоеваний искали для себя «новую родину», строили свое государство на сложившемся ранее на завоеванной территории аграрном хозяйственном фундаменте. Им нужна была земля, причем желательно хорошо хозяйственно обустроенная. Она и рентные платежи с нее должны были служить материальной базой для обеспечения нового османского правящего класса, все еще продолжавшего свое формирование в XVI–XVII вв. В стране и в это время сохранялась значительная масса не «испомещенного» (употребим этот русский термин) на землю воинства, не желавшего превращаться в податное сословие и жаждущего за какие-либо военные отличия получить тимар (т. е. султанское земельное пожалование с проживающим на нем земледельческим, платящим подати, населением). Эти массы постоянно хотели воевать и толкали страну на всегдашнюю агрессивную настроенность в отношении соседних государств. При этом, как мы уже говорили, тимарные потребности не смогли удовлетворить иранские территории, не годились для этой цели и засушливые безводные степи Северного Прикаспия. Позднее выяснилось, что османы оказались не готовы и для хозяйственного освоения Восточной Европы, причем не только ее Дикого поля. В XVII в. османские тима-

риоты, получив владения в благодатной украинской Подолии, бежали оттуда, так как тогдашнее ее «руинное» (термин украинских историков) состояние после многолетней внутренней борьбы не могло обеспечить им стабильного дохода, получение которого было предписано султанскими бератами, предоставлявшими им тимары на Украине. (Kolodziejczyk D., 1994, 2004). Именно это снова вернуло османскую экспансию в Центральную Европу (Орешкова С.Ф., 2007), в «гяурский рай», как называли ее османские хронисты (см., например, Silahdar tarihi. Цит.: Abrahamowicz Z., 1983, с. 50). Восточная же Европа так и осталась вне их завоевательных интересов.

Кочевническая родоплеменная составляющая османского общества была ограничена жесткими рамками государственного регулирования (Еремеев Д.Е., 1971, 1983; Мустафаев Ш.М., 1994, 2015). Значительная часть так называемой «туркменской или туркоманской» вольницы, как мы уже отмечали, ушла в Иран. Шел процесс вытеснения из османской социальной среды и воинов-крестьян, получивших на начальном этапе османских завоеваний за участие в армейских операциях небольшие участки земли для собственной обработки и материального обеспечения, – так называемых *я* и *мюсселемов*. Роль их иррегулярного ополчения в последующих военных предприятиях османов и начинает выполнять войско крымских татар, с конца XVI в. все более активно привлекаемых османскими властями к войнам в Европе и Иране.

Разрешая хану в 1572 г. поход на Русь, султан позволял ему грабежи и видел в походе некую надежду (правда, как чувствуется из его разрешительного письма, весьма слабую) на отвоевание бывших исламских юртов на Волге. (Письмо султана помещено в Приложении к предыдущей главе). И если перед походом 1569 г. османские власти плохо представляли расстановку сил в регионе и надеялись, что могут овладеть Нижним Поволжьем без серьезного столкновения с Россией, то теперь положение было ими уяснено – показателем этого может служить задержание на время татарского похода русского гонца, возвращавшегося в Москву с султанским письмом. Османские власти понимали, что для выполнения поволжской цели предстоит война с Россией, и о начале ее не должен был заранее провести русский посол, едущий из Стам-

була через Крым. Плохо веря в успех, но понимая татарское желание реализовать надежды 1571 г., султанские власти не отказали им в разрешении на попытку сделать то, что не удалось их экспедиции 1569 г. Если не удавшуюся им астраханскую проблему надеется самостоятельно решить их вассал, то почему бы не позволить ему попробовать сделать это? Самой же Порте создание нового фронта военных действий, вдобавок к Средиземноморскому, Центрально-европейскому и Иранскому, явно было не нужно.

Султанское послание, которое вез в Москву задержанный в Крыму русский посол, по мнению османских властей, и после крымского похода (независимо от его результата) сохраняло свою актуальность и должно было быть доставлено по адресу. Об иных претензиях к России, кроме изложенных в нем, османские власти не помышляли. Наступление на Россию османами не осознавалось как что-то действительно для них жизненно важное, но поскольку в данном случае речь шла о бывших исламских владениях в Поволжье, по идеологическим соображениям отказаться от поддержки этого мероприятия они не могли. В остальном же, еще раз повторяю, Москве предлагался польский вариант сосуществования с исламским миром. Другое дело, что Московское государство в условиях опасной для него татарской конфронтации не могло на это согласиться.

Постоянная набеговая опасность, исходившая от тюркских юртов, все еще сохранявших разбойно-грабительский настрой в отношении соседей, объективно заставляла Московию активно защищаться и постепенно все более и более переходить в наступление. В российской историографии, от чего мы постоянно пытаемся предостеречь, есть склонность ускорять, удревнять, излишне активизировать этот процесс. Но суть его направленности была именно такова. Можно ли считать это агрессией – сомневаюсь. Употребление этого термина российскими исследователями (а в последние годы он стал широко употребляемым не только в зарубежной, но и в российской историографии), как мне представляется, есть не что иное, как дань желанию говорить на одном языке с европейскими русистами, боязнь прослыть ретроградными националистами, замкнутыми на восхвалении имперского прошлого своей страны. Но ведь

нельзя забывать, что Русское государство оказалось в условиях, когда для сохранения своей государственности оно вынуждено было начать строительство собственной многонациональной империи. Это не плохо и не хорошо. Это объективная реальность и в тех условиях необходимость. И с этим следует считаться. А.И. Филюшкин, комментируя бытовавший в тогдашнем российском сознании «широкий образ России» и восприятие присоединения новых территорий не как завоевание, а как «восстановление утраченного государственного тела» домонгольской Руси, обращает внимание на то, что в стране «сформировалось перманентное ощущение себя в кольце врагов». Его вывод: «Нельзя сказать, что эта позиция была порождена исключительно историческими комплексами и была безосновательна. Можно говорить об определенной ксенофобии в восприятии соседей в Московском государстве XVI в., но при этом не надо забывать, что оно существовало вовсе не в атмосфере дружелюбия и толерантности» (Филюшкин А.И., 2013, с. 111–114). Разделяя в принципе эту точку зрения, хотела бы, однако, обратить внимание, что термин ксенофобия для того времени придает этому выводу некий извиняющийся за такое поведение характер. Думаю, что суть отношений была иной. В дипломатических документах, адресованных и татарским сообществам, и Османской империи, не раз, и настойчиво, подчеркивалось, что в стране проживает множество иноверцев, что они служат московскому государю, что сохраняются мечети и нет каких-либо гонений на мусульманскую религию. Конечно, столь благостная картина должна восприниматься как некое преувеличение. Осваивая Поволжье, строили христианские храмы, многие крупные татарские землевладельцы принудительно переселялись в иные районы государства, где им предоставлялись другие земельные угодья, но бывало, что они и возвращались назад. Эти перемещения были связаны не только с желанием умиротворить регион, но и вписывались в общую тогдашнюю опричную переселенческую политику. Террор и самоуправство Ивана Грозного тяжело переживались и коренным населением страны, и новыми гражданами России, однако это не было ксенофобией. Ее-то как раз в отношении татарского населения, а особенно татарского господствующего класса, пытались не допускать. Еще раз напомним о том большом количестве

выходцев из татар в российском господствующем классе и активном использовании Россией татарских войск в Ливонской войне.

В противоположность этому в Крыму в 70-е годы XVI в. в отношениях с Москвой хотя и слабо, но начинают звучать религиозные мотивы. Девлет-Гирей объяснял Ивану IV: «Если эти два мусульманских юрта не возьмем, – ... нам то грешно: в книгах у нас то написано: для веры однолично голову свою положить». Этот новый мотив в восточноевропейской дипломатической переписке появляется, очевидно, под влиянием устанавливавшихся к этому времени более тесных связей с османскими управленческими кругами. Хан начинает утверждать тогда, что из-за неуступчивости московского князя он, как мусульманский правитель, вынужден будет в будущем находиться с ним в постоянной конфронтации: «...и зиму, и лето на тебя учну ходить» (Буганов В.И., Документы, с. 183, а также Приложение к этой главе).

Обороняясь, Россия, тем не менее, четыре века постепенно расширяла свои границы на юг. Начало этого процесса было во многом обусловлено изменением климата региона, о чем мы уже говорили. В бывшем Диком поле складывались благоприятные условия для развития пахотного земледелия. Туда были устремлены два земледельческих миграционных потока, шедших один из России, а другой – из польско-литовской Украины. После объединения Польши и Литвы в единую Речь Посполитую (1569 г.) польские власти начали активно поощрять этот переселенческий процесс, и он оказался более массовым в сравнении с российским. Россия же была осторожнее (вспомним российское малолюдье и усиливавшийся процесс закрепощения, призванный удержать рабочие руки в определенном поместье и у определенного хозяина). Поток российских переселенцев на юг власти пытались сдерживать и регулировать. Официально он шел вместе со строительством крепостей и другими оборонительными мероприятиями. В XVII в. это вылилось в создание грандиозных по тем временам инженерных сооружений, так называемых засечных линий (см.: Загоровский В.П., 1980, 1991, 1998). Такое капитальное стационарное укрепление границы влекло, во-первых, надежное, хотя и медленное, закрепление Рос-

сией за собой определенных пространств Дикого поля, во-вторых, окончательное вытеснение земледельческим хозяйством господствующего здесь ранее скотоводства кочевнического типа и, наконец, формирование военно-хозяйственной структуры населения, которая обеспечивала возможность надежной охраны вновь присоединяемых земель. Подчеркиваем, что в регионе на первых порах шло не завоевание, а хозяйственное освоение ничейной земли, покинутой татарскими сообществами и воспринимаемой ими лишь как некое пространство, которое нужно преодолеть для достижения тех мест, в которые они совершали свои набеги. Строительство Россией таких стационарных укреплений продолжалось вплоть до XVIII в. Некоторыми исследователями оценивается это как своего рода анахронизм (см.: Апанович О., 1960). Однако оно свидетельствует об определенной умеренности и осторожности страны в своем территориальном расширении, и даже более – нежелании излишнего расширения, сомнения в возможности мирного сосуществования с беспокойными соседями. В XVI в. эту оборонительно-наступательную тактику страна только начинала нащупывать. Были от нее отступления, отвод военных сил за Оку, отказ от освоенных ранее районов и даже крепостей, из которых наиболее известны Пселский и Терский городки. Какая уж тут агрессия и против кого? Повторяю: осваивалось ничейное Дикое поле, покинутое своими прежними обитателями, вынужденными уйти из этих районов не под напором северных земледельцев, а в связи с иными, природными и внутривосточными, процессами, происходившими в степном мире (см. подробнее: История татар, т. IV).

Геополитическое размежевание двух цивилизаций, имевших разную хозяйственную основу, вело к объективной победе России. Крымское же ханство, сохраняя (и пополняя) архаичные кочевнические структуры своего общества, теряло перспективу и упускало возможность выхода на новый уровень развития. В этих условиях возрастала роль его руководящего сюзерена – Османской империи, которой следовало как-то направлять и организовывать жизнь своих северных вассалов и строить с выгодой для них и себя, разумеется, отношения с окружающим миром, в том числе и на северных рубежах своих владений. Причерноморье ими, однако, все более

и более начинало восприниматься как малоинтересная для центра периферия, которую выгодно сохранить и использовать как поставщика дополнительных армейских сил и определенных товаров, в том числе и поступающих по путям континентальной торговли. Вести здесь какие-то военные действия считалось неперспективным. Защиту территорий, как надеялись, было возможно обеспечить местными силами без каких-либо серьезных затрат и усилий центра. С XVII в. у переживавшего внутриимперский кризис османского государства уже не было сил заниматься еще и социальными преобразованиями подчинившихся ему окраинных территорий, сохранявших свою цивилизационную периферийность. Османские власти на северных границах хотели лишь стабильности и безопасности. Исключением из этого стал только позднейший недолгий период союза османов с гетманом П. Дорошенко, который, однако, как и произошедшие тогда войны с Польшей и Россией, привел османские имперские власти к быстрому разочарованию, передаче завоеванных областей под управление молдавских господарей и переключению последних имперских завоевательных устремлений на Центральную Европу (см.: Орешкова С.Ф., 2015, 2018).

В восточноевропейском регионе постепенно все большую и большую озабоченность османских властей начинают вызывать атаки запорожцев и других украинских казаков, причем не только на крымские, но и на пограничные османские владения. Польские власти пытались снять с себя ответственность за их действия, заявляя о самовольстве и неподчинении казаков. Мотив о призывании к порядку крымско-татарских и запорожских самостийных разбойников с конца XVI в. стал постоянно звучать во всех последующих польско-турецких, а затем и русско-турецких договорах. Казацкие рейды на причерноморские районы становились столь частыми и разрушительными, что ряд исследователей считает их главной причиной упадка региона в XVII в. (Kortepeter С М., 1972; Inalcik Н., 1996). Начинали же они становиться действительно опасными для османов именно в конце XVI в. в северо-западном углу Причерноморья.

Крымское ханство на протяжении всего османского периода своего существования так и не смогло отринуть кочевническую

составляющую своего общественного строя и перейти на новый уровень развития. Походами на север оно улучшало свое сиюмоментное материальное положение, причем не столько за счет грабежей, сколько прежде всего за счет захвата рабов, главным рынком сбыта которых долгие годы оставалась Османская империя (Хензель В., 1979, с. 147–158). Посетивший ханство в конце XVI в. Михалон Литвин приводит интересный разговор с охранником перекопской крепости, который, видя огромные массы пленников, приводимых с севера, спрашивал его: «Люди-то там еще остались?» (см.: Приложение к главе 1). Любопытно, что просматриваемое времянами с конца XVI в. сотрудничество крымско-татарских участников северных набегов с запорожскими казаками, проявлявшаяся порой грабительская активность которых по своей сути мало отличалась от татарской и, бывало, направлялась не только против мусульман, но и против христианского населения северных областей, приводило их к совместным разбойным действиям, в которых было своеобразное разделение добычи: татарам доставался полон, а казакам – прочая добыча.

Набеги и работорговля на протяжении почти всего периода существования Крымского ханства оставались для него важнейшей «внеэкономической» подпиткой, до второй половины XVII в. молча разрешаемой, а то и поощряемой османским сюзереном. Именно это представляется нам тем главным фактором, который препятствовал совершенствованию внутренней структуры крымскотатарского общества, переходу его на более высокий уровень социального развития. Потому-то и те властные полномочия, которые не прочь был получить Девлет-Гирей после победы 1571 г. над Москвией, не стоит рассматривать как покушение на московскую государственность. Крым устраивало существование такого государства. Возвращение к Золотой Орде уже было немыслимо. Девлет-Гирей прекрасно понимал, что невозможно вернуть «Московское княжество в его прежний чин подвластного хану улуса, как это было при Тохтамыше и Бату» (Гайворонский А., 2010, с. 234). Из Московии (как и с польской Украины) он получал поминки и пленных, а поэтому не стоило резать курицу, которая несла золотые яйца. Звучали угрозы, но за ними не было ни надежд, ни возможностей,

ни, ко второй половине XVI в., уже и желания повернуть историю вспять. Суть тогдашних крымских настроений хорошо сформулировал украинский историк Гайворонский: «Правители Крыма никогда и не надеялись по-настоящему править обоими материками (имеется в виду наследие монгольской империи – *С.О.*), а стремились лишь формально господствовать над ними» (там же, с. 294). И еще уточнение: «Не так много связывало Крым с волжскими юртами, слишком удалены они были друг от друга и слишком разные народы населяли их, чтобы Кыпчакская степь, насильственно объединенная когда-то монгольскими завоевателями, могла и далее оставаться одним государством». Потому-то в 1571 г. «легко доставшаяся победа с легкостью и ушла, ничего не принеся ни хану, ни юрту». Тем не менее, как подмечает тот же автор, Девлет-Гирей «сумел найти такой способ управления своим государством, чтобы навсегда остаться в народной памяти не братоубийцей и неудачником, а одним из величайших правителей в истории страны» (там же, с. 237). Очевидно, эпитет «величайший» здесь выступает как явное преувеличение, но этому хану в правление действительно выпало время, когда завершался определенный этап истории ханства. Время непростое, с природными катаклизмами, голодом, мором, вторжениями соседей и значительным увеличением кочевнических масс в населении ханства. Внешняя опасность, в том числе и угроза введения более жесткого подчинения османским властям, сплотила население вокруг хана, позволявшего и способствовавшего набеговой активности и грабежам соседей. Этому в немалой степени благоприятствовало военное противостояние между северными христианскими соседями ханства, мешавшее им противодействовать еще и татарским вторжениям. Настоящих успехов у крымцев было немного, но стабильность в поступлении доходов от набегов и поминоков сохранялась, что помогало удовлетворять сиюминутные потребности, но было ли это благом для совершенствования крымской государственности – сомнительно. Цивилизационного рывка ханство так и не сделало. Внешней опасности, столь сильной, что стала бы угрожать существованию этого государственного образования, на протяжении XVI и почти всего следующего столетия также не наблюдается. Его пытались сдерживать в набеговой активности,

строить оборонительные сооружения, были разбойные нападения казаков на крымские владения, но на само существование этого государственного образования по сути дела никто из соседей всерьез также не покушался. Были разговоры и даже официально оформлялись соглашения об антиосманских Священных лигах, но от территории самого Крымского ханства их предполагаемые антиосманские действия оказывались в стороне. Даже в XVIII в., во время войны 1736–1739 гг., в дипломатических кругах при обсуждении вопроса о российских территориальных претензиях к Османской империи речь шла только о районе Азова и в какой-то степени Очакова. Крым и ближайшее к нему Причерноморье считались неблагоприятным районом, осваивать который обойдется столь дорого, что присоединение его к российским территориям могло принести, как считали в дипломатических кругах и Австрии, и России, не выгоду, а лишь огромные убытки (подробнее см.: Орешкова С. Ф., 2015).

Российские власти в последние годы правления Девлета сделали еще одну попытку заключить с Крымом мирное соглашение. В Москве был составлен текст новой шертной грамоты. Он был вручен в Крыму сразу же после смерти этого хана его наследнику Мехмед-Гирею II (1578–1584). В отличие от проектов 1563–1564 гг. документ 1578 г. предлагал лишь «другу другом быти, а недругу недругом и на всякого нашего недруга обема нам заодин быти». Конкретизации, кто является недругом, как это указывалось в предыдущих проектах 1563–1564 гг., не было. И это объяснимо. Ведь предложение исходило от России после недавних (1577 г.) побед русских в Ливонии, помощи ей тогда не требовалось. Главное, что хотелось получить, – это обещания: от имени хана, ханычей, «карачеев, князей, мурз, казаков» и всех ханских «воинских людей» «брата нашего царя и великого князя земель не воевати», а также послов и гостей «не имати, и не грабити». А.И. Филюшкин обратил внимание, что в этом документе перечисляются «украинные города», которые не дозволялось грабить, и среди них включены те, которые были в свое время отвоеваны у Литвы. Это он расценивает как стремление русской дипломатии закрепить международным признанием новые границы своего государства (Филюшкин А.И., 2013, с. 715–717).

Возможно, подобные настроения и могли возникнуть (хотя, с нашей точки зрения, вряд ли) в среде только начинавших тогда осваивать европейскую дипломатическую практику служителей Посольского приказа, но, с нашей точки зрения, все-таки пока еще о приобщении русской дипломатии к таким дипломатическим тонкостям и включении их в содержание крымских шертных грамот говорить рано. Перечисление пограничных городов (кстати, оно традиционно со времен Менгли-Гирея, и недавние русские приобретения в этот список не включались) нужно было не для европейского признания, а для защиты от крымских набегов, как правило, совершавшихся именно на них. Эта мирная договоренность, однако, как и предыдущие, крымской стороной так и не была утверждена.

Наследовавший Девлет-Гирею его старший сын Мехмед-Гирей II начал свое правление с традиционных угроз Москве, в которых снова звучали требования отказаться от власти над Казанью и Астраханью, но практически в период правления этого нового хана антимосковская активность ханства отошла на задний план. Беспокоили столкновения с казаками на северо-западе и необходимость участия в османских военных действиях в Иране.

Начавшаяся в 1577 г. османо-иранская война в историографии известна как так называемая «трехфазовая» война» 1577–1590, 1603–1618, 1623–1639 гг. (см.: Olson R. W., 1975, где предложено именно такое название для этого периода османо-иранского противостояния).

Уже с 1578–1579 гг. крымские войска были активно вовлечены в имперские военные действия в этом регионе. С событиями этих лет связано много героических и романтических историй, до наших дней бытующих в татарском фольклоре и даже использовавшихся в качестве сюжетов в османской литературе XIX в. В это же время начинали принципиально меняться как отношения ханства с османской метрополией, так и политическая ситуация на его северных границах.

Неисполнение Мехмед-Гиреем в 1583 г. султанского распоряжения, предписывавшего ему остаться зимовать в районе Шираза, где шли антииранские военные действия, привело к тому, что

по приказу Порты, чтобы наказать непокорного вассала, тогдашний великий везир и главнокомандующий османскими войсками в Иране Осман-паша Оздемир-оглу с трехтысячным отрядом через Дербент и северный Кавказ двинулся в Крым. В районе Кафы произошло настоящее сражение. Несмотря на громкое заявление хана, что он не «османский бей», а «падишах, господин хутбы и монеты – кто может смещать и назначать меня?» (Смирнов В.Д., т. 1, 2005, с. 328), везирским приказом он был низложен.

Положение в ханстве осложнилось. Как характеризовали его А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькежё, началось «смутное время кровавых внутренних войн между принцами-чингизидами династии Гиреев» (Восточная Европа, 2009, с. 220). Эти же исследователи проследили, что в своих назначениях в Крым османские власти опирались на две системы наследования власти: «с одной стороны, традиция всех оседлых государств, включая Османскую империю, согласно которой старший сын наследовал власть отца, с другой – монгольское право, знаменитая чингизидская торе (торе-и чингизие), согласно которой право наследования принадлежало старейшему представителю клана Гиреев, т.е. фактически самому старшему из братьев умершего хана». Не раз именно османские власти выступали при ханских назначениях «поборниками кочевнической традиции», хотя бывало, что этот чингизидский обычай наследования не поддерживался даже такими поборниками старины, как главы крымских кланов-карачи. Османские же власти весьма ловко играли на двух этих традициях наследования (там же, с. 221–223). Эту османскую практику подметил еще В.Д. Смирнов, писавший, что, опираясь на нее, османские власти проводили «политику сеяния раздоров среди татар». В годы начавшейся борьбы за власть сыновей Девлет-Гирея, «чтобы польстить мнимо-легальной требовательности татарских мурз, защищавших старинные обычаи своего народа против новшеств хана, Порта назначила ханом ... брата ханского, Ислам-Герая, который дотоле сидел себе покойно отшельником в дервишском монастыре» в Анатолии (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 329–330).

А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькежё подробно проследили, как «Османская империя, престиж которой чуть не потонул в кро-

вавой драме, разворачивавшейся в Крыму, выправила в конце концов положение, весьма ловко играя на двух традициях наследования» (Восточная Европа, 2009, с. 223). Единственное, что удивляет в их интересной работе на эту тему, так это (позволю себе так сказать) какое-то настырное, заставляющее даже думать не о научной, а о некой личной неприязни, желание уколоть, разоблачить, подать материал иначе, чем это содержится в книге В.Д. Смирнова (хотя фактически они развивают его же мысль). Французские историки пишут: «В.Д. Смирнов, апологет политики русского завоевания», желает доказать, что «Османская империя была основным, если не единственным виновником многочисленных «недоразумений» между Крымом и Москвией, а также окончательного исчезновения ханства». И далее: «власть татарских ханов, согласно выражению Смирнова, цитирующего хроника Хезарфенна», «представлялась только как бы отражением власти турецкого султана, только временным поручением, продолжительность которого зависела от степени благоволения и доверия старшего к своему порученцу». После вышеприведенной цитаты эти авторы делают вывод: «Такая схема полного подчинения может быть применена к ослабленному, переживающему период упадка Крыму в XVII в., но, вне всякого сомнения, не к могущественному государству XVI в., представлявшему собой одну из господствующих держав в Восточной Европе, войска которого приводили в трепет Московию и Польшу, Иран и Священную [Римскую] империю» (Восточная Европа, 2009, с. 221).

Я уже не раз пыталась обратить внимание читателей на то, что говорить о Русском государстве как о великой державе для XVI в. неправомерно. Оно строило свою государственность, но тогда было много альтернативных опасностей, которые вполне могли помешать ему идти по этому пути. Не следует преувеличивать тогдашние возможности Москвы. Она постепенно набиралась сил и изыскивала пути для своего возвышения. То же можно сказать и о приведенном выше тезисе французских авторов в отношении Крымского ханства: употребление в его адрес терминов «могущество» и «господствующая держава» представляет собой явное преувеличение. Что же касается смирновской оценки взаимоотношений Крыма и Османской империи, то французские историки почему-то отно-

сят ее к XVI в., а ведь сам В.Д. Смирнов говорит, опираясь на мнение Х. Хезарфена, автора второй половины XVII в., совсем об ином периоде – именно XVII веке, и их упрек, следовательно, уже поэтому явно некорректен. И еще: прошу читателя подумать, стоит ли объявлять В.Д. Смирнова «апологетом политики русского завоевания» в связи с его утверждением о том, что османское владычество парализовало своим вмешательством «самобытный склад и ход жизни крымского юрта», мешало «образованию в нем правильно организованного государства, население которого могло бы при дальнейших благоприятных исторических обстоятельствах постепенно выйти из прежнего полудикого, варварского состояния и повести жизнь, свойственную культурным народам» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 247; Восточная Европа, 2009, с. 222).

Цитируемая книга В.Д. Смирнова была написана и издана в 1887 г. Именно тогда российский ученый после тщательного изучения крымских архивов и османских источников подготовил серьезное исследование о прекратившем свое существование уже более чем сто лет назад Крымском ханстве, объявив, что оно заслуживает памяти о себе в истории (Смирнов В.Д., там же, с. 26). Да, он был профессором Петербургского университета, одним из представителей официальной университетско-академической российской науки, но в своих работах выступал не как проводник официальной правительственной политики, а как объективный ученый-исследователь. Не историк создал те условия, в которых оказался крымско-татарский народ к концу XIX в., – он их лишь констатирует: «выселение татар и прилив множества колонистов других национальных типов придали новую физиономию Крыму в отношениях поселенческом и экономическом» и выражает озабоченность, «что станет в будущем с той горстью тюркского населения, которая еще осталась теперь в Крыму» (там же, с. 28). Восстанавливая крымско-татарское прошлое, он во многом упрекает османов, но это не значит, что этим он становится «апологетом политики русского завоевания». Более того, он подчеркивает, что «все обиды между народами, живущими по-соседски, бывают взаимными», и «история показывает, что каждый народ чаще бывает мучеником, чем баловнем судьбы» (там же). Османскую политику в отношении Крыма В.Д. Смирнов показы-

вает, опираясь на османские источники, подчеркивая, что его цель – дать «свод тех известий, которые находятся в турецких письменных источниках» и недоступны многим специалистам из-за «необщеприятности и нераспространенности турецкого языка в ученом мире» (там же, с. 29). К сожалению, даже в российском крымоведении к книгам В.Д. Смирнова, как мне представляется, пока не проявлено должного внимания. В зарубежной же историографии они почти неизвестны. Потому-то особенно обидно, что в исследовательском коллективе А. Беннигсена, в котором имелись специалисты, владеющие русским языком как родным, так неуважительно отнеслись к работе своего предшественника.

Уже в первых рецензиях на книгу В.Д. Смирнова (см.: Веселовский Н.И.) было отмечено, что она довольно трудна для восприятия. Действительно, автор много цитирует, поясняет детали, язык его порой довольно тяжел. С книгой надо работать, а не просто читать. Связано это не только с авторской манерой изложения, но и с его стремлением подать материал о народах востока «по их собственным писаниям» (Смирнов В.Д., 2005, с. 28–48). В этом, однако, и состоит особая ценность труда В.Д. Смирнова для вдумчивого читателя. Конечно, в книгах этого ученого есть моменты, требующие уточнения, и гипотезы, опровергнутые вновь выявленными источниками (особенно это касается самого раннего периода крымско-татарской истории). Но до сих пор, к сожалению, более подробного монографического изложения крымской истории османского времени, чем это сделал когда-то В.Д. Смирнов, мы не имеем ни в русской, ни в иной другой крымоведческой историографии. Что касается цитируемого им Хюсейна Хезарфена, то его описание Крымского ханства действительно интересно и мы приводим его в Приложении ко второй главе этой книги, так что читатель может с ним самостоятельно ознакомиться и убедиться, что каких-либо унижающих ханство моментов в нем не содержится.

К сожалению, в недавно выпущенном двухтомном монографическом издании «История Крыма» (М., 2017) снова почти дословно повторяется бенниксеновская критика исследования В.Д. Смирнова (даже цитаты критикуемых положений приводятся по тому первому изданию исследования этого автора, которое было известно

французским его критикам, хотя в самом тексте глав об османском периоде истории Крыма использован смирновский материал со ссылками на переиздание книг 2005 г.). Мне думается, что не следует традиционно повторять своих предшественников, даже столь уважаемых, как французская группа османистов, сумевшая внести большой вклад в изучение крымской истории (об этом см. нашу обзорную рецензию в журнале «Восток»). Исследования В.Д. Смирнова заслуживают более уважительного и внимательного прочтения. Источниковая база их огромна и к настоящему времени не так уж сильно пополнилась. К сожалению, именно ее-то современные российские историки используют недостаточно, хотя им этой публикацией был сделан бесценный подарок – грамотные, точные переводы трудно воспринимаемых в настоящее время даже турецкой молодежью (турецкий язык за XX век очень отошел от османского) текстов османских источников.

И.В. Зайцев в «Истории Крыма» (М., 2017, т. 1, с. 412–416) так пишет о российском восприятии книг В.Д. Смирнова: «Отечественная литература о Крымском ханстве до сих пор находится под сильным, если не сказать тотальным, влиянием выдающегося... исследования Василия Дмитриевича Смирнова. Его концепция о вассалитете и полной подчиненности ханства Османскому государству безраздельно господствует не только в трудах по русско-крымским и русско-османским отношениям, которые написаны специалистами по внешней политике России, но и в отечественной туркологии». Как видим, называя исследование В.Д. Смирнова выдающимся, автор, очевидно, высоко оценивает источниковедческое содержание этой работы, хотя сожалеющее начало этой характеристики ее несколько удивляет. Что касается концепции, то И.В. Зайцева не устраивает мнение В.Д. Смирнова о том, что: «Даже на основании документальных памятников иногда трудно разобраться...и с точностью указать в иных отраслях государственного управления, где дело ограничивалось исключительно авторитетом власти ханской и где этот авторитет опирался еще на другой, высший авторитет власти султанской». Он считает нужным подчеркнуть, что в отношении Крымского ханства мы имеем дело с «самостоятельным политическим организмом», что «крымский хан имел все атрибуты

независимости, принятые в средневековом исламском государственном устройстве: право хутбы (упоминания в пятничной проповеди) и право чеканки монет с собственным именем (сикке)». Да, все это так, но зависимость и подчинение были тоже. Крымский хан и его ханство существовали в рамках османского имперского сообщества, признавая это и считая это выгодным для себя.

Еще одно замечание по поводу критики И.В. Зайцевым смирновской работы. Он пишет об «усвоенном В.Д. Смирновым, а вслед за ним его российскими последователями, пренебрежительном тоне в отношении политического устройства Крыма» и связывает это свое суждение с отмеченным еще Н.И. Веселовским, первым рецензентом работы (1887), фактом, что порой у турецких историков просматривается «стремление унизить татар перед турками, показать, какое великое преимущество имеет султан перед крымским ханом». Что ж, высокомерие и имперские амбиции у османских властей, очевидно, действительно были. В приводимых документах встречается и критика, и недовольство, а временами и восхищение татарской удалью и воинственностью, но почему в этом надо обвинять В.Д. Смирнова? Будучи редактором переиздания книг Василия Дмитриевича, осуществленного в 2005 г., я внимательно прочитала его работы, а потому могу засвидетельствовать, что в них встречаются цитаты из сочинений турецких авторов с негативными отзывами о крымцах, но их очень немного и поданы они вполне корректно. О самом же В.Д. Смирнове повторю здесь то, что я уже писала в предисловии к переизданию его книг: в период российской реакции, во время активности религиозно-нетерпимого Победоносцева было подготовлено серьезное исследование о прекратившем уже тогда свое существование Крымском ханстве, были изучены крымские архивы, османские источники об этом государстве, объективно излагалась его история. Это явление подлинной науки и гражданского мужества. Оно отражало уровень тогдашних знаний о Крыме и Османской империи. Уровень этот был довольно высок и, к сожалению, в настоящее время, хотя и пополнен отдельными деталями, источниками, размышлениями, но пока еще не превзойден.

Иначе подают свое мнение о значении работ В.Д. Смирнова для современной крымской историографии Д.А. Мустафина

и И.А. Мустакимов в своем историографическом обзоре проблемы, опубликованном в том же 2017 г. Они пишут: «К концу 70-х годов прошлого века в отечественной историографии межгосударственных контактов в Восточной Европе XV–XVII вв. получили развитие посылы и выводы, содержащиеся в сочинении В.Д. Смирнова. Они стали основой для признания как полной зависимости Крымского ханства от Османской империи, представляемого слепым и послушным орудием султана, так и самостоятельности Крымского ханства в проведении внешней политики в постордынском пространстве» (2017, с. 1456). Действительно, источниковые материалы, приводимые В.Д. Смирновым, разноплановы, и выводы из них делают те исследователи, которые их используют. Хотя подчеркну, что представление о крымских ханах как о «слепом и послушном орудии султана» все-таки принадлежит не В.Д. Смирнову, а его апологетам.

Значение трудов В.Д. Смирнова как базового материала для развития российского крымоведения отметил и А.А. Непомнящий в своей статье «Начало научного этапа разработки источников по истории Крымского ханства» (Золотоордынское обозрение, 2015, № 13).

Вернемся, однако, к крымской истории. Сыновья Девлет-Гирея, борясь за ханскую власть и против османского самоуправства, прибегли к помощи внешних сил. В Крыму им помогали ногаи (причем как из Большой, так и Малой орд, противостоявших друг другу), кумыки Дагестана (так называемые «люди Шамхала»), черкесы и даже донские казаки, о которых французские исследователи пишут, что для них «это был один из первых выходов на историческую сцену», который к тому же служил показателем того, «какое малое значение имели религиозные различия в ту эпоху» (Восточная Европа, с. 221–228).

Порта, утвердив на ханском престоле представителя старшего поколения Гиреев – Ислам-Гирея, давно покинувшего Крым и воспитанного в османской среде, поддержала его османскими войсками, прибывшими в Крым на галерах под командованием капудан-паши. Его воцарение, однако, не прошло мирно. Описание

этих событий содержится в султанском послании хану, приводимом нами в Приложении.

Три сына Девлет-Гирея: Саадет, Мурад и Сафа после утверждения на крымском престоле Ислам-Гирея бежали из Крыма и пытались найти поддержку своих притязаний на власть у ногайских орд, в Дагестане и в России. Внутри ханства их поддерживала часть местной знати, недовольная усиливавшимся контролем Порты над ханством и ее бесцеремонным вмешательством в процедуру назначения нового хана (подробно см.: Восточная Европа, 2009, с. 225–229).

Правительство царствовавшего в это время в России Федора Иоанновича в сложившейся ситуации попыталось действовать разнотупаново, разрабатывая сразу несколько вариантов своего поведения, на первый взгляд противоречащих друг другу. Оно заявляло о своих намерениях организовать поход на Крым, в котором вместе с русскими войсками и мятежными ханычами должны были принять участие и другие недовольные османским произволом в отношении ханства восточные правители. Известно, что благостные перспективы такого похода российские послы, предлагавшие Речи Посполитой после смерти Стефана Батория (декабрь 1586 г.) кандидатуру Федора (или его брата Дмитрия) на польский престол, рисовали перед выборщиками короля: «Саадет-Гирей взойдет на крымский трон, вечный мир воцарится между Россией, Польско-Литовским княжеством и ханством, ...[крымский] хан, верноподданный Москвы, наведет порядок в ногайских ордах» (цит. по Кушева Е.Н., 1963, с. 263; Восточная Европа, 2009, с. 232). Более того, Москва выдвинула тогда грандиозный план антиосманской коалиции европейских держав, предлагая свое активное военное и финансовое участие в ней (подробнее см.: Флоря Б.Н., 1972, с. 254–277). Однако после неудачи в Ливонской войне и побед Стефана Батория, одержанных в последние ее годы, в условиях известного соседям послевоенного и опричного разорения и при ограниченных этим финансовых возможностях Московского государства все эти планы, касающиеся и кандидатуры на польский трон, и судеб крымского престола, и совместной с европейскими странами антитурецкой борьбы были восприняты адресатами как невыгодные и нереаль-

ные. Международный престиж России тогда сильно упал, да и царь Федор считался малоспособным к успешной государственной деятельности. Обстановка, следовательно, не способствовала этой российской внешнеполитической инициативе.

Уже в 1587 г. в связи с переходом на османскую сторону дагестанского шамхала (вначале поддержавшего крымских мятежников) начался распад намечавшейся было антиханской восточной коалиции. Действия московских властей в этот момент очень примечательны. Они надеялись усмирить взбунтовавшихся ногаев, передав их в руки крымского ханыча. Что-то похожее просматривается и в российских расчетах на Астрахань, предоставленную тогда в качестве базы Мурад-Гирею, откуда его также пытались использовать для привлечения на русскую сторону не только ногаев, но и шамхала и других кавказских владетелей. Усилия по созданию коалиции для борьбы против османского ставленника в Крыму прилагало тогда и иранское государство, традиционный восточный противник Османской империи. Иранские посольства ездили в Москву и к мятежным ханычам. Было и ответное русское посольство, ведшее переговоры с только что вступившим тогда на престол шахом Аббасом (1586–1628) (об этом подробнее см.: Кушева Е. Н., 1963; Новосельцев А. А., 1961; Бушев П. П., 1976).

Надежды Москвы вначале были связаны с верховенством старшего ханыча Саадета, потом переключились на Мурад-Гирея и состояли в том, чтобы «из Астрахани идти ему промышлять под Крым, а взем Крым, сести ему в Крыму царем, а служить ему царю и великому князю» (цит. по: Новосельский А. А., 1948, с. 35). Как мы видим, планы были сродни тем, которые в свое время реализовывал в отношении Казани Иван III. Такими же методами действовали не раз и крымские ханы в отношении той же Казани, сажая там своих ставленников. Поддерживать соперников в династийных распрях – это обычный метод отношений между враждующими государствами в период средневековья. Естественный вывод из всех этих действий тот, что Москва не стремилась к ликвидации самого ханства, а лишь надеялась на доброжелательное и выгодное для себя сотрудничество (так же как и Девлет-Гирей в отношении Москвы после 1571 г. Правда, в московском случае были территориальные претензии

в отношении Поволжья, а в тогдашних крымско-кавказских планах Москвы и этого не было). Бытующий в историографии тезис, что конечной целью операции было «объединение (собрание) всего улуса Бату в пользу Московии», нам представляется нереальным вообще, а к этому времени и уже абсолютно изжившим себя. Время Золотой Орды ушло и бытовало стремление не к ее восстановлению, а к выстраиванию взаимовыгодных межгосударственных отношений между уже возникшими в регионе государственными образованиями. Говорить о желании России ликвидировать Крымское ханство также еще рано. Перед этими странами стояли иные задачи. Ни Крым, ни Россия не жили прошлым. Они строили свои собственные государства и искали формы новых межгосударственных отношений с соседями. Думается, и историкам надо анализировать тогдашнюю объективную реальность, а не вспоминать ее предысторию или «предсказывать» будущее. Кстати, напомним, что и османо-крымская дипломатия в своих претензиях на Казань и Астрахань ссылалась не столько на ордынское прошлое, сколько на свое мусульманское единство с местным населением. В этот период страны Восточной Европы стремились прежде всего к стабильности, необходимой всем им для их собственного государственного становления.

Поиски возможностей использовать с выгодой для себя беглых крымских царевичей не исключили, однако, того, что в январе 1587 г. из Москвы в Крым было отправлено посольство Ивана Судакора (опытного дипломата, уже бывавшего в Крыму) с новыми российскими мирными предложениями. В Крыму русский посол оказался в трудной ситуации. Уже после первых контактов с крымской знатью ему было сообщено об Ислам-Гирее, что «весь Крымский юрт Царя не любит». Послу пришлось столкнуться еще и с тем, что вокруг хана появились новые люди, что сразу же спровоцировало скандал: у посла для них не оказалось достаточных подарков. Пришлось оправдываться: «про те карачеи у царя и у вас у ближних людей я не слыхал и при царе я их не видел, потому их государева жалования со мной не прислано и похочет царь быти з государем нашим в дружбе и в братстве и покажет царь брату своему государю нашему свою правду и дружбу и государь наш тем карачеям и жалованье свое пришлет з большими послы» (Статейный список.

ИТУАК, № 14, 1891, с. 55). Об отношениях же российского государя с беглыми царевичами посол заявлял следующее: они «государю нашему бьют челом и просят того, чтобы им мстить отца своего недружбу; и государь наш того не слушает и их не отпустит, а держит их в своей руке крепко, а не хочет почать некоторою недружбою, а хочет быти с Ислам-Гиреем царем в дружбе». И еще: «... Царевичи государю нашему не нужны... сами они на государя нашего имя приехали и их для государь наш з братом своим с Ислам-Гиреем царем некоторые недружбы чинить не хочет» (там же, с. 55, 60). Послу не очень верили, так как и из Астрахани, и от прибывших тогда в Крым польских гонцов шли сообщения, что московский царь дает беглым ханычам стрельцов и казаков «с вогненным боем», готовя их идти в Крым войною. Поляки же сообщали о московском предложении, «чтобы взяли у московского государя брата царевича Дмитрия на королевство и на крымского царя станем стояти заодно и мы у московского государя брата взятии на королевство не хотим и миритца с московским государем и на тебя стояти заодно не хотим, а хотим быти в турецкого салтана воле и с тобой с Ислам Гиреем царем хотим на Московского государя стояти за один» (там же, с. 58, 61). Все это вызывало недоверие к тем московским предложениям о мире, с которыми приехал И. Судаков, и ханские упреки: «Государь московский со мною ссылается, а надо мною с моими недруги умышляет» (там же, с. 59).

В это время в Стамбуле опять заговорили о возможности начать новый поход на Астрахань, что стало бы наказанием и мятежным крымским ханычам, которые в своих поисках союзников дестабилизировали положение на традиционно проосманском северо-восточном Кавказе и способствовали привлечению в этот район России. К такому походу, как и в 1569 г., побуждал османские власти хан Бухары и Самарканда Абдулла, союзник османов в их борьбе с Сефевидами. Вместе с новыми посланцами Абдуллы в Стамбул в 1587 г. прибыли и послы ногайского бия Уруса, жаждущего османской помощи для освобождения ногаев от российского подчинения. Любопытны объяснения Уруса по поводу своего тогдашнего, зависимого от Москвы положения: он просил султана, чтобы тот ему «не пенял, что он учинился в государя московского воле: чья будет

Астрахань, и Волга, и Яик, того будет вся Ногайская орда» (там же, с. 62–63; Новосельский А. А., 1948, с. 35).

К этому времени османские власти лучше, чем в 1569 г., знали обстановку в регионе, да и сама расстановка сил была иной. Идею похода поддерживал и хан Ислам-Гирей. Побуждающим мотивом для него было участие крымских ханычей в московских антикрымских планах, чему он стремился всячески воспрепятствовать, поскольку это грозило его личной власти. Хан был готов воевать, просил лишь османской защиты полуострова на период своего отсутствия. Договорились, что четыре или пять османских галер будут курсировать вдоль берегов Крыма и в случае опасности примут участие в его обороне. Напомним, что Девлет-Гирей в свое время отказался от введения османских войск на полуостров на время его отсутствия в связи с участием в астраханской экспедиции. При Ислам-Гирее положение было иным. Этот хан воспринимал себя прежде всего османским ставленником и каких-то опасений с этой стороны не испытывал. Опасность ему могла грозить от племянников-ханычей, претендовавших на занимаемый им пост. Отсюда его личная заинтересованность в походе. Новым была и инициатива Уруса, обещавшего активное участие в экспедиции Большой ногайской Орды. Был у османов и командующий, знакомый с обстановкой. Это Пияле-паша, который за шесть лет до этого, будучи беем захваченного османами Дербента (Демиркапы), был отправлен в помощь Абдулле с османскими артиллеристами и артиллерийскими снарядами. Тогда он обогнул Каспийское море с юга, а теперь вернулся в Стамбул северным путем вместе с послами, присланными призвать Порту быть активнее в войне с Сефевидами и начать новую борьбу за Астрахань.

В связи с этими призывами в султанском окружении снова заговорили о необходимости обеспечить безопасность дороги через Демиркапы и даже о канале между Волгой и Доном. Были заново изучены все документы, касающиеся прошлого похода. Снова, и более жестко, заговорили о вине Девлет-Гирея в неудаче 1569 г. Прозвучало даже мнение, что именно он «провалил дело» (Судаков И., Статейный список, с. 62, 66–87; Восточная Европа, 2009, с. 204).

При подготовке новой астраханской экспедиции султан отправил приказ об участии в ней не только хану, но и отдельно ширин-

скому бею. Очевидно, при всей расположенности к этому своему ставленнику османские власти все-таки не были уверены в твердости его властных позиций в ханстве и в нужный момент попытались поддержать его таким своим распоряжением. И что знаменательно, ширинскому бею предлагалось после похода: «Вы сделаете правдивый доклад моему Блистательному Порогу о том, что воспоследствовало из уместных суждений и [достойных] намерений вышеозначенного хана» (Восточная Европа, 2009, с. 205). Контроль (а можно это назвать слежкой или внутренним шпионажем) Порты, как видим, присутствовал даже в отношении действий и поведения самых преданных ее вассалов.

Поход к Астрахани, как известно, не состоялся. Некоторые современники, а за ними и отдельные исследователи полагают, что, возможно, за османскими воинственными заявлениями и даже некоторыми приготовлениями к нему и не стояли действительные намерения, возможности и даже желание начать военные действия в этом направлении. Но главной причиной отмены похода все-таки, очевидно, были события на иранском фронте, потребовавшие и от османов, и от Бухары большого напряжения сил.

В сентябре 1587 г. расстановка сил в кавказском регионе изменилась. К союзу с османами вернулось дагестанское шамхальство, владения которого в это время простирались от берегов Терека до Дербента. Стратегически это были ключевые позиции для османо-ирано-российских отношений. Традиционно дагестанцы были мусульманами-суннитами, что сближало их с Османской империей и Крымским ханством. В период крымской смуты они выступили на стороне мятежных ханычей и поддержавшей их Москвы, т. е. оказались противниками османов (Белокуров С.А., 1889, с. 31; Кушева Е.Н., 1963, с. 263). Это, однако, продлилось недолго. Известно, что уже 5 сентября 1587 г. султан в своем приказе воевавшему в Ширване великому везиру Джафер-паше констатировал, что тот «благодаря своему уму и верности своего суждения убедил глав Дагестана, Табасарана, Кайтака и Кумука подчиниться» Порте (Восточная Европа, 2009, с. 237). В последующие годы, опираясь на дружеский Дагестан, османские войска сумели завоевать весь Ширван и выйти к берегам Каспийского моря. Шах Аббас, теснимый осма-

нами, а со стороны Хорасана ханом Бухары Абдуллой (активизация этих его военных действий началась весной 1587 г., т. е. именно тогда, когда будто бы планировался поход на Астрахань), пошел на значительные территориальные уступки. Позднее по мирному соглашению 1590 г. все Закавказье и южный Азербайджан вошли в состав Османской империи. На Каспийском море началось строительство турецкого морского флота. Появление морского пути в Среднюю Азию сделало неактуальным как для османов, так и для узбекских княжеств борьбу за Астрахань и северные отроги Шелкового пути.

Исходя из вышеизложенного, можно согласиться с мнением цитируемых уже не раз нами французских исследователей, что предполагаемым походом на Астрахань Порты лишь «навела на Москву угрозу», желая тем поддержать позиции хана в борьбе с мятежными ханычами (Восточная Европа, 2009, с. 238). Еще более определенно писал об этом в свое время С.М. Соловьев, считая, что речь тогда шла скорее о торге, а не о реальном проекте (Соловьев С.М., 1989, кн. VI). Какими бы ни были первоначальные намерения османских властей, факт остается фактом: подготовка к походу была свернута, а в 1588 г. он был окончательно отменен.

Вожди Большой ногайской Орды также оказались не в состоянии двинуться на Астрахань, хотя, как пишут А. Беннигсен и М. Бериндей, планировавшийся поход был наиболее важен именно для ногаев этой Орды, «для других протагонистов он был лишь второстепенным». Ногаи, однако, оказались «нейтрализованными» затяжным кровавым конфликтом с Малой Ордой, более тесно связанной с Крымом. Борьба этих племенных образований привела к тому, что к 1590-м гг. они перестают представлять из себя для соседей грозную военную силу (Восточная Европа, с. 212–213, 241; Подробнее см.: Трепавлов В.В., 2001, 2005).

Россия после окончания Ливонской войны приступила к более активному освоению поволжского региона. Шло планомерное подавление еще продолжавшихся восстаний местного населения, усиливался нажим на ногаев, во многом способствовавших разжиганию волнений «казанских людей» (Новосельский А.А., 1948, с. 34–43). Строились крепости – Козмодемьянский острог, Санчурс, Самара, Уфа, Царицын, Саратов (там же; а также Перетяткович Г.И., 1882

и др.). В 1588 г. был построен Терский городок. В 90-е гг. восстановлен город на Сунже, т. е. в этом районе снова обозначились российские рубежи. И это были теперь не просто казацкие поселения, а укрепления, имеющие постоянные гарнизоны российских войск. Как уже говорилось, Астрахань была предоставлена Мурад-Гирею, откуда он вел переговоры со своими возможными союзниками в борьбе за крымский престол. Тогдашнее российское поведение в этом районе хорошо определил С.А. Белокуров: «Утверждение в устьях Волги ... открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Предкавказье; князья их ссорились друг с другом, терпели от Крымцев и потому как скоро увидели у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые с предложением подданства, и таким образом незаметно волей-неволей затягивали Московское государство все далее и далее на Восток, на Кавказ и за него» (Белокуров С.А., 1889, с. XXIX).

Тогдашние надежды российских властей утвердить свои позиции на северном Кавказе рухнули после того, как шамхал вернулся к своей традиционной дружбе с османами. Не нужны стали и ханские сыновья, в поведении которых стали проявляться элементы ненадежности и собственные амбиции. Двое из них погибли при малоясных обстоятельствах, а один возвратился в Крым.

В 1594 и 1604–1605 гг. русские воеводы, поддерживая кабардинских князей, боровшихся за верховенство в кавказском регионе с дагестанскими шамхалами и, возможно, надеясь установить более тесные связи с христианскими грузинскими княжествами, предприняли два похода вглубь Дагестана, который имел тесные связи с находившейся тогда под властью османов провинцией Ширван, но не вошел в ее состав и оставался независимым (Бушев П.П., 1976, с. 164, 391–398). Походы окончились для русских жестоким поражением (Шмелев А.С., 1992). После этого Россия более чем полтора столетия не предпринимала каких-либо попыток дальнейшего продвижения вглубь Кавказа, отказавшись даже от освоенных ранее позиций на Тереке.

Предкавказье в то время было тем районом, где османские территории (причем именно имперские, а не территории османских

пограничных вассалов) соприкоснулись с российскими и где их размежевание могло привести к военным конфликтам уже не с Крымом, а самой империей. Однако полученные от Сефевидов прикаспийско-закавказские районы османы недолго удерживали в своей власти. Там уже в самом начале второго этапа «трехфазовой» войны были снова восстановлены власть и влияние Ирана, считавшегося дружественным России. Западное же Предкавказье продолжало оставаться османо-российским пограничьем.

В XVII в. некоторые адыгские, дагестанские и иные кавказские правители неоднократно пытались прибегнуть к покровительству России, заявляя даже о своем желании принять ее подданство. Это, однако, не означало стремления к какому-то переделу сфер влияния. Шертные (дружеские, союзные) грамоты местных владетелей означали лишь временные связи и не влекли за собой отказа от вассальных отношений с другими государствами и правителями. Россия к этому времени сумела осознать суть этих отношений. Двойной, а то и тройной (в том числе и крымский) вассалитет приграничных племен, начинавший складываться в изучаемое нами время, позднее более чем столетие устраивал и ее, и Османскую империю. Обе стороны не претендовали тогда в этом регионе на какое-то более жесткое разграничение.

Мы уже писали, что адыгские племена западного Кавказа были взяты под османский контроль еще в период включения Крыма в османский мир, т. е. в 1475–1479 гг. Здесь были османские крепости. Отдельные местные племена были подчинены кафинскому паше, другие же считались находящимися под покровительством Крымских ханов. Однако проехавший по этому региону во второй половине XVII в. османский путешественник Эвлия Челеби даже тогда называл их «покорными с виду мятежниками» (Эвлия Челеби, 1979, с. 26). Разные формы подчинения и обязательств вождей этих племен перед властями, их личных контактов, участия в общих военных набегах, поставки рабов и аталычество – все это усиливало рознь между племенами и помогало сюзеренам ими манипулировать. Большинство из этих племен считались мусульманами. Однако даже во второй половине XVIII в. османский чиновник Джаник-ли Али-паша, командированный центральным прави-

тельством в этот район, в своем рапорте доносил: «Среди черкесов мусульман немного, но все остальные по своей природе близки к исламу» (Бэрэдж Н., 1996, с. 50). Главными опорными пунктами османов на северо-западном Кавказе считались Тамань, Темрюк и Кызылташ. Это были небольшие крепости с малочисленными гарнизонами, предназначенные не столько для обороны от врагов, сколько для присмотра за приграничными вассалами. Еще Гедик Ахмед-паша, руководивший в 1475–1476 гг. военными действиями в Крыму и на Северном Кавказе, приказал ликвидировать многие крепости в этом районе. Ненужной, например, была объявлена крепость Анапа, мощные укрепления которой сохранились, но стали использоваться лишь в XVIII в. (о сохранности этой крепости см. Эвлия Челеби, 1972, с. 42–52). Османские власти воспринимали этот пограничный район как безопасный, спокойный и в силу своей удаленности от основных имперских территорий не требующий каких-либо усилий для организации обороны. Именно поэтому в начале казацкие набеги, а позднее строительство русских крепостей вызвало у империи решительные протесты. Отступление русских успокоило османские власти. Северо-Западный Кавказ под османским владычеством так и оставался далекой периферией, не ждущей вмешательства властей, экономически, социально и даже идеологически плохо освоенной османским миром. Вторжение ногаев, вынужденных покинуть Поволжье, а позднее казацкие набеги нарушали спокойствие региона. Власти, однако, не были активными помощниками местным жителям. Это было глухое далекое пограничье, до каких-либо преобразований в котором у империи явно не доходили руки. Собственных османских стремлений в Поволжье или далее в Среднюю Азию не наблюдалось. С 1592 г. Черное море было полностью закрыто для плавания иностранных судов (İnalçık H., 1973, 1996). Это способствовало повороту в экономическом и политическом развитии всего Причерноморья, в том числе северокавказских районов и Крымского ханства, к более тесному сотрудничеству с внутренними районами Османской империи, а внешнюю торговлю региона стало ориентировать на Центральную и Восточную Европу (İnalçık H., 1973; Alexandrescu-Dersca M., 1957; Орешкова С. Ф., 2005).

Пока Ислам-Гирей был занят упрочением своих ханских позиций, борьбой с племянниками и планировал свое участие в Астраханском походе, на западных границах ханства происходили большие изменения, потребовавшие в конце концов его непосредственного внимания.

Уже с 50-х годов XVI в. запорожское казачество и часть украинских пограничных магнатов принимали активное участие в ответных набегах на Крымское ханство и пограничные осmano-татарские поселения, концентрировавшиеся вокруг османских крепостей северо-западного Причерноморья. Мы цитировали султанские письма 60-х гг., в которых польско-литовские власти предупреждались о проходе османских войск к Астрахани и выдвигалось требование о недопустимости в отношении их каких-либо враждебных действий со стороны пограничного казачества. Еще более беспокойно стало в этом районе в 70-е гг., когда запорожцы (в тогдашних турецких документах их обычно называют литовские казаки) не раз громили крепости Аккерман, Очаков, Ислам-Кирмен, нападали на крымские улусы за «Перекопью», а, бывало, вторгались и на сам полуостров. Донесения из тех мест переполнены сообщениями: «приходили казаки з Днепра на улусы на крымские. А воевали три дни, а взяли семь сот изб, татар секли, а жонок и робят в полон имали». И еще: «посады пожгли и людей побили и поймали. Которого добра не могли с собой взять, и они, покладчи в копны, пожгли»; «...приходил под Белгород пан Язловский... да к Очакову луку... улусы воевал и людей многих побил, а иных живых поймал да взяли семнатцать тысячь лошадей». Любопытно, что такие свидетельства обо всех этих событиях, содержащиеся в Посольских книгах, сопровождались и некоторыми сведениями о дальнейшей судьбе захваченных казаками полоняников: «Ходите деи вы на улусы на крымские и емлете языки многие, и вы деи их продаете назад в Крым».

Положение в этом пограничье постепенно все более и более начинало волновать и стамбульские власти. Сменивший Селима II на османском престоле Мурад III (1574–1595) уже в начале своего правления (в мае 1575 г.) прислал в Крым чауша с распоряжением «итти на литовского. А писал ему турской царь в грамоте, что: Сказывают деи тебе великая шкода чиница на Днепре на перевозе

от литовских казаков, и яз деи к тебе пришло на катарх многих янычан усть Молочных Вод, как станешь возитца. И царь крымской писал к турецкому царю, что ему идти на литовского не на чем, – что кони опали, и голод в Крыме великой. Потому на весне и не пошли в Литву». Позднее Девлет-Гирей сумел, однако, собрать силы, и его сыновья на протяжении всей следующей зимы стояли в обороне «на заставе у Молочных вод на Днепре» (см. все приведенные выше сведения о положении на западных рубежах ханства в Посольской книге, XIV, с. 201–207).

Пока длилось так называемое первое польское «бескорольевье» и были надежды на избрание Ивана IV или его сына Федора на престол Речи Посполитой, казацкая активность в западном направлении (против османов и польско-молдавских земель) поддерживалась российскими властями. Были установлены связи Москвы с антитурецкой оппозицией в Молдавии (см.: Османская империя и страны, 1984). Когда же первое «Бескорольевье» завершилось победой той группировки, которая считала нужным сохранить дружеские отношения с Османской империей и направить все силы на борьбу с Россией, правительство Ивана Грозного устранилось от этой поддержки и перенесло свое основное внимание на Прибалтику, где в 1577 г. русской армией были достигнуты значительные успехи. С Крымом же, как мы уже говорили ранее, в 1577–1578 гг. была предпринята еще одна попытка обменяться взаимными шертными грамотами, обещавшими установление мирных отношений.

К этому времени (к 1577–1578 гг.) запорожские рейды в Молдавию становятся все больше и больше связанными с событиями в Центральной Европе, т. е. с иной геополитической зоной, в которую все активнее начало вовлекаться и Крымское ханство (Подробнее см.: Флоря Б. Н., 1972, 1975; Мохов Н. А., 1957).

Желание Речи Посполитой видеть в Османской империи постоянный противовес австрийским Габсбургам и тем получить возможность установления собственного влияния в Дунайских княжествах побуждало это государство вплоть до конца XVII в. уклоняться от активного участия в европейских антиосманских лигах и действенной борьбы против крымско-татарских грабительских походов на украинские земли. Второе «бескорольевье» в Польше (1586–1588)

вновь завершилось выбором кандидата, настроенного антирусски и проосмански, шведского ставленника Сигизмунда Вазы, правление которого ознаменовалось активным вмешательством в российские дела в период так называемой «смуты».

Для крымского хана Ислам-Гирея его отклик на запорожско-молдавские события оказался трагичным. Вторжение крымских войск в Молдавию, предпринятое с целью наказания действовавших там запорожских казаков, вызвало недовольство султана, так как коснулось области другого имперского вассала. Хан выполнил султанский приказ о возвращении захваченных в Молдавии добычи и пленных. А кроме того, «чтобы умиловить султана, он, как считают многие историки, добровольно распорядился в своих владениях произносить в хутбе свое имя после имени султана» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 331; Беннигсен А., Лемерсье-Келькежé Ш., 1972, 2009, с. 238). Для «хана из дервишей», как именует его В.Д. Смирнов, это было естественным порывом так загладить свою провинность перед центром и продемонстрировать свое полное подчинение. Однако нет убедительных доказательств, действительно ли между этими событиями была такая причинно-следственная связь. Возможно, отказ от первенства в хутбе был не спонтанным действием испугавшегося османского недовольства хана, а мероприятием, заранее спланированным имперскими властями, послушным исполнителем воли которых Ислам-Гирей был на всем протяжении своего ханствования. Суть же состоит в том, что именно с этого времени крымские ханы утрачивают одно из главных своих преимуществ в османской табели о рангах, подчеркивавшее их чингизидское достоинство и выделявшее их из других османских провинциальных правителей.

Ислам-Гирей умер в том же 1588 г., т.е. почти сразу после того, когда был совершен этот его печально знаменитый Молдавский поход. На его место Портой был назначен Гази-Гирей II (1588–1608), человек энергичный, ловкий и опытный, удачно бежавший в свое время из иранского плена, прошедший несколько лет при султанине Мураде III и сумевший добиться его благорасположения. Этим назначением османские власти демонстративно нарушали крымские традиции, так как Гази-Гирей не был ни старшим в роде,

ни сыном почившего хана. Для крымского общества такое назначение требовало особых разъяснений, что и было сделано специальным письмом султана, адресованным крымской знати (письмо помещено в приложении к этой главе). Как подчеркивают А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькежé: «Насколько нам известно, это был первый раз, когда османский падишах обращался напрямую к главам татарских кланов по поводу возведения на трон нового хана, признавая, таким образом, существование в Крымском ханстве настоящего двоевластия, разделения власти между ханом-Гиреем и четырьмя карачи, представлявшими знать» (Восточная Европа, 2009, с. 241). К этой оценке можно еще добавить то, что прецедент такого назначения означал присвоение себе имперскими властями права смещения крымских правителей, исходя не из традиций того или иного права наследования, а лишь опираясь на интересы империи. Гиреев среди проживавших на имперских территориях татарских «заложников» (об условности в использовании этого термина по отношению к проживавшим у османов представителям крымской знати мы уже говорили) было достаточно, и османские власти сами стали выбирать нужного им претендента на этот пост. Противоречия же среди местной знати своих пограничных вассалов османы повсеместно активно использовали для поддержания социальной нестабильности, позволяющей им вершить верховное управление далекими от имперского центра территориями. Как-то сглаживать такие противоречия было не в их интересах. Все это подтверждает, что, как отметил турецкий историк И. Ортайлы, для османского государственного аппарата было характерно «блистательное владение приемами бюрократического манипулирования» (Ortaylı İ., 1990). Это-то и позволяло империи долгие годы сохранять свою власть в самых сложных ситуациях.

Гази-Гирей сумел навести порядок в ханстве и вернуть в страну большую часть эмигрантов-оппозиционеров. Во внешнеполитическом плане этот хан, вошедший в историю с прозвищем Бора – Буря (А. Гайворонский пояснил, что так называют в Крыму лютый зимний буран, считающийся на черноморских берегах настоящим стихийным бедствием – Гайворонский А., 2010, с. 275), был очень активен и быстр в своих решениях, но направленность

его активности, как и политика его османского сюзерена, в это время оказались иной, чем у их предшественников.

Османская империя, завершив в 1590 г. войну с Ираном, попыталась продолжить свою завоевательную политику в Европе, где новые территориальные приобретения, как надеялись османские власти, помогут утолить земельный голод сипахийских слоев османского общества. Началась так называемая Долгая война (1593–1606) за венгерские земли.

Противники османов, австрийские Габсбурги, правили тогда, как избираемые короли, также Чехией и Венгрией, а с 1556 г. занимали и трон императоров «Священной Римской империи германской нации». Хотя австрийская ветвь династии Габсбургов отделилась к этому времени от испанской, стратегию в отношении Османской империи продолжал вырабатывать центральный для всех владений Габсбургов Придворный военный совет, который высказался тогда за оборонительную политику. Политическая и экономическая раздробленность Германской империи, конфронтация Филиппа II с Англией (недавно – в 1588 г., напомним, произошла гибель знаменитой «Великой армады»), поддержка Испанией католиков в гражданской войне во Франции – все это отвлекало крупнейшие государства Центральной и Западной Европы от организации общеевропейского сопротивления османской агрессии. Деньги на борьбу с османами выделялись, но не в том размере, как бы хотелось австрийскому командованию. Папа Клемент VIII, желая укрепить создаваемую им антиосманскую Священную лигу, особенно активно пытался привлечь на свою сторону подвластные османам Дунайские княжества, а также запорожское казачество, прославившееся к этому времени, как мы уже говорили, своими набегами на османские владения. Велись переговоры с Речью Посполитой, которая, правда, так и не решилась порвать дружеские отношения с Портой, но активно действовала в боровшейся против османской власти Молдавии, надеясь укрепить там свои собственные позиции.

Войну развязала Османская империя. Наиболее удачным для османов военным эпизодом первого этапа этой войны был поход к Эгри (Эгер, Эрлау), важному стратегическому пункту, контроли-

рующему пути из Венгрии в Трансильванию (см.: Schmidt J., 1985). Поход этот лично возглавил вступивший на престол в 1595 г. султан Мехмед III, что говорит об особом значении, которое придавало ему османское командование (перед этим султаны не возглавляли военных экспедиций со времен Сулеймана Кануни). Взяв Эгер, османы расширили северо-восточные границы своих земель, создав позднее в этом районе новый эялет. Вообще же военные действия с османской стороны шли довольно вяло. Летом османские силы захватывали крепости, зимой их теряли. В пограничных вассальных княжествах Валахии и Трансильвании с 1594 г. шли антиосманские восстания. В Молдавии орудовали польские отряды, которым удалось посадить на молдавский престол своего ставленника Иеремию Могилу. Крымские войска вначале были использованы именно в Молдавии, но позднее по распоряжению османского командования, пошедшего на временные уступки Польше, чтобы не допустить ее вхождения в Священную лигу, перешли на территорию Венгрии. Трансильванским венграм активно помогали запорожцы. В османских войсках и в столице нарастало недовольство, вызванное неоднократными воинскими неудачами, задержками в выплатах жалования и частой сменой командования (см.: Петросян И. Е., 2019, с. 391–427).

В октябре 1596 г. на правом берегу Тисы у города Керестеш наконец-то состоялось генеральное сражение (подробнее о военных действиях и обстановке в Центральной Европе см.: Loebl A., 1899, Bd 1; Османская империя и страны... в XVII в., с. 29–35). Османы одержали победу, но досталась она им очень непросто. После тяжелого сражения командование провело проверку (йоклама) наличного состава тимарной кавалерии. Было выявлено массовое уклонение от участия в сражении многих тимариотов. За невыполнение военных обязательств у 30 тысяч тимариотов было предписано изъять тимары, а их самих казнить. Некоторых дезертиров, поймав, действительно казнили. После этого огромная масса лишенных своих тимаров воинов самовольно устремилась в Анатолию. Там и раньше было много не имевших официального статуса воинов, служивших у отдельных пашей или занимавшихся грабежом. Теперь же их ряды пополнились, а настрой стал более антиправительственным.

По сути дела, эта массовая правительственная акция по изъятию тимаров должна была ликвидировать или, по крайней мере, персонально обновить весь состав сипахийско-тимариотского войска. Необходимость такого обновления назрела. Эта часть османской армии не вписывалась в тогдашние, новые по тому времени, условия ведения войны и явно теряла свое значение. Кавалерийский состав армии (а именно он и составлял контингент сипахийского ополчения) мог вести военные действия лишь в теплое время года. Пути, по которым собиралась армия, были четко расписаны и для Анатолии, и для Румелии, средняя скорость их продвижения тоже. Отряды из различных санджаков прибывали к местечку Давуд-паша под Стамбулом, где проходили традиционные смотры войск, идущих на войну в Европе. Далее же путь от Стамбула до австро-венгерской границы армия преодолевала не менее чем за 100 дней. Следовательно, тимарные войска в Венгрии действовали тогда на пределе своих оперативных возможностей. Естественно, появлялись опаздывавшие и задерживавшиеся. Полностью вооруженные силы империи собирались в районе войны лишь к концу того сезона, когда кавалерия могла вести военные действия (подробные подсчеты возможностей продвижения османской армии см.: P. Coles, 1968). Для продолжения завоеваний в столь отдаленных районах репрессивно-дисциплинарных мер было недостаточно. Нужны были более серьезные изменения в армейских структурах, тактике и традициях.

В печально знаменитую кампанию 1596 г., когда были применены карательные меры против тимариотских отрядов, основные силы османской армии собрались лишь к середине октября. Фактически репрессии против них и явились попыткой начала их коренной реорганизации, которая ударила прежде всего по Анатолии. В европейской части империи тимариотам приходилось преодолевать меньшие расстояния, да и сам тимарный земельный фонд был более подвижен в результате постоянного приращения новых территорий. Добавки к тимарам за военные заслуги европейским тимариотам получить было легче. В Анатолии же эта грубая реорганизация резко нарушила социальную стабильность. Нельзя забывать о том, что лишавшиеся своих наделов тимариоты были не просто воинами, но и выполняли функции местных администра-

торов. Наступивший хаос породил в Анатолии многочисленные по-военному организованные восстания, вошедшие в историю под названиями «Восстания (Движение) джеляли» или «Джелялийская смута» (название произошло от имени шейха Джеляля, руководившего одним из антиправительственных выступлений в середине XVI в.) (Тверитинова А.С., 1946; Akdağ M., 1945, 1965, 1975; Орешкова С.Ф., 1988). Восставшие опустошили не только деревни и мелкие города, но и выжгли ряд кварталов прежней столицы османов Бурсы, разгромили окрестности таких крупных городов, как Конья, Амасья, Кайсери, взяли крепости Урфа и Токат. Вся жизнь Анатолии оказалась парализованной. Известно более десяти прославившихся предводителей восстаний. На стороне восставших действовали в разное время многие бейлербеи, санджакбеи, коменданты крепостей. В сочувствии восставшим обвинялся шейх уль-ислам Санулла. Отметились среди восставших и находившиеся при султанском дворе крымские Гирей.

Поскольку основная армия империи в это время была занята войной в Европе, против восставших посылались отдельные военачальники с наемными войсками, т. е. с такими же выбившимися или не нашедшими своего места в прежней социальной среде войнами, как и те восставшие, которых они должны были подчинить. Воевавшие в отрядах восставших и в войсках, посылавшихся против них, были, следовательно, людьми одного социального положения. Нередки были случаи, когда паши, посланные правительством для подавления восстаний и оказавшиеся не в состоянии выполнить возложенное на них поручение, опасаясь гнева султана, переходили на сторону восставших и даже становились их руководителями. Султанское же правительство порой, желая устранить или привлечь на свою сторону наиболее популярных руководителей восстаний, предлагало им высокие административные должности – бейлербеев и санджакбеев, правда, как правило, в Румелии (т. е. в европейской части страны), а не в Анатолии, где они действовали как джеляли. Известно, что уже в 1603 г. получили прощение и крымские ханычи, принимавшие активное участие в джелялийском движении, а позднее начавшие активно бороться за власть в Крыму. Такие амнистии властей вызывали разброд среди восстав-

ших, но сами восстания продолжались. Окончательно справиться с ними, и то не сразу, правительство смогло лишь после спешного заключения мира в войне с Габсбургами (1606 г.) и использования для подавления восстаний освободившейся армии.

Источники сообщают, что в результате подавления восстаний было уничтожено до 100 тыс. человек. В Анатолии изменилась демографическая, религиозная, социальная и даже хозяйственная обстановка. Тимарная система была сохранена, хотя ее внутренняя суть и военные возможности тоже начали меняться. Страна, пережившая «стресс общества» (так определил этот период американский исследователь – см.: Kortepeter К.М., 1972, с. 243), устояла, но пока еще не нашла для себя новых путей развития. Ее проблемы все сильнее и сильнее начинают сказываться и на судьбах ее вассалов, и на тех новых претензиях, которые стали предъявляться к ним имперским центром.

В османо-габсбургскую «Долгую» войну были вовлечены те пограничные силы, противостояние которых к концу XVI в. в северо-западном Причерноморье уже явно обозначилось. Габсбургская сторона использовала запорожцев, османское командование более активно, чем ранее, стало вовлекать в европейские войны крымскую армию. Последняя действовала вначале в Молдавии, позднее в Трансильвании и Венгрии, доходила в своих походах до Хорватии.

Влияние всех этих событий на расстановку сил в Восточной Европе наиболее четко определил Б.Н. Флоря: «Если для населения Придунавья годы «Долгой» войны были временем тяжелых бед и разорений, то для России и Речи Посполитой конец XVI – начало XVII в. явилось периодом сравнительного благополучия и спокойствия. Совершавшая постоянно разорительные набеги на территорию обеих стран Крымская орда с 1594 г. по приказу султана участвовала в войне против Габсбургов ... Крупные нападения татар в этот период [на эти две страны – С.О.] прекратились. Русское правительство пыталось использовать положение для расширения своей деятельности по освоению Дикого поля и продвижения на юг системы обороны против татарских набегов». Эти успехи,

однако, «оказались под вопросом, когда после заключения мира между Османской империей и Габсбургами орда вернулась в Крым, а в России началась гражданская война». На протяжении же следующего периода, который получил «в русской историографии название Смута», османское правительство не предпринимало «каких-либо попыток серьезно повлиять на события, происходившие в этом регионе», что объяснялось тяжелым положением самой Османской империи в эти годы (Османская империя и страны... 1998, с. 53–54).

Крымское ханство в период российской Смуты свою активность направляло в южные и юго-восточные районы Русского государства, где традиционные пункты обороны оказались тогда разрушенными гражданской войной. Были даже сообщения, что крымские войска намереваются оттуда «вон не выхаживать» (там же, с. 57; Новосельский А.А., 1948, с. 66–67, 75). Однако, не имея поддержки от Османской империи, занятой своими внутренними смутами и стремившейся тогда избежать каких-либо осложнений с соседями, крымцы так и не решились на активные наступательные действия в отношении северного соседа (Османская империя и страны..., с. 57). Портой и Крымским ханством, следовательно, была упущена предоставлявшаяся им возможность упрочения своего положения в Восточной Европе. Другой вопрос, хватило бы у них для этого сил и была ли бы им самим полезна такая реализация этой возможности. Ведь мы видим в это время бесспорные симптомы ослабления османского имперского образования, проявлявшиеся, в частности, и в его неспособности помочь своему крымскому пограничному вассалу избавиться от изжившей себя, но продолжавшей играть в их обществе серьезную роль кочевнической сути и перейти на иной цивилизационный путь развития. Традиционная же разбойно-набеговая внешняя политика ханства постепенно все более и более начинает сдерживаться или направляться имперскими властями в выгодные им русла. Это означало, что и само ханство во внешней политике и своем внутриимперском статусе все более и более утрачивало прежнюю относительную самостоятельность, вступало в период кризиса и явного регресса в своем развитии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

***Проект договора Московского государства
с Крымским ханством***

Великие Орды великого царя Магмет Киреево царево слово с своим братом со царем и великим князем Иваном Васильевичем всея Руси от сего дни быти нам в добрый любви от детей и на вну-чата, братом и другом быти.

Впрок, где ни будем, другу другом быти, а недругу недругом быти, и на всякого нашего недруга обема нам заодин быти. Кто мне, Магмет Кирею царю, друг, тот и царю и великому князю брату моему друг. А кто мне, Магмет Кирею царю, недруг, тот и царю и великому князю Ивану, брату моему, недруг. А кто царю и великому князю Ивану, брату моему, друг, тот и мне, Магмет Кирею царю, друг. А кто царю и великому князю брату моему недруг, тот и мне, Магмет Кирею царю, недруг.

А мне, Магмет Кирею царю, и моему брату, калге Адыл Гирею царевичу и братьям моим царевичем и моим детем царевичем и карачеем и князем и мурзам и казаком и всем нашим людем, ближним и далним, и всем нашим воинским людем, твоих брата нашего царя и великого князя, земель не воевати. И также и князем, которые тебе служат, и на тебя служат, и нам на их землях не стоять и их земель не воевать.

Также мне, царю Магмет Кирею, и брату моему калге царевичу Адыл Гирею, и иным моим братьям царевичем и моим детем царевичем и карачеем моим и уланом и князем и мурзам и казакам и всем ближним людем и далнем и всяким воинским людем твоих, брата моего, царя и великого князя Ивана украинных городов не воевати: Путивля, Рыска, Новгородка северского, Радогоща, Стародуба, Чернигова, Почепа, Трубъчевска, Брянска, Карачева, Козелска, Нутря, Белева, Одоева, Мценска, Тулы, Дедилова, Новосили, Плавы и Соловы, Рязанские украины Михайлова, Пронска, Донкова, Рязского города, Мещерские украины вся.

Также опричь того, которые князи брату моему царю и великому князю служат, и на него смотрят, и мне, царю Магмет Кирею царю, и моему брату калге царевичу Адыл Гирею и иным моим братьям царевичем и моим детем царевичем и карачеем моим и уланом и князем и мирзам и казаком ближним и дальним и всем воинским людем тех земель не воевати, и на их землях не стояти.

А которые люди без нашего веданья, и без наших братьев веданья, и без наших детей веданья наши люди ваших людей повоюют, а к нам придут, а нам их казнити, и взята отдати, и полон людцкой без окупа нам тебе брату нашему, царю и великому князю назад отдати.

И также и тебе, брату моему, царю и великому князю и твоим бояром и воеводам и всем воинским людем моих, Магмет Кирея царя, и наших братьей царевичей, и наших детей царевичей земель не воевати, и в улусах не стояти. А которые твои воеводы и ливонские люди, без твоего ведома нашу землю и улусы повоюют, а к вам те люди придут, и тебе, царю и великому князю, брату моему, их казнити, а взятое отдати, а полон людцкой без окупа назад отдати. Так же твои, брата нашего и великого князя послы или гости куды пойдут от тебя, или к тебе, Доном или Полем, или от иных государей от кого ни буди пойдут к тебе, брату нашему, послы или гости, и нашим людем твоих послов или гостей, которые к тебе или от тебя пойдут, ни имати, ни грабити. А которые наши люди твоих послов или гостей, и тех послов, которые к вам пойдут от иных государей, от кого ни буди, наши люди пограбят, а к нам придут, и нам их казнити, а взятое отдати, и полон людцкой нам отдати тебе без окупа.

А тебе, брату нашему и великому князю потому ж нашим людем взятое, куны и полон людцкой нам назад отдати, а лихих казнити. А инако ти того не учинити.

А коли наш посол от меня пойдет к тебе, брату нашему царю и великому князю Ивану, мой идет прямо к тебе безошлинно, а твой посол брата нашего ко мне, Магмет Кирею царю, придет, и он идет прямо ко мне безо всяких пошлин.

А которая обида учинитца у нас твоим послом, и тебе, царю и великому князю, брату моему, то учинити против над нашим послом, а которая обида учинитца у тебя, царя и великого князя брата моего над нашим послом, и мне потомуж учинити над нашим послом.

А в сей нашей шерстной грамоте, кои слова есмя молвити инако, тому не быти. Того для яз, Магмет Кирей царь в головах, и брат мой калга Адыл Гирей царевич, и иные мои братья царевичи, и дети мои царевичи, и карачен наши, и уланы, и князи, и мирзы крепко шерть дали есма, и печать есми свою золотую к сей грамоте приложил.

Составлен в Москве в августе 1578 г. И отправлен в Крым с посольством В. Мосальского и А. Шапилова (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. Л. 258 об.– 263).

Этот текст представляет собой вариант документа, на котором должен был присягнуть хан. Дошедший до нас текст документа, предназначенный для царской присяги, дефектен, перепутаны листы, отсутствует конец грамоты (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 263–266).

Опубликован А.И. Филюшкиным (2013, с. 716–717).

Султанское послание татарскому хану Ислам-Гирею

Недавно вы отправили к нашему Блистательному Порогу и в нашу Возвышенную Порту письмо, в котором сообщаете, что спустя два-три месяца после вашего восшествия на престол вашей страны сбежавшие принцы [султаны] собрали несколько тысяч разбойников, ногаев и [людей] шамхала. Они на вас внезапно напали и окружили в городе Бахчисарай. В течение семи или восьми дней там происходили бои, битвы и великая сеча.

Во время битвы число разбойников беспрестанно увеличивалось, вам удалось вырваться и, сражаясь, вы смогли, с Божьей помощью, укрыться в крепости Кафа.

Разбойники пришли и расположились лагерем у стен Кафы, и в течение более двух месяцев каждый день там происходили бои. Большое число разбойников было зарублено саблями на поле боя. Затем, захватив языков [dīl], вы на них напали с янычарами и другими победоносными [османскими] войсками, посланными [вам

на помощь] нашей подобной раю Портой, а также с войсками, [приведенными] бейлербеем Шемахи Ферхадом и другими достославными предводителями, мирзами и вашими братьями.

Бои, битвы и резня были долгими, но, в конце концов, с помощью Господа – Всевышнего благодетеля, с помощью Пророка – избранника божьего и помощью четырех Друзей – первых верных спутников [Пророка] наши победоносные войска нанесли врагу поражение и разбили его. Войска ислама преследовали бегущего врага. Эсен-бею, большому числу беев и наиболее известных среди ногаев мирз отсекли головы.

Вы нам сообщили о многочисленных деяниях, достойных похвалы, которые были совершены по этому случаю.

[Вы нам также сообщили, что] в течение нашего императорского правления Масал, который с незапамятных времен является [вашим] врагом, отбыл из Кафы в Азак и что там он заявил: «Я имею на руках акт об инвеституре [berat] и приказ [hukum], отдающий трон принцам [сыновьям предыдущего хана]».

Такие речи держал он, смущая, таким образом, порядок, установившийся среди татарского населения. Вы нам сообщаете, что из-за этих речей вы испытали опасения.

Между тем ногаи послали Хак-Кулы-Хаджи с мирным договором [ahid-name], в котором заявлялось, что ногайский народ подчиняется и повинуется нашей Блистательной Порте и вашим приказам.

Кроме того, вы нам сообщаете, что вы передали нашей Блистательной Порте письма, которые были адресованы [вам] означенными князьями [сыновьями хана] и шамхалом и в которых они подтверждали свою преданность и подчинение.

С другой стороны, вы попросили нас отправить бейлербею Кафы, беям черкесов и ногайским мирзам письма примирения, предписывая им подчиниться вашим приказам и приказывая им следовать туда, куда направите вы.

Все, что вы так прекрасно изложили, сообщили и передали, было полностью доведено до нашего благородного мирообъемлющего императорского сознания. В соответствии с вашей просьбой к нашей счастливой Порте были отправлены священные приказы бейлербею Кафы, беям черкесов и ногайским мирзам, предписывающие

им подчиниться вашим повелениям и отправиться туда, куда пойдете вы, [предлагая им] приложить все их усилия в служении вам.

Ввиду того, что вы выросли в нашей Порте, подобной Раю, и всегда были осыпаны нашими бесчисленными благодеяниями, наш щедрый на помощь и поддержку взгляд всегда будет благосклонно направлен на вас...

[Приписка на полях:] В настоящее время вам будут оказаны наши бесчисленные благодеяния. Среди прочего вы получите сабли, которые всегда служили славным завоевателям, и одну из них, инкрустированную драгоценными камнями, бриллиантами, рубинами, гранатами и бирюзой, а из нашего гардероба – благородное и торжественное одеяние из соболей seraser.

Документ был извлечен из коллекции Muhimme defteri, прочитан и переведен на французский язык на семинаре 2-на Пертева Боротава, работавшего тогда в Centre National de la Recherche Scientifique. Впервые опубликован в статье А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькежé 1973 г. (CMRS. Т. 14. № 4). Русский перевод опубликован в книге «Восточная Европа...», с. 249–250. Обращаю внимание, что термин ахиднаме переведен в этом тексте как мирный договор. О его особом и более сложном толковании в османском дипломатическом делопроизводстве см. ранее в этой нашей работе.

Указ султана Мурада III главе рода Ширин (октябрь 1587 г.)

Приказ бею ширинов, являющемуся главой татарских эмиров.

Ранее, во времена покойного и прощенного [Богом] ... [в оригинале документа оставлен пробел для имени. Имелся в виду султан Селим II (1566–1574)] – да уместит [Аллах] его могилу! – предполагалось завоевать и овладеть Эждерханом. В связи с этим бывшему хану Девлет-Гирей хану было придано достаточное количество победоносных войск. Однако когда было заготовлено все оружие и снаряжение, необходимое для [этого] похода, и все это было послано для завоева-

ния, то поскольку завоевание Эждерхана было противно желанию вышеупомянутого хана, он допустил небрежение в осуществлении завоевания и повел мусульманские войска не по прямому пути, а труднопроходимыми дорогами. Словом, из-за [его] хитростей и промедления завоевание [Эждерхана] не удалось.

[Ныне в нашей Высокой Порте] для [обсуждения] вопроса о завоевании и освобождения Эждерхана прибыл посланник с грамотой от его высокопревосходительного высочества узбекского хана Абдуллах хана. С другой стороны, его эмирское высочество Ислам-Гирей хан, пребывая в величайшей верности и преданности и относясь с чрезвычайным прямодушием и приверженностью к нашему счастливому Порогу, заложив полу платя за пояс [фразеологизм, означающий «ревностно приниматься за какое-либо дело»] и сознавая, что приложение всех усилий на указанной мной величеством службе есть источник его благоденствия, известил о том, что пребывает в ожидании издания моего высокого указа. Поскольку я [со своей стороны] пребываю в полной августейшей уверенности в том, что вышеуказанный хан от всей души и сердца приложит все усилия на трудной службе для блага нашего величества и не воспротивится [ей], а ты являешься достойным [человеком], предводителем татарских эмиров, необходимым и важным является ваше совместное участие в этом походе. Необходимо, чтобы вы с вышеозначенным Ислам-Гирей ханом находились в добром единении и подобающим образом пребывали на службе, касающейся веры и моей державы. Посему составьте совет с вышеозначенным Ислам-Гирей ханом – да будут вечными его благородные качества! – и совместно доложите моему Порогу Счастья о том, каким образом представляется его [т.е. похода] осуществление. Для этого к вам послан один из чавушей моего Высокого Порога ... По прибытии [настоящего указа] Вы, в соответствии с присущей вашей натуре и характеру многому мужеству и доблести и чрезвычайной проницательности и прозорливости соединитесь с вышеозначенным ханом – да будут вечными его благородные качества! [Совместно с ханом] посоветуйтесь с опытными, знающими и непредвзятыми людьми, осведомленными в обстоятельствах тех мест, о том, каким образом осуществить это намерение, милостью Бога – да будет Он велик и превозвышен! – долженствующее иметь благополучный исход, [то есть] каким образом

во имя истинной веры наказать нечестивых врагов – обитателей преисподней. Пусть не останется никаких неясностей и неопределенностей. В письменном виде доложи нашей Высокой Порте о том, к чему придет правое мнение и проницательное разумение вышеозначенного хана – да будут вечными его благородные качества! – с тем, чтобы затем не оставалось места ни для каких извинений и оправданий.

Ранее, когда Дербенд и Ширван не принадлежали к моим Богохранимым владениям, предполагалось завоевать и присоединить Эджерхан, и была возможность сделать это. [Однако] из-за хитростей хана это не удалось. Ныне [же], слава Аллаху Всевышнему, те страны завоеваны и достижение цели облегчилось. Отныне немедленно составь с ханом совет и прикладывай усилия в делах, связанных с верой, моей державой и честью моего султаната.

Перевод документа взят из книги «Документы по истории...», там же опубликован османский текст (с. 226–232). Ранее он публиковался в работе А. Н. Курата (Анкара, 1966) и в статье А. Беннигсена и М. Бериндея (Harvard Ukrainian Studies. V.3/4. 1979–1980). Стилистически несколько отличающийся перевод помещен также в книге «Восточная Европа...», с. 204–205.

В этом султанском послании вся вина за астраханскую неудачу возлагается на покойного хана Девлет-Гирея, а сам он представлен как руководитель экспедиции, что, как показано в нашей предыдущей главе, не соответствовало действительности.

Приказ предводителям (эмирам) и знати татарского народа

Ввиду смерти Ислам-Гирей-хана стало необходимо и крайне важно для нашей Блистательной Порты назначить на его место другого хана.

Однако Гази-Гирей – прибежище эмирства, обладающий необходимой властью, чтоб править страной, наделенный благоденствием

и счастьем, обладающий ангельской добродетелью, совершенством суждения и действия, в котором проявились благодеяния Господа – Всевышнего благодетеля, был взят в плен гнусными кызылбашиами в то время, когда он исполнял службу в моем достославном императорском деле.

Долго он страдал в оковах и темницах. Напрасно кызылбаши сулили и предлагали ему милости, Гази-Гирей отказался внимать их речам, так как они народ еретиков – да проклянет Бог их предков! – которые непримиримо поносят четырех Друзей [четырёх первых халифов] – да будет Господь доволен ими!

Он [Гази-Гирей] смог утаить верность своего сердца и скрыть чистоту своей веры и отказался вступить в стовор с этой бандой, сошедшей с пути истинного. Наконец, не имея другого выхода, он обратил лицо к побегу. С помощью Всемогущего Господа Вседержителя, после побега, который длился дни и ночи, он, наконец, достиг безопасных пределов. Там он присоединился к моему визирю Осман-паше, главнокомандующему войсками [занятыми в сражениях] при Тебризе. В течение этой кампании он оказал множество услуг, участвуя в сражениях за мое императорское дело. За это он удостоился признательности и похвалы от нашей величественной императорской особы и смог просить у нашей Порты – прибежища справедливости, милостей и благодеяний.

С другой стороны, Гази-Гирей был вскормлен нашими благодеяниями. Его верность и искренность его чувств очевидны. Его многочисленные преданные и добрые услуги заслуживают признательности, и их предостаточно, чтобы он был окружен всякого рода благодеяниями. Итак, я решил осыпать его моими бесчисленными августейшими императорскими милостями.

Так, в этом 996 году, начиная с 17-го дня месяца джумада I, означенный Гази-Гирей – да будет вечным его величие! – был избран [мною, чтобы занять трон] Крымского ханства. Этот пост был ему доверен и освящён.

Поэтому в этот самый момент он готов отбыть к вам. Чтобы сообщить вам обо всем этом деле, мы вам отправили наш священный приказ, которому вы должны подчиниться. Как только вы его получите, сообразно полной преданности и великой верности нашему

Порогу, отмеченному печатью блаженства, и нашей Блистательной Порте, на которой начертан знак справедливости, следуя стиху [Корана]: «Повинуйтесь Богу, его Пророку и тем из вас, кому принадлежит власть», вам следует повиноваться нашему фирману, которому должно подчиняться всем.

Вам следует признать Гази-Гирей-хана крымским ханом и никогда не действовать вопреки его слову. Повинуйтесь и подчиняйтесь ему в добром согласии и единении.

Остерегайтесь действовать вопреки его приказам – Бог этого не допустит. Вы не должны позволять ни втягивать вас в беспорядки, ни предавать вашу веру и вашу религию, слушая речи разбойников и смутьянов.

Знайте, что повиновение и подчинение моему священному приказу будет для вас источником счастья и благоденствия.

Приказ был извлечен из Мюхимме дефтери и опубликован А. Беннигсеном и Ш. Лемерсье-Келькежё. Перевод см. «Восточная Европа...», с. 253–254.

Глава 14

ПОСЛЕДНИЙ ТАТАРСКИЙ ПОХОД НА МОСКВУ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Воцарение в Крыму Гази-Гирея и его политика амнистии бежавших из ханства Гиреев и других представителей крымской знати положили конец периоду «беспорядка, разлада и гражданской войны» в ханстве (Восточная Европа, 2009, с. 211). Новый хан, прошедший значительный период своей жизни при султанском дворе, был хорошо знаком с внутриимперской расстановкой сил, понимал реальные возможности ханства и не был одержим былыми гиреевскими амбиционными претензиями на чингизидское величие. Он спокойно принял как отказ Ислам-Гирея от ханского права на первенство в хутбе, так и казавшееся многим представителям крымской знати унижительным равенство, оказанное ему великим везиром при начале совместных военных действий в Молдавии («Хан... государь, сын государя, и с ним равнять себя не подобает» – Смирнов В.Д., с. 332 со ссылкой на османскую хронику Печеви). Не покушаясь на высшие османские имперские prerogatives, он в то же время не прочь был укрепить позиции ханства иным путем. Так, источники фиксируют попытку подчинить крымскому влиянию Молдавию, куда хан пытался поставить правителем одного из своих эмиров (там же, с. 333 со ссылкой на хронику Али-эфенди), а позднее усилить свои позиции в Предкавказье (Kortepeter С.М., 1972, с. 228–230). Исходя из собственных интересов ханства, строил он и отношения с северной Москвой.

Прибывшее из Москвы посольство Ивана Судакова ко времени воцарения Гази-Гирея хотя и готовилось уже к отъезду, но все еще находилось в Крыму. В апреле 1588 г. посол узнал о назначении ханом Гази-Гирея (вопреки рассчитывавшему на этот пост

и получившему было поддержку части крымской знати калги Али-Гирея) и одновременно о том, что правителям кафинского бейлербейства «велел турской высылати людей ис Крыму во Царьгород спагов и янычан и всяких людей, которые у турского лафу емлют [т. е. получают улюфе – жалованье – *C.O.*], а посылает турской сего лета болшую свою рать в Кизылбаши, а другую рать посылает на катаргах на Белое море против немецких королей, а в Асторохань турской сево лета рати своей не посылает, которые котарги таты делали к Астороханскому походу и на тех на катыгах велено ... идти во Царьгород, а которым людем дано жалованье для Астороханского походу и тех людей поворотили в Кызылбаши» (Статейный список ...Ивана Судакова, с. 69). Вышеприведенный расклад сил явно показывал, что от идеи астраханского похода османские власти окончательно отказались. При этом в ханском окружении посла стали усиленно убеждать, что именно Гази-Гирей «поход под Асторохань у турского отговорил»: «учел турской отпущати Казы Гирея царя на Крымской юрт, и Казы Гирей ни о чем турскому не бил челом, просил у турского, штобы отставил Астороханский поход, и турской Казы Гирею царю говорил: стало де и мне болши двадцати тысеч асманок харчи Астороханский подъем и турской для Казы Гирея царя Астороханский поход отставил» (там же, с. 79, 80). За эту услугу ханское окружение попыталось выставить царю Федору «запросную наметь» или, иначе говоря, потребовать присылки больших поминок как для ханских «ближних людей, которые при царе учинилися ново», так и старых князей, мурз и аталыков. Запрос был столь велик, что посол вынужден был напомнить приближенным хана: «Прежние цари отец ево Девлет Кирей царь и брат ево Магмет Кирей царь и Ислам Кирей царь о таких великих запросах не писывали». Сам Гази-Гирей московскому государю еще своей «дружбы и правды не показал, между великих государей первая ссылка, а доброму делу начало», а потому стоило бы «писать о запросе мерно» (там же). Это замечание в ханском окружении было принято спокойно. С послом в последние месяцы его пребывания в Крыму вели переговоры старые знакомцы – князья Сулешевы. Активно стал предлагать свои посреднические услуги вернувшийся в Крым Сафа-

Гирей (последний из оставшихся в живых сын Мехмед-Гирея II). Он так объяснял свое поведение: «Отца нашего Мегмет Кирея царя недрузи убили, а нас разогнали, и мы по чюжим землям волочились, ни в которых землях добра и чти не наехали, а кроме государя московского ... его жалованья и береженья видели и хлеб соль ели, царя и великого князя жалованьем свет увидели и в отца своего юрт приехали ево жалованьем, и яз брата своего царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси жалованья и береженья не хочу забыть до самой смерти и хочу ему государю дружити и работати сколько моей мочи будет». И далее: «Казы Гирей царь хочет быти с царем и великим князем в крепкой дружбе и братстве не как прежние цари и приказал мне царь быть амиятом у царя и великого князя и московские дела всякие делать» (там же, с. 76). Послу было дано обещание, что в текущем году «крымские люди на московские украины войною не будут (там же, с. 75). И, наконец, последнее, что узнал посол перед самым отъездом от своих доброжелателей: «с турским у государя нашего розошлось», и при этом Сафа-Гирей успокаивал посла: «Хотя будет от турецкого отстанем, а от московского государя не отстанем, а для бы царевых запросов государь не кручинился, что у него лучитца, то бы прислал» (там же, с. 80). Как видим, поминки и здесь не были главными в межгосударственных взаимоотношениях. В связях же с имперским центром напряженность явно нарастала, что и немудрено в преддверии уже ощущавшегося в стране начала внутреннего кризиса.

В 1591 г. Гази-Гирей, несмотря на все дружеские заверения, все-таки отважился на большой поход против Московии. Очевидно, что распространяемые польско-литовской дипломатией после поражения России в Ливонской войне слухи о московской слабости оказали влияние и на него. Крымским войскам удалось достигнуть пригородов российской столицы, но повторить опыт Девлет-Гирея оказалось невозможно. Город был к этому времени хорошо укреплен, имел надежную артиллерийскую защиту, не позволявшую войти в близкое соприкосновение с его защитниками и устроить пожар, как это произошло в прошлый набег при Девлет-Гирее. Отступление же татарской армии от Москвы выли-

лось в паническое бегство, сопровождавшееся большими потерями и даже ранением самого хана. По уровню военной организации и оснащённости огнестрельным оружием Москва продемонстрировала противнику свое явное преимущество. Это, очевидно, произвело на хана большое впечатление и изменило его представление о Московии, международный престиж которой, как мы уже отмечали, после Ливонской войны был значительно подорван и всячески умалялся польской дипломатией.

В.Д. Смирнов обратил внимание на то, что об этом походе пишут лишь русские источники, однако подробности этих описаний таковы, что он не может быть вымышленным фактом. У турецко-татарских же историков о нем нет даже упоминания (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 332). Исходя из вышесказанного, можно предположить, что поход был личным самовольным мероприятием крымского владыки, не согласованным с центральными властями. Более того, по утверждениям русских летописей, хан тогда действовал, «совет имея (с) свейским королем Еганом, яко да в едино время от обоих стран на благочестие ополчится» (ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 10, 41; об этом же Новосельский А.А., 1948, с. 41), т.е. этим мероприятием он попытался самостоятельно внедриться в сферу европейских международных отношений (правда, как видим, неудачно). В следующем 1592 г. ханычи вновь совершили набег на Рязань, Каширу и Тулу. И хотя этот второй набег, как обратил внимание А.А. Новосельский, совпал по времени с походом русских войск на Выборг, а татарские наблюдатели сообщили хану, что на Оке и на южной московской уkraine нет русских ратных людей (Новосельский А.А., там же, со ссылкой на ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 10, 14), очевидно, стоит согласиться с мнением А. Гайворонского, что поход ханычей не следует связывать с развитием неких широких планов, которые, возможно, ставились перед прошлогодней экспедицией. Это был обычный набег за трофеями, попытка восполнить убытки прошлого года (Гайворонский А., 2010, с. 291), т.е. традиционное грабительское предприятие. Какая-либо международная антирусская интрига (просматриваемая в предыдущем походе) в нем своего развития явно не получила, и более того, ханом этот набег ханычей был охарактеризован

как проявление их своеволия. Сам же Гази-Гирей после событий 1591 и 1592 гг. обратился к Москве с призывом предать забвению «происшедшую ссору» и продолжить дипломатическое оформление мирных отношений, о чем уже было договорено при отпуске посольства И. Судакова.

В апреле 1593 г. из Москвы в Крым был направлен новый посланник Семен Безобразов, заявивший крымским властям, что его посылка «последняя государя нашего, толко царь не устоит на своей правде, а пойдет на государеву украйну и впредь уже ссылка урветца и некоторое доброе дело не останетца и царь бы воротился [Гази-Гирей, как стало известно послу, со стотысячным войском стоял тогда на Молочных Водах, не определившись еще, идти ли ему войной на Москву или Литву – *С.О.*], а хотел с государем нашим прямые братские любви и гонца б своего царь ко государю послал наскоро» (Статейный список ... Семена Безобразова. ИТУАК, 1915, с. 77). Так, как мы увидим далее, и произошло. Крымское войско отправилось грабить польско-литовские земли, а с Москвой возобновился обмен гонцов, а затем произошла и встреча полномочных послов.

Гази-Гирей в это время искал для своего ханства особую позицию в османской внутриимперской структуре и путем проб и ошибок вырабатывал собственные взгляды на его внешнеполитические возможности. С 1592 г. у ханства были установлены дипломатические отношения со Швецией (Zettersteen, 1945). Делаются попытки найти собственные контакты с Габсбургами (Schwarz, 1987; Иванич М., 2006). В очень интересной статье М. Иванич о крымско-татарской дипломатии XVI–XVII вв. упоминается известнейшее в свое время европейское руководство по дипломатии Абрахама де Викфора (1682 г.), где говорится: «Нет более славного признака суверенитета, чем право посылать и принимать послов». Она же подчеркивает, что «Крымское ханство, обретшее в 1440-е годы суверенитет в качестве одного из государств-наследников Золотой Орды, в течение трех столетий пользовалось правом отправлять послов, хотя в 1475 г. попало сначала в номинальную, а затем со второй половины XVII в. и фактическую зависимость от Османской империи». В этом снова проявилась особенность

османского вассалитета, дающего пограничным районам империи право внешних сношений. Любопытно, что европейская дипломатия принимала эту особенность и, опять подчеркиваю, пользуясь ею, порой впадала (как и современные историки) в преувеличение степени самостоятельности и антиосманского критического настроя османских вассалов. Между тем велись все эти «самостоятельные» дипломатические сношения с разрешения и обычно под контролем Порты. В противном же случае вассалу грозила неминуемая отставка (множество таких отставок в пограничных Дунайских княжествах Молдавии, Валахии, Трансильвании описано во всех трех томах издания «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы»). Известны и другие случаи, когда через, казалось бы, антиосманские дипломатические инициативы своих вассалов Порты пыталась влиять на расстановку сил в европейских странах. Вспомним, например, избрание отставного трансильванского князя Стефана Батория на польский престол.

Рискованные связи, но не выходящие из рамок имперской дозволенности, завязывал и Гази-Гирей. Так, в 1598–1599 гг., т. е. в самый разгар «Долгой» войны, он сумел установить дипломатические отношения с Габсбургским двором, ведущим эту войну против османов. Однако и в этом случае суть была в том, что сама Османская империя, находясь в кризисной ситуации, дала хану, зимовавшему тогда с крымским войском в Венгрии, разрешение на отправку послов в Вену и Прагу, чтобы уяснить возможности начала переговоров о мире. Эта крымская миссия успехом не увенчалась. Война продолжалась еще семь лет, но дипломатический авторитет ханства в Европе, бесспорно, возрос (Иванич М., 2006, с. 225).

Некую рискованную самостоятельность проявил Гази-Гирей и в своей политике по отношению к Московскому государству. Поход 1591 г. убедил его в силе и больших военных возможностях Московии, наличии у нее значительной артиллерии и бойцов «огненного боя», против которых татарская конница была бессильна. Все это, очевидно, побудило его принять решение об изменении политического курса в отношении русского государства.

К этому же его толкала и надвигавшаяся османо-габсбургская война за Венгрию (начавшаяся в 1593 г.), приглашение к участию в которой он тогда уже явно ожидал, а также продолжавшая сохраняться на западных границах ханства казацкая опасность.

Напомним, что еще летом 1588 г. запорожские казаки совершили дерзкий налет на город Гёзлёв (Козлов, Евпаторию), где тогда шла традиционная ярмарка, собиравшая множество участников со всего полуострова и Причерноморья. Крымцам удалось отразить этот набег, но все это сопровождалось большим кровопролитием и материальным уроном. После этого с разрешения султана (здесь оно, в отличие от московского похода, было запрошено и получено) Гази-Гирей совершил ответный разбойный рейд вглубь польской территории, дойдя до окрестностей Львова и Тернополя. Об этих своих успехах хан, начиная переговоры с Москвой, сообщил с явным самоудовлетворением, опять добавляя к тому же, что будто бы он причастен и к отмене недавно готовившегося османского похода на Астрахань (Лепъявко С. А., 1999, с. 197–198; Гайворонский А., 2010, с. 287–289; Статейный список ... Судакова, с. 64–65).

Война в Венгрии и попутно развивавшийся конфликт в Молдавии отвлекли силы запорожцев от крымского направления их набегов, да и сопровождавшие эти события запреты польских властей, не желавших обострять отношения с Портой и ее вассалом, также способствовали прекращению казацко-крымских конфликтов на этой границе ханства. К тому же было известно, что османские власти усилили свои крепости северного пограничья артиллерией и янычарскими гарнизонами. К этому времени крымские силы (как, кстати, и их противники запорожцы) все глубже и глубже начинают вовлекаться в османо-европейский конфликт, позволявший им получать большие трофеи, но отвлекавший от забот о безопасности собственных территорий и решения территориальных проблем Восточной Европы.

Конфликтных моментов в крымско-османских отношениях с Москвой оставалось все еще достаточно. Это и недавний грабительский набег ханычей (1592 г.), который, правда, сам хан объявил их своевольством, и неоднократные подступы донских каза-

ков и больших ногаев к Азову, и укрепление российских позиций в нижнем Поволжье и на северо-восточном Кавказе. В двух последних случаях недовольство Москвой проявляли и османские власти. В Крыму известно было о фактической безрезультатности миссий русских послов Б.П. Благого – 1584 г. и Г. Нащекина – 1593–1594 гг., ездивших в Османскую империю. Тогда в султанском окружении выразили им резкое недовольство нападением казаков на Азов, восстановлением крепостей на Тереке, напомнили об исламских юртах Поволжья и продолжавшихся и вызывавших недовольство османских властей сношениях Москвы с грузинскими владетелями. На запрос же русских дипломатов о мирном договоре в султанском окружении им ответили, что султан никому мира не дарует, а желающие его иметь сами присылают об этом свои запросы (Новосельский А.А., 1948, с. 41). Следует, однако, подчеркнуть, что это не был отказ в сохранения мирных отношений с Москвой, а лишь напоминание об особых формах взаимных контактов, единственно возможных между исламскими и христианскими странами. Какой-либо особой неблагоприятности к России османские власти тогда все-таки не выказывали.

Тем не менее начало переговоров Гази-Гирея с Москвой следует все же рассматривать как его собственную инициативу. Приглашение к участию в османской войне с Венгрией делало для ханства мир с Москвой особенно необходимым. Начавшиеся переговоры показали, что для этого были и иные побудительные причины, связанные не столько с османо-российскими, сколько с собственными крымскими интересами.

В грамоте, отправленной Гази-Гиреем в Москву в мае 1593 г., хан выставляет себя посредником в османо-российских отношениях. Он сообщает, что от османского султана он получил тайную грамоту, где пишется, что султан много «трудов положил и взял Озямскую [иранскую – С.О.] землю». Однако в настоящее время, пишет султан, из Азова («моего города») «мои люди не могут в те места приходить потому, что на Терке реке русские казаки помешку чинят, и проезду не дадут, и мне де истинной мусульманские веры государю то неужодно, что между моих земель русские люди моим людем помешку чинят». Поэтому он «хотел к тем городам ...

неисчислимую рать свою изготавив... послать воевать». Хан же ему будто бы ответил: «Многово крестьянства государи от отцов и от дедов нам друзи и наше слово послушают, в том дай мне на год сроку, а яз пошлю своего верного человека с тем словом». Он уверен, что русские «похотят с вами и с нами быть на веки в дружбе, и в любви, и они с Терка казаков сведут». Извещая обо всем этом, Гази-Гирей предупреждал царя Федора, что османские власти ждут от него ответа, «а вам то ведомо, что Хандикар государь великой Арапской и Азиямской повелитель; а обычай у него таков: которое государство похочет воевать, и того государства не взяв не покинет». Пугая султанским гневом и предлагая это свое посредничество, хан добавлял, что послание он отправляет со своим доверенным лицом Ямгурчеем Аталыком, которому поручено еще сказать «иное слово», «а его слово наше слово, так ведайте» (текст документа см.: Лашков Ф.Ф., 1891, с. 29–31 и он же в Приложении к этой главе).

Речи аталыка Ямгурчея передаются в ответной «тайной грамоте», отправленной хану от царя Федора Иоанновича в октябре 1593 г.: посол сообщил русскому правительству, что хан будто бы собирается на Днепре, на Кошкином перевозе поставить новый город, перевести к Днепру все Крымские улусы, «отстать» от «турского» и быть с Москвой «на веки в братстве, и в дружбе, и в миру. И Юрт Крымский с московским Государством ... соединачить, и на всякого недруга ... стояти за один». В подтверждение искренности своих намерений он предлагает отпустить в Москву «сына своего Тохтамыш Гирея Царевича» и по одному знатному отпрыску от каждого из карачи-родов – Ширинов, Сулешев и т. д. (документ см. в Приложении).

На это предложение царь Федор отвечал: «С тобою братом нашим с Казы Киреем царем мимо всех Государей в братстве и в дружбе, и в любви и в докончанье быть хотим на веки». Для окончательного оформления таких отношений (так называемого «докончанья» – *С.О.*) было назначено высокое (из наиболее знатных людей) посольство в составе князя М.А. Щербатого-Оболенского и дьяка А. Демьянова с богатыми подарками. О «тайном» же деле они также должны были продолжить переговоры.

Местом встречи полномочных послов был определен пограничный город Ливны.

В сохранившемся тексте ответного московского документа после слов: «А будет ты брат наш учнешь вскоре на Кошкине перевозе ...» имеется пропуск – ненаписанная половина страницы. Очевидно, какие-то особые указания решено было дать посольству устно, а не фиксировать на бумаге. В тексте же далее следует: «Сколько надобно и мы к тебе людей своих с огненным боем и пушек, сколько тебе надобно, пришлем и всякому твоему недругу тебя не подадим, и на Донце тот час и два города поставим, и людей многих со многими воеводами на Донец пошлем и почнем вместе с тобой на твоих недругов стояти за один. А ныне бы еси сперва нам ... любовь свою показал...». Денежный запрос хана, содержащийся в майском письме и предназначенный на строительные расходы, был выполнен лишь на треть – вместо тридцати прислано лишь десять тысяч рублей. Москва, следовательно, была осторожна, но, правда, в письме было обнадеживающее добавление: «А как совершитца меж нас большое дело и мы и достальной запрос к тебе в осень вскоре ж другими своими послы пришлем» (там же).

Насколько нам известно, в других официальных российско-крымских дипломатических документах цитированное выше «тайное соглашение» больше не упоминается, но само по себе оно очень показательно для того времени, так как позволяет почувствовать тогдашние внутриимперские отношения и их влияние на международную ситуацию в Восточной Европе. Находясь на северо-восточной окраине османских владений, Крымское ханство в складывавшейся неблагоприятной для него внутриимперской предкризисной обстановке искало не только внутренних, но внешних союзников. Защита же ханству в условиях джелялийских разбоев могла потребоваться не только от внешних, но и от внутренних врагов. Еще раз напомним об участии в джелялийских смутах принцев Гиреев, что не исключало возможности проникновения внутриосманских распрей и на крымскую почву.

В первые годы «Долгой войны» хан отправлял для участия в ее военных действиях татарское войско во главе с калгой Фатх-

Гиреем, а сам предпочитал не покидать Крыма, боясь оставить его без защиты. Это вызывало нарастающее недовольство османских властей, требовавших от ханства полной мобилизации сил для участия в этой трудной для империи войне. После расправы с сипахийскими дезертирами при Керезтеше власти попытались наказать и отсутствовавшего на поле брани хана, заменив его более послушным им калгой. Гази-Гирей, проводивший значительное время при султанском дворе, хорошо знавший внутриимперскую расстановку сил, сумел преодолеть эту интригу и сохранить власть (Иванич М., 2006, с. 228). Ситуация, однако, оставалась такой, что опасность для хана могла придти не только извне, но и изнутри. Он не мог «оставаться спокойным зрителем» и пребывать «в полной уверенности за непоколебимость своего трона и твердость занятого им положения. Отличный музыкант и стихотворец [а именно в этом качестве он сохранил о себе память в крымско-татарской культуре – С.О.], он, по-видимому, благодушествовал, воспевая даже в походное время на досуге кофе и вино, но в душе побаивался какой-нибудь неприятной неожиданности, видя то, что творилось тогда в Османской империи» (Смирнов В.Д., 2005, т. 1, с. 339–340). У него сложилось свое отношение к Порте, как определяет В.Д. Смирнов, – «не то дружелюбное, не то враждебное» (там же, с. 339) и понимание, что от центральных властей в трудный момент помощи он может не получить, а потому надо самому договариваться с соседями. Россия в 1591 г. показала ему свою силу. Хану стало ясно, что от нее в случае надобности он может получить современное вооружение. Какой-либо опасности от России в отношении полуострова и западного Причерноморья ханство не ощущало. Российские укрепления в Поволжье и Предкавказье волновали не его, а тамошние османские пограничные власти и в какой-то мере мешали сопернику хана Мубарек-Гирею, пытавшемуся в первые годы правления Гази-Гирея противостоять ему, опираясь на местные кавказские племена (Сношения России с Кавказом, 1888, с. 72–75; Гайворонский А., 2010, с. 291–292). Потому-то Гази-Гирей и выбирает себе в союзники далекую для него Россию, а главным своим опорным пунктом предполагает сделать новую крепость на Днепре. Место ее расположения, опи-

раясь на те данные, которые приводятся в источниках, украинский историк Алекса Гайворонский определяет лишь приблизительно, где-то в районе нынешнего Днепропетровска (в современном украинском варианте – Днепра): «на Днепре, выше порогов». Ее защитой не только против запорожцев, но и в случае необходимости – от османских войск или внутриимперских мятежников служила бы «степная ширь, непроходимые для судов днепровские пороги и полоса реки у подножия крепости» (Гайворонский А., 2010, с. 292, 318). Ханский переговорщик в Москве подчеркивал, что именно в этот район хан собирается, разорив Перекоп, перевести все крымские улусы (Соловьев С.М., т. 7, с. 258). Создается впечатление, что главную опасность для ханства Гази-Гирей видел тогда именно на западе. Москве тот же ханский посланник передавал совет: «Царь со мною приказал тайно, чтоб государь города сносить и козаков сводить с Терки (Терека – С.О.) не велел, только б велел поманить и к царю [имеется в виду хан – С.О.] отписать, что Терку очистит, а царь об этом отпишет к турецкому, чтоб турецкий дал покой; на государя ходить ему не велел». Естественно, в Москве стали задавать вопросы: «Как царю [т.е. Гази-Гирею – С.О.] от турецкого отстать? И можно ли ему против турецкого стоять? И каким обычаем город поставить и укрепить? И наряд у царя есть ли и знает ли турецкий про город?» (см.: там же, с. 258–259). Все эти разговоры наводят на мысль, что ханские предложения Москве не были каким-то бунтом хана против османского подчинения. Они опять-таки входили в рамки обычной пограничной дозволенности османского вассала и именно так были поняты Москвой. Хан хорошо знал внутриимперские распри в правящих кругах своего сюзерена, опасался того, что они могут затронуть и его ханство, пытался как-то уберечься от этого. Крепость, очевидно, была нужна не для защиты от внешних врагов, а для внутриимперского обособления. Московские власти понимали эту ситуацию, пользовались ею, но не преувеличивали ханское желание быть самостоятельнее и независимее, понимая, что все это было в рамках разрешенности османской имперской структурой. Потому-то не была выплачена полностью просимая денежная сумма, а посольству князя Ф. И. Хворостинина и хорунжего Б.Я. Бельского, отправлен-

ному в Ливны (как уже было сказано, используемые тогда в качестве места встречи посольств для обмена договорными грамотами), было дано лишь одно поручение – выработать совместно с ханским уполномоченным Ахмед-пашой, приехавшим туда же, текст межгосударственного соглашения о вечном мире.

Такой подход к готовившемуся соглашению уже означал большой прогресс в крымско-российских межгосударственных отношениях. Напоминаю, что по мусульманским канонам с иноверцами разрешались лишь краткосрочные соглашения о мире в ответ на признание ими мусульманского превосходства и уплату в том или другом виде каких-либо субсидий. Здесь же речь велась о вечном мире. Ханство, следовательно, стремилось к определенной стабильности отношений. Следует обратить внимание и еще на один показательный момент. В историографии довольно широко распространено мнение, что ханство и руководящая им Османская империя порой меняли своих союзников в Восточной Европе, поддерживая слабейшего, и тем способствовали сохранению стабильности в регионе. Здесь же мы видим, что ханство привлекла не слабость, а именно сила и возможность получить современное оружие, не прибегая к османской помощи. Все, следовательно, было не столь просто. За уступками и соглашениями стояли не имперские интриги, а сознательная политика самостоятельного дипломатического игрока, осознающего свое собственное место в восточноевропейском регионе. Позднее, когда Польша начинала брать вверх над российским государством, ханство пыталось договориться и с ней (см. Skorupa D., 2004), т. е. отнюдь не со слабейшим участником конфликта и опять самостоятельно, а не через якобы управляющего им сюзерена. Преувеличивать, однако, имперскую слабость и внутренние противоречия тоже не стоит. Это был свой мир, и к выходу из него Крым тогда совсем не стремился.

В 1594 г. было, наконец, утверждено мирное соглашение Крымского ханства с Российским государством. Были соблюдены все необходимые клятвенные обещания и посольские пересылки. Текст его мы публикуем в Приложении. В связи с произошедшей именно в это время сменой в Москве царствующего правителя –

воцарением Бориса Годунова – позднее составлен был второй документ, текст которого идентичен. После договоренностей Менгли-Гирея это были первые (и последние) документы, оформленные по всем правилам османо-крымского дипломатического делопроизводства. В следующем столетии, после окончания российской «смуты», во взаимоотношениях ханства и русского государства мы не видим крупных походов крымцев на Москву, но грабительские набеги бывали. Россия укрепляет свои границы оборонительными сооружениями и тем успешно решает (вплоть до украинских событий 50-х годов XVII в., вновь взорвавших обстановку в регионе) проблему относительной безопасности своей территории и медленного, но основательного освоения черноземов Дикого поля. Крымская набеговая активность, и прежде всего походы за ясырем (пленными, рабами), стали направляться в основном на земли Речи Посполитой (Horn M., 1962), где не было подобных русским «линий» фортификаций (так назвал московские «засеки» польский ученый В. Серчик), преграждавших путь татарам (Серчик В.А., 1979). Потому-то именно для Речи Посполитой XVII в. становится «столетием войны» на южных границах (Базылев Л., 1979, с. 12). С Россией же после «смутного времени» отношения начинают строиться на новых принципах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Грамота крымского царя Гази-Гирея,
присланная в Москву с гонцом Ягмурчием Аталыком
1593. Май*

Бог Всемогий!

Силы находец и победитель царь великого улуса правые и левые стороны и многих неисчетных тысяч войска великого Кипчатскаго поля государя от Казы Гирея Царя многово христьянства государю Федору Ивановичу много много поклон. После поклон любовные заповеди слово наше то: яз Кипчатского поля государь Казы Гирей уповаю на истинного Бога милосердие и на истинного пророка надежу держу, держав в счастливом месяце в Мае с двема сты тысяч татарскою ратью с своим величеством вышли были есмя в поход свой, и счастьем своим как есмя стали на Молочных водах, и от вас многово хрестьянства повелителя брата нашего Федора Ивановича посол пришол меж нами о дружбы и о любви, и о миру и о ссылке, и те вести до нашего счастливого порогу донесли, и яз пожаловал к послу вашему послал встречу холопей своих, а распросити посы-
лал есми к нему Аталыка своего Иманшу княжого сына Ахмет пашу князя; а ему было у нашего счастливого порогу быти нельзя, потому что ехать было ему далеко; и мы его почтив и дав ему подводы велели ему ехать в счастливое наше государство. И как посол ваш речи ваши добрые до нас донес, и я Казы Гирей будучи на первом своем слове, похотя быти в дружбе и в любви с сих мест вперед на веки, на своем слове неподвижно будучи в крепком миру хочю быти; и как к брату нашему многово крестьянства государю с сего своею шертною грамотою послали есмя к вам старого своего и верного холопа Янгур-
чие аталыка; и аж даст Бог как он у вас будет, и пашу сию шертную грамоту до вас довезет, а вы будет вперед похотите с нами быти в миру, и в дружбе, и в братстве и в любви, и до вас некоторые наши речи есть, и буди вам ведомо: что осенесь присылал ко мне Мекей-
ский и Мединейский неисчетныя рати дватцать тысяч янычан, госу-

дарь Хондикяр с своею тайною грамотою, и свои великие поминки прислал ко мне десять тысяч золотых, да саблю золотом окаванную с камнем и дорогие портища; а в грамоте своей писал, и словом с послом своим приказывал: столько де есьми трудов положил, и взял Озямскую землю, и из моего де города из Азова ныне мои люди не могут в те места приходить потому, что на Терке реке русские казаки помешку чинят, и проезду не дадут, и мне де истинныя масульманские веры государю то неудобно, что межу моих земель Русские люди моим людям помешку чинят. А мои люди мне о том бьют челом и о том, которой Масулманин не порадеет и которые города в твоём государстве и хотел к тем городам накрепко неисчетную рать свою изготавив было послать воевать. И мы о том ответ учинили: что многово крестьянства государи от отцов и от дедов нам друзи и наше слово послушают, в том дай мне на год сроку, а яз пошлю своего верного человека с тем словом и учну того просить, и будет похотят с вами с нами быть на веки в дружбе, и в любви, и они с Терка казаков сведут, и они по сему моему слову потерпели и ждут от меня ответу; а нам то ведомо, что Хондикяр государь великой Арапской и Азямской повелитель; а обычай у него таков: которое государство похочет воевать, и того государства не взяв не покинет. И ныне б ты брат наш с таким великим государем в дружбе быти похотел, и сю есми шертную свою грамоту к вам послал. А шерт моя – только по моему слову с Терки казаков сведете. Да что есми просил наперед сего на городской харч в запрос тритцатью по сту тысяч Ноугородок, только пришлете, да и казаков, которые у вас толко отпустите, и по сотворившему истинному Богу, хто вас и нас сотворил, и по истинной нашей книге по курану на веки с вами в миру будем; другу вашему друзи, а недругу недруги будучи; и где вам понадобится рать, а просите, и мы дав знать, учнем недругов ваших воевать. Да ваш брату нашему многово крестьянства государю буди ведомо: как есми вышел был в поход, и в те поры приходили ко мне из Литвы и из Немец послы, а давали мне з году на год по тритцати тысяч золотых, чтоб мне с ними быти в дружбе; и яз им ответ дал, что многово крестьянства с государем братом нашим с тобою с Федором Ивановичем слово у нас есть, и о том слове не договорясь, вам ответу от меня нет, и с тем есми их отпустил. И ныне с своею со многою ратью пошли есмя войною на вашего

и на своего недруга на Литовского короля землю; а к вам послали есмь верного холопа своего Ямгурчея Аталыа, и пред ним есми на сем слове шертвал ему есми верил; и вам бы о его слове порадеть. И только се наши слова приятно учините, и в дружбе и в любви с нами быти похотите, и вам бы наш запрос и людей наших с Ямгурчеем Аталыком прислать к своему городу к Ливнам; а к нам бы есте прислали наскоро с вестию дву человек толмачей своих: и мы отселе пошлем из князей своих, и на своей правде будем. А буде не похотите, и всяк свое сам ведает, кому Бог даст, а государство в Божих руках; и наших бы есте послов к нам отпустили, а мы ваших послов отселева отпустим; меж нами и послам ходити непригоже, и вам бы все свои слова к нам приказать с Ямгурчеем Аталыком; а иное слово приказал есмь к вам с Ямгурчеем же Аталыком, и в б по его слову промышляли; а его слово наше слово, так ведайте. Писана грамота в чеснейшем Шебане, а по русски в Мае месяце...

***Тайная грамота царя Федора Иоанновича
к крымскому царю Гази-Гирею – ответ на выше
приводимое послание хана и секретные предложения,
изложенные Ямгурчеем Аталыком
1593. Октябрь.***

Бога Единого превыше небес пребывающего и в трех лицах славимаго Милостию, от великаго Государя Царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Руси, великия Орды великому царю брату нашему Казы Гирею Царю с любовью поклон. Присылал еси к нам брат наш Гонца своего Ямгурчея Аталыка своего шертною грамотою и с тайными речьми, а в грамоте своей писал еси и речью тайной с ним приказывал, чтоб нам прислати к тебе брату нашему на городской харч денег тридцать тысяч рублей, и поминки, и царевичу Мурат Кирееву Естуган царицу, и царевичевских казаков от пустити; а ты брат наш Казы Гирей Царь на Кошкине перевозе на Днепре хочешь город поставить, и все улусы Крымские к Днепру перенести, и о турскаго

хочешь прямо отстать, и бытии с нами на веки в братстве, и в дружбе, и в миру, и Юрт Крымской с московским Государством хочешь соединачить, и на всякаго недруга учнешь с нами стояти за один; а для правды и веры хочешь к нам от пустить сына своего Тохтамыш Гирея Царевича, да от больших родов Араслана Дивеева, и от Ширинского роду, и от Сулешева, и от Куликова и ото всех родов по человеку пришлешь, и будешь с нами в вечном миру, и в братстве и в любви на веки против всякаго недруга с нами; а мы с тобою учнем стояти за один. И те твои тайные Речи шурин наш слуга и канюшей и боярин и воевода дворовой и наместник Казанской и Астраханской Борис Федорович Годунов, выслушав у Ягмурчя Аталыка до нас доносил: и мы Великий Государь с тобою братом нашим с Казы Гиреем царем мимо всех Государей в братстве, и в дружбе, и в любви и в dokonчание быти хотим на веки: и похотя быть (sic) с тобою братом нашим в крепкой дружбе, и в братцкой любви и в dokonчание послали есми к тебе брату нашему послов своих больших Князя Меркурья Александровича Щербатого Обаленского да дняка своего Офонася Демьянова о всем наказав, как нам с тобою братом нашим быти в крепкой дружбе, и в братстве, и в любви и в dokonчание на веки, и о тайном о твоём деле наказан есми а с ними послали есмя к тебе брату нашему запросов твоих денгами тебе десять тысяч рублей, а Калге и Царевичем пятьсот рублей, а платьем тебе и Калге и Князем и мурзам на полсемьи тысячи рублей и всего денгами и платьем на семнатцать тысяч Рублев, и Мурат Кирееву царевичу царину и с царевичевскими людьми, которые были на Москве и Ибрагим пашу Мурзу Сулешева к тебе брату нашему отпустил. А как еже даст Бог увидим твоего брата нашего правду перед собою, будет не своей правды устоишь, и заказ крепкой в Крыме в Азове учинишь и наши Украины сам не пойдешь и царевичев с воинскими людьми не пошлешь, а пойдешь на Литовского, и будешь с нами в крепкой дружбе и в братстве и правду нам ты брат наш, и царевичи, и все князи и мурзы дадите и шертную грамоту к нам пришлешь. И мы твой брата нашего достольной запрос денгами и платьем пришлем с своими послы. И ты б брат наш Казы Гирей Царь перед нашими послы нам правду дал, и шерт учиним почен собою в головах и царевичи и князи и мурзы на том, что тебе брату нашему быть с нами в дружбе и в братцкой любви на веки

не подвижно, отстав прямо от турского, и на всякого недруга стоять за один, и учиня правду и Грамоту окончательную ж золотою печатью написав послом нашим дал и отпустил бы еси их к нам не задержав, и с ними вместе послов своих к нам прислал; и мы перед теми твоими послы тебе брату нашему отпустим их и не задержав, а и своих послов к тебе с ними вместе пошлем и достальной запрос денег и платья и всякия рухляди к тебе брату нашему с ними пришлем. А будет ты брат наш учнешь вскоре на Кошкин перевозе

.....
(далее в тексте документа пропуск в половину страницы). Сколко надобно и мы к тебе людей своих с огненным боем и пущек, сколько тебе надобно, пришлем, и всякому твоему недругу тебя не подадим, и на Донце тот час и два города поставим, и людей многих со многими воеводами на Донец пришлем и почнем вместе с тобою на твоих недругов стоять за один. А ныне бы еси сперва нам тем любовь свою показал, покаместь на Кошкине перевозе город укрепишь, и ты бы нам в осень с послы своими отпустил на поклон Царевича Саадет Киреева Царева сына и Етуган (?) Царицына сына, которого нибуди; и тебе брату нашему мочно то вместить с своим князем, что мы Царицу отпустили к тебе, а ты бы брат наш против нашия любви освободил царицы Естун (?) сына своего к нам на поклон послать за наше к ней жалованье; а сын ея, быв у нас и наши очи увидев и наше жалованье великое, опять к тебе поедет, и нам, увидя твою братскую любовь, вперёд надёжно быть на тебя в крепкой в брацкой любви на веки неподвижно. А как совершица меж нас большое дело и мы и достальной запрос к тебе восень вскоре ж другими своими послы пришлем. А как ты на Кошкине Перевозе город укрепишь, и сына своего и княжих больших людей детей к нам отпустишь, и мы рать свою большую с огненным боем к тебе на Кошкин перевозе пришлем против всех твоих недругей, и наше большое дело о вечном миру во всем укрепится. А подлинно о всех о наших о тайных делах с Янгурчеем наказано; и сее нашу тайную грамоту велели послом нашим отдать Янгурчею тайно, чтоб к тебе Янгурчей отнес тайно, чтоб меж нас ниhto тово дела до времени не ведал. Писан лета ЗРВ октября мца.

*Шертная запись Ахмет-паши, князя Сулеймева
1593. Ноября 9*

Ахмет паша князь, да с ним калги Фетигирея царевича Имилдеш Казы Барам, да Исмаил мурза Куликов, да Нур Абдал мурзин сын Арасланая Дивеев племянник Ак Мурза, да Якши Улан, да Ислам Газы улан Акмамет уланов, да Исеев Княжой сын Сулейман мурза, да Битак княжей сын Зиен паша мурза Апашуков, да Янмолла мурза: перед боярином и воеводами перед князем Федором Ивановичем Хворостинным, да перед оружейничим перед Богданом Яковлевичем Белским, да перед дьяком перед Дорофеем Бохиным великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руссии самодержцу за государя своего Казы Гирея царя и калгу Фетигирея царевича, и за все царевичи, и за весь Крым, и за Арасланаев улус Дивеева по своей вере по мусулманскому закону, на шертной записи, какова прислана от государя с Москвы, шертовали на куране, опричь Азова и Казыева улусу на том: государю их Казыгирею царю, покаместа будет на Крымском юрте, и калге Фетигирею царевичю и всем царевичам, и Крымским людям, и Арасланаева улуса Дивеева, великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руссии самодержца на украины в весну, и в лето, и в осень и во всякое время не приходити, и не воевати, и вперед царю Казыгирею, и Калге, и Царевичем, и всему Крыму с великим государем царем и великим князем Федором Ивановичем всеа Руссии быти в крепкой дружбе на веки неподвижно, и его землям лиха никакого не хотети, не мыслити, ни думати, и на государеву землю войною самому царю не ходити, и царевичей, и кнеязей, и мурз с Крымскими людьми, и Нагайских мурз Арасланай мурзы Дивеева с братьею, и с детми и с племянники с Нагайскими людьми никого не посылати. А кто пойдет войною на государеву украину без царева ведома и Царю Казыгирею, и калге Фетигирею царевичу, и всем царевичам, и всему Крымскому юрту, и Арасланаева улуса Дивеева

Нагайских Мурз улусов, тех людей имая казнити, и полон весь отдавати государевым послам или гонцом, которые в то время у государя моего у Казы Гирея царя в Крыме будут, или их ко государю отсылати. А как великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руссии послы Князь Меркурей Александрович Щербатый, да дьяк Офонасей Демьянов за Донец пойдут, и над теми послы и над провожатыми в провожанье Крымским людем и Нагайским никоторого лиха не учинити. А как великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руссии послы буду у государя нашего Казы Гирея царя и мне, и мне Ахмет паше князю Казыгирею царю говорити, чтоб Казы Гирей царь велел шертную грамоту написати с того списка, каков с послы прислан, и печать свою золотою (ую?) к той грамоте приложил, и на той бы шертной грамоте Казы Гирей царь в головах и Калга Фетигирей царевич, и все царевичи, и князи, и мурзы правду дали, и тое бы грамоту Казы Гирей царь с своею золотою печатью дал государевым послам, и их к государю отпустил не задержав, и своих послов к государю послал с ними вместе. Так же мне Ахмет наш князю и братье моей, и всему моему родству, будучи в Крыму, великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руссии и его землям хотети добра во всем, и государя своего Казы Гирея царя и Калгу, и царевичей, и князей, и мурз Крымских на всякое добро наводити, чтоб Казы Гирей царь был с государем царем и великим князем Федором Ивановичем всеа Руссии в братстве и в дружбе в крепкой, и в любви на веки неподвижно, а лиха мне, и братье моей, и всему родству моему государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руссии и его землям, будучи в Крыме, никакого не чинить, ни думати, ни мыслити никоторою хитростью по сей шертной записи, как в ней писано.

*А се перевод с шертные грамоты на чем шертовал
государю царю и великому князи Федору Ивановичу
всёа Русии Крымскои Казы Гирей Царь РВ году перед
государевым послы пред князем Меркурьем Щербатовым
да перед диаком перед Офанасьем Демьяновым.
1594*

Силы находьца и победителя Казы Гиреево цареве слово. Почал есми великаго истиннаго величества Божиим именем, и пророка его истиннаго Магамедова величества истинным пророчеством. Великие Орды великий царь яз Казы Гирей Божия величества милостино и помощию в сердце свое возьм добрую мысль во всяком деле, слово свое истинно и праведно учиняя, что мне з братом своим с великим государем царем и великим князем Федором Ивановичем всёа Русии самодержцом и многих государств государем и обладателем с сих мест вперед бытии в доброй дружбе и в братстве на веки от детей на вну чата, где ни будем: другу его друг, а недругу его недругом бытии, и на всякого своего недруга стояти им за один. Хто мне Казы Гирею царю друг будет, тот и брату моему великому Князю Федору Ивановичу всёа Русии друг; а хто мне Казы Гирею царю недруг, тот и брату моему царю и великому князю Федору Ивановичу всёа Русии недруг. А хто будет брату моему царю и великому князю Федору Ивановичу все Русии друг, то и мне Казы Гирею царю друг. А хто брату моему великому князю недруг, то и мне Казы Гирею царю недруг. Также мне Казы Гирею царю и брату моему калге Фети Гирею царевичу, и племяннику моему Бахты Гирею царевичу, и иным братьям моим царевичем и детям нашим, и племянником, и нашим Карачеем, и мирзам, и всем нашим ближним людем, и далним, и всем Крымсково юрта ратным людем и Нагайским людем Дивеева сына Арсланаева роду, и всем Нагайским людем ваше брата нашего, великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всёа Русии, государств и всех городов и всех земель не воевати. А которые наши воинские люди без нашего ведома ваших брата нашего городов и земель людей повоевав,

к нам придут, и нам тех людей казнить смертью, а взятое и полон весь сыскав, тебе брату нашему без окупы отдати. Так же тебе брату нашему царю и великому князю Феодору Ивановичу всеа Руси и твоим детям, которых тебе в перед Бог даст, и вашим боярам, и воеводам, и всем ратным людям и всех ваших государств ратным людям нас великого государя Казы Гирея царя и брата моей, и детей моих, и племянников, царевичей, и всего нашего Крымсково юрта, и улусов не воевать, и в улусех пришед не стояти; а которые твои брата нашего великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси воеводы и ратные люди без твоего брата нашего ведома, пришед, наше государево и улусы наши воевав к вам придут и тебе брату нашему тех людей казнить, а взятое животы и полон все сыскав без окупа назад отдати. А в которые государства ваши брата нашего царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси послы и посланники и гонцы или гости пойдут, и ис которых государств от иных от которых государей к тебе брату нашему пойдут послы и посланники, или гости которых государств пойдут полем или Доном через наши государства, и нашим всяким людям ваших брата нашего послов, и посланников, и гонцов, и гостей, которые от тебя ходят, и к тебе брату нашему пойдут, не имати и не грабити, и пропускати их без зацепки. А которые наши люди ваших брата нашего послов, и посланников, и гонцов, или гостей, или иных государей послов, которые к вам брату нашему пойдут, понимают, или ограбя к нам приведут, и нам тех своих людей казнить смертью, а взятое животы и полоненных сыскав без окупы всех отдавати: а которых наших людей ваши брата нашего люди поемлют, тех вам без окупы к нам отпущати. А которые наши послы и посланники и гонцы от нас к вам брату нашему ходят и им ходити прямо безо всякие тамги и безошлинно; а которые ваши брата нашего послы и посланники и гонцы ходят к нам брату нашему Казы Гирею царю и им потомуж ходити прямо безо всякие тамги и безошлинно. А которое у нас вашим брата нашего послом, и посланникам, и гонцам учинится насилство и безчесть; и вам брату нашему против того над нашими послы и посланники и над гонцы потому ж учинити: а которые насилство и безчестье нашим послом, и посланникам, и гонцам у вас брата нашего великого государя учинится, и нам потому ж над вашими послы, и посланники, и над гонцы делати, как над ними дея-

лося. А что в сей нашей в шертной грамоте писано, и тех всех слов инако не учинить; на том мы великий государь Казы Гирей царь в головах и брат мой Калга Фети Гирей царевич, и все царевичи наши дети, и племянники, и карачен наши, и уланы, и князи, и мурзы, и все наши ближние люди крепкую руту и шерь учинили есмя на том, что нам з'братом своим с великим государем царем и великим князем Феодором Ивановичем всеа Русии бытии на обе стороны по сей шертной грамоте на веки от детей на внучата безо всякого мненья. А для болшого укрепления и для меж себя братцкие любви к сей шертной грамоте яз Казы Гирей царь золотую печать свою приложил.

*Перевод з грамоты что прислал к государю царю
и великому князю Борису Феодоровичу Годунову
всеа Руссии крымской Казы Гирей царь
з гонцом с Ян Мамет Челибеем*

Бог великий и милостивый!

Гамаюна подражатель.

Казы-Гирей царь с Русским и Прусским всего хрестьянства Государем с братом своим Борисом Феодоровичем великим князем с его величеством мне великия Орды и многих государств великому царю Казы-Гирею самодержцу и государю нашему величеству всех ден в перед и на веки от детей на внучата в дружбе и в братстве и в любви быти; где мы ни будем, другу другом, а недругу недругом быти; на всех своих недругов обеим нам стояти за один. Кто будет всея Руссии государю и обладателю великому Князю Борису Феодоровичу друг, тот и мне брату его великому государю Казы-Гирею царю друг; а кто будет Борису Феодоровичу недруг, тот и нам брату его великия Орды великому государю Казы-Гирею царю недруг. А кто будет нам Казы-Гирею царю друг, тот бы и брату нашему всея Руссии великому князю друг был, а кто будет нам брату его великому государю Казы-Гирею царю недруг, то бы и брату нашеу Борису Феодоровичу всея Руссии был недруг. Да нам же великому государю Казы-Гирею царю

и сыну нашему Калге Тахматыш гирею Царевичу, и сыну ж нашему Сефер-Гирею царевичу и всем нашим детям царевичем, и карачеем и князем, и мурзам, и всем ближним и дальним людям и всем Крымского юрта воинским людям и Дивеевых детей улусу, и Казыева улуса людям, и всем нагайским людям, ваших брата нашего крестьянского всеа Руси государя и обладателя Бориса Феодоровича великаго князя государств и всех вашего государства городов не воевати. А которые наши воинские люди ваших брата нашего, которых городов ни буди, люди повоюют, и в полон к нам приведут, и нам тех людей казнити смертию; а полон и взятое все вам брату нашему без окупы назад отдавати. А которые ваши великаго государя царя и великаго князя Бориса Феодоровича всеа Руси обладателя и государя воеводы и ратные люди без вашего брата нашего ведома наши места и улусы в се нынешнее мирное время повоюют, и воевав к вам придут, и вам брату нашему тех людей казнити смертию, а полон сыскав потомуж без окупы назад отдавати. А которые ваши брата нашего великаго государя царя и великаго князя Бориса Феодоровича всеа Руси послы и гонцы, или торговые люди от вас куды ни пойдут, или от которого Государя к вам брату нашему послы или гонцы, или тех государей и государств гости и торговые люди чрез наши государства пойдут, и нашим всяким людям ваших брата нашего послов, и гонцов и гостей и торговых людей, которые учнут ездити меж ваших государств не имати и не грабити, давати ездити на воле без запрещенья свободно. А которые будет наши люди ваших брата нашего послов, или гонцов, или торговых людей, или иных государей, которые к вам ездят людей поймают или ограбя к нам приведут, и нам тех своих людей казнити смертию, а полон и взятое, сыскав без окупы, назад отдавати. А коли будет наши послы или гонцы от нас к вам брата нашего пойдут, и им бы потомуж безошлинно и без тамги ходити: а будет ваши брата нашего послы иль гонцы к нам великому государю Казы-Гирею царю придут и им потомуж безошлинно и безтаможенно ходити. А которым вашим брата нашего послам или гонцам в нашей стороне насильство или безчестье учинят, и вам против того нашим послом или гонцом также учинити. И тому всему, что в сей нашей шертной грамоте писано инако не быти. На том мы великий государь Казы-Гирей царь в начале и сын наш Калга Тахматыш Гирей

царевич, да сын наш Сефер-Гирей царевич и иные царевичи и братья наши, и карачен, и уланы, и Курчи и князи, и мурзы, и за всех своих людей и за весь Крымской юрт в нынешнее время, и вперед которые под нашею рукою люди будут, за всяких своих людей крепкую шерть учинили есмя, и сю шерть и правду нам великому государю Казы-Гирею царю с царем и великим князем Борисом Феодоровичем всеа Руссии на обе стороны по сей шертной грамоте в веки от детей на внучата без хитрости крепко держати. А для большего укрепления братства нашего и любви мы Казы-Гирей царь к сей своей шертной грамоте золотую печать свою приложили. Писан в Июне месяце (1602 г.).

Документы, помещенные в Приложении к 14-й главе, заимствованы нами из работы Ф. Ф. Лаикова «Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII в. в., хранящиеся в Московском государственном архиве Министерства иностранных дел», Симферополь, 1891, с. 29–40.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ И ПОЖЕЛАНИЯ

Итак, многое в принятом в историографии понимании османско-крымско-российских отношений, с нашей точки зрения, следовало бы пересмотреть и о многом подумать: это и соотношение агрессии и обороны, влияние природно-климатических изменений на политику и судьбы народов Восточной Европы, предрасположенность региона к созданию имперских структур, смена в нем хозяйственной базы развития, цивилизационное отставание татарских улусов и поиск ими своего пути к экономическому и социальному прогрессу. Мы пытались дать читателям почувствовать всю сложность этого периода для восточноевропейских стран и показать их самостоятельные попытки преодолеть стоящие перед ними трудности. Тема еще далеко не исчерпана и в ней остается достаточно неразработанных проблем для дальнейших исследований.

Два следующих века существования Крымского ханства (XVII и XVIII вв. до 1783 г.) требуют иного подхода к их изучению. Для них характерна большая вовлеченность ханства в жизнь и проблемы Османской империи и европейские международные отношения, породившие в конце концов так называемый «Восточный вопрос». У автора есть несколько написанных ранее работ, касающихся этого времени и этой международной проблемы (см.: Орешкова С. Ф., 1996, 1999, 2002, 2003, 2005, 2005–1, 2007, 2015, 2018). Данная же книга на этом завершается.

Хочу лишь напомнить два принципиально важных момента, на которые особенно обращаю внимание читателя.

Первый касается того, что межгосударственные отношения в регионе в изучаемое нами время развивались в рамках особой культуры международных отношений, сложившейся на базе золотоордынского наследия, исламских представлений о возможностях и формах сосу-

ществования мусульманского и христианского миров и геополитического разграничения земледельческого и кочевнического хозяйственных ареалов. Это проявлялось в не ожидавшемся порой соседями татарских государств упорстве в проведении тех или иных внешнеполитических акций и приверженности к определенным ритуалам дипломатической практики. Их трудно понять, оценивая происходившее с позиций европейской практики межгосударственных отношений, как тогдашней, так и современной.

И второй: Россия, вынужденная восстанавливать свою самостоятельную государственность в этой специфической постордынской обстановке Восточной Европы и стремившаяся вернуться в лоно европейской культуры, постепенно (не без ошибок) осваивала европейскую международную практику, но в отношении восточного мира продолжала действовать по его особым законам, что позволяло ей сохранять возможность сосуществования с ним, быть в нем своей. Наступление же на него – и оборонительно-политическое, и тем более территориальное, в исследуемый нами период оказывалось вынужденным. «Агрессия» Москвы в отношении тюркских государств, о которой много пишут в историографии, была на самом деле (по крайней мере, в XV–XVI вв.) лишь защитной реакцией, активной обороной, необходимой для собственного ее государственного становления и охраны своей территории от набегов той сохранявшейся в регионе кочевой составляющей местных обществ, которую никак не могли обуздать складывавшиеся в Восточной Европе новые тюркские государства.

Рубеж XVI–XVII вв. ознаменовался, наконец, подписанием мирного соглашения между Русским государством и Крымским ханством, что, казалось, сулило не только мирное сосуществование, но и возможность заняться назревшими внутренними проблемами. Однако польско-русский конфликт, «смутное время» в России, внутренний кризис в Османской империи и возможность в этой ситуации снова разгуляться кочевнической стихии, к сожалению, положили конец возникшим было надеждам, связанным с согласием Гази-Гирея на «вечный мир» и межгосударственное равенство, декларируемое признанием ханом царского титула за московским правителем.

И общий итог. В настоящее время общепринятая в историографии оценка крымско-московских отношений XVI в. наиболее четко сформулирована А. Беннигсеном и Ш. Лемерсье-Келькежё, по-русски она процитирована в работе О. Гайворонского и сборнике «Восточная Европа...», 2009: «В 1515 году между Крымом и Москвией начался

длительный конфликт за обладание бывшим улусом Бату, предметом которого были Казанское и Астраханское ханства и который окончательно завершился в 1593 году победой московской стороны» (Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejau Ch., 1972, с. 323). Как видит читатель, в этой книге излагается несколько иная точка зрения. Надеюсь, что приведенный нами конкретный материал убедит читателя, что у Московии не было стремления овладеть улусом Бату. Для нее вопрос стоял в сохранении и защите собственной восточнославянской государственности. Она была устремлена на Запад, а не на Восток и в южные «Дикие» степи. Конфронтация с Казанским и Астраханским княжествами была вынужденной защитной реакцией, отвлекающей страну от поставленной ею себе внешнеполитической задачи. Освоение Поволжья, да и то пока еще не очень активное, начинается лишь в конце XVI в., после поражения в Ливонской войне. Москва еще не пришла к идее, что для своего государственного сохранения ей придется строить многонациональную и многоконфессиональную империю. Для XVI в. эта задача еще не была достаточно осознанной.

Тюркские государственные образования региона также постепенно отказывались от золотоордынских амбиций и пытались строить новый тюрко-исламский мир. Османская империя в этом оказалась для них плохим помощником. Ее интересы были устремлены в иные регионы. В 1593 г. поэтому мы можем говорить не о «победе московской стороны», а о появившихся надеждах на стабилизацию межгосударственных отношений в регионе, а с ней и новом цивилизационном стимуле к подтягиванию к мировому уровню его периферийных районов. «Смута» в Московском государстве, русско-польский конфликт и кризис начала XVII в. в Османской империи положили конец наметившемуся было повороту в этом направлении. Ситуация изменилась, и начинается принципиально иной период как для истории России, так и для Крымского ханства и крымско-российских отношений. Надежды и возможности конца XVI века оказались не реализованными.

ЛИТЕРАТУРА

Абдульвапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2006. № 79.

Абрамова Т.А., Турманина В.И. Реконструкция климатических изменений последнего тысячелетия в Прикаспии // Известия ВГО. Л., 1982. Т. 114, Вып. 3, май-июнь.

Абрахамович З. Османский султан как восточно-римский император // *Turcica et Ottomanica*. Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006.

Абуль-Гази Бахадур-хан. Родословное древо тюрок. Пер. и предисловие Г.С. Саблукова. Казань, 1906.

Агаджанов С.Г. Очерки по истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.

Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. Документы и материалы. Составление, перевод, комментарии А.С. Тверитиновой. М., 1963.

Акты исторические. Т. I, СПб., 1841.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I. СПб., 1848.

Акчокраклы О. Новое из истории Чухут-Кале // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1928. № 11 (5а).

Акчокраклы О. Про перший проект споруди Волго-Донського каналу у XVI сторіччі // Східний Світ. Харків, 1928. № 2.

Акчурин М.М. Начальная генеалогия ширинских князей // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 2011. Вып. 2.

Александров В. А. Организация обороны южных границ русского государства во второй половине XVI–XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XVI–XVIII вв. М., 1979.

Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья: XVI – начало XIX века. М., 1990.

Алишев С.Х. Казань и Москва. Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995.

Алишев С.Х. Продвижение России на Восток в XVI веке // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. Челябинск, 1995.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937.

Антонов А.В. Акты служилых татар 1525–1609 годы // Русский дипломатий. Вып. 7. М., 2001.

Апанович О.М. Збройни сили України першої половини XVIII ст. Київ, 1969.

Асеев ес-сейар, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирея хана 1-го до Менгли-Гирея хана 2-го, т. е. с 871 / 1466 по 1150 / 1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832.

Ахмедова А.О., Муртазалиев С.И. Миграция тюркских племен и демографические процессы в болгарских землях (середина XIII – начало XVII века) // Славяне и их соседи. Вып.10. М., 2001.

Багалеи Д.И. Очерк из истории колонизации степных окраин Московского государства. М., 1887.

Базилевич К.В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник Московского университета. 1948. № 1.

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства во второй половине XV в. М., 1952.

Базылев Л. Польско-турецкие дипломатические связи в XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVII вв. М., 1979.

Банионис Э. Введение // Литовские метрики. Книги записей 5. Vilnius, 1993.

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.

Барбашев А.И. Витовт. Последние двадцать лет княжения (1410–1430). СПб., 1885.

Барвинські Б. Історичні причинки. Львів, 1909. Т. 2.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. I–VIII, М., 1963–1973.

Бархатная книга. М., 1787.

Белокуров С. Отношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613 // ЧОИДР. Кн. 3. М., 1888.

Беляков А.В. Чингизиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011.

Беннигсен А. Россия XVIII века в архивах Османской империи // Русско-французские экономические связи. М., 1970.

Беннигсен А. Турецкий поход на Астрахань в 1569 г. // Восточная Европа ... 2009.

Беннигсен А., Бериндей М. Астрахань и политика в степях Северного Причернопорья (1587–1588 гг.) // Восточная Европа ... 2009.

Беннигсен А., Лемерсье-Келькежё Ш. Большая Ногайская Орда и проблема контактов между Османской империей и Центральной Азией в 1552–1556 гг. // Восточная Европа ... 2009.

Беннигсен А., Лемерсье-Келькежё Ш. Крымское ханство в начале XVI века: от монгольских традиций к османскому сюзеренитету по неопубликованному документу из Османского архива // Восточная Европа ... 2009.

Беннигсен А., Лемерсье-Келькежё Ш. Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг. // Восточная Европа ... 2009.

Бережков М.Н. План завоевания Крыма, составленный Юрием Крижаничем // ЖМНП. 1891. Ноябрь.

Бережков М.Н. Древнейшая книга Крымских посольских дел (1474–1505 гг.) // ИТУАК. 1894. № 2.

Бережков М.Н. Крымские шертные грамоты // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Кн. 8. Киев, 1894.

Бережков М.Н. Нур-Салтан – царица Крымская // ИТУАК. 1897. № 27.

Блюменфельд Р.Ф. Крымско-татарское землевладение // Одесский вестник. 1888.

Бойцова Е.Е. Ислам в Крымском ханстве. Севастополь, 2004.

Боплан Г.-Л. Описание Украины. М., 2004.

Босворт К.Э. Нашествие варваров: появление турок в мусульманском мире // Мусульманский мир (950–1150). М., 1981.

Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Кафы (конец XIII – вторая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. СПб., 1998. Вып.1.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии (Кампанья Каффы) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Казань, Астрахань, 2011.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Солхатская война и ее отражение в генуэзской фортификации Восточного Крыма // Крым в войнах России. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 2015.

Бочаров С.Г. Историческая география геноуэзской Газарии 1275–1475. Диалог городской и степной культур на Европейском пространстве. Историческая география Золотой Орды // Материалы VII Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань – Ялта – Кишинев, 2016.

Бродель Ф. Материальная цивилизация: экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1. Структура повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.

Броневский М. Описание Крыма 1578 г. / Пер с лат. Г. Шершеневича // ЗООИД. Т. VI. 1867.

Брыня П.П. Килия и Нижний Дунай в эпоху Стефана Великого // Stratum. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2005.

Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962.

Буганов В.И. Документ о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4.

Бурдей Г.Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40–50-гг. XVI в. // Ученые записки Саратовского университета. Т. 47. Саратов, 1956.

Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1571 года // Из истории межславянских культурных связей. Ученые записки Института славяноведения. Т. XXVI. М., 1963.

Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XV в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986.

Бэрдзедж Н. Изгнание черкесов (причины и последствия). Майкоп, 1996.

Вайнштейн Ж. Послание Селима II польскому королю Сигизмунду-Августу об астраханской кампании 1569 г. // Восточная Европа ... 2009.

Василенко Н. Очерки по истории Западной Руси и Украины. Киев, 1916.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. I–IV, СПб., 1863–1887.

Вельяминов-Зернов В.В. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. СПб., 1864.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь – Москва, 1997.

Веселовский Н.И. Рец. на книгу: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887 // ЖМНП. 1889. Ч. 261. Янв. Отд. 2.

Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999.

Виноградов А.В. К изучению крымского вопроса во внешней политике России накануне и в первые годы Ливонской войны // Внешняя политика России: Источники и историография. М., 1991.

Виноградов А.В. Внешняя политика Ивана IV Грозного // История внешней политики России. Конец XV–XVII вв. (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999.

Виноградов А.В. Посольство А. Ф. Нагого в Крым 1563–1573 гг. // Российская дипломатия: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию создания Посольского приказа. М., 2001.

Виноградов А.В. Судьба резидента. Афанасий Нагой, дипломат и шпион // «Родина». 2004. № 12.

Виноградов А.В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.

Виноградов А.В. Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Т. 1–2. М.: Институт российской истории РАН, 2007.

Виноградов А.В. «Московская партия» в Крыму в 70–90 гг. XVI в. Мининские чтения. // Труды участников международной научной конференции. Нижний Новгород, 2010.

Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в 1570–1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010.

Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в первые годы правления Гази-Гирея II (1588–1591 гг.) в контексте консолидации Крымского ханства по завершению династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. № 4. С. 17–46.

Виноградов А.В. Посольский дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов и дипломатические отношения русского государства с Крымским ханством в 70–90-х годах XVI в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. Сб. статей. М., 2012. С. 187–197.

Виноградов А.В. Русское государство в системе межгосударственных договоров 70-х – начала 80-х гг. XVI в. // От царства к империи. Россия в системе международных отношений второй половины XV – начала XX века. М. – СПб., 2015.

Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 1567–1572 гг. в тринадцатой крымской посольской книге. // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572. Кн.13. М., 2016.

Виноградов А.В. Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей русского государства и Крымского ханства 60–90-х годов XVI века. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8.

Волков М. Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455, 1456) // ЗООИД. 1872. Т. 8.

Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Сборник статей. Казань, 2009.

Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Н. Новгород, 2002. Вып.4. Т. 3.

Гайворонский Олекса. Повелители двух материков. Т. 1. Крымские ханы XV–XVI столетий в борьбе за наследство Великой Орды. Киев, 2007. 2-е изд. 2010.

Галенко О. Тидун // Східні світ. 1998. № 1–2. С. 183–204.

Гейшер А. История на службе юго-восточной политики Речи Посполитой в XV и XVI вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Гёкбилгин О. Несколько рукописных источников об эпохе крымского хана Сахиб-Гирея I (1532–1551), хранящихся в Стамбуле, Париже, Ленинграде // Восточная Европа ... 2009.

Голобуцкий В.Ф. Запорожское казачество. Киев, 1957.

Гонца Г.В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. Кишинев, 1984.

Гонца Г.В. К истории молдавско-турецких отношений начала XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1970.

Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. 1–4. М., 1961–1968.

Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002.

Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек и история. М., 1996.

Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.

Горский А.А. О названии «Большая Орда» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1 (3).

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М. – Л., 1950, М., 1998.

Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI в. М., 1963.

Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.

Грёзы розового сада. Из средневековой Крымско-татарской классической поэзии. Пер. С. Дружинина. Сост., предисл. и коммент. Н. Абдульваапа. Симферополь, 1999.

Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV века: хронология правления // Историография и источниковедение истории Азии и Африки. Л., 1968. Вып. 7.

Григорьев А.П. «Книга путешествия» Эвлия Челеби – источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. III, Л., 1974.

Григорьев А.П. Дата выдачи ярлыка Тохтамыша // Востоковедение. Вып. 6. Филологические исследования. Л., 1979.

Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории Азии и Африки. Вып. 10. Л., 1987.

Григорьев А.П. Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486) // Ученые записки ЛГУ. № 419. Серия востоковедческих наук. Вып. 29. Востоковедение. Вып. 13. Л., 1987.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Бердибека от 1358 г. венецианским купцам Азова (Реконструкция содержания) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XVI. СПб., 1995.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. Письмо правителя Крыма Рамадана венецианскому дожу (1350) // Востоковедение. Вып. 19. СПб., 1997.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. Уведомление правителя Крыма Рамадана венецианским купцам в Янгишекире (1356) // Востоковедение. Вып. 36. СПб., 1998.

Григорьев В. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // ЗООИД. Т. 1, 1844.

Грозданова Е., Андреев С. Българите през XVI век. По документи от наши и чужди архиви. София, 1986.

Грушевский М.С. Історія України-Русі. Т. IV. Київ–Львів, 1907. Новое переиздание. Київ, 1993.

Грушевский М.С. Очерки истории украинского народа. Киев, 1911.

Грюнебаум Г.Э. Классический ислам. Очерк истории. М., 1988.

Губоглу М. Поход Сулеймана Великолепного в Молдавию 1538/945 г. в свете турецких летописей // Труды 25-го Международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963.

Гузев В.Г. О ярлыке Мехмеда II // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.

Гулевич В.П. Северное Причерноморье в 1408–1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1.

Гулевич В.П. Малоизвестный крымский хан Джанибек (1478–1477) // Золотоордынская цивилизация. Казань. 2017. № 10.

Гусейнов Р.А. Уджи – военно-феодальный институт в Малой Азии в XI–XII вв. // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.

Гусейнов Р.А. Земля уджей // Формы феодальной земельной собственности и владений на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.

Данилова Э.В. Кафа в начале второй половины XV в. (по документам Codica) // Феодальная Таврика. Киев, 1979.

Дашкевич Я.Р. Україна на межі меж Сходом і Заходом (XIV–XVIII ст.) // Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка. Праці історико-філософської секції. Львів, 1991.

Дегоев В.В. История Северного Кавказа с древнейших времен до воцарения Екатерины II. В двух томах. М., 2019.

Джемиль Т. Татары на Балканах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016.

Димитров Ст. За юрушката организация и ролята ѝ в етноасимиляционните процеси. // Векове. София. 1962. № 1/2.

Дневник Люблинского сейма 1569 г. Соединение великого княжества Литовского с королевством Польским. СПб., 1869.

Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции. Сборник документов. Составитель И.А. Мустакимов. Казань, 2008.

Доманицький В. Козаччина на переломі XVI–XVII вв. // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1904. T.LXI.

Думин С.В. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1988.

Дунаев Б.И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916.

Еремеев Д.Е. Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории // Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М., 1963.

Еремеев Д.Е. Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969.

Еремеев Д.Е. Этногенез турок. М., 1971.

Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992.

Жирмунский В.М. Избранные труды. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Жуков К.А. Османские хроники XV–XVII вв. о создании войск «яя ве мюселлем» // *Turcologica*. Л., 1986.

Жуков К.А. Эгейские эмираты в XI–XV вв. М., 1988.

Жуков К.А. Турецкие «газават-наме» XIV–XV вв. как исторический источник // Бартольдские чтения. Тезисы докладов и сообщений. М., 1990.

Забвению не подлежит... (Из истории крымско-татарской государственности.). Казань, 1992.

Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1964.

Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.

Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.

За землю Русскую. Памятник литературы Древней Руси. XIV–XV вв. М., 1984.

Зайончковский А. «Летопись Кыпчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак») как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М., 1969.

Зайцев И.В. Разгром «Большой Орды» в 1502 г. // Пусковые механизмы долговременных процессов в природе и обществе. М., 1999.

Зайцев И.В. Письмо хана Большой Орды Ахмада турецкому султану Мехмеду II Фатиху (881 г. х.) // Восточный архив. М., 1999.

Зайцев И. Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция. М., 2003.

Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004 (–1).

Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004 (–2).

Зайцев И. В. Ad Fontes: Крымская историография эпохи Средневековья и Нового времени // Тюркологический сборник 2003–2004. М., 2005.

Зайцев И. В. К истории дипломатических связей Крымского ханства и доосманского Египта (вторая половина XV – начало XVI века). // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в X – первой трети XVII века. М., 2006.

Зайцев И. В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX вв. // Отечественная история. 2008. № 4.

Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009.

Зайцев И. В. Крымское ханство: вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика. Сб. статей к 100-летию А. С. Тверитиновой. М., 2010.

Зайцев И. В. Судьба аристократа. Ак-Мухаммед-оглан и сын его Федор // Золотоордынское обозрение. № 2. Казань, 2013.

Зайцев И. В. Дешт-и Кипчак и Крымское ханство в цивилизационном взаимодействии в Евразии // Евразийство: от диалога к взаимодействию. Тезисы докладов. М., 2014.

Зайцев И. В. Рецензия на книгу Руева В. Л. «Турецкое вторжение в Крым в 1475 г.». Симферополь, 2014. // Восток/Orient. 2016. № 2.

Зайцев И. В. Княжеские «юрты» Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. № 4. 2015. С. 188–206.

Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988.

Зевакин Е. С., Пенчко М. А. Из истории социальных отношений в Генуэзских колониях северного Причерноморья в XV веке // Исторические записки. № 7. М., 1940.

Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2018.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991.

Зиројевић О. Цариградски друм од Београда до Софије (1459–1653). Београд, 1970.

Золотая Орда в источниках. Т. I. М., 2009.

Иванич М. Крымско-татарско-иранские связи в XVI–XVII вв. // Великий Волжский путь. Материалы международной конференции. Ч. 2. Казань, 2004.

Иванич М. Посольства крымских татар при венском дворе в 1598–1682 гг. (из истории крымско-татарской дипломатии XVI–XVII вв.) // *Turcica et ottomanica*. Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006.

Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 2001.

Игнатова О.М. Османские владения в Крыму по данным турецких и русских источников XVI–XVIII вв. Картографическое отображение // Электронная библиотека и базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 11. М., 2005.

Идигей. Татарский героический эпос. Перев. С. Липкина. Казань, 1990.

Иловайский Д. История Рязанского княжества. М., 1848.

Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов. // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1–2.

Исин А.И. Взаимоотношения между Казахским ханством и Ногайской ордой в XVI в. (AKD). Алма-Ата, 1988.

Исин А.И. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI в. Семипалатинск, 2001.

Ислаев Ф.Т. К вопросу об исламизации Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции. Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды, посвященная памяти М.А. Усманова. Казань, 2011. Вып. 2.

История Византии. Т. 3. М., 1967.

История внешней политики России. Конец XV–XVII века (от свержения ордынского ига до Северной войны). / Отв. ред. Г.И. Санин. М., 1999.

История Крыма. Т. 1–2. М., 2017.

История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань в лето от Р.Х. 1677 // ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872.

История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Исханоглу; Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA); Перевод с турецкого В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера. М.: Восточная литература, 2006.

История татар с древнейших времен. Т. IV. Казань, 2014.

История о Казанском ханстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. СПб., 1903.

Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2002.

Исхаков Д. М. О родословной Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 63–74.

Исхаков Д. М., Измаилов И. Л. Этнополитическая история татар. Казань, 2007.

Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.

Ищенко С. А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVII вв. Т. 1. М., 1957.

Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. V–VI. М., 1993, 1998.

Каргалов В. В. На степной границе (оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия). М., 1974.

Карпов С. П. Работорговля в южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Кафы) // Византийский временник. 1986. Т. 46.

Карпов С. П. Итальянские морские республики в южном Причерноморье в XIII–XV вв. Проблемы торговли. М., 1990.

Карпов С. П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991.

Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994.

Карпов С. П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ. 1994. Т. 55.

Карпов С. П. Кризис середины XIV в.: недооцененный переворот? // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999.

Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000.

Карпов С. П. Тана – колыбель кризиса середины XIV в. // Stratum Plus. 2016. № 6.

Каррер д' Анкос Э. Торговые пути Центральной Азии и попытки отво-
евания Астрахани // Восточная Европа... 2009.

Кёпрюлю М. Ф. Происхождение Османской империи (пер. Шамсутдинова А. М.). М., 1939.

Кидырниязов Д. С. Из истории взаимоотношений ногайцев с казанскими татарами в XVI в. // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Т. III. М., 1997.

Кидырниязов Д. С. Ногайцы в XV–XVIII вв. (Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Махачкала, 2000.

Кинан Э. Москва и Казань: модель степной дипломатии // Панорама-Форум. Казань, 1995. № 1.

Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1997.

Киртоаге И. Г. Юг Днестровско-Прутского междуречья под османским владычеством (1484–1595). Кишинев, 1992.

Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV столетия // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984.

Книга посольская Метрика Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год). Изд. М. Погодин, Д. Дубенский. М., 1843.

Книга посольская Метрика Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 г.). Издана по поручению императорского Московского общества истории и древностей российских кн. М. Оболенским и проф. И. Даниловичем. М., 1845.

Книга путешествия турецкого автора Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). Пер. и комментар. Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999.

Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия, антропонимика. М., 2008.

Колли Л. П. Исторические документы о падении Кафы // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1911. № 45.

Колли Л. П. Кафа в период владения ее Банком Св. Георгия (1454–1475) // ИТУАК. 1912. № 47.

Колли Л. П. Хаджи-Гирей и его политика // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 50.

Колли Л. П. Последние годы генуэзских поселений в Крыму. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 54, 55.

Колодзейчик Д. Крымское ханство как фактор стабилизации на геополитической карте Восточный Европы. / Украина и соседние государства в XVII в.: Материалы международной конференции. СПб., 2004.

- Кононов А.Н. Родословная туркмен. М. – Л., 1958.
- Коран. Перевод и комментарий И.Ю. Крачковского. М., 1963.
- Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов в XIII – начале XIV в. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999.
- Королев В.Н. Босфорская война. Ростов-на-Дону, 2002.
- Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. 15. Руина. СПб., 1905.
- Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1935.
- Коэн К. Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире // Мусульманский мир (950–1150). М., 1981.
- Краморовский М.Г. Джучиды и Крым. XIII–XV вв. // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003.
- Краморовский М.Г. Солхат и Мамай во второй половине 70-х – 80-гг. XIV в. / Золотоордынское наследие: Материалы второй международной научной конференции, посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 2011.
- Кром М.М. Между Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой половины XVI в. М., 1995.
- Крымские татары. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Авторы-составители М.А. Араджioni, А.Г. Герцен. Симферополь, 2005.
- Крымский А.Е. История Турции и её литературы. М., 1910, 1916.
- Куликовская битва. М., 1980.
- Кульпин Э.С. Пути России. Генезис кризисов природы и общества в России. М., 1995.
- Кульпин Э.С. Золотая Орда. М., 1998.
- Кульпин-Губайдулин Э.С. Социоестественная история. Волгоград, 2014.
- Курат А.Н. Собрание сочинений. Кн. 1–4. Казань, 2015.
- Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913, 2001.
- Курникова О.М. Османские владения в Крыму в XVI–XVII вв. Территориальные границы / Наследие Мирзы Казем-Бека и современность. Сб. докладов. Казань, 2015.
- Кушева Е.Н. Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв.: обзор материалов русских архивов // Исторический журнал. 1943. № 1.

Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки. Вып. 34. М., 1950.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963.

Кямилев С. Х. К интерпретации коранических терминов кыст и адль // Социально-политические представления в исламе. История и современность. М., 1987.

Лашков Ф. Ф. Архивные данные о бейликах Крымского ханства // Труды VI археологического съезда в Одессе в 1884 г. Т. IV. Одесса, 1887.

Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв., хранящиеся в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. // ИТУАК. 1890. № 9.

Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв. Симферополь, 1891.

Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского земледелия // ИТУАК. 1895–1896. № 22–24.

Лашков Ф. Ф. Крымские шертные грамоты XVI–XVII вв., хранящиеся в Московском Главном архиве МИД // Труды XIII Археологического съезда в Москве. Т. II. М., 1895.

Лемерсье-Келькежё Ш. Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов // Франко-русские экономические связи. Москва – Париж, 1970.

Лемерсье-Келькежё Ш. Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованному источнику из архива Музея дворца «Топкапы» // Восточная Европа ... М., 2009.

Лемерсье-Келькежё Ш. Один неопубликованный источник по истории России XVI века. Реестры «Мюхимме дефтерлери» архива при ведомстве Премьер-министра // Восточная Европа... М., 2009.

Лемерсье-Келькежё Ш. Походы Девлет-Гирея против Москвы в 1571 и 1572 году по документам Османского архива // Восточная Европа ... М., 2009.

Ленявко С. А. Козацькі походи на татар у 1570–1580-х роки // Південна Україна. 1999. Вып. 5.

Литвин Махалон. Трактат о нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.

Литовские метрики. Отд. 1. Часть 1. Книга записей. Т. 1, СПб., 1910.

Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.–Л., 1954.

Лихачев Н.П. Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900.

Лихачев Н.П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. СПб., 1900.

Лихачев Н.П. Летописи и записи в рукописях и на книгах как генеалогический материал. СПб., 1900.

Лызлов А. Скифская история. М., 1990.

Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства во время издания Первого литовского статута. М., 1892.

Любавский М.К. Литовско-русский сейм. М., 1900.

Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. М., 1996.

Львов Л. Отношение между Запорожьем и Крымом. Одесса, 1885.

Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // ЗООИД. 1863. Т. V.

Малов А.В. Молодинская битва в контексте военно-политической ситуации в мусульмано-христианской контактной зоне // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Вып. II. Казань, 2010.

Малов С.Е. Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его 75-летию. Сб. статей. М., 1953.

Махмудов Я.М. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и сефевидов с западноевропейскими странами (2-я половина XV – начало XVII вв.). Баку, 1991.

Микаелян В.А. История крымских армян. Ереван, Симферополь, 2004.

Меликофф И. Можно ли рассматривать алевизм как часть исламской религии? // *Turcica et Ottomanica*. М., 2006.

Мелиоранский П.М. Сказание о Едигее и Тахтамыше. // Записки русского географического общества. СПб., 1905. № 19.

Мейер М.С. В.Д. Смирнов – основоположник российской османистики // Османская империя. События и люди. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Ю.А. Петросяна. М., 2000.

Мейер М.С. «Дешт-и Кипчак» в истории русско-турецких отношений // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003.

Мейер М.С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996.

Мейер М.С. Россия и Османская империя от начала XVI в. до 1569 г. Формирование общих границ государств // От Стамбула до Москвы. Сб. статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.–Л., 1936.

Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX века. М.–Л., 1947.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-изд. М., 2008.

Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565). М., 1901.

Миргалиев И.М., Камалов И.Х. К вопросу о взаимоотношениях Золотой Орды с Османской империей // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. I. Казань, 2008.

Миргалиев И.М. Токтамыш и Тимур: реставрация антимамлукской коалиции // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды, посвященная памяти М.А. Усманова. Казань, 2011. Вып. 2.

Миргалиев И.М. «Черный человек» Мамай // Мамай. Опыт исторической антологии. Казань, 2011. Вып. 2.

Моисеев М.В. Модели поведения дипломатов Московской Руси: общее и индивидуальное (на примере русско-ногайских отношений XVI века) // Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2011.

Моисеев М.В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // Quaestio Rossica. 2016. № 1.

Мохов Н.А. Боевое содружество украинских казаков и молдаван в 70–80-х гг. XVI в. и деятельность И. Подковы // Учебные записки молдавского филиала АН СССР (сер. ист.). Т. VI. Кишинёв, 1957.

Мохов Н.А. Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев, 1964.

Мурзакевич Н. Письменные памятники Токтамышхана. // ЖМНП. 1840. Ч. 27.

Мустакимов И.А. К вопросу об истории ногайского присутствия в Казанском юрте // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2006.

Мустакимов И. А. Введение // Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX вв. из древнехранилищ Турции. Казань, 2008.

Мустакимов И. А. Османская империя и татарские ханства Поволжья в историографии (труды татарских и татарстанских историков). // Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX вв. из древнехранилищ Турции. Казань, 2008–2. Приложение.

Мустакимов И. А. Азов в крымско-османских отношениях периода правления хана Девлет-Гирея I (по османским документам) // Архивы и архивное дело на Юге России: современность, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.). Ростов-на-Дону, 2015–1.

Мустакимов И. А. «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» Шарифа Хаджи-Тархани: некоторые итоги и перспективы изучения. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2015–2.

Мустакимов И. А. Османские документальные источники по истории крымско-османских отношений периода правления хана Девлет-Гирея I (1551–1577) // Средневековая тюрко-татарская государственность. 2015–3. № 2.

Мустакимов И. А. Османские документальные источники по истории крымско-османских отношений периода правления хана Девлет-Гирея I (1551–1577) // Средневековая тюрко-татарская государственность. 2015. № 7.

Мустафаев Ш. М. Восточная Анатолия: от Ак-Коюнлу к Османской империи. М., 1994.

Мустафаев Ш. М. Из истории взаимоотношений Ак-Коюнлу с Османской империей // *Turcica et ottomanica*. Сборник статей в честь 70-летия М. С. Мейера. М., 2006.

Мустафаев Ш. М. Османы и туркмены в XV веке: некоторые вопросы этнополитических процессов внутри тюркской среды Малой Азии // Османский мир и османистика. Сб. статей к 100-летию со дня рождения А. С. Твритиновой. М., 1910.

Мустафаев Ш. М. От сельджуков к османам. Этнополитические процессы в тюркской среде Малой Азии в XI–XV веках. М., 2017.

Мустафина Д. А., Мустакимов И. А. Крымский юрт и Блистательная Порты: историография взаимоотношений в эпоху правления Девлет-Гирея // Гасырлар авасы – Эхо веков. 2017. № 1/2.

Мустафина Д. А., Мустакимов И. А. Крымское ханство и Османская империя: историография взаимоотношений в современной отечественной науке // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. Кн. 6.

Мыц В.Л. Кафа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.

Мыц В.Л. Армянская община Кафы в войне с турками-османами // *Stratum plus*. СПб., Кишинев, Одесса, 2014. № 6.

Мыщик Б.А. Україна в описі мандрівника XVI в. Лаврентія Мюллера // Національний університет «Киево-Могилянська Академія Наукові записки. Т. 21 Історичні науки. К., 2003.

Мыщик Ю.А. О публикации дипломатария Крымского ханства // Исследования по археографии и источниковедению отечественной истории XVI–XX вв. Межвузовский сборник научных трудов. Днепропетровск, 1990.

Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.

Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.–Л., 1940.

Национальная история татар: теоретически-методологическое введение. Казань, 2009.

Негри А. Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей истории крымских ханов // ЗООИД. Т. I. Одесса, 1844.

Неклюдов А.В. Начало сношений России с Турцией. Посол Ивана III Плещеев. М., 1883.

Некрасов А.М. Средневековое Северное Причерноморье как пограничный регион // *Russian History*. Vol.19. № 1–4. Los Angeles, 1992.

Некрасов А.М. Крым – центр причерноморской контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995.

Некрасов А.М. Материалы по истории Крымского ханства XV–XVI вв. в отечественных и зарубежных архивных хранилищах // *Анналы*. Вып. III. Материалы научной конференции «Снесаревские чтения». М., 1996.

Некрасов А.М. Международные отношения и народы западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1999.

Некрасов А.М. Возникновение и эволюция крымского государства в XV–XVI веках // *Отечественная история*. 1999. № 2.

Некрасов А.М. Избранные труды. Нальчик, 2015.

Непомнящий А.А. В.Д. Смирнов – историк Крыма // МАИЭТ. В. II. 1991.

Новиков Н. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. VIII. СПб., 1793; ч. X, СПб., 1795; ч. XI, СПб., 1801.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.–Л., 1948.

Новосельский А. А. Исследование по истории эпохи феодализма. М., 1994.

Новосельцев А. П. Русско-иранские отношения во второй половине XVI века // Международные связи России до XVIII в. М., 1961.

О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

Орешкова С. Ф. К вопросу о подчинении Валахии Османской империи // Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1961.

Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1971.

Орешкова С. Ф. Некоторые проблемы эволюции феодального землевладения в Османской империи. Проблемы новой и новейшей истории стран Запада и Востока. М., 1975.

Орешкова С. Ф. Османский феодализм: типологические наблюдения // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

Орешкова С. Ф. Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986.

Орешкова С. Ф. К вопросу о типологической характеристике социальных движений анатолийского населения Османской империи в начале XVII в. // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988.

Орешкова С. Ф. Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.

Орешкова С. Ф. Османская империя и Россия. К вопросу о формировании культуры международных отношений в евразийском пространстве // Евразия, 1996.

Орешкова С. Ф. Византия и Османская империя: проблемы преемственности // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999.

Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999, 2002.

Орешкова С. Ф. Османская империя на рубеже XVII–XVIII вв.: последний всплеск средневекового величия // От Стамбула до Москвы. Сб. статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. М., 2003.

Орешкова С. Ф. Некоторые проблемы крымско-татарской государственности. Послесловие ко 2-му изданию книги В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты». М., 2005.

Орешкова С. Ф. «Турецкое озеро»: Черное море в XV–XVII вв. // Восток/Oriens. 2005. № 3.

Орешкова С. Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005–2. № 3.

Орешкова С. Ф. Причерноморье как зона геополитического разграничения двух империй // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. Международная научная конференция. Доклады и материалы. СПб., 2007.

Орешкова С. Ф. Становление Османской империи: ислам и византийское наследство // Османский мир и османистика. М., 2010.

Орешкова С. Ф. Рецензия на книгу «Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей». Сб. статей. Казань. 2009 // Восток/ Oriens. 2012. № 3.

Орешкова С. Ф. Немировский конгресс. От двусторонних османороссийских отношений к Восточному вопросу. М., 2015.

Орешкова С. Ф. Общий очерк истории Османской империи. М., 2018.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984; XVII в., ч. 1. М., 1998; ч. 2. М., 2001.

Остапчук В. Хроника Роммаля Ходжи «История Сагиб Гирея хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Охманьский Е. Михалон Литвин и его трактат о нравах татар, литовцев и московитян середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVII вв. М., 1979.

Очерки истории исламской цивилизации. Т. 2. Под общей редакцией Ю. М. Кобищанова. М., 2008.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 11, 20, 21. СПб., 1890, 1892, 1898.

Памятники литературы древней Руси: XIV – середина XVI в. М., 1989.

Пантин В. Н. Русь и тюркские государства Поволжья: взаимоотношения природы и общества // Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. 2. М., 1994.

Пантин В. Н. Тюрки Поволжья и становление российского супер этноса. Генетические коды цивилизации. М., 1995.

Пенской В.В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012.

Перетяткович Г.И. Поволжье в XV–XVI вв. М., 1877.

Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Одесса, 1882.

Петросян И.Е. Янычарские гарнизоны в провинциях Османской империи в XVI–XVII вв. // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. Сборник статей. М., 1986.

[Петросян И.Е.] Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса). Изд. текста, пер. с тур., введ. и указ. И.Е. Петросян. М., 1987.

Петросян И.Е. Янычары в Османской империи. СПб., 2017.

Петрунь Ф. Ханьски ярлыки на українські землі // Східний світ. 1928. № 2. С. 170–183.

Петрушевский И.П. Внутренняя политика Ахмеда Ак-Коюнлу // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. I. Баку, 1949.

Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л., 1966.

Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Полное собрание русских летописей: Т. VI. СПб., 1853; Т. VIII. СПб., 1859; Т. XIII СПб., 1904; Т. XVIII. СПб., 1913; Т. XX, ч. 1 и 2. 1910, 1914; Т. 21, ч. 1 и 2. СПб., 1908, 1918; Т. 29. М., 1965; Т. 33. Л., 1977; Т. 34. М., 1971.

Пономарев А.Л. Население и территория Генуэзской Каффы по данным бухгалтерских книг – массарии казначейства за 1361–1382 гг. // Причерноморье в средние века. М., 2004.

Пономарев А.Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2011.

Пономарев А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2.

Пономарев А.Л. Ибрагим, сын Махмудека. Вхождение во власть и кошелек // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1, 2.

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572. XIII. М., 2016.

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577. XIV. М., 2016.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста. Сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань, 2006.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1576). Сост. В. В. Трепавлов. М., 2003.

Посольство Ивана Новосильцева в Турцию (1570) // Записки русских путешественников XVI, XVII вв. М., 1988.

Послание царя Казанского (Письмо хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I // Гысылар Аvasы / Эхо веков. Казань, 1997, № 1–2.

Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачев и Л. С. Лурье. М.–Л., 1951.

Почекаев Р. Ю. «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея // Тюркологический сборник. 2007–2008. М., 2009.

Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.

Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010.

Прохоров Г. М. Прение Григория Паламы с «хионы и турки» // Труды Отдела Древнерусской литературы. Т. XXVII. Л., 1972.

Путешествия русских послов XVI–XVII веков: Статейные списки. М. – Л., 1954.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1974, 1982.

Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противодействие в эпоху перемен. XV–XVI вв. СПб., 2016.

Ретовский О. Монеты Гази-Герая Хана II, бен Девлета // ИТУАК. 1889. № 8.

Ретовский О. К нумизматике Гиреев // ИТУАК. 1893. № 18.

Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994.

Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002.

Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.

Руев В. Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 г. Симферополь. 2014.

Руммель В., Голубев В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886.

Русская повесть о нашествии Едигея // ПСРЛ. Т. 25, М.–Л., 1949.

Рыков Ю.Д. Дети боярские, «побитые» в сражении на Судьбищах в июне 1555 г. По данным Синодика Московского Кремлевского Архангельского Собора (предварительные наблюдения). // Памяти Лихачева. М., 2006.

Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записи. № 22. М., 1947.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Сборник документов по истории крымско-татарского земледелия. Отдел второй. Документы беев // ИТУАК. 1895. № 23.

Сборник Императорского Русского исторического общества (РИО). Т. 41. (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской Ордами и Турцией. Т. 1. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России). СПб., 1884.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35, 59, 71. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (1533–1560). СПб., 1882, 1887, 1892.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 95. (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. Т. II). СПб., 1893.

Сборник кн. Оболенского. М., 1838.

Сборник Муханова. СПб., 1866.

Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. Изд. В.Д. Смирнова. СПб., 1881.

Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам. XIV–XV вв. Сост., пер., примеч. Т.Э. Саргсян. Симферополь, 2008.

Секей Д. Кафа, Предкавказье и Восточная Анатолия в османской и европейской политике XV в. // Османская империя. Проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996.

Селезнев Ю.Н. Смена элит в Дешт-и-Кипчак // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2011.

Семевский М.И. Русская родословная книга. СПб., 1871.

Семенов Н. Кровь за кровь (эпическая поэма о хане Золотой Орды Тахтамыше, мурзе Эдигее и других монгольских героях). Владикавказ, 1830.

Семенова Л.Е. Некоторые аспекты международного положения Молдавии во второй половине XV в. // Юго-Восточная Европа в средние века. 1972. Вып. 1.

Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. Очерки внешнеполитической истории. М., 2006.

Сестровцевич-Богун С. История Царства Херсонеса Таврического. Т. II. СПб., 1806.

Сикалиев А.П.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1991.

Сказания и повести о Куликовской битве. М., 1980.

Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 // ИТУАК. № 28 (год 12). 1898.

Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1985.

Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2001.

Слепцов А.М. Изменение климата Европейской части СССР в XIII–XIX вв. // Человек и природа. Материалы VI научной конференции «Человек и природа. Проблемы социоотечественной истории». М., 1997.

Славяно-молдавская летопись XV–XVII вв. Сост. Ф.А. Грекул. М., 1976.

Смирнов В.Д. Татарские ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1917.

Смирнов В.Д. Татарско-ханские ярлыки и коллекции Таврической архивной комиссии // ИТУАК. 1918. № 54.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1897; изд. 2, т. 1. М., 2005.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. Одесса, 1889; изд. 2, т. 2. М., 2005.

Смирнов И.И. К вопросу о суде над Максимом Греком // Вопросы истории. 1946. № 2.

Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. 1948. Т. 27.

Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1–2. М., 1946.

Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVII вв. Нальчик, 1948.

Соболева Н.А. Политика русского правительства в отношении Казанского края в XVI–XVII вв. (по материалам казанской эмблематики) // Российская государственность. Опыт 1150-летней истории. Материалы международной научной конференции. М., 2012.

Собрание государственных грамот, ч. 5. М., 1823.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен.

Кн. 3–4. Т. 5–7. М., 1961–1989.

Сочинения И. Пересветова. Подготовка текста А.А. Зимина, под ред. Д.С. Лихачёва. М.–Л., 1956.

Старостенко В.В. Становление национального самосознания белорусов. Этапы и основополагающие идеи (X–XVIII вв.). Могилев, 2001.

Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 гг. // ИТУАК. 1891. Т. 14.

Статейный список московского посланника в Крым Семёна Безобразова в 1593 году // ИТУАК. 1892. № 15.

Стефанович П.С. Крестоцелование и отношение к нему Церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004.

Стороженко А.В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904.

Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухамеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975.

Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Известия Академии наук СССР. Сер. 7. 1932. № 3.

Сыроечковский В.Е. Гости сурожане. М.–Л., 1935.

Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1, Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; т. 2, Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.–Л., 1941.

Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV–XV вв.). М., 1966.

Тодоров Н. Балканский город XV–XIX веков. Социально-экономическое и демографическое развитие. М., 1976.

Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999.

Толстой Д. Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам рады королевства Польского и Великого княжества Литовского, через их посла переданная // ЧОИДР. 1847. Кн. 9. М., 1848.

Трачевский А. Польское бескорольевье по прекращению династии Ягеллонов. М., 1869.

Трепавлов В.В. Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. 1998. № 1–2.

Трепавлов В.В. Статус «Белого царя». Москва и татарские ханства в XV–XVII вв. // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. М., 1993.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник. 2002. М., 2003.

Трепавлов В.В. «Казыев улус». Тюрки Северного Кавказа в позднее средневековье // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 1. 2004.

Трепавлов В.В. Малая Ногайская Орда. Очерки истории // Тюркологический сборник. 2003–2004. М., 2005.

Трепавлов В.В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоординское наследие. Материалы Международной научной конференции: Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.). Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2009.

Трепавлов В.В. Тюркские народы Евразии и Османская империя в XVI в. // Восточная Европа ... 2009.

Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань, 2011.

Трепавлов В.В. Золотая Орда после распада: воспоминания о единстве // Тюркологический сборник. 2009–2010. М., 2011.

Трепавлов В.В. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVI вв. М., 2013.

Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1991.

Українська народність. Київ, 1990.

Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв. М., 1887.

Умняков И.И., Туманович Н.Н. Аннотированная библиография трудов академика В.В. Бартольда. Описание архива В.В. Бартольда. М., 1976.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

Усманов М.А. Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханов Джучиева улуса // Актовое источниковедение. Сборник статей. М., 1979.

Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. М., 1979.

Усманов М. А. Этапы исламизации Джучиева улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.

Усманов М. А. К истории джучидо-османской дипломатической документации // Советское востоковедение. Проблема и перспектива. М., 1988.

Усманов М. А. «Книги-путешественники» как источник по истории культурных связей между народами // Восток: прошлое и будущее народов. IV Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов. Т. II. М., 1991.

Усманов М. А. О документах русско-восточной переписки на тюркских языках в XV–XVIII вв. и их источниковедческом значении // Восточное историческое источниковедение и социальные исторические дисциплины. Т. 2. М., 1994.

Усманов М. А. Состояние и перспективы источниковедения Улуса Джучи // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Фаиз С. Тугра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом аспектах. Москва – Бахчисарай, 2002.

Фаизов С. Ф. Современная турецкая историография о русско-турецких и русско-крымских отношениях XVI–XVII вв. // Историографический сборник. Вып. 14. Саратов, 1989.

Фаизов С. Ф. Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси – России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. № 3.

Фарзалиев А. Южный Кавказ в конце XVI в. СПб., 2002.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов // Археологические памятники. М., 1969.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевая Орда в улусе Джучи // Вестник Московского университета. Сер. История. М., 1970. № 5.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Филюшкин А. И. Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004.

Филиюшкин А. И. Проекты русско-крымского союза в годы Ливонской войны // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. СПб., 2008.

Филиюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийская война второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013.

Финкель К. История Османской империи. Пер. с английского. М., 2008.

Флоря Б. Н. Антитурецкая коалиция и «бескорольеве» 1587 г. в Речи Посполитой // Юго-Восточная Европа в средние века. 1. Кишинев, 1972.

Флоря Б. Н. Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х гг. XVI в. // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973.

Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.

Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции середины XV в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.

Флоря Б. Н. Украинское казачество и шляхетская Речь Посполитая во второй половине XVI – первой половине XVII в. // Очерки истории Украины. М., 1993.

Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв. (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. 1993. № 2.

Флоря Б. Н. Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. В. 1. М., 1995.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999.

Флоря Б. Н. Две грамоты Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001.

Флоря Б. Н. Тимар и поместье // Русь, Россия: средневековое и новое время. Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы конференции. М., 2004.

Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2006.

Флоря Б. Н. Россия, Речь Посполитая и Правобережье Украины в последние годы гетманства Дорошенко (1673–1679) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65).

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1. СПб., 1893.

Франко-русские экономические связи. Москва–Париж, 1970.

Хайбулаева Ф. Х. Новый турецкий источник по истории Крыма // МАИЭТ. Т. VIII. Симферополь, 2001.

Хайретдинов Д. З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Нижний Новгород, 2007.

Халим Гирей султан. Розовый куст ханов, или история Крыма. Симферополь, 2009.

Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. СПб., 1866, июнь, ч. I.; 1867, июнь, ч. II.

Хензель В. Проблема ясыря в польско-турецких отношениях XVI–XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVII вв. М., 1979.

Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.

Хорошкевич А. Л. Царский титул Ивана IV и боярский мятеж 1553 года // Отечественная история. 1994. № 3.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001.

Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003.

Хроника Быховца. М., 1966.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991 (ранее 1923).

Хюсейн. Беда'и ул-Века'и (Удивительные события). Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. Ч. 1–2. М., 1961.

Черкас Б. Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20–30-х роках XVI століття. // Україна в Централь-носхідній Європі. 2000. Вип. 1.

Черкас Б. Політичні відносини Великого князівства Литовського з Кримським ханатом у 1533–1549 рр. // Україна в Централь-носхідній Європі. 2003. Вип. 3.

Чиперис А. М. К истории Чембальского восстания // Ученые записки Туркменского государственного университета. 1961. Вып. XIX.

Чиперис А. М. Внутренняя политика и классовая борьба в Кафе в 50–70 гг. XV в. // Ученые записки Туркменского государственного университета. 1962. Вып. XXL.

Чореф М. М. К биографии Девлет-Гирея I // Историческое наследие Крыма. 2006. Вып. 15.

Чухліб Т. Козаки та яничари. Україна у християнсько-мусульманських війнах. 1500–1700 рр. Київ, 2010.

Шакуров Р.М. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., 1995.

Шамильоглу Ю. «Карачи беи» поздней Золотой Орды: заметки по организации монгольской мировой империи. // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

Шамсутдинов А.М. К вопросу об образовании Османского княжества. // Труды Московского института востоковедения. Сб. 5. М., 1947.

Шамсутдинов А.М. Проблема становления Османского государства по турецким источникам XIV–XV вв. (Фрагмент диссертации, защищенной в 1940 г.) // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986.

Шерифи Х. Зафер-наме-и вилайет-и Казан (публ. А. Мелек Узйетгин) // Гасырлар авазы / Эхо веков. Казань. 1995. Май.

Шмелев А.С. Русско-дагестанско-османский конфликт в начале XVII в. // Славяне и их соседи. Вып. 4. М., 1992.

Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы Казанской войны (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 6. М., 1954.

Шмидт С.О. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961.

Шмидт С.О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX века. М., 1964.

Шмидт С.О. Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1991.

Штаден Г. Записки о Московии. В 2-х т. Публикация под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008.

Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1–3. 1892–1897.

Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 1–3. 1961, 1979, 1983.

Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667). Симферополь, 1999.

Экономцев И., протоирей. Православие. Византия. Россия. П., 1984.

Эрнст Н.А. Конфликт Ивана III с генуэзской Кафой // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь. 1927. № 1 (38).

Юзефович Л. А. Русский посольский обычай XVI века // Вопросы истории. 1977. № 8.

Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется ...». М., 1988.

Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.–Л., 1964.

Якубовский А. Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Т. VIII. Вып. 2–3. 1931.

Якубовский А. Ю. Тимур. (Опыт краткой характеристики) // Вопросы истории. 1946. № 8–9.

Якушечкин А. В. К вопросу о возможности участия Хаджи Гирея в событиях, произошедших в Крыму в 1433–1434 гг. // Причерноморье. История, политика, культура. 2015. Вып. XVI. Серия А.

Якушечкин А. В. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти Хаджи-Гирея // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 3.

Ярлыки крымских ханов // ЗООИД. 1842. Т. II. С. 679.

Ярлыки Хаджи-Гирея и Менгли-Гирея // ИТУАК. № 52.

Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайло 1392–1393 года. Изд. М. Оболенским. Казань, 1850.

Abrahamowicz Z. Dokumenty tatarskie i tureckie w zbiorach polskich // Przegląd Orientalistyczny. 1954. no. 2 (!0)...

Abrahamowicz Z. Katalog dokumenyow tureckich. Dokumenty do dziejow Polski i krajow osciennych w latach 1455–1672. Warszawa, 1959.

Abrahamowicz Z. ed. Kara Mustafa pod Wiedniem. Krakow, 1973.

Abrahamowicz Z. Tło polityczne i ekonomiczne wyprawy wiedeńskiej Kara Mustafy // Kwartalnik Historyczny. Warszawa. 90. 1. 1983.

Abrahamowicz Z. Lipka // Encyclopaedia of İslam. 2-ed. T. 5. Leiden, 1986.

Ahmedi. İskendername. Ankara, 1983.

Alexandrescu-Derscu M. Contribution à l'étude de l'approvisionnement en blé de Constantinople au XVIII-e siècle // Studia et Acta Orientalia. 1. București, 1958.

Akdağ M. Celali İsyanlarının Başlaması // Dil-Tarih-Cografya Fakültesi Dergisi. T IV. № 1. Ankara, 1945.

Akdağ M. Türk Halkının Dirlik ve Düzenlik Kavgası, Celali İsyanları. Ankara, 1975.

Akdağ M. Celali İsyanlarından Büyük Kaçgünlük. // Tarih Araştırma Dergisi. T 2. № 1–2. 1964.

Aşıkpaşazade. Tevarih-i Al-i Osman. İstanbul, 1332 (1913).

Bacqué-Grammont J.-L. Les ottoman, les safavides et leurs voisins. İstanbul, 1987.

Bacqué-Grammont J.-L. XVI Yüzyılın İlk Yarısında Osmanlılar ve Sefeviler // Prof. Dr. Bekir Kütükoğlu'na Armağan. İstanbul, 1991.

Balard M. La Romanie génoise: XII ve début du XV siècle. Roma, 1978.

Barkan Ö.L. Osmanlı İmparatorluğunda bir iskan ve kolonizasyon metodu olarak Vakıflar ve Temlikler // Vakıflar Dergisi. Ankara, 1942. № 2.

Barkan Ö.L. Osmanlı İmparatorluğunda bir iskan ve kolonizasyon metodu olarak sürgünler // İktisat fakültesi Mecmuası. İstanbul, 1951. XI; 1953. XIII; 1955. XV.

Barvinskyi B. Dva zahadocni xansky Jarlyky na ruski zemliji z druhoji polovyny XV stolitje // İstorycni prycynky. Razvidky. zamitky i materyjaly do ictrjyji Ukrajin-yusy. T. 2. L'viv, 1909.

Banarlı N.S. Ahmedi ve Dasitan-i tevarih-i müluk-i al-i Osman // Türkiyat Mecmuası. VI. 1939.

Beldiceanu N. La Conquete des Cités Marchandes de Kilia et de Cetates Alba par Bayezid II // Südstforschungen. XXIII. 1954.

Beldiceanu N. La Moldavie ottomane a la fin du XV-e siecle et debut du XVI-e siecle // Revue des etudes islamiques. 1969. № 2.

Beldiceanu N. La Campagne Ottoman de 1484 et ses Préparatifs Militaires et sa Chronologie. 1960 // Belleten. 186. Ankara, 1983.

Beldiceanu N., Zerva G. Une Source relative a la Campagne de Suleyman le Legislater centre la Moldavie (1538) // Acta Historica. I. 1959.

Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'après les Registres des "Affaires importantes" des Archives ottomanes // CMRS. T. 8. 1967. № 3.

Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. La Grand Horde Nogay et la problem des communications eater l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'études turques. T. VIII/2. Paris; Stras-bourg, 19–6.

Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle: de la tradition mongole a la suzeraineté ottoman d'après un document inédit des Archives ottomans // CMRS. 13/3. 1972.

Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le Khanat de Crimée. La

tradition nomade contre le modèle des monarchies sédentaires // CMRS. 14/4. 1973.

Bennigsen A., Berindei M. Astrakhan et la politique steppes nord pontiques (1587–1588) // Harvard Ukrainian Studies. V. 3/4 (1979–1980). Cambridge, 1980.

Berindei M. La problème des “cosaques” dans la seconde moitié du XVI siècle. A propos de la révolte de Ioan Voda voievoda de Moldavie // CMRS. XIII. 3. 1972.

Berindei M. Veinstein G. Reglements de Süleyman I-er concernant le liva de Kefe // CMRS. 16. 1975.

Berindei M. La Porte Ottoman fase aux Casaques zaporogues. 1600–1647 // Harvard Ukrainian studies. I. 1977.

Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XV-milieu XVIe siècle) // Turcica. Revue d'étude turques. T. VIII/2. Paris-Strasbourg, 1976.

Berindei M. Veinstein G. La présence ottoman au sud de la Crimée en mer d'Azov dans premiere moitié du XVI-e siecle // CMRS. 20. 1979.

Berindei M. Veinstein G. Reglements fiscaux et fiscalité de la province de Bender-Aqkerman. 1570 // CMRS. 22. 1981.

Berindei M. Veinstein G. L'Empire ottoman et les pays roumains. 1544–1545. P., 1987.

Beydilli K. Die polnischen Königswahlen und Interregnen von 1572 und 1576 im Lichte osmanischer Archivalien. Ein Beitrag zur Geschichte der osmanischen Machtpolitik. München, 1976.

Bogatyrev S. Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV Campaign against Polotsk // The Military and Society in Russia. 1450–1917. Ed. By E. Lohr and M. Poe. Leiden-Boston-Köln, 2002.

Boratav P.N. Kızıll Elma // The Encyclopaedia of İslam. V. Leiden, 1980.

Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. A general survey of the material and spiritual culture and history. N.Y., 1968.

The Cambridge History of İran. V–VI. Cambridge, 1986.

Carrère d'Encausse H. Les routes commerciales de l'Asie centrale et les tentatives de reconquete d'Astrakhan. // CMRS. T. 11. 1970. № 3.

Cazacu M., Kévonian K. La chute de Caffa en 1475 a la lumière de nouveaux documents. // CMRS. 1976. T. XVII. № 4.

Coles P. The Ottoman Impact on Europe. L., 1968.

Collins L. On the Alleged Destruction of the Great Horde in 1502 // *Byzantinische Forschungen*. 16. 1991.

Cook M. A. Population Pressure in Rural Anatolia, 1450–1600. L., 1972.

De Weese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Bar Turles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.

Gemil T. Romanii și otomanii în secolele XIV–XVI. Buc., 1991.

Gökbilgin M. T. Rumelide Yürükler, Tatarlar ve Evlad-i Fatihan. İstanbul, 1957.

Gökbilgin M. T. XVI yüzyıl başlarında Trabzon ve doğu Karadeniz bölgesi // *Belleten*, 24/102. Ankara, 1982.

Gökbilgin O. 1532–1577 yılları arasında Kırım Hanlığının siyasi durumu. Ankara, 1973.

Gökbilgin O. Quelques sources manuscrites sur l'époque de Sahib Giray I Khan de Crimée (1532–1551) à İstanbul, Paris et Leningrad // *CMRS*. 1970. T. II. № 3.

Gökbilgin T. L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569 // *CMRS*. 1970. T. XI. № 1.

Gökbilgin T. Venedik Devlet Arşivindeki Türkçe Belgeler Koleksiyonu ve Bizimle İlgili Diğer Belgeler // *Belgeler*. 5–8. 1968–1971.

Groussel F. L'Empire des steppes. P., 1939.

Guboglu M. La tribut payée par les principautés roumaines à la Porte jusqu'au début du XVI-siècle d'après les sources turques // *Revue des Etudes Islamiques*. P., 1969. № 1.

Guboğlu M. Kanuni Sultan Süleyman'ın Bogdan Seferi ve Zaferi (1538 / 945 H) // *Belleten*. L/ 198. 1987.

Guboglu M. Campania lui Suleiman I Magnificul în Moldova (1538) // *Romanii în istoria universală*. III/3. Iași., 1988.

Encyclopaedia of Islam. 2nd edition. Leiden and London: E. J. Brill, 1960.

Fisher A. W. Moscovite-Ottoman relations in the sixteenth and seventeenth centuries // *Hamaniora Islamica*. An annual publication of Islam Studies and the Humanities. Vol. 1 (1973). Monton-The Hague-Paris, 1973.

Eravcı M. The role of the Crimean Tatar in the Ottoman-Safavi war (1578–1639). // *Historical Yearbook*. 4. 2007. P. 153–160.

Fisher A. Crimean Separatism in the Ottoman Empire. // *The Dissolution of the Ottoman Empire*. Ohio, 1977.

Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford. 1978.

Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. 5. № 2.

Fisher S.N. The Foreign Relations of Turkey 1481–1512. Urbana, 1948.

Fodor Pal. Ahmedi's dasitan as a source of early ottoman history // Acta Orientalia. T. XXXVIII. Budapest, 1984.

Fodor Pal. Ungarn und Wien in der osmanischen Eroberungsideologie // Journal of turkish studies. V. 14. 1989.

Halaçoğlu Y. XIV–XVII Yüzyıllarda Osmanlılarda Devlet Teşkilatı ve Sosyal Yapı. Ankara, 1998.

Hammer Y. Die Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 2.3, Pest, 1828, 1834.

Hammer-Purgstall Y. Geschichte der Golden Horde in Kiptschak, d. i. Der Mongolen in Russland. Pest, 1840.

Hammer-Purgstall Y. von. Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft. Aus Türkischen Quellen zusammengetragen mit der Zugabe eines Gasels Schahingerais. Wien, 1856.

Heers J. Genes au XV siècle activité économique et problèmes sociaux. P., 1961.

Heers J. Les temps dits de « transition » (de 1300 a 1529). P., 1991.

Heyd W. Histoire du Commerce du Levant au Moyen Age. V.1–2 Lpz., 1936.

Hezârfen Hüseyin Efendi. Tehis-ül-beyen fi kavanın-i Al-i Osman. Hazırlıyan S. İlgürel. Ankara, 1998.

Heyd W. Histoire du Commerce du Levant au Moyen Age. T. 1–2. Leipzig, 1936.

Horn M. Chronologia zasieg najazdow tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1600–1647 // Studia I Materiały do Historii Wojskowosci. V. 8. Pt.1. 1962. P. 3–71.

Huttenbach H.R. Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrakhan, 1552–1556. The Conquest of the Wolga Prelude to Empire // Russian Colonial Expansion. L., 1988. № 4.

İbn Kemal (Kemalpaşazade). Tevarih-i Al-i Osman. 1957, 1991, 1997, 2000 (IV defter). Ankara.

İnalçık H. Yeni vesikalar göre Kırım Hanlığının Osmanlı tâbligine girmesi ve ahidname meselesi // Belleten. T. VIII. № 29, 30, 31, 32. Ankara, 1944.

İnalcık H. The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Don-Volga Canal (1568) // *Annales de l'Université d'Ankara*. I. 1947–1949.

İnalcık H. Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü (1569) // *Belleten*. T. 12. № 46. Ankara, 1948.

İnalcık H. Stefan Duşan'dan Osmanlı İmparatorluğu'na // *Fuat Köprülü Armağanı*. İstanbul, 1953.

İnalcık H. Ottoman Methods of Conquest // *Studia Islamica*. II. 1955.

İnalcık H. Suleiman the Lawgiver and Ottoman Law // *Archivum Ottomanicum*. 1. 1969.

İnalcık H. İmtiyazat // *The Encyclopaedia of İslam*. III. Leiden, 1971.

İnalcık H. The Ottoman Empire. The Classical Age. 1300–1600. L.–N., 1973.

İnalcık H. The Turkish impact on the Development of Modern Europa // *The Ottoman State and its Place in World History*. Leiden, 1974.

İnalcık H. The Question of the Closing of the Black Sea and the Ottomans // *Arxeion Pontou*. 33. Athiens. 1979.

İnalcık H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // *Harward Ukrainian Studies*. V. III–IV. 1979–1980.

İnalcık H. The Question of the Emergence of the Ottoman Stat // *International Journal of Turkic Studies*. 1981/1982. T. 2. № 2.

İnalcık H. Power Relationships Between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature // *Passé turco-tatar, Présent Soviétique*. Etudes offertes à Alexandre Bennigsen. P., 1986.

İnalcık H. The Costoms Register of Caffa. 1487–1490. Cambridge. Mass, 1996.

Ivanics M. Der Bündnisplan zwischen dem Chan Gazi Giray II. und dem Fürsten Sigismund Batory aus dem Jahre 1598 // *Hungarian-Ottoman Military and Diplomatic Relations in the Age of Süleyman the Magnificent*. Ed. Géza David, Pal Fodor. Budapest, 1994.

Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. T. 1–5: Gotha, 1908–1913.

Kafadar C. Between twe Words. The construction of the Ottoman State. Berkleys – Los Angeles – London, 1995.

Kaldy-Nagy Y. Suleymans Angriff auf Europa // *Acta Orientalia*. XXVIII/2. 1974.

Kanunname-i Al-i Osman. İstanbul, 1330 H.

Katalog dokumentów tureckich. T. I. W., 1959.

Katip Çelebi. Tuhfet ül-kibar fi asfar al-bihar. Istanbul, 1147. Бропое издание 1329 г. хиджры.

Kedar B.Z. Marchants in crisis Genoes and Venetian mch of affaires and the fourteenth century depression. New Haven–L., 1976.

Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. Ed. A. Bennigsen, P.N. Baratav, D. Desaive, Ch. Lamerrier-Quelquejay. P., 1978.

Keenan E.L. The jarlyk of Ahmat-han to Ivan III. A new reading // Interna-tional Journal Slavic Linguistics and Poetics, 1966.

Keenan E.L. Moscovey and Kazan Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. XXVI. 4. 1967.

Kellner-Heinkel B. Sahib Girey Khan I // Encyclopaedia of İslam. V. VIII. 1995.

Kellner-Heinkel B. Chinggisid and Ottoman: Halim Gerey Sultan // Altaica. V, M., 2001.

Kellner-Kemalpaşazade – см. İbn Kemal

Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Mking of a Colonial Empire. 1500–1800. Bloomington, 2002.

Kirzioğlu F. Osmanlıların Kafkas – ellerini Fethi (1451–1590). Ankara, 1976.

Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Xiestwa Litewskiego za Jagiellonow. Warszawa, 1930. T. 1.

Kolodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki 1672–1699. Warsawa, 1994.

Kolodziejczyk D. Ottoman-Polisch Diplomatic Relations (15th–18th Century). Leiden, 2000.

Kolodziejczyk D. The Crimnean Khanate and Poland-Lithuania. Leiden-Boston, 2014.

Kortepeter C.M. Ottoman imperial Policy and the Economy of the Black Sea Region in the sixteenth Century // Journal of the American Oriental Society. 1966. V. 86. № 3.

Kortepeter C.M. Ottoman Imperialism During the Reformation: Europa and the Caucasus. N-Y. and L., 1972.

Köprülü M.F. Bizans müesseselerinde Osmanlı müesseselerine teşiri hakkında bazı mülahazalar // Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası. 1. İstanbul, 1931.

Köprülü M.F. Les origines de l'Empire Ottoman. P., 1935.

Kunt S. V. *Between God and the Sultan. A History of Islam Law*. Oxford, 2005.

Kurat A. N. *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve Bitikler*. İstanbul, 1940.

Kurat A. N. *İsveç Kralı XII Karlın Türkiyede Kalışı ve Bu Sıralarda Osmanlı İmparatorluğu*. İstanbul, 1943.

Kurat A. N. *The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal // The Slavonic and East European Review*. XL. 94. December, 1961.

Kurat A. N. *Türkiye ve İdil Boyu (1569 Astarhan seferi: Ten-İdil kanalı ve XVI–XVII yüzyıl osmanlı-rus münasebetleri)*. Ankara, 1969.

Kurat A. N. *IV–XVIII Yüzyıllarda Karadeniz kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri*. Ankara, 1972.

Kurat A. N. *Rusya Tarihi*. Ankara, 1993.

Kütükoğlu B. *Osmanlı-İran Siyası Münasebet. 1578–1612*. İstanbul, 1993.

Lemercier-Quelquejay Ch. *Les bibliothèques et les archives de Turquie en tant que sources de document sur l'histoire de Russie // CMRS*. 1964. V. I.

Lemercier-Quelquejay Ch. *Une source inédite pour l'histoire de la Russie au XVI-e siècle. Les Registres des Mühimme Defterleri, des Archives du Baş-Vekâlet // CMRS*. T. 8. 1967. № 2.

Lemercier-Quelquejay Ch. *Un condottiere lithuanien du XVI siècle, le prince Dimitrij Vişneveckij et l'origine de la sec zaporogue d'après les archives ottoman // CMRS*. 10/2. 1969.

Lemercier-Quelquejay Ch. *Les khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521 d'après un document inédit des Archives du Musée du Palais de Topkapı // CMRS*. T. 12. 1971. № 4.

Lemercier-Quelquejay Ch. *Les expéditions de Devlet Giray contre Moscou en 1571 et 1572 d'après les documents des Archives Otto-manes // CMRS*. 1972. XIII. 1972. № 4.

Loebl A. *Geschichte des Türkenkriegen von 1593–1609*. Prague, 1899–1904.

Matuz J. *Les Relation étrangères du Khanat de Crimeé (XVI–XVII) // Revue de l'histoire diplomatique*. 1988. № 3–4.

Minorsky V. *Studies in Caucasian History L.*, 1953.

Minorsky V. *Aqquyunlu and Land Reforms // Minorsky V. İranika. Twenty Articles*. Nertford, 1964.

Müller K. Das kaiserliche Gesandtschaftswesen im Jahrhundert nach dem Westfälischen Frieden (1648–1740). Bonn, 1976.

Neşri M. Kitab-i Cihan-nüma. T.I. Ankara, 1949.

Novoselyskiy A.A. XVII. yüzyılın birinci yarısında Moskova devletinin tatarlarla mücadelesi. Ankara, 2011.

Ocak A. Y. Osmanlı Toplumunda Zındıklar ve Mülhidler yahut dairenin düşüne çıkanlar (15–17 yüzyıllar). İstanbul, 1999.

Olson R. W. The Siege of Mosul and Ottoman-persian Relation 1718–1748 // A Study of Rebellion in the Capital and War in the Provinces of the Ottoman Empire. Bloomington, 1975.

Orhonlu C. Osmanlı İmparatorluğunda Aşiretleri İskan Teşebbüsü. İstanbul, 1961.

Ortaylı İ. Studies on Ottoman Transformation. İstanbul, 1990.

Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı. The Documentary legacy of Crimean-Ottoman Relations // Turcica. Revue d'études turques. T. XIX. 1987.

The Ottoman State and its Place in World History. Leiden, 1974.

Özel A. İslâm Hukukunda Ülke Kavramı. Dârülsılam-Dârülharb. İstanbul, 1988.

Öztürk Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600). Ankara, 2000.

Papacostea Ş. Kilia et politique orientale de Sigismund de Luxembourg // Revue Roumaine d'Histoire. Buc., 1976. № 3.

Papacostea Ş. Moldavia état tributaire de l' Empire ottoman au XV siècle // Revue Roumaine d' Histoire. Buc., 1974. № 3.

Papacostea Ş. Venise et les Pays Roumains au Moyen Age // Venezia et il Levante fino secolo XV. Firenze, 1973. V.I. Part. 2.

Podhorodecki L. Chanat Krymski I jego stosunki z Polska w XV–XVIII w. Warszawa, 1987.

Rasmussen K., Die livländische Rise 1554–1561. Copenhagen, 1978.

Refik A. Bahr-i Kazar-Kara Deniz Kanalı ve Ejderkhan Seferi // Tarih-i Osmanî Encümeni Mecmuası, 43. İstanbul, 1917.

Reindl H. Manner um Bayezid. Eine prosopographische Studie über die Epoche Sultan Bayezid II (1481–1512). Berlin, 1983.

Retowski O. Die Münzen der Girei. M., 1905.

Schmidt J. The Eğri campaign of 1596 // Habsburgische-Osmanische Beziehungen. Vienne, 1985.

Schmidt J. Pure water for Thirsty Muslims. A study of Mustafa Ali of Gal-lipolis Künhü l-Ahbar. Leiden, 1991.

Shamiloglu U. The Qaraçi Beys of the later Golden Horde Notes on the Organization of the Mongol World Empire // Archivum Eurasia Medii Aevi. T. 4. Wiesbaden, 1984.

Shamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization of the Golden Horde. Columbia University, 1986.

Schwarz K. Zu den frühen Beziehungen Brandenburg-Preussen zu Tü-rken und Tataren // Jahrbuch Preussischer Kulturbesitz. XXIV. 1987.

Seydi Ali Reis. Mirat ül-Memalik. Istanbul, 1313/1895; Ankara, 1999.

Shaw S. T. Archival sources for Ottoman history. The Archives of Turkey // Journal of the American Oriental Society. 1960. 89/1.

Shaw S. T. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. T. 1. Cambridge (Mass), 1976.

Skorupa D. Stosunki polsko-tatarskie. 1593–1623. Warszawa, 2004.

Spuler B. Europäische Diplomaten in Konstantinopel // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Jahr. 1. Heft 3. 1936.

Spuler B. Die Grenze des Grossfürstentums Litauen in Südosten gegen Turken und Tataren // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. T. 6. Breslaw, 1941.

Spuler B. Die Golden Horde. Die Mongolen in Russland (1223–1502). Leipzig, 1943. Wisbaden, 1965.

Tarih-I Peçevi. İstanbul, 1283 /1866.

Tarih-i Sahib Giray Han. Neşr. Ö. Gokbilgin. Ankara, 1973.

Tardy L., Vasary I. Andrzej Taranowski's Bericht über seine Gesad-schaftsreise in der Tatarei (1569). // AON. T. 28 (2). 1974.

Taeschner F. Das anatolische Wegenatz nach Osmanischen Quellen. Lpz., 1929.

Tietze A. ed. Habsburgisch-Osmanische Beziehungen. Vienn, 1985.

The Travels and Adventures of the Turkish Admiral Sidi Ali Reis in India, Afghanistan, Central Asia and Persia during in Years 1553–1556. L., 1899.

The Turks. V. 2. Middle Ages. Ed. H. Güzel C. Oğuz and O. Karatay. Ankara, 2002.

Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. 4 baskı. Istanbul, 1996.

Unat F. R. Osmanli sefirleri ve sefaretnameleri. Ankara, 1968.

Ürekli M. Kırım Hanlığının kuruluşu ve Osmanlı himayesinde yükselisi (1441–1569). Ankara, 1989.

Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı tarihi. T. I–III /1–2. Ankara, 1947–1954.

Vaşari I, Tardy L. Andrej Taranowskis Bericht über seine Gesandtschaftreise in der Tatarei (1569) // *Acta Orientalia Academia Scientiarum Hungaricae*. 28 (2). 1974.

Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début de la domination ottomane // *Memorial Ömer Lütfi Barkan*. P., 1980.

Veinstein G. L'occupation ottomane d'Ocakov et la problem de la frontière lituano-tatare 1538–1544 // *Passé turco-tatar présent soviétique*. P., 1986.

Veinstein G. Prélude au problem cosaque à trvers les registres du dommages ottomans des années 1545–1555 // *CMRS*. XXX. 3–4. 1989.

Veinstein G. Une lettre de Selim II au roi de Pologne Sigismond-Auguste sur la campagne d'Astrakhan de 1569 // *Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenlandes*. 1992. Bd. 82.

Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkely – Los Angeles – L., 1971.

Vryonis S. Nomadization and Islamization in Asia Mina // *Dumbarton Oaks Papers*. V. 29. 1975.

Woods J.E. The Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire. Minneapolis-Chicago, 1976.

Wurm H. Der osmanische Historiker Hüseyin b. Ga'fer, genannt Hezarfenn, und die İstanbuler Gesellschaft in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Freiburg in Breisgau, 1971.

Zajaczkowski A. La Chronique des Steppes Kiptchak *Tevarih-i Deşt-i Qipcaq* du XVII siècle. Warszawa, 1966.

Zettersteen K. V. Türkische tatarische und persische Urkunden im Schwedischen Reichsarchiv. Uppsala, 1945.

Zinkeisen Y.W. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. T. 2, 3. Gotha, 1851.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России. М., 1846.

ВВ – Византийский временник.

ВГО – Всесоюзное географическое общество.

ВКЛ – Великое княжество Литовское.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.

ИЗ – Исторические записки.

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГАДА – Российский Государственный архив древних актов.

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. СПб.

ТС – Тюркологический сборник.

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских.

АОН – Acta Orientalia Academia Scientiarum Hungaricae.

БОА – Başbakanlık Osmanlı Arşivi.

CMRS – Cahiers du Monde russe et soviétique.

TSM – Topkapı Sarayı Müzesi.

TSMA – Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi.

SUMMARY

This book invites the reader to get an insight into the foreign policy situation across the East European region throughout the 15th – 16th century period, when the post-Golden Horde states began to emerge and evolve the principles governing their mutual relationships. The relations among the regional states were based at that time on a new geopolitical delineation between the land-owning and nomad economic areas as well as the formation of a specific culture of international relations largely relying on the political and ideological heritage of the Golden Horde, Muslim practice underlying the interaction with the Christian world, the experience behind the establishment of the Ottoman Empire, whose territorial interests were not yet restricted or influenced by the European practice in international affairs implemented (not to a perfect degree) by the Northern neighbors of the Turkic world – the Grand Principality of Moscow and the Grand Duchy of Lithuania.

The Crimean Khanate became the vassal of the Ottoman Empire then, inspired by the sense of its own invulnerability, hoping that it would get support from such a powerful state in the event of any difficulty, it was prone to engage in the policy of adventurism, but with a certain dose of caution, as the limits of the vassal permissibility set by the metropolitan Ottoman Empire were not supposed to be breached by the Crimean khans.

Орешкова Светлана Филипповна – кандидат
исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института Востоковедения РАН

Научное издание

ОРЕШКОВА Светлана Филипповна

**КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XV – XVI вв.
(К вопросу о роли османского вассала в политическом
становлении постордынской Восточной Европы)**

Том 2

*Редактор Сидоркина Н. А.
Корректор Сидоркина Н. А.
Верстка Макеева Н. В.
Обложка Моева Д. С.*

Подписано 06.09.2021
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,75. Уч.-изд. л. 16,41
Тираж 500 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ООО “Белый Ветер”
115054, г. Москва, ул. Дубининская, дом. 68, корп. 3, оф. 6
(495)-651-84-56